

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gogolnikolai.ru/> приятного чтения!

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь

Миргород.

Часть первая.

Старосветские помещики.

Я очень люблю скромную жизнь тех уединенных владельцев отдаленных деревень, которых в Малороссии обыкновенно называют старосветскими, которые, как дряхлые живописные домики, хороши своею пестротой и совершенною противоположностью с новым гладеньким строением, которого стен не промыл еще дождь, крыши не покрыла зеленая плеснь, и лишенное щекотурки крыльцо не показывает своих красных кирпичей. Я иногда люблю сойти на минуту в сферу этой необыкновенно уединенной жизни, где ни одно желание не перелетает за частокол, окружающий небольшой дворик, за плетень сада, наполненного яблонями и сливами, за деревенские избы, его окружающие, пошатнувшиеся на сторону, осененные вербами, бузиною и грушами. Жизнь их скромных владельцев так тиха, так тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желания и те беспокойные порождения злого духа, возмущающие мир, вовсе не существуют, и ты их видел только в блестящем, сверкающем сновидении. Я отсюда вижу низенький домик с галлереею из маленьких почернелых деревянных столбиков, идущую вокруг всего дома, чтобы можно было во время грома и града затворить ставни окон, не замочась дождем. За ним душистая черемуха, целые ряды низеньких фруктовых деревьев, потопленных багрянцем вишен и яхонтовым морем слив, покрытых свинцовым матом; развесистый клен, в тени которого разостлан для отдыха ковер; перед домом просторный двор с низенькою свежеею травкою, с протоптанною дорожкой от амбара до кухни и от кухни до барских покоев; длинношейный гусь, пьющий воду с молодыми и нежными, как пух, гусятами; частокол, обвешанный связками сушеных груш и яблок и проветривающимися коврами, воз с дынями, стоящий возле амбара, отпряженный вол, лениво лежащий возле него, – всё это для меня имеет неизъяснимую прелесть, может быть, оттого, что я уже не вижу их и что нам мило всё то, с чем мы в разлуке. Как бы то ни было, но даже тогда, когда бричка моя подъезжала к крыльцу этого домика, душа принимала удивительно приятное и спокойное состояние; лошади весело подкачивали под крыльцо, кучер преспокойно слезал с козел и набивал трубку, как будто бы он приезжал в собственный дом свой; самый лай, который поднимали флегматические барбосы, бровки и жучки, был приятен моим ушам. Но более всего мне нравились самые владельцы этих скромных уголков, старички, старушки, заботливо выходившие навстречу. Их лица мне представляются и теперь иногда в шуме и толпе среди модных фраков, и тогда вдруг на меня находит полусон и мерещится былое. На лицах у них всегда написана такая доброта, такое радушие и чистосердечие, что невольно отказываешься, хотя по крайней мере на короткое время, от всех дерзких мечтаний и незаметно переходишь всеми чувствами в низменную буколическую жизнь.

Я до сих пор не могу позабыть двух старичков прошедшего века, которых, увы! теперь уже нет, но душа моя полна еще до сих пор жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда вообразю себе, что приеду со временем опять на их прежнее, ныне опустелое жилище, и увижу кучу развалившихся хат, заглохший пруд, заросший ров на том месте, где стоял низенький домик – и ничего более. Грустно! мне заранее грустно! Но обратимся к рассказу. Афанасий Иванович Товстогуб и жена его Пульхерия Ивановна Товстогубиха, по выражению окружных мужиков, были те старики, о которых я начал рассказывать. Если бы я был живописец и хотел изобразить на полотне Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избрал другого оригинала, кроме их. Афанасию Ивановичу было шестьдесят лет, Пульхерии Ивановне пятьдесят пять. Афанасий Иванович был высокого роста, ходил всегда в бараньем тулупчике, покрытом камлотом, сидел согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы рассказывал или просто слушал. Пульхерия Ивановна была несколько сурьезна, почти никогда не смеялась; но на лице и в глазах ее было написано столько доброты, столько готовности угостить вас всем, что было у них лучшего, что вы, верно, нашли бы улыбку уже чересчур приторною для ее доброго лица. Легкие морщины на их лицах были расположены с такою приятностию, что художник верно бы украл их. По ним можно было, казалось, читать всю жизнь их, ясную, спокойную жизнь, которую вели старые национальные, простосердечные и вместе богатые фамилии, всегда составляющие противоположность тем низким малороссиянам, которые выдираются из дегтярей, торгашей, наполняют, как саранча, палаты и присутственные места, дерут последнюю копейку с своих же земляков, наводняют Петербург ябедниками, наживают наконец капитал и торжественно прибавляют к фамилии своей, оканчивающейся на о, слог въ. Нет, они не были похожи на этих презренных и жалких творений, так же

как и все малороссийские старинные и коренные фамилии. Нельзя было глядеть без участия на их взаимную любовь. Они никогда не говорили друг другу ты, но всегда вы: вы, Афанасий Иванович; вы, Пульхерия Ивановна. „Это вы продавили стул, Афанасий Иванович?“ – „Ничего, не сердитесь, Пульхерия Ивановна: это я.“ Они никогда не имели детей, и оттого вся привязанность их сосредоточилась в них самих. Когда-то, в молодости, Афанасий Иванович служил в компанейцах, был после секунд-майором, но это уже было очень давно, уже прошло, уже сам Афанасий Иванович почти никогда не вспоминал о нем. Афанасий Иванович женился тридцати лет, когда был молодцом и носил шитый камзол; он даже увез довольно ловко Пульхерию Ивановну, которую родственники не хотели отдать за него; но и об этом уже он очень мало помнил, по крайней мере никогда не говорил о нем. Все эти давние, необыкновенные происшествия давно превратились или заменились спокойной и уединенною жизнью, теми дремлющими и вместе какими-то гармоническими грезами, которые ощущаете вы, сидя на деревенском балконе, обращенном в сад, когда прекрасный дождь роскошно шумит, хлопая по древесным листьям, стекая журчащими ручьями и наговаривая дрему на ваши члены, а между тем радуга крадется из-за деревьев и в виде полуразрушенного свода светит матовыми семью цветами на небе. Или когда укачивает вас коляска, ныряющая между зелеными кустарниками, а степной перепел гремит, и душистая трава вместе с хлебными колосьями и полевыми цветами лезет в дверцы коляски, приятно ударяя вас по рукам и лицу. Он всегда слушал с приятною улыбною гостей, приезжавших к нему, иногда и сам говорил, но более расспрашивал. Он не принадлежал к числу тех стариков, которые надоедают вечными похвалами старому времени или порицаниями нового. Он, напротив, расспрашивая вас, показывал большое любопытство и участие в обстоятельствах вашей собственной жизни, удачах и неудачах, которыми обыкновенно интересуются все добрые старики, хотя оно несколько похоже на любопытство ребенка, который в то время, когда говорит с вами, рассматривает печатку ваших часов. Тогда лицо его, можно сказать, дышало добротою. Комнаты домика, в котором жили наши старички, были маленькие, низеньки, какие обыкновенно встречаются у старосветских людей. В каждой комнате была огромная печь, занимавшая почти треть часть ее. Комнатки эти были ужасно теплы, потому что и Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна очень любили теплоту. Топки их были все проведены в сени, всегда почти до самого потолка наполненные соломою, которую обыкновенно употребляют в Малороссии вместо дров. Треск этой горячей соломы и освещение делают сени чрезвычайно приятными в зимний вечер, когда, прозябнувши от преследования за какой-нибудь брюнеткой, вбегаешь в них, похлопывая ладонями. Стены комнат убраны были несколькими картинами и картинками в старинных узеньких рамах. Я уверен, что сами хозяева давно позабыли их содержание, и если бы некоторые из них были унесены, то они бы, верно, этого не заметили. Два портрета было больших, писанных масляными красками. Один представлял какого-то архиерея, другой Петра III. Из узеньких рам глядела герцогиня Лавальер, обпачканная мухами. Вокруг окон и над дверями находилось множество небольших картинок, которых как-то привыкаешь почитать за пятна на стене и потому их вовсе не рассматриваешь. Пол почти во всех комнатах был глиняный, но так чисто вымазанный и содержался с такою опрятностью, с какою, верно, не содержался ни один паркет в богатом доме, лениво подметаемый невыспавшимся господином в ливрее. Комната Пульхерии Ивановны была вся уставлена сундуками, ящиками, ящичками и сундучками. Множество узелков и мешков с семенами, цветочными, огородными, арбузными, висели по стенам. Множество клубков с разноцветной шерстью, лоскутков старинных платыв, шитых за полстолетия прежде, были уложены по углам в сундуках и между сундучками. Пульхерия Ивановна была большая хозяйка и собирала всё, хотя иногда сама не знала, на что оно потом употребится. Но самое замечательное в доме – были поющие двери. Как только наставало утро, пение дверей раздавалось по всему дому. Я не могу сказать, отчего они пели; перержавевшие ли петли были тому виною, или сам механик, делавший их, скрыл в них какой-нибудь секрет; но замечательно то, что каждая дверь имела свой особенный голос; дверь, ведущая в спальню, пела самым тоненьким дискантом; дверь, ведущая в столовую, хрипела басом; но та, которая была в сенях, издавала какой-то странный дребезжащий и вместе стонущий звук, так что, вслушиваясь в него, очень ясно, наконец, слышалось: батюшки, я зябну! Я знаю, что многим очень не нравится сей звук; но я его очень люблю, и если мне случится иногда здесь услышать скрип дверей, тогда мне вдруг так и запахнет деревнею, низенькой комнаткой, озаренной свечкой в старинном подсвечнике, ужином, уже стоящим на столе, майскою темною ночью, глядящею из сада, сквозь растворенное окно, на стол, уставленный приборами, соловьем, обдающим сад, дом и дальнюю реку своими раскатами, страхом и шорохом ветвей... и боже, какая длинная навеивается мне тогда вереница воспоминаний! Стулья в комнате были деревянные, массивные, какими обыкновенно отличается старина; они были все с высокими выточенными спинками в натуральном виде, без всякого лака и краски; они не были

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
даже обиты материею и были несколько похожи на те стулья, на которые и донны садятся архиереи. Трехугольные столики по углам, четырехугольные перед диваном и зеркалом в тоненьких золотых рамах, выточенных листьями, которых мухи усеяли черными точками, ковер перед диваном с птицами, похожими на цветы, и цветами, похожими на птиц, – вот всё почти убранство невзыскательного домика, где жили мои старики. Девичья была набита молодыми и немолодыми девушками в полосатых исподницах, которым иногда Пульхерия Ивановна давала шить какие-нибудь безделушки и заставляла чистить ягоды, но которые большею частью бегали на кухню и спали. Пульхерия Ивановна почитала необходимостью держать их в доме и строго смотрела за их нравственностью. Но, к чрезвычайному ее удивлению, не проходило нескольких месяцев, чтобы у которой-нибудь из ее девушек стан не делался гораздо полнее обыкновенного; тем более это казалось удивительно, что в доме почти никого не было из холостых людей, выключая разве только комнатного мальчика, который ходил в сером полуфраке с босыми ногами и если не ел, то уж верно спал. Пульхерия Ивановна обыкновенно бранила виновную и наказывала строго, чтобы вперед этого не было. На стеклах окон звенело страшное множество мух, которых всех покрывал толстый бас шмеля, иногда сопровождаемый пронзительными визжаниями ос; но как только подавали свечи, вся эта ватага отправлялась на ночлег и покрывала черною тучею весь потолок.

Афанасий Иванович очень мало занимался хозяйством, хотя впрочем ездил иногда к косарям и жнецам и смотрел довольно пристально на их работу; всё бремя правления лежало на Пульхерии Ивановне. Хозяйство Пульхерии Ивановны состояло в беспрестанном отпирании и запираии кладовой, в солении, сушении, варении бесчисленного множества фруктов и растений. Ее дом был совершенно похож на химическую лабораторию. Под яблонею вечно был разложен огонь; и никогда почти не снимался с железного треножника котел или медный таз с вареньем, желем, пастилою, деланными на меду, в сахаре и не помню еще на чем. Под другим деревом кучер вечно перегонял в медном лембике водку на персиковые листья, на черемуховый цвет, на золототысячник, на вишневые косточки, и к концу этого процесса совершенно не был в состоянии поворотить языком, болтал такой вздор, что Пульхерия Ивановна ничего не могла понять, и отправлялся на кухню спать. Всей этой дряни наваривалось, насоливалось, насушивалось такое множество, что, вероятно, они потопили бы наконец весь двор, потому что Пульхерия Ивановна всегда сверх расчисленного на потребление любила готовить еще на запас, если бы большая половина этого не съедалась дворовыми девками, которые, забираясь в кладовую, так ужасно там объедались, что целый день стонали и жаловались на животы свои. В хлебопашество и прочие хозяйственные статьи вне двора Пульхерия Ивановна мало имела возможности входить. Приказчик, соединившись с войтом, обкрадывали немилосердным образом. Они завели обыкновение входить в господские леса, как в свои собственные, наделявали из них множество саней и продавали их на ближней ярмарке; кроме того, все толстые дубы они продавали на сруб для мельниц соседним козакам. Один только раз Пульхерия Ивановна пожелала обревизировать свои леса. Для этого были запряжены дрожки, с огромными кожаными фартухами, от которых, как только кучер встряхивал возжами и лошади, служившие еще в милиции, трогались с своего места, воздух наполнялся странными звуками, так что вдруг были слышны, и флейта, и бубны и барабан; каждый гвоздик и железная скобка звенели до того, что возле самых мельниц было слышно, как пани выезжала со двора, хотя это расстояние было не менее двух верст. Пульхерия Ивановна не могла не заметить страшного опустошения в лесу и потери тех дубов, которых она еще в детстве знавала столетними.

„Отчего это у тебя, Ничипор“, сказала она, обратясь к своему приказчику, тут же находившемуся: „дубки сделались так редкими? Гляди, чтобы у тебя волосы не были редки.“

„Отчего редки?“ говаривал обыкновенно приказчик: „пропали! Так-таки совсем пропали: и громом побил, и черви проточили – пропали, пани, пропали.“

Пульхерия Ивановна совершенно удовлетворялась этим ответом и, приехавши домой, давала повеление удвоить только стражу в саду около шпанских вишен и больших зимних дулей. Эти достойные правители, приказчик и войт, нашли вовсе излишним привозить всю муку в барские амбары; а что с бар будет довольно и половины; наконец и эту половину привозили они заплесневшую или подмоченную, которую обраковали на ярмарке. Но сколько ни обкрадывали приказчик и войт, как ни ужасно жрали все в дворе, начиная от ключницы до свиней, которые истребляли страшное множество слив и яблок, и часто собственною мордою толкали дерево, чтобы стряхнуть с него целый дождь фруктов, сколько ни клевали их воробьи и вороны,

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
сколько вся дворня ни носила гостинцев своим кумовьям в другие деревни и даже таскала из амбаров старые полотна и пряжу, что всё обращалось к всемирному источнику, т. е. к шинку, сколько ни крали гости, флегматические кучера и лакеи, – но благословенная земля производила всего в таком множестве, Афанасию Ивановичу и Пульхерии Ивановне так мало было нужно, что все эти страшные хищения казались вовсе незаметными в их хозяйстве.

Оба старички, по старинному обычаю старосветских помещиков, очень любили покушать. Как только занималась заря (они всегда вставали рано) и двери заводили свой разногласный концерт, они уже сидели за столиком и пили кофий. Напившись кофеем, Афанасий Иванович выходил в сени и, стряхнув платком, говорил: „Киш, киш! пошли, гуси, с крыльца!“ На дворе ему обыкновенно попадался приказчик. Он, по обыкновению, вступал с ним в разговор, расспрашивал о работах, с величайшею подробностью, и такие сообщал ему замечания и приказания, которые удивили бы всякого необыкновенным познанием хозяйства, и какой-нибудь новичок не осмелился бы и подумать о том, чтобы можно было украсть у такого зоркого хозяина. Но приказчик его был обстрелянная птица: он знал, как нужно отвечать, а еще более, как нужно хозяйничать.

После этого Афанасий Иванович возвращался в покои и говорил, приблизившись к Пульхерии Ивановне: „А что, Пульхерия Ивановна, может быть, пора закусить чего-нибудь.“

„Чего же бы теперь, Афанасий Иванович, закусить? Разве коржиков с салом, или пирожков с маком, или, может быть, рыжиков соленых?“

„Пожалуй, хоть и рыжиков, или пирожков“, отвечал Афанасий Иванович, и на столе вдруг являлась скатерть с пирожками и рыжиками.

За час до обеда Афанасий Иванович закушивал снова, выпивал старинную серебряную чарку водки, заедал грибами, разными сушеными рыбками и прочим. Обедать садились в двенадцать часов. Кроме блюд и соусников, на столе стояло множество горшечков с замазанными крышками, чтобы не могло выдохаться какое-нибудь аппетитное изделие старинной вкусной кухни. За обедом обыкновенно шел разговор о предметах самых близких к обеду.

„Мне кажется, как будто эта каша“, говаривал обыкновенно Афанасий Иванович, „немного пригорела; вам этого не кажется, Пульхерия Ивановна?“

„Нет, Афанасий Иванович; вы положите побольше масла, тогда она не будет казаться пригорелю, или вот возьмите этого соуса с грибами и подлейте к ней.“

„Пожалуй“, говорил Афанасий Иванович и подставлял свою тарелку: „попробуем, как оно будет.“

После обеда Афанасий Иванович шел отдохнуть один часик, после чего Пульхерия Ивановна приносила разрезанный арбуз и говорила: „Вот попробуйте, Афанасий Иванович, какой хороший арбуз.“

„Да вы не верьте, Пульхерия Ивановна, что он красный в середине“, говорил Афанасий Иванович, принимая порядочный ломоть: „бывает что и красный, да нехороший.“

Но арбуз немедленно исчезал. После этого Афанасий Иванович съедал еще несколько груш и отправлялся погулять по саду вместе с Пульхерией Ивановной. Пришедши домой, Пульхерия Ивановна отправлялась по своим делам, а он садился под навесом, обращенным к двору, и глядел, как кладовая беспрестанно показывала и закрывала свою внутренность, и девки, толкая одна другую, то вносили, то выносили кучу всякого дрязгу в деревянных ящиках, решетках, ночевках и в прочих фруктохранилищах. Немного погодя он посылал за Пульхерией Ивановной, или сам отправлялся к ней и говорил: „чего бы такого поесть мне, Пульхерия Ивановна?“

„Чего же бы такого?“ говорила Пульхерия Ивановна: „разве я пойду скажу, чтобы вам принесли вареников с ягодами, которых приказала я нарочно для вас оставить?“

„И то добре“, отвечал Афанасий Иванович.

„Или может быть, вы съели бы киселику?“

„И то хороше“, отвечал Афанасий Иванович. После чего всё это немедленно было приносимо и, как водится, было съедано.

Перед ужином Афанасий Иванович еще кое-чего закушивал. В половине десятого садились ужинать. После ужина тотчас отправлялись опять спать, и всеобщая тишина водворялась в этом деятельном и вместе спокойном уголке. Комната, в которой спали Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна, была так жарка, что редкий был бы в состоянии остаться в ней несколько часов. Но Афанасий Иванович еще сверх того, чтобы было теплее, спал на лежанке, хотя сильный жар часто заставлял его несколько раз вставать среди ночи и прохаживаться по комнате. Иногда Афанасий Иванович, ходя по комнате, стонал.

Тогда Пульхерия Ивановна спрашивала: „чего вы стонете, Афанасий Иванович?“

„Бог его знает, Пульхерия Ивановна, так как будто немного живот болит“, говорил Афанасий Иванович.

„Может быть, вы бы чего-нибудь съели, Афанасий Иванович?“

„Не знаю, будет ли оно хорошо, Пульхерия Ивановна! впрочем, чего ж бы такого съесть?“

„Кислого молочка, или жиденского узвару с сушеными грушами.“

„Пожалуй, разве так только попробовать“, говорил Афанасий Иванович. Сонная девка отправлялась рыться по шкафам, и Афанасий Иванович съедал тарелочку; после чего он обыкновенно говорил: „теперь так как будто сделалось легче.“

Иногда, если было ясное время и в комнатах довольно тепло натоплено, Афанасий Иванович, развеселившись, любил пошутить над Пульхериею Ивановною и поговорить о чем-нибудь постороннем.

„А что, Пульхерия Ивановна“, говорил он: „если бы вдруг загорелся дом наш, куда бы мы делись?“

„Вот это боже сохрани!“ говорила Пульхерия Ивановна, крестясь.

„Ну, да положим, что дом наш сгорел, куда бы мы перешли тогда?“

„Бог знает, что вы говорите, Афанасий Иванович! как можно, чтобы дом мог сгореть: бог этого не попустит.“

„Ну, а если бы сгорел?“

„Ну, тогда бы мы перешли в кухню. Вы бы заняли на время ту комнатку, которую занимает ключница.“

„А если бы и кухня сгорела?“

„Вот пусть бог сохранит от такого попущения, чтобы вдруг и дом, и кухня сгорели! Ну, тогда бы в кладовую, покамест выстроился бы новый дом.“

„А если бы и кладовая сгорела?“

„Бог знает, что вы говорите! я и слушать вас не хочу! Грех это говорить, и бог наказывает за такие речи.“

Но Афанасий Иванович, довольный тем, что подшутил над Пульхериею Ивановною, улыбался, сидя на своем стуле.

Но интереснее всего казались для меня старички в то время, когда бывали у них гости. Тогда всё в их доме принимало другой вид. Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. Всё, что у них ни было лучшего, всё это выносилось. Они наперерыв старались угостить вас всем, что только производило их хозяйство. Но более всего приятно мне было то, что во всей их услужливости не было никакой приторности. Это радушие и готовность так кротко выражались на их лицах, так шли к ним, что поневоле соглашался на их просьбы. Они были следствие чистой, ясной

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru простоты их добрых, бесхитростных душ. Это радушие вовсе не то, с каким угощает вас чиновник казенной палаты, вышедший в люди вашими стараниями, называющий вас благодетелем и ползающий у ног ваших. Гость никаким образом не был отпущаем того же дни: он должен был непременно переночевать.

„Как можно такую позднюю порою отправляться в такую дальнюю дорогу!“ всегда говорила Пульхерия Ивановна (гость обыкновенно жил в трех или в четырех от них верстах).

„Конечно“, говорил Афанасий Иванович: „неравно всякого случая: нападут разбойники или другой недобрый человек.“

„Пусть бог милует от разбойников!“ говорила Пульхерия Ивановна. „И к чему рассказывать эдакое на ночь. Разбойники не разбойники; а время темное, не годится совсем ехать. Да и ваш кучер, я знаю вашего кучера, он такой тендитный да маленький, его всякая кобыла побьет; да притом теперь он уже, верно, наклюкался и спит где-нибудь.“

И гость должен был непременно остаться; но, впрочем, вечер в низенькой теплой комнате, радушный, греющий и усыпляющий рассказ, несущийся пар от поданного на стол кушанья, всегда питательного и мастерски сготовленного, бывает для него наградою. Я вижу как теперь, как Афанасий Иванович согнувшись сидит на стуле с всегдашнею своею улыбкой и слушает со вниманием и даже наслаждением гостя! Часто речь заходила и об политике. Гость, тоже весьма редко выезжавший из своей деревни, часто с значительным видом и таинственным выражением лица выводил свои догадки и рассказывал, что француз тайно согласился с англичанином выпустить опять на Россию Бонапарта, или просто рассказывал о предстоящей войне, и тогда Афанасий Иванович часто говорил, как будто не глядя на Пульхерию Ивановну:

„Я сам думаю пойти на войну; почему ж я не могу итти на войну?“

„Вот уже и пошел!“ прерывала Пульхерия Ивановна. „Вы не верьте ему“, говорила она, обращаясь к гостю. „Где уже ему старому итти на войну! Его первый солдат застрелит! Ей богу, застрелит! Вот так-таки прицелится и застрелит.“

„Что ж“, говорил Афанасий Иванович: „и я его застрелю.“

„Вот слушайте только, что он говорит!“ подхватывала Пульхерия Ивановна: „куда ему итти на войну! И пистолы его давно уже заржавели и лежат в коморе. Если б вы их видели: там такие, что прежде еще нежели выстрелят, разорвет их порохом. И руки себе поотбивает и лицо искалечит и навеки несчастным останется!“

„Что ж“, говорил Афанасий Иванович: „я куплю себе новое вооружение. Я возьму саблю или козацкую пику.“

„Это всё выдумки. Так вот вдруг придет в голову и начнет рассказывать“, подхватывала Пульхерия Ивановна с досадою. „Я и знаю, что он шутит, но всё-таки неприятно слушать. Вот этакое он всегда говорит, иной раз слушаешь, слушаешь, да и страшно станет.“

Но Афанасий Иванович, довольный тем, что несколько напугал Пульхерию Ивановну, смеялся, сидя согнувшись на своем стуле.

Пульхерия Ивановна для меня была занимательнее всего тогда, когда подводила гостя к закуске. „Вот это“, говорила она, снимая пробку с графина: „водка, настоенная на деревий и шалфей. Если у кого болят лопатки или поясница, то она очень помогает. Вот это на золототысячник: если в ушах звенит и по лицу лишай делаются, то очень помогает. А вот эта перегнанная на персиковые косточки, вот возьмите рюмку, какой прекрасный запах. Если как-нибудь, вставая с кровати, ударится кто об угол шкапа или стола, и набезит на лбу гугля, то стоит только одну рюмочку выпить перед обедом – и всё как рукой снимет, в ту же минуту всё пройдет, как будто вовсе не бывало.“ После этого такой перечень следовал и другим графинам, всегда почти имевшим какие-нибудь целебные свойства. Нагрузивши гостя всюю этою аптекою, она подводила его ко множеству стоявших тарелок. „Вот это грибки с чебрецом! это с гвоздиками и волошскими орехами; солить их выучила меня туркенья, в то время, когда еще турки были у нас в плену. Такая была добрая туркенья и не заметно совсем, чтобы турецкую веру исповедывала. Так совсем и ходит почти, как у нас; только свинины не ела: говорит, что у них как-то там в

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
законе запрещено. Вот это грибки с смородиновым листом и мушкатным орехом! А вот это большие травянки: я их еще в первый раз мариновала; не знаю, каковы-то они; я узнала секрет от отца Ивана. В маленькой кадучке прежде всего нужно разостлать дубовые листья и потом посыпать перцем и селитрою и положить еще, что бывает на нечуйвитере, цвет, так этот цвет взять и хвостиками разостлать вверх. А вот это пирожки! это пирожки с сыром! это с урдою! а вот это те, которые Афанасий Иванович очень любит, с капустою и гречневого кашею.“

„Да“, прибавлял Афанасий Иванович: „я их очень люблю; они мягкие и немножко кисленькие.“

Вообще Пульхерия Ивановна была чрезвычайно в духе, когда бывали у них гости. Добрая старушка! Она вся была отдана гостям. Я любил бывать у них и хотя объедался страшным образом, как и все, гостившие у них, хотя мне это было очень вредно, однако ж я всегда бывал рад к ним ехать. Впрочем, я думаю, что не имеет ли самый воздух в Малороссии какого-то особенного свойства, помогающего пищеварению, потому что если бы здесь вздумал кто-нибудь таким образом накушаться, то, без сомнения, вместо постели, очутился бы лежащим на столе.

Добрые старички! Но повествование мое приближается к весьма печальному событию, изменившему навсегда жизнь этого мирного уголка. Событие это покажется тем более разительным, что произошло от самого маловажного случая. Но по странному устройству вещей, всегда ничтожные причины рождали великие события и, наоборот, великие предприятия оканчивались ничтожными следствиями. Какой-нибудь завоеватель собирает все силы своего государства, воюет несколько лет, полководцы его прославляются, и наконец всё это оканчивается приобретением клочка земли, на котором негде посеять картофеля; а иногда, напротив, два какие-нибудь колбасника двух городов подерутся между собою за вздор, и ссора объемлет наконец города, потом веси и деревни, а там и целое государство. Но оставим эти рассуждения: они не идут сюда. Притом я не люблю рассуждений, когда они остаются только рассуждениями.

У Пульхерии Ивановны была серенькая кошечка, которая всегда почти лежала, свернувшись клубком, у ее ног. Пульхерия Ивановна иногда ее гладила и щекотала пальцем по ее шейке, которую балованная кошечка вытягивала как можно выше. Нельзя сказать, чтобы Пульхерия Ивановна слишком любила ее, но просто привязалась к ней, привыкнув ее всегда видеть. Афанасий Иванович однако ж часто подшучивал над такою привязанностию.

„Я не знаю, Пульхерия Ивановна, что вы такого находите в кошке. На что она? Если бы вы имели собаку, тогда бы другое дело: собаку можно взять на охоту, а кошка на что?“

„Уж молчите, Афанасий Иванович“, говорила Пульхерия Ивановна: „вы любите только говорить и больше ничего. Собака нечистоплотная, собака нагадит, собака перебьет всё, а кошка тихое творение, она никому не сделает зла.“

Впрочем, Афанасию Ивановичу было всё равно, что кошки, что собаки; он для того только говорил так, чтобы немножко подшутить над Пульхерией Ивановной.

За садом находился у них большой лес, который был совершенно пощажен предприимчивым приказчиком, может быть оттого, что стук топора доходил бы до самых ушей Пульхерии Ивановны. Он был глух, запущен, старые древесные стволы были закрыты разросшимся орешником и походили на мохнатые лапы голубей. В этом лесу обитали дикие коты. Лесных диких котов не должно смешивать с теми удалъцами, которые бегают по крышам домов. Находясь в городах, они, несмотря на крутой нрав свой, гораздо более цивилизованы, нежели обитатели лесов. Это, напротив того, большею частию народ мрачный и дикий; они всегда ходят тощие, худые, мяукают грубым, необработанным голосом. Они подрываются иногда подземным ходом под самые амбары и крадут сало, являются даже в самой кухне, прыгнувши внезапно в растворенное окно, когда заметят, что повар пошел в бурьян. Вообще никакие благородные чувства им не известны; они живут хищничеством и душат маленьких воробьев в самых их гнездах. Эти коты долго обнюхивались сквозь дыру под амбаром с кроткою кошечкою Пульхерии Ивановны и наконец подманили ее, как отряд солдат подманивает глупую крестьянку. Пульхерия Ивановна заметила пропажу кошки, послала искать ее, но кошка не находилась. Прошло три дня; Пульхерия Ивановна пожалела, наконец вовсе о ней позабыла. В один день, когда она ревизировала свой огород и возвращалась с вырванными своею рукою зелеными

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru свежими огурцами для Афанасия Ивановича, слух ее был поражен самым жалким мяуканьем. Она, как будто по инстинкту, произнесла: кис, кис! и вдруг из бурьяна вышла ее серенькая кошка, худая, тощая; заметно было, что она несколько уже дней не брала в рот никакой пищи. Пульхерия Ивановна продолжала звать ее, но кошка стояла перед нею, мяукала и не смела подойти близко; видно было, что она очень одичала с того времени. Пульхерия Ивановна пошла вперед, продолжая звать кошку, которая боязливо шла за нею до самого забора. Наконец, увидевши прежние, знакомые места, вошла и в комнату. Пульхерия Ивановна тотчас приказала подать ей молока и мяса и, сидя перед нею, наслаждалась жадностью бедной своей фаворитки, с какою она глотала кусок за куском и хлебала молоко. Серенькая беглянка почти в глазах ее растолстела и ела уже не так жадно. Она протянула руку, чтобы погладить ее, но неблагодарная, видно, уже слишком свыклась с хищными котами, или набралась романических правил, что бедность при любви лучше палат, а коты были голы, как соколы; как бы то ни было, она выпрыгнула в окошко, и никто из дворовых не мог поймать ее.

Задумалась старушка: „Это смерть моя приходила за мною!“ сказала она сама в себе, и ничто не могло ее рассеять. Весь день она была скучна. Напрасно Афанасий Иванович шутил и хотел узнать, отчего она так вдруг загрустила: Пульхерия Ивановна была безответна, или отвечала совершенно не так, чтобы можно было удовлетворить Афанасия Ивановича. На другой день она заметно похудела.

„Что это с вами, Пульхерия Ивановна? Уж не больны ли вы?“

„Нет, я не больна, Афанасий Иванович! Я хочу вам объявить одно особенное происшествие: я знаю, что я этого лета умру: смерть моя уже приходила за мною!“

Уста Афанасия Ивановича как-то болезненно искривились. Он хотел однако ж победить в душе своей грустное чувство и улыбнувшись сказал: „Бог знает, что вы говорите, Пульхерия Ивановна! Вы, верно, вместо декохта, что часто пьете, выпили персиковой.“

„Нет, Афанасий Иванович, я не пила персиковой“, сказала Пульхерия Ивановна.

И Афанасию Ивановичу сделалось жалко, что он так пошутил над Пульхерией Ивановной, и он смотрел на нее, и слеза повисла на его реснице.

„Я прошу вас, Афанасий Иванович, чтобы вы исполнили мою волю“, сказала Пульхерия Ивановна. „Когда я умру, то похороните меня возле церковной ограды. Платье наденьте на меня серенькое, то, что с небольшими цветочками по коричневому полю. Атласного платья, что с малиновыми полосками, не надевайте на меня: мертвой уже не нужно платье. На что оно ей? А вам оно пригодится: из него сошьете себе парадный халат на случай когда приедут гости, то чтобы можно было вам прилично показаться и принять их.“

„Бог знает, что вы говорите, Пульхерия Ивановна!“ говорил Афанасий Иванович: „когда-то еще будет смерть, а вы уже страшаете такими словами.“

„Нет, Афанасий Иванович, я уже знаю, когда моя смерть. Вы однако ж не горюйте за мною: я уже старуха, и довольно пожила, да и вы уже стары, мы скоро увидимся на том свете.“

Но Афанасий Иванович рыдал, как ребенок.

„Грех плакать, Афанасий Иванович! Не грешите и бога не гневите своею печалью. Я не жалею о том, что умираю. Об одном только жалею я (тяжелый вздох прервал на минуту речь ее): я жалею о том, что не знаю, на кого оставить вас, кто присмотрит за вами, когда я умру. Вы как дитя маленькое: нужно, чтобы любило вас то, которое будет ухаживать за вами.“ При этом на лице ее выразилась такая глубокая, такая сокрушительная сердечная жалость, что я не знаю, мог ли бы кто-нибудь в то время глядеть на нее равнодушно.

„Смотри мне, Явдоха“, говорила она, обращаясь к ключнице, которую нарочно велела позвать: „когда я умру, чтобы ты глядела за паном, чтобы берегла его, как глаза своего, как свое родное дитя. Гляди, чтобы на кухне готовилось то, что он любит. Чтобы белье и платье ты ему подавала всегда чистое; чтобы, когда гости случатся, ты принарядила его прилично, а то пожалуй он иногда выйдет в старом халате, потому что и теперь часто позабывает он, когда бывает праздничный день, а когда

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
будничным. Не своди с него глаз, Явдоха, я буду молиться за тебя на том свете, и бог наградит тебя. Не забывай же, Явдоха, ты уже стара, тебе не долго жить, не набирай греха на душу. Когда же не будешь за ним присматривать, то не будет тебе счастья на свете. Я сама буду просить бога, чтобы не давал тебе благополучной кончины. И сама ты будешь несчастна, и дети твои будут несчастны, и весь род ваш не будет иметь ни в чем благословения божия.“

Бедная старушка! она в то время не думала ни о той великой минуте, которая ее ожидает, ни о душе своей, ни о будущей своей жизни; она думала только о бедном своем спутнике, с которым провела жизнь и которого оставляла сирым и бесприютным. Она с необыкновенною расторопностью распорядилась всё таким образом, чтобы после нее Афанасий Иванович не заметил ее отсутствия. Уверенность ее в близкой своей кончине так была сильна, и состояние души ее так было к этому настроено, что действительно чрез несколько дней она слегла в постель и не могла уже принимать никакой пищи. Афанасий Иванович весь превратился во внимательность и не отходил от ее постели. „Может быть, вы чего-нибудь бы покушали, Пульхерия Ивановна?“ говорил он, с беспокойством смотря в глаза ей. Но Пульхерия Ивановна ничего не говорила. Наконец, после долгого молчания, как-будто хотела она что-то сказать, пошевелила губами – и дыхание ее улетело.

Афанасий Иванович был совершенно поражен. Это так казалось ему дико, что он даже не заплакал. Мутными глазами глядел он на нее, как бы не зная всего значения трупа.

Покойницу положили на стол, одели в то самое платье, которое она сама назначила, сложили ей руки крестом, дали в руки восковую свечу – он на всё это глядел бесчувственно. Множество народа всякого звания наполнило двор, множество гостей приехало на похороны, длинные столы расставлены были по двору, кутья, наливки, пироги лежали кучами, гости говорили, плакали, глядели на покойницу, рассуждали о ее качествах, смотрели на него; но он сам на всё это глядел странно. Покойницу понесли наконец, народ повалил следом, и он пошел за нею; священники были в полном облачении, солнце светило, грудные ребенки плакали на руках матерей, жаворонки пели, дети в рубашенках бегали и резвились по дороге. Наконец гроб поставили над ямой, ему велели подойти и поцеловать в последний раз покойницу: он подошел, поцеловал, на глазах его показались слезы, но какие-то бесчувственные слезы. Гроб опустили, священник взял заступ и первый бросил горсть земли, густой протяжный хор дьячка и двух понамарей пропел вечную память под чистым безоблачным небом, работники принялись за заступы, и земля уже покрыла и сравняла яму, – в это время он пробрался вперед; все расступились, дали ему место, желая знать его намерение. Он поднял глаза свои, посмотрел смутно и сказал: „Так вот это вы уже и погребли ее! зачем?!..“ Он остановился и не докончил своей речи.

Но когда возвратился он домой, когда увидел, что пусто в его комнате, что даже стул, на котором сидела Пульхерия Ивановна, был вынесен – он рыдал, рыдал сильно, рыдал неутешно, и слезы, как река, лились из его тусклых очей.

Пять лет прошло с того времени. Какого горя не уносит время? Какая страсть уцелеет в неровной битве с ним? Я знал одного человека в цвете юных еще сил, исполненного истинного благородства и достоинств, я знал его влюбленным нежно, страстно, бешено, дерзко, скромно, и при мне, при моих глазах почти, предмет его страсти – нежная, прекрасная, как ангел – была поражена ненасытною смертью. Я никогда не видал таких ужасных порывов душевного страдания, такой бешеной палящей тоски, такого пожирающего отчаяния, какие волновали несчастного любовника. Я никогда не думал, чтобы мог человек создать для себя такой ад, в котором ни тени, ни образа и ничего, что бы сколько-нибудь походило на надежду... Его старались не выпускать с глаз; от него спрятали все орудия, которыми бы он мог умертвить себя. Две недели спустя, он вдруг победил себя: начал смеяться, шутить; ему дали свободу и первое, на что он употребил ее, это было – купить пистолет. В один день внезапно раздавшийся выстрел перепугал ужасно его родных. Они вбежали в его комнату и увидели его распростертого с раздробленным черепом. Врач, случившийся тогда, об искусстве которого гремела всеобщая молва, увидел в нем признаки существования, нашел рану не совсем смертельною, и он, к изумлению всех, был вылечен. Присмотр за ним увеличили еще более. Даже за столом не клали возле его ножа и старались удалить всё, чем бы мог он себя ударить; но он в скором времени нашел новый случай и бросился под колеса проезжавшего экипажа. Ему растрошило руку и ногу; но он опять был вылечен. Год после этого я видел его в одном многолюдном зале: он сидел за столом, весело говорил: петит-уверт,

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
закрывши одну карту, и за ним стояла, облокотившись на спинку его стула,
молоденькая жена его, перебирая его марки.

По истечении сказанных пяти лет после смерти Пульхерии Ивановны, я, будучи в тех местах, заехал в хуторок Афанасия Ивановича навестить моего старинного соседа, у которого когда-то приятно проводил день и всегда обедался лучшими изделиями радушной хозяйки. Когда я подъехал ко двору, дом мне показался вдвое старше, крестьянские избы совсем легли на-бок, без сомнения, так же, как и владельцы их; частокол и плетень в дворе были совсем разрушены, и я видел сам, как кухарка выдергивала из него палки для затопки печи, тогда как ей нужно было сделать два шага лишних, чтобы достать тут же наваленного хвороста. Я с грустью подъехал к крыльцу, те же самые барбосы и бровки, уже слепые, или с перебитыми ногами, залаяли, поднявши вверх свои волнистые, обвешанные репейниками, хвосты. Навстречу вышел старик. Так это он! я тотчас же узнал его; но он согнулся уже вдвое против прежнего. Он узнал меня и приветствовал с тою же знакомою мне улыбкою. Я вошел за ним в комнаты; казалось, всё было в них попрежнему; но я заметил во всем какой-то странный беспорядок, какое-то ощутительное отсутствие чего-то; словом, я ощутил в себе те странные чувства, которые одолевают нами, когда мы вступаем первый раз в жилище вдовца, которого прежде знали нераздельным с подругою, сопровождавшею его всю жизнь. Чувства эти бывают похожи тогда, когда видим перед собою того человека, которого всегда знали здоровым, без ноги. Во всем видно было отсутствие заботливой Пульхерии Ивановны: за столом подали один нож без колодочки; блюда уже не были приготовлены с таким искусством. О хозяйстве я не хотел и спросить, боялся даже и взглянуть на хозяйственные заведения.

Когда мы сели за стол, девка завязала Афанасия Ивановича салфеткою, и очень хорошо сделала, потому что без того он бы весь халат свой запачкал соусом. Я старался его чем-нибудь занять и рассказывал ему разные новости, он слушал с тою же улыбкою, но по временам взгляд его был совершенно бесчувствен, и мысли в нем не разбродились, но исчезали. Часто поднимал он ложку с кашею, вместо того, чтобы подносить ко рту, подносил к носу, вилку свою, вместо того, чтобы вонзить в кусок цыпленка, он тыкал в графин, и тогда девка, взявши его за руку, наводила на цыпленка. Мы иногда ожидали по несколько минут следующего блюда. Афанасий Иванович уже сам замечал это и говорил: „Что это так долго не несут кушанья?“ Но я видел сквозь щель в дверях, что мальчик, разносивший нам блюда, вовсе не думал о том и спал, свесивши голову на скамью.

„Вот это то кушанье“, сказал Афанасий Иванович, когда, подали нам мнишки со-сметаню, „это то кушанье“, продолжал он, и я заметил, что голос его начал дрожать и слеза готовилась выглянуть из его свинцовых глаз, но он собирал все усилия, желая удержать ее. „Это то кушанье, которое по... по... покой... покойни...“ и вдруг брызнул слезами. Рука его упала на тарелку, тарелка опрокинулась, полетела и разбилась, соус залил его всего; он сидел бесчувственно, бесчувственно держал ложку, и слезы, как ручей, как немолчно точущий фонтан, лились, лились ливмя на застилавшую его салфетку.

Боже! думал я, глядя на него: пять лет всеистребляющего времени – старик уже бесчувственный, старик, которого жизнь, казалось, ни разу не возмущало ни одно сильное ощущение души, которого вся жизнь, казалось, состояла только из сидения на высоком стуле, из ядения сушеных рыбок и груш, из добродушных рассказов – и такая долгая, такая жаркая печаль? Что же сильнее над нами: страсть или привычка? Или все сильные порывы, весь вихорь наших желаний и кипящих страстей – есть только следствие нашего яркого возраста, и по тому одному только кажутся глубоки и сокрушительны? Что бы ни было, но в это время мне казались детскими все наши страсти против этой долгой, медленной, почти бесчувственной привычки. Несколько раз силился он выговорить имя покойницы, но на половине слова спокойное и обыкновенное лицо его судорожно исковеркивалось, и плач дитяти поражал меня в самое сердце. Нет, это не те слезы, на которые обыкновенно так щедры старички, представляющие вам жалкое свое положение и несчастья: это были также не те слезы, которые они роняют за стаканом пуншу; нет! это были слезы, которые текли, не спрашиваясь, сами собою, накопляясь от едкости боли уже охладевшего сердца.

Он не долго после того жил. Я недавно услышал об его смерти. Странно однако же то, что обстоятельства кончины его имели какое-то сходство с кончиною Пульхерии Ивановны. В один день Афанасий Иванович решился немного пройтись по саду. Когда он медленно шел по дорожке с обыкновенною своею беспечною, вовсе не имея

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
никакой мысли, с ним случилось странное происшествие. Он вдруг услышал, что позади его произнес кто-то довольно явственным голосом: Афанасий Иванович! Он оборотился, но никого совершенно не было, посмотрел во все стороны, заглянул в кусты – нигде никого. День был тих, и солнце сияло. Он на минуту задумался; лицо его как-то оживилось, и он, наконец, произнес: „Это Пульхерия Ивановна зовет меня!“ Вам, без сомнения, когда-нибудь случалось слышать голос, называющий вас по имени, который простолюдимы объясняют так: что душа стосковалась за человеком и призывает его; после которого следует неминуемо смерть. Признаюсь, мне всегда был страшен этот таинственный зов. Я помню, что в детстве я часто его слышал: иногда вдруг позади меня кто-то явственно произносил мое имя. День обыкновенно в это время был самый ясный и солнечный; ни один лист в саду на дереве не шевелился, тишина была мертвая, даже кузнечик в это время переставал, ни души в саду; но, признаюсь, если бы ночь самая бешеная и бурная, со всем адом стихий, настигла меня одного среди непроходимого леса, я бы не так испугался ее, как этой ужасной тишины, среди безоблачного дня. Я обыкновенно тогда бежал с величайшим страхом и занимавшимся дыханием из сада, и тогда только успокоивался, когда попадался мне навстречу какой-нибудь человек, вид которого изгонял эту страшную сердечную пустыню.

Он весь покорился своему душевному убеждению, что Пульхерия Ивановна зовет его; он покорился с волею послушного ребенка, сохнул, кашлял, таял, как свечка, и наконец угас так, как она, когда уже ничего не осталось, что бы могло поддержать бедное ее пламя. „Положите меня возле Пульхерии Ивановны“, вот всё, что произнес он перед своею кончиною.

Желание его исполнили и похоронили возле церкви, близ могилы Пульхерии Ивановны. Гостей было меньше на похоронах, но простого народа и нищих было такое же множество. Домик барский уже сделался вовсе пуст. Предприимчивый приказчик вместе с войтом перетащили в свои избы все остававшиеся старинные вещи и рухлядь, которую не могла утащить ключница. Скоро приехал, неизвестно откуда, какой-то дальний родственник, наследник имения, служивший прежде поручиком, не помню в каком полку, страшный реформатор. Он увидел тотчас величайшее расстройство и упущение в хозяйственных делах; всё это решил он непременно искоренить, исправить и ввести во всем порядок. Накупил шесть прекрасных английских серпов, приколотил к каждой избе особенный номер, и наконец так хорошо распорядился, что имение через шесть месяцев взято было в опеку. Мудрая опека (из одного бывшего заседателя и какого-то штабс-капитана в полинялом мундире) перевела в непродолжительное время все куры и яйца. Избы, почти совсем лежавшие на земле, развалились вовсе; мужики распьянствовались и стали большею частью числиться в бегах. Сам же настоящий владетель, который, впрочем, жил довольно мирно с своею опекою и пил вместе с нею пунш, приезжал очень редко в свою деревню и проживал не долго. Он до сих пор ездит по всем ярмаркам в Малороссии; тщательно осведомляется и применяется к ценам на разные большие произведения, продающиеся оптом, как-то: муку, пеньку, мед и прочее, но покупает только небольшие безделушки, как-то: кремешки, гвоздь прочищать трубку и вообще всё то, что не превышает всем оптом своим цены одного рубля.

Тарас Бульба*

„А поворотись-ка, сын! Экой ты смешной какой! Что это на вас за поповские подрясники? И эдак все ходят в академии?“ Такими словами встретил старый Бульба двух сыновей своих, учившихся в киевской бурсе и приехавших уже на дом к отцу.

Сыновья его только что слезли с коней. Это были два дюжие молодца, еще смотревшие исподлобья, как недавно выпущенные семинаристы. Крепкие, здоровые лица их были покрыты первым пухом волос, которого еще не касалась бритва. Они были очень смущены таким приемом отца и стояли неподвижно, потупив глаза в землю.

„Стойте, стойте! Дайте мне разглядеть вас хорошенько“, продолжал он, поворачивая их: „какие же длинные на вас свитки! [1] Экие свитки! Таких свиток еще и на свете не было. А побегу который-нибудь из вас! я посмотрю, не шлепнется ли он на землю, запутавшись в полы.“

„Не смейся, не смейся, батьку!“ сказал, наконец, старший из них.

„Смотри ты, какой пышный! А отчего ж бы не смеяться?“

„Да так, хоть ты мне и батько, а как будешь смеяться, то, ей-богу, поколочу!“

„Ах, ты, сякой-такой сын! Как, батька?..“ сказал Тарас Бульба, отступивши с удивлением несколько шагов назад.

„Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого.“

„Как же хочешь ты со мною биться? разве на кулаки?“

„Да уж на чем бы то ни было.“

„Ну, давай на кулаки!“ говорил Бульба, засучив рукав: „посмотрю я, что за человек ты в кулаке!“ И отец с сыном, вместо приветствия после давней отлучки, начали садить друг другу тумаки и в бока, и в поясницу, и в грудь, то отступая и оглядываясь, то вновь наступая.

„Смотрите, добрые люди: одурел старый! совсем спятил с ума!“ говорила бледная, худощавая и добрая мать их, стоявшая у порога и не успевшая еще обнять ненаглядных детей своих. „Дети приехали домой, больше году их не видели, а он задумал нивесть что: на кулаки биться!“

„Да он славно бьется!“ говорил Бульба, остановившись. „Ей-богу хорошо!“ продолжал он, немного оправляясь: „так, хоть бы даже и не пробовать. Добрый будет козак! Ну, здорово, сынку! почеломкаемся!“ И отец с сыном стали целоваться. „Добре, сынку! Вот так колоти всякого, как меня тузил. Никому не спускай! А всё-таки на тебе смешное убранство: что это за веревка висит? А ты, бейбас, что стоишь и руки опустил?“ говорил он, обращаясь к младшему: „что ж ты, собачий сын, не колотишь меня?“

„Вот еще что выдумал!“ говорила мать, обнимавшая между тем младшего. „И придет же в голову этакое, чтобы дитя родное било отца. Да будто и до того теперь: дитя молодое, проехало столько пути, утомилось... (это дитя было двадцати слишком лет и ровно в сажень ростом). Ему бы теперь нужно опочить и поесть чего-нибудь, а он заставляет его биться!“

„Э, да ты мазунчик, как я вижу!“ говорил Бульба. „Не слушай, сынку, матери: она баба, она ничего не знает. Какая вам нежба? Ваша нежба – чистое поле да добрый конь: вот ваша нежба! А видите вот эту саблю? вот ваша мать! Это всё дрянь, чем набивают головы ваши; и академия, и все те книжки, буквари, и философия, всё это ка зна що, я плевать на всё это!..“ Здесь Бульба пригнал в строку такое слово, которое даже не употребляется в печати. „А вот, лучше, я вас на той же неделе отправлю на Запорожье. Вот где наука, так наука! Там вам школа; там только наберетесь разуму.“

„И всего только одну неделю быть им дома?“ говорила жалостно, со слезами на глазах, худощавая старуха-мать: „И погулять им, бедным, не удастся; не удастся и дому родного узнать, и мне не удастся наглядеться на них!“

„Полно, полно выть, старуха! Козак не на то, чтобы возиться с бабами. Ты бы спрятала их обеих себе под юбки да и сидела бы на них, как на куриных яйцах. Ступай, ступай, да ставь нам скорее на стол всё, что есть. Не нужно пампушек, медовиков, маковников и других пундиков; тащи нам всего барана, козу давай, меды сорокалетние! Да горелки побольше, не с выдумками горелки, с изюмом и всякими выребеньками, а чистой, пенной горелки, чтобы играла и шипела, как бешеная.“

Бульба повел сыновей своих в светлицы, откуда проворно выбежали две красивые девки-прислужницы, в червонных монистах, прибиравшие комнаты. Они, как видно, испугались приезда паничей, не любивших спускать никому, или же просто хотели соблюсти свой женский обычай: вскрикнуть и броситься опрометью, увидевши мужчину, и потом долго закрываться от сильного стыда рукавом. Светлица была убрана во вкусе того времени, о котором живые намеки остались только в песнях, да в народных думах, уже не поющих более на Украине боролатыми старцами-слепцами, в сопровождении тихого треньканья бандуры, и в виду обступившего народа; во вкусе того бранного, трудного времени, когда начались разыгрываться схватки и битвы на Украине за унию. Всё было чисто, вымазано цветной глиною. На стенах – сабли, нагайки, сетки для птиц, невода и ружья, хитро обделанный рог для пороху, золотая уздечка на коня и путы с серебряными

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
бляхами. Окна в светлице были маленькие, с круглыми, тусклыми стеклами, какие встречаются ныне только в старинных церквях, сквозь которые иначе нельзя было глядеть, как приподняв надвижное стекло. Вокруг окон и дверей были красные отводы. На полках по углам стояли кувшины, бутылки и фляжки зеленого и синего стекла, резные серебряные кубки, позолоченные чарки всякой работы: венецейской, турецкой, черкесской, зашедшие в светлицу Бульбы всякими путями через третьи и четвертые руки, что было весьма обыкновенно в те удалые времена. Берестовые скамьи вокруг всей комнаты; огромный стол под образами в парадном углу; широкая печь с запечьями, уступами и выступами, покрытая цветными, пестрыми изразцами – всё это было очень знакомо нашим двум молодцам, приходившим каждый год домой на каникулярное время, приходившим потому, что у них не было еще коней, и потому, что не в обычае было позволять школярам ездить верхом. У них были только длинные чубы, за которые мог выдрать их всякий козак, носивший оружие. Бульба только при выпуске их послал им из табуна своего пару молодых жеребцов.

Бульба по случаю приезда сыновей велел созвать всех сотников и весь полковой чин, кто только был налицо; и когда пришли двое из них и есаул Дмитро Товкач, старый его товарищ, он им тот же час их представил, говоря: „Вот, смотрите, какие молодцы! На Сечь их скоро пошлю“. Гости поздравили и Бульбу и обеих юношей и сказали им, что доброе дело делают, и что нет лучшей науки для молодого человека, как Запорожская Сечь.

„Ну ж, паны братья, садись всякий, где кому лучше за стол. Ну, сынки! прежде всего выпьем горелки!“ так говорил Бульба. „Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остап, и ты, Андрий! Дай же боже, чтоб вы на войне всегда были удачливы! Чтобы бусурменов били, и турков бы били, и татарву били бы; когда и ляхи начнут что против веры нашей чинить, то и ляхов бы били! Ну, подставляй свою чарку; что, хороша горелка? А как по-латыни горелка? То-то, сынку, дурни были латынцы: они и не знали, есть ли на свете горелка. Как, бишь, того звали, что латинские вирши писал? Я грамоте разумею не сильно, а потому и не знаю: Гораций, что ли?“

„Вишь, какой батько!“ подумал про себя старший сын, Остап: „всё, старый собака, знает, а еще и прикидывается.“

„Я думаю, архимандрит не давал вам и понюхать горелки“, продолжал Тарас. „А признайтесь, сынки, крепко стегали вас березовыми и свежим вишняком по спине и по всему, что ни есть у козака? А может, так как вы сделали уже слишком разумные, так, может, и плетюганам пороли? Чай не только по субботам, а доставалось и в среду и в четверги?“

„Нечего, батько, вспоминать, что было“, отвечал хладнокровно Остап: „что было, то прошло!“

„Пусть теперь попробует!“ сказал Андрий: „пускай только теперь кто-нибудь зацепит. Вот пусть только подвернется теперь какая-нибудь татарва, будет знать она, что за вещь козацкая сабля!“

„Добре, сынку! ей-богу, добре! Да когда на то пошло, то и я с вами еду! ей-богу, еду! Какого дьявола мне здесь ждать? Чтобы я стал гречкосеем, домоводом, глядеть за овцами, да за свиньями, да бабиться с женой? Да пропади она: я козак, не хочу! Так что же, что нет войны? Я так поеду с вами на Запорожье, погулять. Ей-богу, еду!“ И старый Бульба мало-по-малу горячился, горячился, наконец, рассердился совсем, встал из-за стола и, приосанившись, топнул ногою. „Завтра же едем! Зачем откладывать! Какого врага мы можем здесь высидеть? На что нам эта хата? К чему нам всё это? На что эти горшки?“ Сказавши это, он начал колотить и швырять горшки и фляжки. Бедная старушка, привыкшая уже к таким поступкам своего мужа, печально глядела, сидя на лавке. Она не смела ничего говорить; но, услыша о таком страшном для нее решении, она не могла удержаться от слез; взглянула на детей своих, с которыми угрожала ей такая скорая разлука, – и никто бы не мог описать всей безмолвной силы ее горести, которая, казалось, трепетала в глазах ее и в судорожно-сжатых губах. Бульба был упрям страшно. Это был один из тех характеров, которые могли только возникнуть в тяжелый XV век на полукочующем углу Европы, когда вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена до тла неукротимыми набегами монгольских хищников; когда, лишившись дома и кровли, стал здесь отважен человек; когда на пожарницах, в виду грозных соседей и вечной опасности, селился он и привыкал глядеть им прямо в очи, разучившись знать, существует ли какая боязнь на свете; когда

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
бранным пламенем объялся древле-мирный славянский дух, и завелось козачество – широкая, разгульная замашка русской природы, – и когда все поречья, перевозы, прибрежные пологие и льготные места усеялись козаками, которым и счету никто не ведал, и смелые товарищи их были вправе отвечать султану, пожелавшему знать о числе их: „кто их знает! у нас их раскидано по всему степу: что байрак, то козак“ (что маленький пригорок, там уж и козак). Это было, точно, необыкновенное явление русской силы: его вышибло из народной груди огниво бед. Вместо прежних уделов, мелких городков, наполненных псарями и ловчими, вместо враждующих и торгующихся городами мелких князей, возникли грозные селения, курени и околицы, связанные общей опасностью и ненавистью против нехристианских хищников. Уже известно всем из истории, как их вечная борьба и беспокойная жизнь спасли Европу от сих неукротимых стремлений, грозивших ее опрокинуть. Короли польские, очутившиеся, наместо удельных князей, властителями сих пространных земель, хотя отдаленными и слабыми, поняли значение козаков и выгоды таковой бранной сторожевой жизни. Они поощряли их и льстили сему расположению. Под их отдаленную власть гетьманы, избранные из среды самих же козаков, преобразовали околицы и курени в полки и правильные округа. Это не было строевое собранное войско, его бы никто не увидал; но в случае войны и общего движения, в восемь дней, не больше, всякий являлся на коне, во всем своем вооружении, получа плату один только червонец от короля, и в две недели набиралось такое войско, какового бы не в силах были набрать никакие рекрутские наборы. Кончился поход, – воин уходил в луга и пашни, на днепровские перевозы, ловил рыбу, торговал, варил пиво и был вольный козак. Современные иноземцы дивились тогда справедливо необыкновенным способностям его. Не было ремесла, которого бы не знал козак: накурить вина, снарядить телегу, намолоть пороху, справить кузнецкую, слесарную работу и, в прибавку к тому, гулять напропало, пить и бражничать, как только может один русский, – всё это было ему по плечу. Кроме рейстровых козаков, считавших обязанностью являться во время войны, можно было во всякое время, в случае большой потребности, набрать целые толпы охочекомонных: стоило только есаулам пройти по рынкам и площадям всех сел и местечек и прокричать во весь голос, ставши на телегу: „Эй, вы, пивники, броварники! полно вам пиво варить, да валяться по запечьям, да кормить своим жирным телом мух! Ступайте славы рыцарской и чести добиваться! Вы, плугари, гречкосеи, овцепасы, баболюбы! полно вам за плугом ходить да пачкать в землю свои желтые чоботы, да подбираться к жинкам и губить силу рыцарскую! Пора доставать козацкой славы!“

И слова эти были, как искры, падавшие на сухое дерево. Пахарь ломал свой плуг, бровари и пивовары кидали свои кади и били бочки, ремесленник и торгаш посылал к чорту и ремесло и лавку, бил горшки в доме. И всё, что ни было, садилось на коня. Словом, русский характер получил здесь могучий, широкий размах, дюжую наружность. Тарас был один из числа коренных, старых полковников: весь был он создан для бранной тревоги и отличался грубой прямою своего нрава. Тогда влияние Польши начинало уже оказываться на русском дворянстве. Многие перенимали уже польские обычаи, заводили роскошь, великолепные прислуги, соколов, ловчих, обеды, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Он любил простую жизнь козаков и перессорился с теми из своих товарищей, которые были наклонны к варшавской стороне, называя их холопьями польских панов. Неугомонный вечно, он считал себя законным защитником православия. Самоуправно входил в села, где только жаловались на притеснения арендаторов и на прибавку новых пошлин с дыма. Сам с своими козаками производил над ними расправу и положил себе правилом, что в трех случаях всегда следует взяться за саблю, именно: когда комиссары не уважили в чем старшин и стояли пред ними в шапках; когда поглумились над православием и не почтили предковского закона и наконец, когда враги были бусурманы и турки, против которых он считал во всяком случае позволительным поднять оружие во славу христианства. Теперь он тешил себя заранее мыслью, как он явится с двумя сыновьями своими на Сечь и скажет: „Вот посмотрите, каких я молодцов привел к вам!“; как представит их всем старым, закаленным в битвах товарищам; как поглядит на первые подвиги их в ратной науке и бражничестве, которое почитал тоже одним из главных достоинств рыцаря. Он сначала хотел-было отправить их одних. Но при виде их свежести, рослости, могучей телесной красоты вспыхнул воинский дух его, и он на другой же день решился ехать с ними сам, хотя необходимостью этого была одна упрямая воля. Он уже хлопотал и отдавал приказы, выбирал коней и сбрую для молодых сыновей, наведывался и в конюшни и в амбары, отобрал слуг, которые должны были завтра с ними ехать. Есаулу Товкачу передал свою власть вместе с крепким наказом явиться сей же час со всем полком, если только он подаст из Сечи какую-нибудь весть. Хотя он был и навеселе, и в голове еще бродил хмель, однако ж, не забыл ничего. Даже отдал приказ напоить коней и всыпать им в ясли крупной и первой пшеницы, и пришел усталый от своих забот.

„Ну, дети, теперь надобно спать, а завтра будем делать то, что бог даст. Да не стели нам постель! Нам не нужна постель. Мы будем спать на дворе.“

Ночь еще только что обняла небо, но Бульба всегда ложился рано. Он развалился на ковре, накрылся бараньим тулупом, потому что ночной воздух был довольно свеж, и потому что Бульба любил укрыться потеплее, когда был дома. Он вскоре захрапел, и за ним последовал весь двор; всё, что ни лежало в разных его углах, захрапело и запело; прежде всего заснул сторож, потому что более всех напился для приезда паничей. Одна бедная мать не спала. Она приникла к изголовью дорогих сыновей своих, лежавших рядом; она расчесывала гребнем их молодые, небрежно всклоченные кудри и смачивала их слезами; она глядела на них вся, глядела всеми чувствами, вся превратилась в одно зрение и не могла наглядеться. Она вскормила их собственною грудью, она возрастила, взлелеяла их – и только на один миг видит их перед собою. „Сыны мои, сыны мои милые! что будет с вами? что ждет вас?“ говорила она, и слезы остановились в морщинах, изменивших ее когда-то прекрасное лицо. В самом деле она была жалка, как всякая женщина того удалого века. Она миг только жила любовью, только в первую горячку страсти, в первую горячку юности, и уже суровый прельститель ее покидал ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видела мужа в год два-три дня, и потом несколько лет о нем не бывало слуха. Да и когда виделась с ним, когда они жили вместе, что за жизнь ее была? Она терпела оскорбления, даже побои; она видела из милости только оказываемые ласки, она была какое-то странное существо в этом сборище безженных рыцарей, на которых разгульное Запорожье набрасывало суровый колорит свой. Молодость без наслаждения мелькнула перед нею, и ее прекрасные свежие щеки и перси без лобзаний отцвели и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, все чувства, всё, что есть нежного и страстного в женщине, всё обратилось у ней в одно материнское чувство. Она с жаром, с страстью, с слезами, как степная чайка, вилась над детьми своими. Ее сыновей, ее милых сыновей берут от нее, берут для того, чтобы не увидеть их никогда! Кто знает, может-быть, при первой битве татарин срубит им головы, и она не будет знать, где лежат брошенные тела их, которые расклюет хищная подорожная птица, и за каждый кусочек которых, за каждую каплю крови она отдала бы всё. Рыдая, глядела она им в очи, которые всемогущий сон начинал уже смыкать, и думала: авось либо Бульба, проснувшись, отсрочит денька на два отъезд; может-быть, он задумал оттого так скоро ехать, что много выпил.

Месяц с вышины неба давно уже озарял весь двор, наполненный спящими, густую кучу верб и высокий бурьян, в котором потонул частокол, окружавший двор. Она всё сидела в головах милых сыновей своих, ни на минуту не сводила с них глаз своих и не думала о сне. Уже кони, чуя рассвет, все полегли на траву и перестали есть; верхние листья верб начали лепетать, и мало-по-малу лепечущая струя спустилась по ним до самого низу. Она просидела до самого света, вовсе не была утомлена и внутренно желала, чтобы ночь протянулась, как можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржание жеребенка; красные полосы ясно сверкнули на небе. Бульба вдруг проснулся и вскочил. Он очень хорошо помнил всё, что приказывал вчера.

„Ну, хлопцы, полно спать! Пора, пора! Напайте коней! А где старà?“ (так он обыкновенно называл жену свою). „Живее, стара, готовь нам есть, потому что путь великий лежит!“

Бедная старушка, лишенная последней надежды, уныло поплелась в хату. Между тем как она со слезами готовила всё, что нужно к завтраку, Бульба раздавал свои приказания, возился на конюшне и сам выбирал для детей своих лучшие убранства. Бурсаки вдруг преобразились: на них явились, вместо прежних запачканных сапогов, сафьянные красные, с серебряными подковами; шаровары, шириною в Черное море, с тысячью складок и со сборами, перетянулись золотым очкуром; к очкуру прицеплены были длинные ремешки, с кистями и прочими побрякушками, для трубки. Казакин алого цвета, сукна яркого, как огонь, опоясался узорчатым поясом; чеканные турецкие пистолеты были задвинуты за пояс; сабля брякала по ногам их. Их лица, еще мало загоревшие, казалось, похорошели и побелели; молодые черные усы теперь как-то ярче оттеняли белизну их и здоровый, мощный цвет юности; они были хороши под черными бараньими шапками с золотым верхом. Бедная мать! Она как увидела их, она и слова не могла промолвить, и слезы остановились в глазах ее.

„Ну, сыны, всё готово! нечего мешкать!“ произнес, наконец, Бульба. „Теперь, по обычаю христианскому, нужно перед дорогою всем присесть.“

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Все сели, не выключая даже и хлопцев, стоявших почтительно у дверей.

„Теперь благослови, мать, детей своих!“ сказал Бульба: „моли бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь лыцарскую, [2] чтобы стояли всегда за веру Христову, а не то – пусть лучше пропадут, чтобы и духу их не было на свете! Подойдите, дети, к матери: молитва материнская и на воде и на земле спасает.“ Мать, слабая как мать, обняла их, вынула две небольшие иконы, надела им, рыдая, на шею. „Пусть хранит вас... божья мать... Не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть весточку о себе...“ далее она не могла говорить.

„Ну, пойдем, дети!“ сказал Бульба. У крыльца стояли оседланные кони. Бульба вскочил на своего Чорта, который бешено отшатнулся, почувствовав на себе двадцатипудовое бремя, потому что Бульба был чрезвычайно тяжел и толст. Когда увидела мать, что уже и сыны ее сели на коней, она кинулась к меньшому, у которого в чертах лица выразилось более какой-то нежности; она схватила его за стремя, она прилипнула к седлу его и с отчаяньем во всех чертах не выпускала его из рук своих. Два дюжих козака взяли ее бережно и унесли в хату. Но, когда выехали они за ворота, она со всею легкостью дикой козы, несообразной ее летам, выбежала за ворота, с непостижимой силою остановила лошадь и обняла одного из них с какою-то помешанною, бесчувственной горячностью; ее опять увели. Молодые козаки ехали смутно и удерживали слезы, боясь отца своего, который, однако же, с своей стороны, тоже был несколько смущен, хотя не старался этого показывать. День был серый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали как-то в разлад. Они, проехавши, оглянулись назад; хутор их как будто ушел в землю; только стояли на земле две трубы от их скромного домика, да одни только вершины дерев, по сучьям которых они лазили, как белки; один только дальний луг еще стлался перед ними, – тот луг, по которому они могли припомнить всю историю жизни, от лет, когда катались по росистой траве его, до лет, когда поджидали в нем чернобровую козачку, боязливо летевшую через него с помощью своих свежих, быстрых ножек. Вот уже один только шест над колодцем с привязанным вверху колесом от телеги одиноко торчит на небе; уже равнина, которую они проехали, кажется издали горою и всё собою закрыла. – Прощайте и детство, и игры, и всё, и всё!

II.

Все три всадника ехали молчаливо. Старый Тарас думал о давнем: перед ним проходила его молодость, его лета, его протекшие лета, о которых всегда почти плачет козак, желавший бы, чтобы вся жизнь его была молодость. Он думал о том, кого он встретит на Сечи из своих прежних сотоварищей. Он вычислял, какие уже перемерли, какие живут еще. Слеза тихо круглилась на его зенице, и поседевшая голова его уныло понурилась.

Сыновья его были заняты другими мыслями. Но нужно сказать поболее о сыновьях его. Они были отданы по двенадцатому году в киевскую академию, потому что все почетные сановники тогдашнего времени считали необходимостью дать воспитание своим детям, хотя это делалось с тем, чтобы после совершенно позабыть его. Они тогда были, как все поступающие в бурсу, дики, воспитаны на свободе, и там уже они обыкновенно несколько шлифовались и получали что-то общее, делавшее их похожими друг на друга. Старший, Остап, начал с того свое поприще, что в первый год еще бежал. Его возвратили, высекли страшно и засадили за книгу. Четыре раза закапывал он свой букварь в землю, и четыре раза, отодравши его бесчеловечно, покупали ему новый. Но, без сомнения, он повторил бы и в пятый, если бы отец не дал ему торжественного обещания продержат его в монастырских службах целые двадцать лет и не поклялся наперед, что он не увидит Запорожья вовеки, если не выучится в академии всем наукам. Любопытно, что это говорил тот же самый Тарас Бульба, который бранил всю ученость и советовал, как мы уже видели, детям вовсе не заниматься ею. С этого времени Остап начал с необыкновенным старанием сидеть за скучною книгою и скоро стал на ряду с лучшими. Тогдашний род учения страшно расходился с образом жизни: эти схоластические, грамматические, риторические и логические тонкости решительно не прикасались к времени, никогда не применялись и не повторялись в жизни. Ни к чему не могли они привязать своих познаний, хотя бы даже менее схоластических. Самые тогдашние ученые более других были невежды, потому что вовсе были удалены от опыта. Притом же это республиканское устройство бурсы, это ужасное множество молодых, дюжих, здоровых людей, – всё это должно было им внушить деятельность совершенно вне их учебного занятия. Иногда плохое содержание, иногда частые наказания голодом, иногда многие потребности, возбуждающиеся в свежем, здоровом, крепком юноше, всё это, соединившись, рождало в них ту предприимчивость, которая после развивалась на Запорожье. Голодная

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru

бурса рыскала по улицам Киева и заставляла всех быть осторожными. Торговки, сидевшие на базаре, всегда закрывали руками своими пироги, бублики, семечки из тыкв, как орлицы детей своих, если только видели проходившего бурсака. Консул, долженствовавший, по обязанности своей, наблюдать над подведомственными ему сотоварищами, имел такие страшные карманы в своих шароварах, что мог поместить туда всю лавку зазевавшейся торговки. Эта бурса составляла совершенно отдельный мир: в круг высший, состоявший из польских и русских дворян, они не допускались. Сам воевода, Адам Кисель, несмотря на оказываемое покровительство академии, не вводил их в общество и приказывал держать их постroje. Впрочем, это наставление было вовсе излишне, потому что ректор и профессора-монахи не жалели лоз и плетей, и часто ликторы по их приказанию пороли своих консулов так жестоко, что те несколько недель чесывали свои шаровары. Многим из них это было вовсе ничего и казалось немного чем крепче хорошей водки с перцем; другим, наконец, сильно надоедали такие беспрепятственные припарки, и они бежали на Запорожье, если умели найти дорогу и если сами не были перехватываемы на пути. Остап Бульба, несмотря на то, что начал с большим старанием учить логику и даже богословию, но никак не избавлялся неумолимых розг. Естественно, что всё это должно было как-то ожесточить характер и сообщить ему твердость, всегда отличавшую козаков. Остап считался всегда одним из лучших товарищей. Он редко предводительствовал другими в дерзких предприятиях – обогреть чужой сад или огород, но за то он был всегда одним из первых, приходивших под знамена предприимчиваго бурсака, и никогда, ни в каком случае, не выдавал своих товарищей. Никакие плети и розги не могли заставить его это сделать. Он был суров к другим побуждениям, кроме войны и разгульной пирушки; по крайней мере, никогда почти о другом не думал. Он был прямодушен с равными. Он имел доброту в таком виде, в каком она могла только существовать при таком характере и в тогдaшнее время. Он душевно был тронут слезами бедной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.

Меньшой брат его, Андрий, имел чувства несколько живее и как-то более развиты. Он учился охотнее и без напряжения, с каким обыкновенно принимается тяжелый и сильный характер. Он был более изобретатель, нежели его брат; чаще являлся предводителем довольно опасного предприятия и иногда, с помощью изобретательного ума своего, умел увертываться от наказания, тогда как брат его Остап, отложивши всякое попечение, скидал с себя свитку и ложился на пол, вовсе не думая просить о помиловании. Он также кипел жаждою подвига, но вместе с нею душа его была доступна и другим чувствам. Потребность любви вспыхнула в нем живо, когда он перешел за восемнадцать лет. Женщина чаще стала представляться горячим мечтам его; он, слушая философские диспуты, видел ее поминутно, свежую, черноокою, нежную. Пред ним непрерывно мелькали ее сверкающие, упругие перси, нежная, прекрасная, вся обнаженная рука; самое платье, облипавшее вокруг ее девственных и вместе мощных членов, дышало в мечтах его каким-то невыразимым сладострастием. Он тщательно скрывал от своих товарищей эти движения страстной юношеской души, потому что в тогдaшний век было стыдно и бесчестно думать козаку о женщине и любви, не отведав битвы. Вообще в последние годы он реже являлся предводителем какой-нибудь ватаги, но чаще бродил один где-нибудь в уединенном закоулке Киева, потопленном в вишневых садах, среди низеньких домиков, заманчиво глядевших на улицу. Иногда он забирался и в улицу аристократов, в нынешнем старом Киеве, где жили малороссийские и польские дворяне, и домы были выстроены с некоторою прихотливостью. Один раз, когда он зазевался, наехала почти на него колымага какого-то польского пана, и сидевший на козлах возница с пристрашными усами хлынул его довольно исправно бичем. Молодой бурсак вскипел: с безумною смелостию схватил он мощною рукою своею за заднее колесо и остановил колымагу. Но кучер, опасаясь разделки, ударил по лошадям, они рванули, – и Андрий, к счастью, успевший отхватить руку, шлепнулся на землю, прямо лицом в грязь. Самый звонкий и гармонический смех раздался над ним. Он поднял глаза и увидел стоявшую у окна красавицу, какой еще не видывал отроду: черноглазую и белую, как снег, озаренный утренним румянцем солнца. Она смеялась от всей души, и смех придавал сверкающую силу ее ослепительной красоте. Он оторопел. Он глядел на нее, совсем потерявшись, рассеянно обтирая с лица своего грязь, которою еще более замазывался. Кто бы была эта красавица? Он хотел было узнать от дворни, которая кучею, в богатом убранстве, стояла за воротами, окруживши игравшего молодого бандуриста. Но дворня подняла смех, увидевши его запачканную рожу, и не удостоила его ответом. Наконец он узнал, что это была дочь приехавшего на время ковенского воеводы. В следующую же ночь, с свойственною одним бурсакам дерзостию, он пролез чрез частокол в сад, взлез на дерево, раскинувшееся ветвями, упирающимися в самую крышу дома; с дерева перелез на крышу и через трубу камина пробрался прямо в спальню красавицы, которая в это время сидела

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
перед свечою и вынимала из ушей своих дорогие серьги. Прекрасная полячка так испугалась, увидевши вдруг перед собою незнакомого человека, что не могла произнести ни одного слова; но, когда увидела, что бурсак стоял, потупив глаза и не смея от робости поворотить рукою, когда узнала в нем того же самого, который хлопнулся перед ее глазами на улице, смех вновь овладел ею. Притом в чертах Андрия ничего не было страшного: он был очень хорош собою. Она от души смеялась и долго забавлялась над ним. Красавица была ветрена, как полячка, но глаза ее, глаза чудесные, пронзительно-ясные, бросали взгляд долгий, как постоянство. Бурсак не мог поворотить рукою и был связан, как в мешке, когда дочь воеводы смело подошла к нему, надела ему на голову свою блистательную диадему, повесила на губы ему серьги и накинула на него кисейную прозрачную шемизетку с фестонами, вышитыми золотом. Она убирала его и делала с ним тысячу разных глупостей с развязностию дитяти, которою отличаются ветреные полячки, и которая повергла бедного бурсак в еще большее смущение. Он представлял смешную фигуру, раскрывши рот и глядя неподвижно в ее ослепительные очи. Раздавшийся у дверей стук пробудил в ней испуг. Она велела ему спрятаться под кровать, и как только беспокойство прошло, она кликнула свою горничную, пленную татарку, и дала ей приказание осторожно вывести его в сад и оттуда отправить через забор. Но на этот раз бурсак наш не так счастливо перебрался через забор: проснувшийся сторож хватил его порядочно по ногам, и собравшаяся дворня долго колотила его уже на улице, покамест быстрые ноги не спасли его. После этого проходить возле дома было очень опасно, потому что дворня у воеводы была очень многочисленна. Он увидел ее еще раз в костеле: она заметила его и очень приятно усмехнулась, как давнему знакомому. Он видел ее вскользь еще один раз, и после этого воевода ковенский скоро уехал, и вместо прекрасной черноглазой полячки выглядывало из окон какое-то толстое лицо. Вот о чем думал Андрий, повесив голову и потупив глаза в гриву коня своего.

А между тем степь уже давно приняла их всех в свои зеленые объятия, и высокая трава, обступивши, скрыла их, и только козачьи черные шапки одни мелькали между ее колосьями.

„Э, э, э! что же это вы, хлопцы, так притихли?“ сказал, наконец, Бульба, очнувшись от своей задумчивости: „Как будто какие-нибудь чернецы! Ну, разом, разом! Все думки к нечистому! Берите в зубы люльки, да закурим, да прищпорим коней, да полетим так, чтобы и птица не угналась за нами!“

И козаки, прилегши несколько к коням, пропали в траве. Уже и черных шапок нельзя было видеть; одна только быстрая молния сжимаемой травы показывала бег их.

Солнце выглянуло давно на расчищенном небе и живительным, теплотворным светом своим облило степь. Всё, что смутно и сонно было на душе у козаков, вмиг слетело; сердца их встрепнулись, как птицы.

Степь, чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, всё то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Черного моря, было зеленою, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, выискивали их. Ничто в природе не могло быть лучше их. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волшки; желтый дрок выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесенный, бог знает откуда, колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, вытянув свои шеи. Воздух был наполнен тысячью разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался бог знает в каком дальнем озере. Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха. Вон она пропала в вышине и только мелькает одною черною точкою. Вон она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем. Чорт вас возьми, степи, как вы хороши! Наши путешественники несколько минут только останавливались для обеда, причем ехавший с ними отряд из десяти козаков слезал с лошадей, отвязывал деревянные баклажки с горелкою и тыквы, употребляемые вместо сосудов. Ели только хлеб с салом или коржи, пили только по одной чарке, единственно для подкрепления, потому что Тарас Бульба не позволял никогда напиваться в дороге, и продолжали путь до вечера. Вечером вся степь совершенно переменялась. Всё пестрое пространство ее охватывалось последним ярким отблеском солнца и постепенно темнело, так что видно было, как тень

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru

перебегала по ним, и они становились темно-зелеными; испарения подымались гуще, каждый цветок, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовонием. По небу, изголуба-темному, как будто исполинскою кистью, наляпаны были широкие полосы из розового золота; изредка белели клоками легкие и прозрачные облака, и самый свежий, обольстительный, как морские волны, ветерок едва колыхался по верхушкам травы и чуть дотрогивался к щекам. Вся музыка, наполнявшая день, утихала и сменялась другою. Пестрые овражки выползвали из нор своих, становились на задние лапки и оглашали степь свистом. Трещание кузнечиков становилось слышнее. Иногда слышался из какого-нибудь уединенного озера крик лебедя и, как серебро, отдавался в воздухе. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлег, раскладывали огонь и ставили на него котел, в котором варили себе кулиш; пар отделялся и косвенно дымился на воздухе. Поужинав, козак ложился спать, пустивши по траве спутанных коней своих. Они раскидывались на свитках. На них прямо глядели ночные звезды. Они слышали своим ухом весь бесчисленный мир насекомых, наполнявших траву, весь их треск, свист, краканье; всё это звучно раздавалось среди ночи, очищалось в свежем ночном воздухе и доходило до слуха гармоническим. Если же кто-нибудь из них подымался и вставал на время, то ему представлялась степь усеянную блестящими искрами светящихся червей. Иногда ночное небо в разных местах освещалось дальним заревом от выжигаемого по лугам и рекам сухого тростника, и темная вереница лебедей, летевших на север, вдруг освещалась серебряно-розовым светом, и тогда казалось, что красные платки летели по темному небу.

Путешественники ехали без всяких приключений. Нигде не попадались им деревья, всё та же бесконечная, вольная, прекрасная степь. По временам только в стороне синели верхушки отдаленного леса, тянувшегося по берегам Днепра. Один только раз Тарас указал сыновьям на маленькую, черневшую в дальней траве точку, сказавши: „Смотрите, детки, вон скачет татарин!“ Маленькая головка с усами устала издали прямо на них узенькие глаза свои, понюхала воздух, как гончая собака, и, как серна, пропала, увидевши, что козак было тринадцать человек. „А ну, дети, попробуйте догнать татарина!.. и не пробуйте – вовеки не поймаете: у него конь быстрее моего Чорта.“ Однако ж, Бульба взял предосторожность, опасаясь где-нибудь скрывшейся засады. Они прискакали к небольшой речке, называвшейся Татаркою, впадающей в Днепр, кинулись в воду с конями своими и долго плыли по ней, чтобы скрыть след свой, и тогда уже, выбравшись на берег, они продолжали далее путь. Чрез три дни после этого они были уже недалеко от места, служившего предметом их поездки. В воздухе вдруг заглодело; они почувствовали близость Днепра. Вот он сверкает вдали и темною полосой отделился от горизонта. Он веял холодными волнами и расстилался ближе, ближе, и, наконец, обхватил половину всей поверхности земли. Это было то место Днепра, где он, дотоле спертый порогами, брал, наконец, свое и шумел, как море, разлившись по воле; где брошенные в средину его острова вытесняли его еще далее из берегов, и волны его стлались по самой земле, не встречая ни утесов, ни возвышений. Козаки сошли с коней своих, взошли на паром и чрез три часа плавания были уже у берегов острова Хортицы, где была тогда Сечь, так часто переменявшая свое жилище. Куча народа бранилась на берегу с перевозчиками. Козаки оправили коней. Тарас приосанился, стянул на себе покрепче пояс и гордо провел рукою по усам. Молодые сыны его тоже осмотрели себя с ног до головы с каким-то страхом и неопределенным удовольствием, и все вместе въехали в предместье, находившееся за полверсты от Сечи. При въезде их оглушили пятьдесят кузнеческих молотов, ударявших в двадцати пяти кузницах, покрытых дерном и вырытых в земле. Сильные кожевники сидели под навесом крылец на улице и мяли своими дюжими руками бычачьи кожи. Крамари под ятками сидели с кучами кремней, огнивами и порохом. Армянин развесил дорогие платки. Татарин ворочал на рожнах бараньи катки с тестом. Жид, выставив вперед свою голову, цедил из бочки горелку. Но первый, кто попался им навстречу, это был запорожец, спавший на самой средине дороги, раскинув руки и ноги. Тарас Бульба не мог не остановиться и не полюбоваться на него.

„Эх, как важно развернулся! Фу, ты, какая пышная фигура!“ говорил он, остановивши коня. В самом деле, это была картина довольно смелая: запорожец, как лев, растянулся на дороге. Закинутый гордо чуб его захватывал на пол-аршина земли. Шаровары алого дорогого сукна были запачканы дегтем для показания полного к ним презрения. Полюбовавшись, Бульба пробирался далее сквозь тесную улицу, которая была загромождена мастеровыми, тут же отправлявшими ремесло свое, и людьми всех наций, наполнявшими это предместье Сечи, которое было похоже на ярмарку и которое одевало и кормило Сечь, умевшую только гулять да палить из ружей.

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru

Наконец они минули предместье и увидели несколько разбросанных куреней, покрытых дерном или, по-татарски, войлоком. Иные установлены были пушками. Нигде не видно было забора или тех низеньких домиков с навесами на низеньких деревянных столбиках, какие были в предместьи. Небольшой вал и засека, не хранимые решительно никем, показывали страшную беспечность. Несколько дюжих запорожцев, лежавших с трубками в зубах на самой дороге, посмотрели на них довольно равнодушно и не сдвинулись с места. Тарас осторожно проехал с сыновьями между них, сказавши: „Здравствуйте, панове!“ „Здравствуйте и вы!“ отвечали запорожцы. Везде, по всему полю, живописными кучами пестрел народ. По смуглым лицам видно было, что все они были закалены в битвах, испробовали всяких невзгод. Так вот она, Сечь! Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы! Вот откуда разливается воля и козачество на всю Украину! Путники выехали на обширную площадь, где обыкновенно собиралась рада. На большой опрокинутой бочке сидел запорожец без рубашки; он держал в руках ее и медленно зашивал на ней дыры. Им опять перегородила дорогу целая толпа музыкантов, в середине которых отплясывал молодой запорожец, заломивши чортом свою шапку и вскинувши руками. Он кричал только: „Живее играйте, музыканты! Не жалея, Фома, горелки православным христианам!“ И Фома, с подбитым глазом, мерял без счета каждому пристававшему по огромнейшей кружке. Около молодого запорожца четыре старых выработывали довольно мелко своими ногами, вскидывались, как вихорь, на сторону, почти на голову музыкантам, и вдруг, опустившись, неслись в присядку и били круто и крепко своими серебряными подковами тесно убитую землю. Земля глухо гудела на всю округу, и в воздухе далече отдавались гопак и тропак, выбиваемые звонкими подковами сапогов. Но один всех живее вскрикивал и летел вслед за другими в танце. Чуприна развевалась по ветру, вся открыта была сильная грудь; теплый зимний кожух был надет в рукава, и пот градом лился из него, как из ведра. „Да сними хоть кожух!“ сказал, наконец, Тарас: „Видишь, как парит!“ „Не можно!“ кричал запорожец. „Отчего?“ „Не можно; у меня уж такой нрав: что скину, то пропью“. А шапки уж давно не было на молодце, ни пояса на кафтане, ни шитого платка: всё пошло, куда следует. Толпа чем далее росла; к танцующим приставали другие, и нельзя было видеть без внутреннего движенья, как вся толпа отдираала танец самый вольный, самый бешеный, какой только видел когда-либо мир, и который, по своим мощным изобретателям, понес название козачка.

„Эх, если бы не конь!“ вскрикнул Тарас: „пустился бы, право,пустился бы сам в танец!“ А между тем меж народом стали попадаться и степенные, уваженные по заслугам всю Сечью, седые чубы, бывавшие не раз старшинами. Тарас скоро встретил множество знакомых лиц. Остап и Андрий слышали только приветствия: „А, это ты, Печерица! Здравствуй, Козолуп!“ „Откуда бог несет тебя, Тарас?“ „Ты как сюда зашел, Долото?“ „Здорово, кирдюг! Здорово, Густый! Думал ли я видеть тебя, Ремень?“ И витязи, собравшиеся со всего разгульного мира восточной России, целовались взаимно, и тут понеслись вопросы: „А что Касьян? Что Бородавка? Что Колопер? Что Пидсыток?“ И слышал только в ответ Тарас Бульба, что Бородавка повешен в Толопане, что с Колопера содрали кожу под кизикирменом, что Пидсыткова голова посолена в бочке и отправлена в самый Царьград. Понурил голову старый Бульба и раздумчиво говорил: „Добрые были козаки!“

III.

Уже около недели Тарас Бульба жил с сыновьями своими на Сечи. Остап и Андрий мало занимались военной школою. Сечь не любила затруднять себя военными упражнениями и терять время; юношество воспитывалось и образовывалось в ней одним опытом, в самом пылу битв, которые оттого были почти непрерывны. Промежутки козаки почитали скучным занимать изучением какой-нибудь дисциплины, кроме разве стрельбы в цель да изредка конной скачки и гоньбы за зверем в степях и лугах; всё прочее время отдавалось гульбе – признаку широкого размета душевной воли. Вся Сечь представляла необыкновенное явление. Это было какое-то непрерывное пиршество, бал, начавшийся шумно и потерявший конец свой. Некоторые занимались ремеслами, иные держали лавочки и торговали; но большая часть гуляла с утра до вечера, если в карманах звучала возможность, и добытое добро не перешло еще в руки торгашей и шинкарей. Это общее пиршество имело в себе что-то околдовывающее. Оно не было какое-нибудь сборище бражников, напивавшихся с горя, но было просто какое-то бешеное разгулье веселости. Всякий приходящий сюда позабывал и бросал всё, что дотоле его занимало. Он, можно сказать, плевал на всё прошедшее и с жаром фанатика предавался воле и товариществу таких же, как сам, не имевших ни родных, ни угла, ни семейства, кроме вольного неба и вечного пира души своей. Это производило ту бешеную веселость, которая не могла бы родиться ни из какого другого источника. Рассказы и болтовня, которые можно было

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru

слышать среди собравшейся толпы, лениво отдыхавшей на земле, часто так были смешны и дышали такою силою живого рассказа, что нужно было иметь только одну хладнокровную наружность запорожца, чтобы сохранить во всё время неподвижное выражение лиц и не моргнуть даже усом, – резкая черта, которою отличается донине от других братьев своих южный россиянин. Веселость была пьяна, шумна, но при всем том это не был черный кабак, где мрачно-искаженными чертами веселия забывается человек; это был тесный круг школьных товарищей. Разница была только в том, что, вместо сидения за указкой и пошлых толков учителя, они производили набег на пяти тысячах коней; вместо луга, на котором производилась игра в мячик, у них были неохранные, беспечные границы, в виду которых татарин выказывал быстрю свою голову, и неподвижно, сурово глядел турок в зеленой чалме своей. Разница та, что, вместо насильной воли, соединившей их в школе, они сами собою кинули отцов и матерей и бежали из родительских домов своих; что здесь были те, у которых уже моталась около шеи веревка, и которые, вместо бледной смерти, увидели жизнь, и жизнь во всем разгуле; что здесь были те, которые, по благородному обычаю, не могли удержать в кармане своем копейки; что здесь были те, которые дотолче червонец считали богатством, у которых, по милости арендаторов-жидов, карманы можно было выворотить без всякого опасения что-нибудь уронить. Здесь были все бурсаки, которые не вынесли академических лоз и которые не вынесли из школы ни одной буквы; но вместе с этими здесь были и те, которые знали, что такое Гораций, Цицерон и римская республика. Тут было много тех офицеров, которые потом отличались в королевских войсках; тут было множество образовавшихся опытных партизанов, которые имели благородное убеждение мыслить, что всё равно, где бы ни воевать, только бы воевать, потому что неприлично благородному человеку быть без битвы. Много было и таких, которые пришли на Сечь с тем, чтобы потом сказать, что они были на Сечи, и уже закаленные рыцари. Но кого тут не было? Эта странная республика была именно потребностью того века. Охотники до военной жизни, до золотых кубков, богатых парчей, дукатов и реалов во всякое время могли найти здесь себе работу. Одни только обожатели женщин не могли найти здесь ничего, потому что даже в предместье Сечи не смела показываться ни одна женщина. Остапу и Андрию показалось чрезвычайно странным, что при них же приходила на Сечь гибель народа, и хоть бы кто-нибудь спросил их, откуда они, кто они, и как их зовут. Они приходили сюда, как будто бы возвращались в свой собственный дом, из которого только за час пред тем вышли. Пришедший являлся только к кошевому, который обыкновенно говорил: „Здравствуй! Что, во Христа веруешь?“ „Верую!“ отвечал приходивший. „И в трицу святую веруешь?“ „Верую!“ „И в церковь ходишь?“ „Хожу!“ „А ну, перекрестись!“ Пришедший крестился. „Ну, хорошо“, отвечал кошевой: „ступай же, в который сам знаешь, курень.“ Этим оканчивалась вся церемония. И вся Сечь молилась в одной церкви и готова была защищать ее до последней капли крови, хотя и слышать не хотела о посте и воздержании. Только побуждаемые сильною корыстию жида, армяне и татары осмеливались жить и торговать в предместьи, потому что запорожцы никогда не любили торговаться, а сколько рука вынула из кармана денег, столько и платили. Впрочем, участь этих корыстолюбивых торгашей была очень жалка. Они были похожи на тех, которые селились у подошвы Везувия, потому что, как только у запорожцев не ставало денег, то удалые разбивали их лавочки и брали всегда даром. Сечь состояла из шестидесяти слишком куреней, которые очень походили на отдельные, независимые республики, а еще более походили на школу и бурсу детей, живущих на всем готовом. Никто ничем не заводился и не держал у себя. Всё было на руках у куренного атамана, который за это обыкновенно носил название батька. У него были на руках деньги, платья, вся харчь, саламата, каша и даже топливо; ему отдавали деньги под сохран. Нередко происходила ссора у куреней с куренями. В таком случае дело тот же час доходило до драки. Курени покрывали площадь и кулаками ломали друг другу бока, пока одни не пересиливали, наконец, и не брали верх, и тогда начиналась гульня. Такова была та Сечь, имевшая столько приманок для молодых людей. Остап и Андрия кинулись со всею пылкостью юношей в это разгульное море и забыли вмиг и отцовский дом, и бурсу, и всё, что волновало прежде душу, и предались новой жизни. Всё занимало их: разгульные обычаи Сечи и немногосложная управа и законы, которые казались им иногда даже слишком строгими среди такой своевольной республики. Если козак проворовался, украл какую-нибудь безделицу, это считалось уже поношением всему козачеству: его, как бесчестного, привязывали к позорному столбу и клали возле него дубину, которою всякий проходящий обязан был нанести ему удар, пока таким образом не забивали его на смерть. Не платившего должника приковывали цепью к пушке, где должен был он сидеть до тех пор, пока кто-нибудь из товарищей не решался его выкупить и заплатить за него долг. Но более всего произвела впечатление на Андрия страшная казнь, определенная за смертоубийство. Тут же, при нем, вырыли яму, опустили туда живого убийцу и сверх него поставили гроб, заключающий тело им убиенного, и

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
потом обеих засыпали землю. Долго потом всё чудился ему страшный обряд казни, и всё представлялся этот заживо засыпанный человек вместе с ужасным гробом.

Скоро оба молодые козаки стали на хорошем счету у козаков. Часто вместе с другими товарищами куреня, а иногда со всем куренем и с соседними куренями, выступали они в степи для стрельбы несметного числа всех возможных степных птиц, оленей и коз, или же выходили на озера, реки и протоки, отведенные по жребию каждому куреню, закидать неводы и сети, и тащить богатые тони на продовольствие всего своего куреня. Хотя и не было тут науки, на которой пробуетя козак, но они стали уже заметными между другими молодыми прямою удалью и удачливостью во всем. Бойко и прямо стреляли в цель, переплывали Днепр против течения – дело, за которое новичок принимался торжественно в козацкие круги. Но старый Тарас готовил другую им деятельность. Ему не по душе была такая праздная жизнь – настоящего дела хотел он. Он всё придумывал, как бы поднять Сечь на отважное предприятие, где бы можно было разгуляться, как следует, рыцарю. Наконец в один день пришел к кошевому и сказал ему прямо:

„Что, кошевой, пора бы погулять запорожцам?“

„Негде погулять“, отвечал кошевой, вынувши изо рта маленькую трубку и сплюнув на сторону.

„Как негде? Можно пойти на Турещину или на Татарву.“

„Не можно ни в Турещину, ни в Татарву“, отвечал кошевой, взявши опять хладнокровно в рот свою трубку.

„Как не можно?“

„Так. Мы обещали султану мир.“

„Да ведь он бусурмен: и бог, и святое писание велит бить бусурменов.“

„Не имеем права. Если б не клялись еще нашею верою, то, может быть, и можно было бы; а тепер нет, не можно.“

„Как же не можно?“ Как же ты говоришь: не имеем права? Вот у меня два сына, оба молодые люди. Еще ни разу ни тот, ни другой не был на войне, а ты говоришь, не имеем права; а ты говоришь, не нужно итти запорожцам.“

„Ну, уж не следует так.“

„Так, стало-быть, следует, чтобы пропадала даром козацкая сила, чтобы человек сгинул, как собака, без доброго дела, чтобы ни отчизне, ни всему христианству не было от него никакой пользы? Так на что же мы живем, на какого чорта мы живем, растолкуй ты мне это. Ты человек умный, тебя недаром выбрали в кошевые, растолкуй ты мне, на что мы живем?“

Кошевой не дал ответа на этот запрос. Это был упрямый козак. Он немного помолчал и потом сказал: „А войне все-таки не бывать.“

„Так не бывать войне?“ спросил опять Тарас.

„Нет.“

„Так уж и думать об этом нечего?“

„И думать об этом нечего“.

„Постой же ты, чортов кулак!“ сказал Бульба про себя: „ты у меня будешь знать!“ И положил тут же отмстить кошевому.

Сговорившись с тем и другим, задал он всем попойку, и хмельные козаки, в числе нескольких человек, повалили прямо на площадь, где стояли привязанные к столбу литавры, в которые обыкновенно били сбор на раду. Не нашедши палок, хранившихся всегда у довиша, они схватили по полену в руки и начали колотить в них. На бой прежде всего прибежал довиш, высокий человек с одним только глазом, не смотря, однако ж, на то, страшно заспанным.

„Кто смеет бить в литавры?“ закричал он.

„Молчи! возьми свои палки да и колоти, когда тебе велят!“ отвечали подгулявшие старшины.

Довбиш вынул тотчас из кармана палки, которые он взял с собою, очень хорошо зная окончание подобных происшествий. Литавры грянули, – и скоро на площадь, как шмели, стали собираться черные кучи запорожцев. Все собрались в кружок, и после третьего пробитья показались, наконец, старшины: кошевой с палицей в руке, знаком своего достоинства, судья с войсковою печатью, писарь с чернильницею, и есаул с жезлом. Кошевой и старшины сняли шапки и раскланялись на все стороны козакам, которые гордо стояли, опершись руками в бока.

„Что значит это собрание? Чего хотите, панове?“ сказал кошевой. Брань и крики не дали ему говорить.

„Клади палицу! Клади, чортов сын, сей же час палицу! Не хотим тебя больше!“ кричали из толпы козаки. Некоторые из трезвых куреней хотели, как казалось, противиться; но курени, и пьяные и трезвые, пошли на кулаки. Крик и шум сделался общим.

Кошевой хотел было говорить, но, зная, что разъярившаяся, своевольная толпа может за это прибить его на смерть, что всегда почти бывает в подобных случаях, поклонился очень низко, положил палицу и скрылся в толпе.

„Прикажете, панове, и нам положить знаки достоинства?“ сказали судья, писарь и есаул, и готовились тут же положить чернильницу, войсковую печать и жезл.

„Нет, вы оставайтесь!“ закричали из толпы: „нам нужно было только прогнать кошевого, потому что он баба, а нам нужно человека в кошевые.“

„Кого же выберете теперь в кошевые?“ сказали старшины.

„Кукубенка выбрать!“ кричала часть. „Не хотим кукубенка!“ кричала другая. „Рано ему, еще молоко не обсохло!“

„Шило пусть будет атаманом!“ кричали одни. „Шила посадить в кошевые!“

„В спину тебе шило!“ кричала с бранью толпа. „Что он за козак, когда прокрался, собачий сын, как татарин? К чорту в мешок пьяницу Шила!“

„Бородатого, Бородатого посадим в кошевые!“

„Не хотим Бородатого! К нечистой матери Бородатого!“

„Кричите Кирдюга!“ шепнул Тарас Бульба некоторым.

„Кирдюга! Кирдюга!“ кричала толпа. „Бородатого! Бородатого! Кирдюга! Кирдюга! Шила! К чорту с Шилом! Кирдюга!“

Все кандидаты, услышавши произнесенные свои имена, тотчас же вышли из толпы, чтобы не подать никакого повода думать, будто бы они помогли личным участием своим в избрании.

„Кирдюга! Кирдюга!“ раздавалось сильнее прочих. „Бородатого!“ Дело принялись доказывать кулаками, и Кирдюг восторжествовал.

„Ступайте за Кирдюгом!“ закричали. Человек десяток козаков отделились тут же из толпы; некоторые из них едва держались на ногах, – до такой степени успели нагрузиться, – и отправились прямо к Кирдюгу объявить ему о его избрании.

Кирдюг, хотя престарелый, но умный козак, давно уже сидел в своем курене и как будто бы не ведал ни о чем происходившем. „Что, панове, что вам нужно?“ спросил он.

„Иди, тебя выбрали в кошевые!..“

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
„Помилосердствуйте, панове!“ сказал Кирдюг: „Где мне быть достойну такой чести! Где мне быть кошевым! Да у меня и разума не хватит к отправленью такой должности. Будто уже никого лучшего не нашлось в целом войске?“

„Ступай же, говорят тебе!“ кричали запорожцы. Двое из них схватили его под руки и, как он ни упирался ногами, но был, наконец, притащен на площадь, сопровождаемый бранью, подталкиваниями сзади кулаками, пинками и увещаниями: „Не пятайся же, чортов сын! Принимай же честь, собака, когда тебе дают ее!“ Таким образом введен был Кирдюг в козачий круг.

„Что, панове?“ провозгласили во весь народ приведшие его: „Согласны ли вы, чтобы сей козак был у нас кошевым?“

„Все согласны!“ закричала толпа, и от крику долго гремело всё поле.

Один из старшин взял палицу и поднес ее новоизбранному кошевому. Кирдюг, по обычаю, тотчас же отказался. Старшина поднес в другой раз. Кирдюг отказался и в другой раз и потом уже, за третьим разом, взял палицу. Ободрительный крик раздался по всей толпе, и вновь далеко загулило от козацкого крика всё поле. Тогда выступило из середины народа четверо самых старых, седоусых и седочупрынных козаков (слишком старых не было на Сечи, ибо никто из запорожцев не умирал своею смертью) и, взявши каждый в руки земли, которая на ту пору от бывшего дождя растворилась в грязь, положили ее ему на голову. Стекла с головы его мокрая земля, потекла по усам и по щекам и всё лицо замазала ему грязью. Но Кирдюг стоял, не сдвинувшись, и благодарил козаков за оказанную честь. Таким образом кончилось шумное избрание, которому, неизвестно, были ли так рады другие, как рад был Бульба сначала потому, что отмстил первому кошевому, а потом потому, что Кирдюг был старый его товарищ и бывал с ним в одних и тех же сухопутных и морских походах, деля суровости и труды боевой жизни. Толпа разбрелась тут же праздновать избранье, и поднялась гуляня, какой еще не видали дотоле Остап и Андрий. Винные шинки все были разнесены; мед, горелка и пиво забирались просто, без денег; шинкари были уже рады и тому, что сами остались целы. Вся ночь прошла в криках и песнях, славивших подвиги. И взшедший месяц долго еще видел толпы музыкантов, проходивших по улицам, бандуры, турбаны, круглые балалайки и церковных песельников, которые держались на Сечи для пенья в церкви и для восхваления запорожских дел. Наконец хмель и утомленье стали одолевать крепкие головы. И видно было понемногу, как то там, то в другом месте валился козак. Там товарищ, обнявши товарища, расчувствовавшись и даже оба заплакавши, валились оба на землю. Там гурьбою улегалась целая куча; там выбирал иной, как бы получше ему улечься, и лег прямо на деревянную колоду. Последний, который был покрепче, еще выводил какие-то бессвязные речи; наконец, и того подкосила хмельная сила, и тот повалился – и заснула вся Сечь.

IV.

А на другой день Тарас Бульба уже совещался с новым кошевым, как поднять запорожцев на какое-нибудь дело. Кошевой был умный и хитрый козак, знал вдоль и впоперек запорожцев и сначала сказал: „Не можно клятвы преступить, никак не можно.“ А потом, помолчавши, прибавил: „Ничего, можно; клятвы мы не преступим, а так кое-что придумаем. Пусть только соберется народ, да не то, чтобы по моему приказу, а просто своею охотою. Вы уж знаете, как это сделать. А мы с старшинами тотчас и прибежим на площадь, будто бы ничего не знаем.“

Не прошло часу после их разговора, как уже грянули в литавры. Нашлись вдруг и хмельные и неразумные козаки. Миллион козацких шапок высыпал вдруг на площадь. Поднялся говор: „Кто?.. Зачем?.. Из-за какого дела пробили сбор?“ Никто не отвечал. Наконец, в том и в другом углу стало раздаваться: „Вот пропадает даром козацкая сила: нет войны!.. Вот старшины забайбачились наповал, позаплыли жиром очи!.. Нет, видно, правды на свете!“ Другие козаки слушали сначала, а потом и сами стали говорить: „А и вправду нет никакой правды на свете!“ Старшины казались изумленными от таких речей. Наконец, кошевой вышел вперед и сказал: „Позвольте, панове запорожцы, речь держать!“

„Держи!“

„Вот в рассуждении того теперь идет речь, панове добродийство, да вы, может-быть, и сами лучше это знаете, что многие запорожцы позадолжались в шинки жидам и своим братьям столько, что ни один чорт теперь и веры неймет. Потом

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
опять в рассуждении того пойдет речь, что есть много таких хлопцев, которые еще и в глаза не видали, что такое война, тогда как молодому человеку, – и сами знаете, панове, – без войны не можно пробыть. Какой и запорожец из него, если он еще ни разу не бил бусурмена?“

„Он хорошо говорит“, подумал Бульба.

„Не думайте, панове, чтобы я, впрочем, говорил это для того, чтобы нарушить мир: сохрани бог! Я только так это говорю. Притом же у нас храм божий – грех сказать, что такое: вот сколько лет уже, как, по милости божией, стоит Сечь, а до сих пор не то уже, чтобы наружность церкви, но даже внутренние образа без всякого убранства. Хотя бы серебряную ризу кто догадался им выковать! Они только то и получили, что отказали в духовной ине козаки. Да и даяние их было бедное, потому что они почти всё еще пропили при жизни своей. Так я всё веду речь эту не к тому, чтобы начать войну с бусурменами: ибо мы обещали султану мир, и нам бы великий был грех, потому что мы клялись по закону нашему.“

„Что ж он путает такое?“ сказал про себя Бульба.

„Да, так видите, панове, что войны не можно начать. Рыцарская честь не велит. А, по своему бедному разуму, вот что я думаю: пустить с челнами одних молодых, пусть немного пошарпают берега натолии. Как думаете, панове?“

„Веди, веди всех!“ закричала со всех сторон толпа: „За веру мы готовы положить головы!“

Кошевой испугался; он ничуть не хотел подымать всего Запорожья: разорвать мир ему казалось в этом случае делом неправым. „Позвольте, панове, еще одну речь держать?“

„Довольно!“ кричали запорожцы: „лучшего не скажешь!“

„Когда так, то пусть будет так. Я слуга вашей воли. Уж дело известное, и по писанью известно, что глас народа – глас божий. Уж умнее того нельзя выдумать, что весь народ выдумал. Только вот что: вам известно, панове, что султан не оставит безнаказанно то удовольствие, которым потешатся молодцы. А мы тем временем были бы наготове, и силы у нас были бы свежие, и никого б не побоялись. А во время отлучки и татарва может напасть: они, турецкие собаки, в глаза не кинутся и к хозяину на дом не посмеют прийти, а сзади укусят за пяты, да и больно укусят. Да если уж пошло на то, чтобы говорить правду, у нас и челнов нет столько в запасе, да и пороху не намолото в таком количестве, чтобы можно было всем отправиться. А я, пожалуй, я рад: я слуга вашей воли.“

Хитрый атаман замолчал. Кучи начали переговариваться, куренные атаманы совещаться; пьяных, к счастью, было немного, и потому решились послушаться благоразумного совета.

В тот же час отправились несколько человек на противоположный берег Днепра, в войсковую скарбницу, где, в неприступных тайниках, под водою и в камышах, скрывалась войсковая казна и часть добытых у неприятеля оружий. Другие все бросились к челнам осматривать их и снаряжать в дорогу. Вмиг толпою народа наполнился берег. Несколько плотников явились с топорами в руках. Старые, загорелые, широкоплечие, дюженогие запорожцы, с проседью в усах и черноусые, засучив шаровары, стояли по колени в воде и стягивали их с берега крепким канатом. Другие таскали готовое, сухое бревно и всякое дерево. Там обшивали досками челн; там, переверотивши его вверх дном, конопатили и смолили; там увязывали к бокам других челнов, по козацкому обычаю, связки длинных камышей, чтобы не затопило челнов морскою волною; там, далеко прочь, по всему прибрежью разложили костры и кипятили в медных казанах смолу на заливанье судов. Бывалые и старые поучали молодых. Стук и рабочий крик подымался по всей окружности; весь колебался и двигался живой берег.

В это время большой паром начал причаливать к берегу. Стоявшая на нем куча людей еще издали махала руками. Это были козаки в оборванных свитках. Беспорядочный наряд – у многих ничего не было, кроме рубашки и коротенькой трубки в зубах – показывал, что они или только что избежали какой-нибудь беды, или же до того загулялись, что прогуляли всё, что ни было на теле. Из среды их отделился и стал впереди приземистый, плечистый козак, человек лет пятидесяти. Он кричал и махал

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
рукою сильнее всех, но за стуком и криками рабочих не было слышно его слов.

„А с чем приехали?“ спросил кошевой, когда паром приворачивал к берегу. Все рабочие, остановив свои работы, подняв топоры, долота, прекратили стукотню и смотрели в ожидании.

„С бедою!“ кричал с парома приземистый козак.

„С какою?“

„Позвольте, панове запорожцы, речь держать?“

„Говори!“

„Или хотите, может быть, собрать раду?“

„Говори, мы все тут.“ Берег весь стеснился в одну кучу.

„А вы разве ничего не слышали о том, что делается на Гетьманщине?“

„А что?“ произнес один из куренных атаманов.

„Э! что? Видно, вам татарин заткнул клейтухом уши, что вы ничего не слышали.“

„Говори же, что там делается?“

„А то делается, что и родились и крестились, еще не видали такого.“

„Да говори нам, что делается, собачий сын!“ закричал один из толпы, как видно, потеряв терпение.

„Такая пора теперь завелась, что уже церкви святые теперь не наши.“

„Как не наши?“

„Теперь у жидов они на аренде. Если жиду вперед не заплатишь, то и обедни нельзя править.“

„Что ты толкуешь?“

„И если рассобачий жид не положит значка нечистою своею рукою на святой пасхе, то и святить пасхи нельзя.“

„Врет он, паны братья, не может быть того, чтобы нечистый жид клал значок на святой пасхе!“

„Слушайте!.. еще не то расскажу: и ксендзы ездят теперь по всей Украине в таратайках. Да не то беда, что в таратайках, а то беда, что запрягают уже не коней, а просто православных христиан. Слушайте! еще не то расскажу: уже, говорят, жидовки шьют себе юбки из поповских риз. Вот какие дела водятся на Украине, панове! А вы тут сидите на Запорожьи да гуляете, да, видно, татарин такого задал вам страху, что у вас уже ни глаз, ни ушей – ничего нет, и вы не слышите, что делается на свете.“

„Стой, стой!“ прервал кошевой, дотоле стоявший, углубивши глаза в землю, как и все запорожцы, которые в важных делах никогда не отдавались первому порыву, но молчали и между тем в тишине совокупляли грозную силу негодования. „Стой! и я скажу слово. А что ж вы, – так бы и этак поколотил чорт вашего батька! – что ж вы делали? Разве у вас сабель не было, что ли? Как же вы пустили такому беззаконию?“

„Э, как пустили такому беззаконию! А попробовали бы вы, когда пятьдесят тысяч было одних ляхов, да – и нечего греха таить – были тоже собаки и между нашими, уж приняли их веру.“

„А гетьман ваш, а полковники что делали?“

„Наделали полковники таких дел, что не приведи бог и нам никому.“

„Как?“

„А так, что уж теперь гетьман, зажаренный в медном быке, лежит в Варшаве, а полковничьи руки и головы развозят по ярмаркам на показ всему народу. Вот что наделали полковники!“

Колембулась вся толпа. Сначала на миг пронеслось по всему берегу молчание, которое устанавливается перед свирепою бурей, и потом вдруг поднялись речи, и весь заговорил берег.

„Как, чтобы жида держали на аренде христианские церкви! Чтобы ксендзы запрягали в оглобли православных христиан! Как, чтобы попустить такие мучения на русской земле от проклятых недоверков! Чтобы вот так поступали с полковниками и гетьманом! Да не будет же сего, не будет!“ Такие слова перелетали по всем концам. Зашумели запорожцы и почуяли свои силы. Тут уже не было волнений легкомысленного народа: волновались все характеры тяжелые и крепкие, которые не скоро накалялись, но, накалившись, упорно и долго хранили в себе внутренний жар. „Перевешать всю жидову!“ раздалось из толпы. „Пусть же не шьют из поповских риз юбок своим жидовкам! Пусть же не ставят значков на святых пасхах! Перетопить их всех, поганцев, в Днепре!“ Слова эти, произнесенные кем-то из толпы, пролетели молнией по всем головам, и толпа ринулась на предместье с желанием перерезать всех жидов.

Бедные сыны Израиля, растерявши все присутствие своего и без того мелкого духа, прятались в пустых горелочных бочках, в печках и даже заползвали под юбки своих жидовок; но козаки везде их находили.

„Ясновельможные паны!“ кричал один, высокий и длинный, как палка, жид, высунувши из кучи своих товарищей жалкую свою рожу, исковерканную страхом. „Ясновельможные паны! Слово только дайте нам сказать, одно слово! Мы такое объявим вам, чего еще никогда не слышали, такое важное, что не можно сказать, какое важное!“

„Ну, пусть скажут“, сказал Бульба, который всегда любил выслушать обвиняемого.

„Ясные паны!“ произнес жид. „Таких панов еще никогда не видывано. Ей-богу, никогда! Таких добрых, хороших и храбрых не было еще на свете!..“ Голос его умирал и дрожал от страха. „Как можно, чтобы мы думали про запорожцев что-нибудь нехорошее! Те совсем не наши, те, что арендаторствуют на Украине! Ей-богу, не наши! То совсем не жида: то чорт знает что. То такое, что только поплевать на него, да и бросить! Вот и они скажут то же. Не правда ли, Шлема, или ты, Шмуль?“

„Ей-богу, правда!“ отвечали из толпы Шлема и Шмуль в изодранных яломках, оба белые, как глина.

„Мы никогда еще“, продолжал длинный жид: „не соглашались с неприятелями. А католиков мы и знать не хотим: пусть им чорт приснится! Мы с запорожцами как братья родные...“

„Как? чтобы запорожцы были с вами братья?“ произнес один из толпы. „Не дождетесь, проклятые жида! В Днепр их, панове! Всех потопить, поганцев!“

Эти слова были сигналом. Жидов расхватили по рукам и начали швырять в волны. Жалкий крик раздался со всех сторон, но суровые запорожцы только смеялись, видя, как жидовские ноги в башмаках и чулках болтались на воздухе. Бедный оратор, накликавший сам на свою шею беду, выскочил из кафтана, за который было его ухватили, в одном пегом и узком камзоле, схватил за ноги Бульбу и жалким голосом молил: „Великий господин, ясновельможный пан! я знал и брата вашего, покойного Дороша! Был воин на украшение всему рыцарству. Я ему восемьсот цехинов дал, когда нужно было выкупиться из плена у турков“.

„Ты знал брата?“ спросил Тарас.

„Ей-богу, знал! Великодушный был пан.“

„А как тебя зовут?“

„Янкель.“

„Хорошо“, сказал Тарас и потом, подумав, обратился к козакам и проговорил так: „Жида будет всегда время повесить, когда будет нужно, а на сегодня отдайте его мне.“ Сказавши это, Тарас повел его к своему обозу, возле которого стояли козаки его. „Ну, полезай под телегу, лежи там и не пошевелись; а вы, братцы, не выпускайте жида.“

Сказавши это, он отправился на площадь, потому что давно уже собиралась туда вся толпа. Все бросили вмиг берег и снарядку челнов, ибо предстоял теперь сухопутный, а не морской поход, и не суда да козацкие чайки, – понадобились телеги и кони. Теперь уже все хотели в поход, и старые и молодые; все, с совета всех старшин, куренных, кошевого и с воли всего запорожского войска, положили итти прямо на Польшу, отмстить за всё зло и посрамление веры и козацкой славы, набрать добычи с городов, пустить пожар по деревням и хлебам и пустить далеко по всей степи о себе славу. Всё тут же опоясывалось и вооружалось. Кошевой вырос на целый аршин. Это уже не был тот робкий исполнитель ветреных желаний вольного народа; это был неограниченный повелитель. Это был деспот, умевший только повелевать. Все своевольные и гульливые рыцари стройно стояли в рядах, почтительно опустив головы, не смея поднять глаз, когда он раздавал повеления тихо, не выкрикивая и не торопясь, но с расстановкою, как старый и далеко опытный в деле, приводивший не в первый раз в исполнение разумно замысленные подвиги.

„Осмотритесь, посмотритесь хорошенько все!“ так говорил он. „Исправьте возы и мазницы, испробуйте оружие. Не забирайте много с собой одежды: по сорочке и по двое шаровар на козака, да по горшку саламаты и толченого проса – больше чтоб и не было ни у кого! Про запас будет в возах всё, что нужно. По паре коней чтоб было у каждого козака. Да пар двести взять волов, потому что при переправах и топких местах нужны будут вола. Да порядку держитесь, панове, больше всего. Я знаю, есть между вас такие, что чуть бог пошлет какую корысть, пошли тот же час драть китайку и дорогие оксамиты себе на онучи. Бросьте такую чортову повадку, прочь кидайте всякие юбки, берите одно только оружие, коли попадется доброе, да червонцы или серебро, потому что они емкого свойства и пригодятся во всяком случае. Да вот вам, панове, вперед говорю: если кто в походе напьется, то никакого нет на него суда. Как собаку, повелю его присмыкнуть до обозу, кто бы он ни был, хоть бы найдоблестнейший козак изо всего войска. Как собака, будет он застрелен на месте и кинут безо всякого погребенья на поклев птицам, потому что пьяница в походе недостойн христианского погребенья. Молодые, слушайте во всем старых! Если цапнет пуля, или царапнет саблей по голове или по чему-нибудь иному, не давайте большого уваженья такому делу. Размешайте заряд пороху в чарке сивухи, духом выпейте, и всё пройдет – не будет и лихорадки; а на рану, если она не слишком велика, приложите просто земли, замесивши ее прежде слюною на ладоне, то и присохнет рана. Ну–те же за дело, за дело, хлопцы, да не торопясь принимайтесь за дело!“

Так говорил кошевой, и, как только окончил он речь свою, все козаки принялись тот же час за дело. Вся Сечь отрезвилась, и нигде нельзя было сыскать ни одного пьяного, как будто бы их не было никогда между козаками... Те исправляли ободья колес и переменяли свежие оси в телегах; те сносили на возы мешки с провиантом, на другие валили оружие; те пригоняли коней и волов. Со всех сторон раздавались топот коней, пробная стрельба из ружей, бряканье саблей, бычачье мычанье, скрип поворачиваемых возов, говор и яркий крик и понуканье. И скоро далеко-далеко вытянулся козацкий табор по всему полю. И много досталось бы бежать тому, кто бы захотел перебежать всё пространство от головы до хвоста его. В деревянной небольшой церкви служил священник молебен, окропил всех святою водою; все целовали крест. Когда тронулся табор и потянулся из Сечи, все запорожцы обратили головы назад.

„Прощай, наша мать!“ сказали все почти в одно слово: „пусть же тебя хранит бог от всякого несчастья!“

Проезжая предместье, Тарас Бульба увидел, что жидок его, Янкель, уже разбил какую-то ятку с навесом и продавал кремни, завертки, порох и всякие войсковые снадобья, нужные на дорогу, даже калачи и хлебы. „Каков чортов жид!“ подумал про себя Тарас и, подъехав к нему, сказал:

„Дурень, что ты здесь сидишь? Разве хочешь, чтобы тебя застрелили, как воробья?“

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Янкель в ответ на это подошел к нему поближе и, сделав знак обеими руками, как будто хотел объявить что-то таинственно, сказал:

„Пусть пан только молчит и никому не говорит: между козацкими возами есть один мой воз; я везу всякий нужный запас для казаков и по дороге буду доставлять всякий провиант по такой дешевой цене, по какой еще ни один жид не продавал, ей-богу, так; ей-богу так.“

Пожал плечами Тарас Бульба, подивился бойкой жидовской натуре и отъехал к табору.

V.

Скоро весь польский юго-запад сделался добычею страха. Всюду пронеслись слухи: „Запорожцы!.. показали запорожцы!..“ Всё, что могло спастись, спасалось. Всё подымалось и разбегалось в сей нестройный, изумительно беспечный век, когда не воздвигалось ни крепостей, ни замков, а просто как попало становил на время соломенное жилище свое человек, думая: „Не тратить же на него работу и деньги, когда оно и без того будет снесено дотла татарским набегом!“ Всё всполохнулось: кто менял волов и плуг на коня и ружье и отправлялся в полки; кто прятался, угоняя скот и унося, что только было можно унести. Попадались иногда по дороге такие, которые встречали (хотя бесплодно) вооруженною рукою гостей, но больше было таких, которые бежали заране. Все знали, что трудно иметь дело с сей закаленной вечной бранью толпой, известной под именем запорожского войска, которое среди своевольного неурядиства своего заключало обдуманное устройство во время битвы. Конные ехали, не отягчая и не горяча коней, пешие шли трезво за возами, и весь табор подвигался только по ночам, отдыхая днем и выбирая для того пустыри, незаселенные места и леса, которых было тогда еще вдоволь. Засыланы были вперед лазутчики и рассыльные узнавать и выведывать, где, что и как. И часто в тех местах, где менее всего могли ожидать их, они появлялись вдруг, – и всё тогда прощалось с жизнью. Пожары обхватывали деревни; скот и лошади, которые не угонялись за войском, были избиваемы тут же на месте. Казалось, больше пировали они, чем совершали поход свой. Дыбом воздвигнулся бы ныне волос от тех страшных знаков свирепства полудикого века, которые пронесли везде запорожцы. Избитые младенцы, обрезанные груди у женщин, содранные кожи с ног по колени у выпущенных на свободу, – словом, крупною монетою отплачивали козаки прежние долги. Прелат одного монастыря, услышав о приближении их, прислал от себя двух монахов, чтобы сказать, что они не так ведут себя, как следует; что между запорожцами и правительством стоит согласие; что они нарушают свою обязанность к королю, а с тем вместе и всякое народное право.

„Скажи епископу от меня и от всех запорожцев“, сказал кошевой: „чтобы он ничего не боялся. Это козаки еще только зажигают и раскуривают свои трубки.“

И скоро величественное аббатство обхватилось сокрушительным пламенем, и колоссальные готические окна его сурово глядели сквозь разделявшиеся волны огня. Бегущие толпы монахов, жидов, женщин вдруг омоглоудили те города, где какая-нибудь была надежда на гарнизон и городское рушение. Высылаемая временами правительством запоздалая помощь, из небольших полков, или не могла найти их, или же робела, обращала тыл при первой встрече и улетала на лихих конях своих. Случалось, что многие военачальники королевские, торжествовавшие дотле в прежних битвах, решались, соединя свои силы, стать грудью против запорожцев. И тут-то более всего пробовали себя молодые козаки, чуждавшиеся грабительства, корысти и бессильного неприятеля, горевшие желанием показать себя пред старыми, померяться один на один с бойким и хвастливым ляхом, красовавшимся на горделивом коне, с летавшими по ветру откидными рукавами епанчи. Потешна была наука. Много уже они добыли себе конной сбруи, дорогих сабель и ружей. В один месяц возмужали и совершенно переродились только-что оперившиеся птенцы и стали мужами. Черты лица их, в которых доселе видна была какая-то юношеская мягкость, стали теперь грозны и сильны. А старому Тарасу любо было видеть, как оба сына его были одни из первых. Остапу, казалось, был на роду написан битвенный путь и трудное знание вершить ратные дела. Ни разу не растерявшись и не смутившись ни от какого случая, с хладнокровием, почти неестественным для двадцатидвухлетнего, он в один миг мог вымерять всю опасность и всё положение дела, тут же мог найти средства, как уклониться от нее, но уклониться с тем, чтобы потом верней преодолеть ее. Уже испытанной уверенностью стали теперь означаться его движения, и в них не могли не быть заметны наклонности будущего вождя. Крепкое слышалось в его теле, и рыцарские его качества уже приобрели широкую силу качеств льва.

„О! да этот будет со временем добрый полковник!“ говорил старый Тарас: „ей-ей, будет добрый полковник, да еще такой, что и батька за пояс заткнет!“

Андрей весь погрузился в очаровательную музыку пуль и мечей. Он не знал, что такое значит обдумывать, или рассчитывать, или измерять заранее свои и чужие силы. Бешеную негу и упоенье он видел в битве. Пиршественное зрелось ему в те минуты, когда разгорится у человека голова, в глазах всё мелькает и мешается, летят головы, с громом падают на землю кони, а он несется, как пьяный, в свисте пуль, в сабельном блеске и в собственном жару, нанося всем удары и не слыша нанесенных. И не раз дивился старый Тарас, видя, как Андрей, понуждаемый одним только запальчивым увлечением, устремлялся на то, на что бы никогда не отважился хладнокровный и разумный, и одним бешеным натиском своим производил такие чудеса, которыми не могли не изумиться старые в боях. Дивился старый Тарас и говорил:

„И это добрый – враг бы не взял его! – вояка! не Остап, а добрый, добрый также вояка!“

Войско решилось идти прямо на город Дубно, где, носились слухи, было много казны, богатых обывателей. В полтора дни поход был сделан, и запорожцы показались перед городом. Жители решились защищаться до последних сил и крайности и лучше хотели умереть на площадях и улицах перед своими порогами, чем пустить неприятеля в дома. Высокий земляной вал окружал город; где вал был ниже, там высывалась каменная стена или дом, служивший батареей, или, наконец, дубовый частокол. Гарнизон был силен и чувствовал важность своего дела. Запорожцы жарко было полезли на вал, но были встречены сильною картечью. Мещане и городские обыватели, как видно, тоже не хотели быть праздными и стояли кучею на городском валу. В глазах их можно было читать отчаянное сопротивление; даже женщины решились участвовать, и на головы запорожцам полетели камни, бочки, горшки, горячий вар и, наконец, мешки песку, слепившего очи. Запорожцы не любили иметь дело с крепостями, вести осады была не их часть. Кошевой повелел отступить и сказал:

„Ничего, паны братья, мы отступим. Но будь я поганый татарин, а не христианин, если мы выпустим их хоть одного из города! Пусть их все передохнут, собаки, с голоду!“

Войско, отступив, облегло весь город и, от нечего делать, занялось опустошением окрестностей, выжигая окружные деревни, скирды неубранного хлеба, и напуская табуны коней в нивы, еще не успевшие срезаться серпом, где, как нарочно, колебались тучные колосья, плод необыкновенного урожая, наградившего в ту пору щедро всех земледельцев. С ужасом видели с города, как истреблялись средства их существования. А между тем запорожцы, протянув вокруг всего города в два ряда свои телеги, расположились так же, как и на Сечи, куренями, курили свои люльки, менялись добытым оружием, играли в чехарду, в чет и нечет и посматривали с убийственным хладнокровием на город. Ночью зажигались костры. Кашевары варили в каждом курене кашу в огромных медных казанах. У горевших всю ночь огней стояла бессонная стража. Но скоро запорожцы начали понемногу скучать бездействием и особливо скучною трезвостью, не сопряженною ни с каким делом. Кошевой велел удвоить даже порцию вина, что иногда водилось в войске, если не было трудных подвигов и движений. Молодым, и особенно сынам Тараса Бульбы, не нравилась такая жизнь. Андрей заметно скучал. „Неразумная голова“, говорил ему Тарас: „Терпи козак – атаман будешь! Не тот еще добрый воин, кто не потерял духа в важном деле, а тот добрый воин, кто и на безделье не соскучит, кто всё вытерпит, и хоть ты ему что хочь, а он всё-таки поставит на своем.“ Но не сойтись пылкому юноше с старцем. Другая натура у обоих, и другими очами глядят они на то же дело.

А между тем подоспел Тарасов полк, приведенный Товкачем; с ним было еще два есаула, писарь и другие полковые чины; всех козаков набралось больше четырех тысяч. Было между ними не мало и охочекомонных, которые сами поднялись своею волею, без всякого позыва, как только услышали, в чем дело. Есаулы привезли сыновьям Тараса благословенье от старухи-матери и каждому по кипарисному образу из Межигорского киевского монастыря. Надели на себя святые образа оба брата и невольно задумались, припомнив старую мать свою. Что-то пророчит им и говорит это благословенье? Благословенье ли на победу над врагом и потом веселый возврат на отчизну с добычей и славой, на вечные песни бандуристам, или же?.. Но неизвестно будущее, и стоит оно пред человеком подобно осеннему туману,

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
поднявшемуся из болот. Безумно летают в нем вверх и вниз, черкая крыльями, птицы, не распознавая в очи друг друга, голубка – не видя ястреба, ястреб – не видя голубки, и никто не знает, как далеко летает он от своей гибели...

Остап уже занялся своим делом и давно отошел к курням. Андрий же, сам не зная отчего, чувствовал какую-то духоту на сердце. Уже козаки окончили свою вечерю, вечер давно потухнул; июльская чудная ночь обняла воздух; но он не отходил к курням, не ложился спать и глядел невольно на всю бывшую пред ним картину. На небе бесчисленно мелькали тонким и острым блеском звезды. Поле далеко было занято раскиданными по нем возами с висячими мазницами, облитыми дегтем, и всяким добром и провиантом, набранным у врага. Возле телег, под телегами и подале от телег, – везде были видны разметавшиеся на траве запорожцы. Все они спали в картинных положениях: кто, подмостив себе под голову куль или шапку или употребивши просто бок своего товарища. Сабля, ружье-самопал, короткочубучная трубка, с медными бляхами, железными повертками и огнивом, висела почти у каждого пояса. Тяжелые волю лежали, подвернувши под себя ноги, большими беловатыми массаами и казались издали серыми камнями, раскиданными по отлогости поля. Со всех сторон из травы уже стал подыматься густой храп спящего воинства, на который отзывались из поля звонкими ржаннями жеребцы, негодующие на свои спутанные ноги. А между тем величественное и грозное примешалось к красоте июльской ночи. Это были зарева вдали догоравших окрестностей. В одном месте пламя спокойно и величественно стлалось по небу; в другом, встретив что-то горючее и вдруг вырвавшись вихрем, оно свистело и летело вверх под самые звезды, и оторванные охлопья его гаснули под самыми дальними небесами. Там обгорелый черный монастырь, как суровый картезианский монах, стоял грозно, выказывая при каждом отблеске мрачное свое величие. Там горел монастырский сад. Казалось, слышно было, как деревья шипели, обвиваясь дымом, и когда выскакивал огонь, он вдруг освещал фосфорическим, лилово-огненным светом спелые гроздия слив, или обращал в червонное золото там и там желтевшие груши, и тут же среди их чернело висевшее на стене здания или на древесном суку тело бедного жида или монаха, погибавшее вместе с строением в огне. Над огнем вились вдали птицы, казавшиеся кучею темных мелких крестиков на огненном поле. Обложенный город, казалось, уснул. Шпицы, и кровли, и частокол, и стены его тихо вспыхивали отблесками отдаленных пожарищ. Он обошел козацкие ряды. Костры, у которых сидели сторожа, готовились ежеминутно погаснуть, и самые сторожа спали, как видно перекусивши сильно чего-нибудь во весь козацкий аппетит. Он подивился немного такой беспечности, подумавши: „Хорошо, что нет близко никакого сильного неприятеля и некого опасаться“. Наконец, и сам подошел он к одному из возов, взлез на него и лег на спину, подложивши себе под голову сложенные назад руки; но не мог заснуть и долго глядел на небо. Оно всё было открыто пред ним; чистота и прозрачность стояла в воздухе. Гущина звезд, составлявшая млечный путь, косвенным поясом переходившая небо, вся была залита в свету. Временами он как будто позабывался, и какой-то легкий туман дремоты заслонял на миг пред ним небо, и потом оно опять очищалось и вновь становилось видно. В это время, показалось ему, мелькнул пред ним какой-то странный образ человеческого лица. Думая, что было то простое обаяние сна, и сей же час рассеется, он раскрыл сильнее глаза свои и увидел, что к нему точно наклонилось какое-то изможденное, высохшее лицо и смотрело прямо ему в очи. Длинные и черные, как уголь, волосы, неприбранные, растрепанные, лезли из-под темного наброшенного на голову покрывала. И странный блеск взгляда, и мертвенная смуглота лица, выступавшего резкими чертами, заставили бы скорее подумать, что это был призрак. Он схватился невольно рукой за пицаль и произнес почти судорожно: „Кто ты? Коли дух нечистый, сгинь с глаз; коли живой человек, не в пору завел шутку, – убью с одного прицела“.

В ответ на это привидение приставило палец к губам и, казалось, молило о молчании. Он опустил руку и стал вглядываться в него внимательней. По длинным волосам, шее и полуобнаженной смуглой груди распознал он женщину. Но она была не здешняя уроженка. Всё лицо было смугло, изнурено недугом; широкие скулы выступали сильно над опавшими под ними щеками; узкие очи подымались дугообразным разрезом кверху, и чем более он всматривался в черты ее, тем более находил в них что-то знакомое. Наконец, он не вытерпел, чтобы не спросить: „Скажи, кто ты? Мне кажется, как будто я знал тебя или видел где-нибудь?“

„Два года назад тому в Киеве.“

„Два года назад... в Киеве...“ повторил Андрий, стараясь перебрать всё, что уцелело в его памяти от прежней бурсацкой жизни. Он посмотрел еще раз на нее пристально и вдруг вскрикнул во весь голос: „Ты – татарка! служанка панночки, воеводиной

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
дочки!..“

„Чшш!“ произнесла татарка, сложив с умоляющим видом руки, дрожа всем телом и оборотя в то же время голову назад, чтобы видеть, не проснулся ли кто-нибудь от такого сильного вскрика, произведенного Андрием.

„Скажи, скажи, отчего, как ты здесь?“ говорил Андрий, шопотом, почти задышающимся и прерывавшимся всякую минуту от внутреннего волнения. „Где панночка? жива еще?“

„Она тут, в городе.“

„В городе?“ произнес он, едва опять не вскрикнувши, и почувствовал, что вся кровь вдруг прихлынула к сердцу: „отчего ж она в городе?“

„Оттого, что сам старый пан в городе. Он уже полтора года, как сидит воеводой в Дубне“.

„Что ж, она замужем? Да говори же, – какая ты странная! что она теперь?..“

„Она другой день ничего не ела.“

„Как?..“

„Ни у кого из городских жителей нет уже давно куска хлеба, все давно едят одну землю.“

Андрий остолбенел.

„Панночка видала тебя с городского валу вместе с запорожцами. Она сказала мне: „Ступай, скажи рыцарю: если он помнит меня, чтобы пришел ко мне; а не помнит, – чтобы дал тебе кусок хлеба для старухи, моей матери, потому что я не хочу видеть, как при мне умрет мать. Пусть лучше я прежде, а она после меня. Проси и хватай его за колени и ноги. У него также есть старая мать, – чтоб ради ее дал хлеба!“

Много всяких чувств пробудилось и вспыхнуло в молодой груди козака.

„Но как же ты здесь? Как ты пришла?“

„Подземным ходом.“

„Разве есть подземный ход?“

„Есть.“

„Где?“

„Ты не выдашь, рыцарь?“

„Клянусь крестом святым!“

„Спустишься в яр и перейдя проток, там, где тростник.“

„И выходит в самый город?“

„Прямо к городскому монастырю.“

„Идем, идем сейчас!“

„Но, ради Христа и святой Марии, кусок хлеба!“

„Хорошо, будет. Стой здесь возле воза, или, лучше, ложись на него: тебя никто не увидит, все спят; я сейчас ворочусь.“

И он отошел к возам, где хранились запасы, принадлежавшие их куреню. Сердце его билось. Всё минувшее, что было закрыто, заглушено нынешними козацкими биваками, суровой бранною жизнью, – всё всплыло разом на поверхность, потопивши, в свою

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogo1nikolaj.ru
очередь, что было теперь. Опять вынырнула перед ним, как из темной морской пучины, гордая женщина. Вновь сверкнули в его памяти прекрасные руки, очи, смеющиеся уста, густые темноореховые волосы, курчаво распавшиеся по грудям, и все упругие, в согласном сочетаньи созданные члены девического стана. Нет, они не погасали, не исчезали в груди его, они посторонились только, чтобы дать на время простор другим могучим движеньям; но часто, часто смущался ими глубокий сон молодого козака. И, проснувшись, долго лежал он без сна на одре, не умея истолковать тому причины.

Он шел, а биение сердца становилось сильнее, сильнее при одной мысли, что увидит ее опять, и дрожали молодые колени. Пришедши к возам, он совершенно позабыл, зачем пришел: поднес руку ко лбу и долго тер его, стараясь припомнить, что ему нужно делать. Наконец вздрогнул, весь исполнен испуга: ему вдруг пришло на мысль, что она умирает от голода. Он бросился к возу и схватил несколько больших черных хлебов себе под руку, но подумал тут же, не будет ли эта пища, годная для дюжего, неприхотливого запорожца, груба и неприлична ее нежному сложению. Тут вспомнил он, что вчера кошевой попрекал кашеваров за то, что сварили за один раз всю гречневую муку на саламату, тогда как бы ее стало на добрых три раза. В полной уверенности, что он найдет вдоволь саламаты в казанах, он вытащил отцовский походный казанок и с ним отправился к кашевару их куреня, спавшему у двух десятиведерных казанов, под которыми еще теплилась зола. Заглянув в них, он изумился, видя, что оба пусты. Нужно было нечеловеческих сил, чтобы съесть, тем более, что в их курене считалось меньше людей, чем в других. Он заглянул в казаны других куреней, – везде ничего. Поневоле пришла ему в голову поговорка: „Запорожцы, как дети: коли мало – съедят, коли много, – тоже ничего не оставят.“ Что делать? Был, однако же, где-то, кажется, на возу отцовского полка, мешок с белым хлебом, который нашли, ограбивши монастырскую пекарню. Он прямо подошел к отцовскому возу, но на возе уже его не было: Остап взял его себе под головы и, растянувшись возле на земле, храпел на всё поле. Он схватил мешок одной рукой и дернул его вдруг так, что голова Остапа упала на землю, а он сам вскочил впросонках и, сидя с закрытыми глазами, кричал, что было мочи: „Держите, держите чортова ляха, да ловите коня, коня ловите!“ „Замолчи, я тебя убью!“ закричал в испуге Андрий, замахнувшись на него мешком. Но Остап и без того уже не продолжал речи, присмирел и пустил такой храп, что от дыхания шевелилась трава, на которой он лежал. Андрий робко оглянулся на все стороны, чтобы узнать, не пробудил ли кого-нибудь из козаков сонный бред Остапа. Одна чубатая голова, точно, приподнялась в ближнем курене и, поводя очами, скоро опустилась опять на землю. Переждав минуты две, он, наконец, отправился с своею ношею. Татарка лежала, едва дыша. „Вставай, идем! Все спят, не бойся! Подымешь ли ты хоть один из этих хлебов, если мне будет несподручно захватить все?“ Сказав это, он взвалил себе на спину мешки, стащил, проходя мимо одного воза, еще один мешок с просом, взял даже в руки те хлебы, которые хотел было отдать нести татарке, и, несколько понагнувшись под тяжестью, шел отважно между рядами спавших запорожцев.

„Андрий!“ сказал старый Бульба в то время, когда он проходил мимо его. Сердце его замерло. Он остановился и, дрожа, тихо произнес: „А что?“

„С тобою баба! Ей, отдеру тебя, вставши, на все бока! Не доведут тебя бабы к добру!“ Сказавши, он оперся головою на локоть и стал пристально рассматривать закутанную в покрывало татарку.

Андрий стоял ни жив, ни мертв, не имея духа взглянуть в лицо отцу. И потом, когда поднял глаза и посмотрел на него, увидел, что уже старый Бульба спал, положив голову на ладонь.

Он перекрестился. Вдруг отхлынул от сердца испуг еще скорее, чем прихлынул. Когда же поворотился он, чтобы взглянуть на татарку, она стояла пред ним, подобно темной гранитной статуе, вся закутанная в покрывало, и отблеск отдаленного зарева, вспыхнув, озарил только одни ее очи, одеревеневшие, как у мертвеца. Он дернул за рукав ее, и оба пошли вместе, беспрестанно оглядываясь назад и, наконец, опустились отлогостью в низменную ложину, – почти яр, называемый в некоторых местах балками, – по дну которой лениво пресмыкался проток, поросший осокой и усеянный кочками. Опустясь в сию ложину, они скрылись совершенно из виду всего поля, занятого запорожским табором. По крайней мере, когда Андрий оглянулся, то увидел, что позади его крутою стеной, более, чем в рост человека, вознеслась покатошь. На вершине ее покачивалось несколько стебельков полевого былья, и над ними поднималась на небо луна, в виде косвенно

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
обращенного серпа из яркого червонного золота. Сорвавшийся со степи ветерок давал знать, что уже немного оставалось времени до рассвета. Но нигде не слышно было отдаленного петушьего крика: ни в городе, ни в разоренных окрестностях не оставалось давно ни одного петуха. По небольшому бревну перебрались они через проток, за которым возносился противоположный берег, казавшийся выше бывшего у них назад, выходявший совершенным обрывом. Казалось, в этом месте был крепкий и надежный сам собою пункт городской крепости; по крайней мере, земляной вал был тут ниже и не выглядывал из-за него гарнизон. Но зато подалее подымалась толстая монастырская стена. Обрывистый берег весь оброс бурьяном, и по небольшой лощине между им и протоком рос высокий тростник, почти в высоту человека. На вершине обрыва видны были остатки плетня, обличавшие когда-то бывший огород. Перед ним видны были широкие листья лопуха; из-за него торчала лебеда, дикий колючий бодяк и подсолнечник, подымавший выше всех их свою голову. Здесь татарка скинула с себя черевки и пошла босиком, подобрав осторожно свое платье, потому что место было топко и наполнено водою. Пробираясь меж тростником, остановились они перед наваленным хворостом и фашиником. Отклонив хворост, нашли они род земляного свода – отверстие, мало чем большее отверстия, бывающего в хлебной печи. Татарка, наклонив голову, вошла первая; вслед за нею Андрий, нагнувшись сколько можно ниже, чтобы можно было пробраться с своими мешками, и скоро очутились оба в совершенной темноте.

VI.

Андрий едва двигался в темном и узком земляном коридоре, следуя за татаркой и таща на себе мешки хлеба. „Скоро нам будет видно“, сказала проводница: „мы подходим к месту, где поставила я светильню.“ И точно, темные земляные стены начали понемногу озаряться. Они достигли небольшой площадки, где, казалось, была часовня; по крайней мере, к стене был приставлен узенький столик в виде алтарного престола, и над ним виден был почти совершенно изгладившийся, полинявший образ католической Мадонны. Небольшая серебряная лампадка, пред ним висевшая, чуть-чуть озаряла его. Татарка наклонилась и подняла с земли оставленную медную светильню, на тонкой высокой ножке, с висевшими вокруг ее на цепочках щипцами, шпилем для поправления огня и гасильником. Взявши ее, она зажгла ее огнем от лампы. Свет усилился, и они, идя вместе, то освещаясь сильно огнем, то набрасываясь темною, как уголь, тенью, напоминали собою картины жерардо della notte. Свежее, кипящее здоровьем и юностью, прекрасное лицо рыцаря представляло сильную противоположность с изнуренным и бледным лицом его спутницы. Проход стал несколько шире, так что Андрию можно было пораспрячься. Он с любопытством рассматривал сии земляные стены, напомнившие ему киевские пещеры. Так же, как и в пещерах киевских, тут видны были углубления в стенах, и стояли кое-где гробы; местами даже попадались просто человеческие кости, от сырости сделавшиеся мягкими и рассыпавшиеся в муку. Видно, и здесь также были святые люди и укрывались также от мирских бурь, горя и обольщений. Сырость местами была очень сильна: под ногами их иногда была совершенная вода. Андрий должен был часто останавливаться, чтобы дать отдохнуть своей спутнице, которой усталость возобновлялась беспрестанно. Небольшой кусок хлеба, проглоченный ею, произвел только боль в желудке, отвыкшем от пищи, и она оставалась часто без движения по несколько минут на одном месте. Наконец перед ними показалась маленькая железная дверь. „Ну, слава богу, мы пришли“, сказала слабым голосом татарка, приподняла руку, чтобы постучать, – и не имела сил. Андрий ударил вместо нее сильно в дверь; раздался гул, показывавший, что за дверью был большой простор. Гул этот изменялся, встретив, как казалось, высокие своды. Через минуты две загремели ключи, и кто-то, казалось, сходил по лестнице. Наконец дверь отперлась; их встретил монах, стоявший на узенькой лестнице, с ключами и свечой в руках. Андрий невольно остановился при виде католического монаха, возбуждавшего такое ненавистное презрение в козаках, поступавших с ними бесчеловечней, чем с жидами. Монах тоже несколько отступил назад, увидев запорожского козака, но слово, невнятно произнесенное татаркою, его успокоило. Он посветил им, запер за ними дверь, ввел их по лестнице вверх, и они очутились под высокими, темными сводами монастырской церкви. У одного из алтарей, уставленного высокими подсвечниками и свечами, стоял на коленях священник и тихо молился. Около него с обеих сторон стояли также на коленях два молодые клирошанина в лиловых мантиях, с белыми кружевными шемизетками сверх их и с кадилами в руках. Он молился о ниспослании чуда: о спасении города, о подкреплении падающего духа, о ниспослании терпения, о удалении искусителя, нашептывающего ропот и малодушный, робкий плач на земные несчастья. Несколько женщин, похожих на привидения, стояли на коленях, опершись и совершенно положив изнеможенные головы на спинки стоявших перед ними стульев и темных деревянных

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
лавок; несколько мужчин, прислонясь у колонн и пилястр, на которых возлегли боковые своды, печально стояли тоже на коленях. Окно с цветными стеклами, бывшее над алтарем, озарилось розовым румянцем утра, и упали от него на пол голубые, желтые и других цветов кружки света, осветившие внезапно темную церковь. Весь алтарь в своем далеком углублении показался вдруг в сиянии; кадилый дым остановился на воздухе радужно освещенным облаком. Андрий не без изумления глядел из своего темного угла на чудо, произведенное светом. В это время величественный рев органа наполнил вдруг всю церковь. Он становился гуще и гуще, разрастался, перешел в тяжелые ропоты грома и потом вдруг, обратившись в небесную музыку, понесся высоко под сводами своими поющими звуками, напоминая тонкие девичьи голоса, и потом опять обратился он в густой рев и гром и затих. И долго еще громовые ропоты носились, дрожа, под сводами, и дивился Андрий с полуоткрытым ртом величественной музыке. В это время, почувствовал он, кто-то дернул его за полу кафтана. „Пора!“ сказала татарка. Они перешли через церковь, незамеченные никем, и вышли потом на площадь, бывшую перед нею. Заря уже давно румянилась на небе: всё возвещало восхождение солнца. Площадь, имевшая квадратную фигуру, была совершенно пуста; посредине ее оставались еще деревянные столики, показывавшие, что здесь был еще неделю, может-быть, только назад рынок съестных припасов. Мостовая, которых тогда не было в обыкновении делать, была просто засохшая гряда грязи. Площадь обступали вокруг небольшие каменные и глиняные в один этаж дома с видными в стенах деревянными сваями и столбами, шедшими во всю высоту стены, косвенно перекрещенные деревянными же связями, как вообще строили дома тогдашние обыватели, что можно видеть и поныне в некоторых местах Литвы и Польши. Все почти они были покрыты непомерно высокими крышами, наполненными множеством слуховых окон и отдушин. На одной стороне, почти близ церкви, выше других возносилось совершенно отличное от прочих здание, вероятно, городской магистрат или какое-нибудь правительственное место. Оно было в два этажа и над ним вверху надстроен был в две арки бельведер, где стоял часовой; большой часовой циферблат вделан был в крышу. Площадь казалась мертвою, но Андрию почудилось какое-то слабое стеноение. Рассматривая, он заметил на другой стороне ее группу из двух-трех человек, лежавших почти без всякого движения на земле. Он вперил глаза внимательней, чтобы рассмотреть, заснувшие ли это были, или умершие, и в это время наткнулся на что-то, лежавшее у ног его. Это было мертвое тело женщины, повидимому, жидовки. Казалось, она была еще молода, хотя в искаженных, изможденных чертах ее нельзя было того видеть. На голове ее был красный шелковый платок; жемчуги или бусы в два ряда украшали ее наушники: две-три длинные, все в завитках кудри выпадали из-под них на ее высохшую шею с натянувшимися жилами. Возле нее лежал ребенок, судорожно схвативший рукою за тощую грудь ее и скрутивший ее своими пальцами от невольной злости, не нашед в ней молока. Он уже не плакал и не кричал, и только по тихо опускавшемуся и подымавшемуся животу его можно было думать, что он еще не умер, или, по крайней мере, еще только готовился испустить последнее дыханье. Они повертели в улицы и были остановлены вдруг каким-то беснующимся, который, увидев у Андрия драгоценную ношу, кинулся на него, как тигр, вцепился в него, крича: „хлеба!“ Но сил не было у него, ровных бешенству; Андрий оттолкнул его: он полетел на землю. Движимый состраданием, он швырнул ему один хлеб, на который тот бросился, подобно бешеной собаке, изгрыз, искусал его и тут же на улице в страшных судорогах испустил дух от долгой отвычки принимать пищу. Почти на каждом шагу поражали их страшные жертвы голода. Казалось, как будто, не вынося мучений в домах, многие нарочно выбежали на улицу: не ниспошлется ли в воздухе чего-нибудь, питающего силы. У ворот одного дома сидела старуха, и нельзя сказать, заснула ли она, умерла или, просто, позабылась: по крайней мере, она уже не слышала и не видела ничего и, опустив голову на грудь, сидела недвижимо на одном и том же месте. С крыши другого дома висело вниз, на веревочной петле, вытянувшееся, исчахлое тело. Бедняк не мог вынести до конца страданий голода и захотел лучше произвольным самоубийством ускорить конец свой. При виде сих поражающих свидетельств, Андрий не вытерпел не спросить татарку: „Неужели они, однако ж, совсем не нашли, чем пробавить жизнь? Если человеку приходит последняя крайность, тогда, делать нечего, он должен питаться тем, чем дотоле брезгал; он может питаться теми тварями, которые запрещены законом; всё может тогда пойти в снесь“.

„Всё переели“, сказала татарка: „всю скотину. Ни коня, ни собаки, ни даже мыши не найдешь во всем городе. У нас в городе никогда не водилось никаких запасов; всё привозилось из деревень.“

„Но как же вы, умирая такую лютою смертью, всё еще думаете оборонить город?“

„Да, может быть, воевода и сдал бы, но вчера утром полковник, который в Бужанах, пустил в город ястреба с запиской, чтобы не отдавали города; что он идет на выручку с полком, да ожидает только другого полковника, чтоб итти обеим вместе. И теперь всякую минуту ждут их... Но вот мы пришли к дому.“

Андрий уже издали видел дом, непохожий на другие и, как казалось, строенный каким-нибудь архитектором итальянским. Он был сложен из красивых тонких кирпичей в два этажа. Окна нижнего этажа были заключены в высоко выдававшиеся гранитные карнизы; верхний этаж состоял весь из небольших арок, образовавших галлерею; между ними были видны решетки с гербами. На углах дома тоже были гербы. Наружная широкая лестница из крашеных кирпичей выходила на самую площадь. У ног лестницы сидели по одному часовому, которые картинно и симметрически держались одной рукой за стоявшие около них алебарды, а другою подпирали наклоненные свои головы и, казалось, таким образом более походили на изваяния, чем на живые существа. Они не спали и не дремали, но, казалось, были нечувствительны ко всему: они не обратили даже внимания на то, кто восходил по лестнице. Наверху лестницы они нашли богато убранного, всего с ног до головы вооруженного воина, державшего в руке молитвенник. Он было возвел на них истомленные очи, но татарка сказала ему одно слово, и он опустил их вновь в открытые страницы своего молитвенника. Они вступили в первую комнату, довольно просторную, служившую приемною, или, просто, переднею. Она была наполнена вся сидевшими в разных положениях у стен солдатами, слугами, псарями, виночерпиями и прочей дворней, необходимою для показания сана польского вельможи, как военного, так и владельца собственных поместьев. Слышен был чад погаснувшей свечки. Две другие еще горели в двух огромных, почти в рост человеку подсвечниках, стоявших посередине, несмотря на то, что уже давно в решетчатое широкое окно глядело утро. Андрий уже было хотел итти прямо в широкую дубовую дверь, украшенную гербом и множеством резных украшений, но татарка дернула его за рукав и указала маленькую дверь в боковой стене. Этою вышли они в коридор и потом в комнату, которую он не мог хорошо рассмотреть. Свет, проходивший сквозь щель ставня, тронул кое-что: малиновый занавес, позолоченный карниз и живопись на стене. Здесь татарка указала Андрию остаться, отворила дверь в другую комнату, из которой блеснул свет огня. Он услышал шопот и тихий голос, от которого всё потряслось у него. Он видел сквозь растворившуюся дверь, как мелькнула быстро стройная женская фигура с длинною роскошною косою, упадавшею на поднятую кверху руку. Татарка возвратилась и сказала, чтобы он взошел. Он не помнил, как взошел и как затворилась за ним дверь. В комнате горели две свечи; лампа теплилась перед образом; под ним стоял высокий столик, по обычаю католическому, со ступеньками для преклонения коленей во время молитвы. Но не того искали глаза его. Он повернулся в другую сторону и увидел женщину, казалось, застывшую и окаменевшую в каком-то быстром движении. Казалось, как будто вся фигура ее хотела броситься к нему и вдруг остановилась. И он остался также изумленным пред нею. Не такою воображал он ее видеть: это была не она, не та, которую он знал прежде; ничего не было в ней похожего на ту, но вдвое прекраснее и чудеснее была она теперь, чем прежде. Тогда было в ней что-то неконченное, недовершенное, теперь это было произведение, которому художник дал последний удар кисти. Та была прелестная, ветреная девушка; эта была красавица – женщина во всей разившейся красе своей. Полное чувство выражалось в ее поднятых глазах, не отрывки, не намеки на чувство, но всё чувство. Еще слезы не успели в них высохнуть и облекли их блистающею влагою, проходившею душу. Грудь, шея и плечи заключились в те прекрасные границы, которые назначены вполне разившейся красоте; волосы, которые прежде разносились легкими кудрями по лицу ее, теперь обратились в густую роскошную косу, часть которой была подобрана, а часть разбросалась по всей длине руки и тонкими, длинными, прекрасно согнутыми волосами упала на грудь. Казалось, все до одной изменились черты ее. Напрасно силился он в них отыскать хотя одну из тех, которые носились в его памяти, – ни одной! Как ни велика была ее бледность, но она не помрачила чудесной красоты ее; напротив, казалось, как будто придала ей что-то стремительное, неотразимо-победоносное. И ощутил Андрий в своей душе благоговейную боязнь и стал неподвижен перед нею. Она, казалось, также была поражена видом козака, представшего во всей красе и силе юношеского мужества, который, казалось, и в самой неподвижности своих членов уже обличал развязную вольность движений; ясною твердостью сверкал глаз его, смелою дугою выгнулась бархатная бровь, загорелая щека блистала всею яркостью девственного огня, и, как шелк, лоснился молодой черный ус.

„Нет, я не в силах ничем возблагодарить тебя, великодушный рыцарь“, сказала она, и весь колебался серебряный звук ее голоса: „Один бог может возблагодарить тебя; не мне, слабой женщине...“ Она потупила книзу свои очи; прекрасными, снежными

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
полукружьями надвинулись на них веки, окраенные длинными, как стрелы, ресницами. Наклонилась всё чудесное лицо ее, и тонкий румянец оттенил его снизу. Ничего не умел сказать на это Андрий. Он хотел бы выговорить всё, что ни есть на душе, – выговорить его так же горячо, как оно было на душе, – и не мог. Почувствовал он что-то заградившее ему уста: звук отнялся у слова: почувствовал он, что не ему, воспитанному в бурсе и бранной кочевой жизни, отвечать на такие речи, и вознегодовал на свою козацкую натуру.

В то время вошла в комнату татарка. Она уже успела нарезать ломтями принесенный рыцарем хлеб и яства, несла их на золотом блюде и поставила перед своею панною. Красавица взглянула на нее, на хлеб и возвела очи на Андрия, – и много было в очах тех. Сей умиленный взор, выказавший изнеможенье и бессилье выразить обнявшие чувства, был более доступен Андрию, чем все речи. Его душе вдруг стало легко; казалось, всё развязалось у него. Всё, что дотоле удерживалось какою-то тяжкою уздою, теперь почувствовало себя на свободе, на воле, и уже хотело излиться в неукротимые потоки слов, как вдруг красавица, оборотясь к татарке, беспокойно спросила:

„А мать? Ты отнесла ей?“

„Она спит.“

„А отцу?“

„Отнесла. Он сказал, что придет сам благодарить рыцаря.“

Она взяла хлеб и поднесла его ко рту. Андрий приникнул духом и только глядел, как она ломала его блистающими пальцами своими и ела; и вдруг вспомнил о бесновавшемся от голода, который испустил дух в глазах его, проглотивши кусок хлеба. Он побледнел, и, схватив ее за руку, закричал: „Довольно! не ешь больше! Ты так долго не ела, тебе хлеб будет теперь ядовит.“ И она опустила тут же свою руку, положила хлеб на блюдо и, как покорный ребенок, смотрела ему в очи. И пусть бы выразило чье-нибудь слово... но не властны выразить ни резец, ни кисть, ни высоко-могучее слово того, что выдается иной раз в взорах девы, ниже того умиленного чувства, которым объемлется глядящий в такие взоры девы.

„Царица!“ вскрикнул Андрий, полный и сердечных, и душевных, и всяких избытков: „Что тебе нужно? чего ты хочешь? прикажи мне! Задай мне службу самую невозможную, какая только есть на свете, – я побегу исполнять ее! Скажи мне сделать то, чего не в силах сделать ни один человек, – я сделаю, я погублю себя. Погублю, погублю! и погубить себя для тебя, клянусь святым крестом, мне так сладко... но не в силах сказать того! У меня три хутора, половина табунов отцовских – мои, всё, что принесла отцу мать моя, что даже от него скрывает она – всё мое. Такого ни у кого нет теперь у козаков наших оружия, как у меня: за одну рукоять моей сабли дают мне лучший табун и три тысячи овец. И от всего этого откажусь, кину, брошу, сожгу, затоплю, если только ты вымолвишь одно слово или хотя только моргнешь своею тонкою, черною бровью! Но знаю, что, может-быть, несую глупые речи, и некстати, и нейдет всё это сюда, что не мне, проведенному жизнь в бурсе и на Запорожьи, говорить так, как в обычае говорить там, где бывают короли, князья и всё, что ни есть лучшего в вельможном рыцарстве. Вижу, что ты иное творенье бога, нежели все мы, и далеки пред тобою все другие боярские жены и дочери-девы. Мы не годимся быть твоими рабами; только небесные ангелы могут служить тебе“.

С возрастающим изумлением, вся превратившись в слух, не проронив ни одного слова, слушала дева открытую сердечную речь, в которой, как в зеркале, отражалась молодая, полная сил душа. И каждое простое слово сей речи, выговоренное голосом, летевшим прямо с сердечного дна, было облечено в силу. И выдалось вперед всё прекрасное лицо ее, отбросила она далеко назад досадные волосы, открыла уста и долго сидела с открытыми устами. Потом хотела что-то сказать и вдруг остановилась, и вспомнила, что другим назначеньем ведется рыцарь, что отец, братья и вся отчизна его стоят позади его суровыми мстителями, что страшны облегшие город запорожцы, что лютой смерти обречены все они с своим городом... И глаза ее вдруг наполнились; быстро она схватила платок, шитый шелками, набросила себе на лицо его, и он в минуту стал весь влажен; и долго сидела, забросив назад свою прекрасную голову, сжав белоснежными зубами свою прекрасную нижнюю губу, – как бы внезапно почувствовав какое укушение ядовитого гада, – и не снимая с лица платка, чтобы он не видел ее сокрушительной грусти.

„Скажи мне одно слово!“ сказал Андрий и взял ее за атласную руку. Сверкающий огонь пробежал по жилам его от сего прикосновенья, и жал он руку, лежавшую бесчувственно в руке его.

Но она молчала, не отнимала платка от лица своего и оставалась неподвижна.

„Отчего же ты так печальна? Скажи мне, отчего ты так печальна?“

Бросила прочь она от себя платок, отдернула належавшие на очи длинные волосы косы своей и вся разлилась в жалостных речах, выговаривая их тихим-тихим голосом, подобно когда ветер, поднявшись прекрасным вечером, пробежит вдруг по густой чаще приводного тростника: зашелестят, зазвучат и понесутся вдруг унывно-тонкие звуки, и ловит их с непонятной грустью остановившийся путник, не чуя ни погасающего вечера, ни несущихся веселых песен народа, бредущего от полевых работ и жнив, ни отдаленного тарыхтанья где-то проезжающей телеги, – наносящих легких вечерних мечтаний человеку.

„Не достойна ли я вечных жалоб? Не несчастна ли мать, родившая меня на свет? Не горькая ли доля пришла на часть мне? Не лютой ли ты палач мой, моя свирепая судьба? Всех ты привела мне в ноги: лучших дворян из всего шляхетства, богатейших панов, графов и иноземных баронов, и всё, что ни есть цвет нашего рыцарства. Всем им было вольно любить меня, и за великое благо всякий из них почел бы любовь мою. Стоило мне только махнуть рукой, и любой из них, красивейший, прекраснейший лицом и породой, стал бы моим супругом. И ни к одному из них не причаровала ты моего сердца, свирепая судьба моя; а причаровала мое сердце, мимо лучших витязей земли нашей, к чуждому, к врагу нашему. За что же ты, пречистая божья мать, за какие грехи, за какие тяжкие преступления так неумолимо и беспощадно гонишь меня? В изобилии и роскошном избытке всего текли дни мои: лучшие, дорогие блюда и сладкие вина были мне снедью. И на что всё это было? к чему оно все было? К тому ли, чтобы, наконец, умереть лютою смертью, какой не умирает последний нищий в королевстве? И мало того, что осуждена я на такую страшную участь; мало того, что перед концом своим должна видеть, как станут умирать в невыносимых муках отец и мать, для спасенья которых двадцать раз готова бы была отдать жизнь свою; мало всего этого: нужно, чтобы перед концом своим мне довелось увидеть и услышать слова и любовь, какой не видала я. Нужно, чтобы он речами своими разодрал на части мое сердце, чтобы горькая моя часть была еще горше, чтобы еще жалче было мне моей молодой жизни, чтобы еще страшнее казалась мне смерть моя, и чтобы еще больше, умирая, попрекала я тебя, свирепая судьба моя, и тебя, – прости мое прегрешение, – святая божья мать!“

И когда затихла она, безнадежное, безнадежное чувство отразилось в лице ее; ноющею грустью заговорила всякая черта его, и всё, от печально поникшего лба и опустившихся очей до слез, застывших и засохнувших по тихо пламенившим щекам ее, всё, казалось, говорило: „Нет счастья на лице сем!“

„Не слыхано на свете, не можно, не быть тому“, говорил Андрий: „чтобы красивейшая и лучшая из жен понесла такую горькую часть, когда она рождена на то, чтобы пред ней, как пред святыней, преклонилось всё, что ни есть лучшего на свете. Нет, ты не умрешь! Не тебе умирать! Клянусь моим рождением и всем, что мне мило на свете, ты не умрешь! Если же выйдет уже так, и ничем – ни силой, ли молитвой, ни мужеством – нельзя будет отклонить горькой судьбы, то мы умрем вместе, и прежде я умру, умру перед тобой, у твоих прекрасных коленей, и разве уже мертвого меня разлучат от тебя.“

„Не обманывай, рыцарь, и себя и меня“, говорила она, качая тихо прекрасной головой своей: „знаю, и, к великому моему горю, знаю слишком хорошо, что тебе нельзя любить меня; и знаю я, какой долг и завет твой: тебя зовут твои отец, товарищи, отчизна, а мы – враги тебе.“

„А что мне отец, товарищи и отчизна?“ сказал Андрий, встряхнув быстро головою и выпрямив весь прямой, как надречный осонок, стан свой. „Так если ж так, так вот что: нет у меня никого! Никого, никого!“ повторил он тем голосом, и сопроводив его тем движеньем руки, с каким упругий, несокрушимый козак выражает решимость на дело неслыханное и невозможное для другого. „Кто сказал, что моя отчизна Украина? Кто дал мне ее в отчизны? Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для нее всего. Отчизна моя – ты! Вот моя отчизна! И понесу я отчизну сию в сердце моем, понесу ее, пока станет моего веку, и посмотрю, пусть кто-нибудь из

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
козаков вырвет ее оттуда! И всё, что ни есть, продам, отдам, погублю за такую отчизну!”

На миг остолбенев, как прекрасная статуя, смотрела она ему в очи и вдруг зарыдала, и с чудною женскою стремительностью, на какую бывает только способна одна безрасчетно великодушная женщина, созданная на прекрасное сердечное движение, кинулась она к нему на шею, обхватив его снегоподобными, чудными руками, и зарыдала. В это время раздались на улице неясные крики, сопровождаемые трубным и литаврным звуком. Но он не слышал их. Он слышал только, как чудные уста обдавали его благовонной теплотой своего дыханья, как слезы ее текли ручьями к нему на лицо, и спустившиеся все с головы, пахучие ее волосы опутали его всего своим темным и блистающим шелком.

В это время вбежала к ним с радостным криком татарка. „Спасены, спасены!“ кричала она, не помня себя. „Наши вошли в город, привезли хлеба, пшена, муки и связанных запорожцев.“ Но не слышал никто из них, какие „наши“ вошли в город, что привезли с собою и каких связали запорожцев. Полный не на земле вкушаемых чувств, Андрий поцеловал в сии благовонные уста, прильнувшие к щеке его, и не безответны были благовонные уста. Они отозвались тем же, и в сем обоюдном-слиянном поцелуе ощутилось то, что один только раз в жизни дается чувствовать человеку.

И погиб козак! Пропал для всего козацкого рыцарства! Не видать ему больше ни Запорожья, ни отцовских хуторов своих, ни церкви божьей! Украине не видать тоже храбрейшего из своих детей, взявшихся защищать ее. Вырвет старый Тарас седой клочок волос из своей чупрыны и проклянет и день, и час, в который породил на позор себе такого сына.

VII.

Шум и движение происходило в запорожском таборе. Сначала никто не мог дать верного отчета, как случилось, что войска прошли в город. Потом уже оказалось, что весь Переяславский курень, расположившийся перед боковыми городскими воротами, был пьян мертвецки; стало быть, дивиться нечего, что половина была перебита, а другая перевязана прежде, чем все могли узнать, в чем дело. Покамест ближние курени, разбуженные шумом, успели схватиться за оружие, войско уже уходило в ворота, и последние ряды отстреливались от устремившихся на них в беспорядке сонных и полупротрезвившихся запорожцев. Кошевой дал приказ собраться всем, и, когда все стали в круг и затихли, снявши шапки, он сказал:

„Так вот что, панове братове, случилось в эту ночь. Вот до чего довел хмель! Вот какое поруганье оказал нам неприятель! У вас, видно, уже такое заведение: коли позволишь удвоить порцию, так вы готовы так натянуться, что враг Христова воинства не только снимет с вас шаровары, но в самое лицо вам начихает, так вы того не услышите.“

Козаки все стояли, понутив головы, зная вину; один только незамайновский куренной атаман Кукубенко отозвался. „Постой, батько!“ сказал он: „хоть оно и не в законе, чтобы сказать какое возражение, когда говорит кошевой перед лицом всего войска, да дело не так было, так нужно сказать. Ты не совсем справедливо попрекнул всё христианское войско. Козаки были бы повинны и достойны смерти, если бы напились в походе, на войне, на трудной, тяжелой работе. Но мы сидели без дела, маячились попусту перед городом. Ни поста, ни другого христианского воздержанья не было: как же может статься, чтобы на бездельи не напился человек? Греха тут нет. А мы вот лучше покажем им, что такое нападать на безвинных людей. Прежде били добре, а уж теперь побьем так, что и пят не унесут домой.“

Речь куренного атамана понравилась козакам. Они приподняли уже совсем было понутившиеся головы, и многие одобрительно кивнули головой, примолвивши: „Добре сказал Кукубенко!“ А Тарас Бульба, стоявший недалеко от кошевого, сказал: „А что, кошевой, видно Кукубенко правду сказал? Что ты скажешь на это?“

„А что скажу? Скажу: блажен и отец, родивший такого сына! Еще не большая мудрость сказать укорительное слово, но большая мудрость сказать такое слово, которое бы, не поругавшись над бедою человека, ободрило бы его, придало бы духу ему, как шпоры придают духу коню, освеженному водопоем. Я сам хотел вам сказать потом утешительное слово, да Кукубенко догадался прежде.“

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
„Добре сказал и кошевой!“ отозвалось в рядах запорожцев. „Доброе слово!“ повторили другие. И самые седые, стоявшие, как сивые голуби, и те кивнули головою и, моргнувши седым усом, тихо сказали: „Добре сказанное слово!“

„Слушайте же, панове!“ продолжал кошевой: „Брать крепость, карабкаться и подкапываться, как делают чужеземные, немецкие мастера – пусть ей враг прикинется! – и неприлично, и не козацкое дело. А судя по тому, что есть, неприятель вошел в город не с большим запасом; телег что-то было с ним немного. Народ в городе голодный; стало-быть, всё съест духом, да и коням тоже сена... уж я не знаю, разве с неба кинет им на вилы какой-нибудь их святой... только про это еще бог знает; а ксендзы-то их горазды на одни слова. За тем или за другим, а уж они выйдут из города. Разделяйся же на три кучи и становись на три дороги перед тремя воротами. Перед главными воротами пять куреней, перед другими по три куреня. Дядькинский и Корсунский курень на засаду! Полковник Тарас с полком на засаду! Тытаревский и Тымошевский курень на запас с правого бока обоза! Щербиновский и Стебликивский верхний – с левого боку! Да выбирайтесь из ряду, молодцы, которые позубастее на слово, задирать неприятеля! У ляха пустоголовая натура: брани не вытерпит; и, может-быть, сегодня же все они выйдут из ворот. Куренные атаманы, перегляди всякий курень свой: у кого недочет, пополни его останками Переяславского. Перегляди всё снова! Дать на опохмел всем по чарке и по хлебу на козака. Только, верно, всякий еще вчерашним сыт, ибо, некуда деть правды, понаедались все так, что дивлюсь, как ночью никто не лопнул. Да вот еще один наказ: если кто-нибудь, шинкарь, жид, продаст козаку хоть один кухоль сивухи, то я прибью ему на самый лоб свиное ухо, собаке, и повешу ногами вверх! За работу же, братцы! За работу!“

Так распорядился кошевой, и все поклонились ему в пояси, не надевая шапок, отправились по своим возам и таборам и, когда уже совсем далеко отошли, тогда только надели шапки. Все начали снаряжаться: пробовали сабли и палаши, насыпали порох из мешков в пороховницы, откатывали и становили возы и выбирали коней.

Уходя к своему полку, Тарас думал и не мог придумать, куда девался Андрий, полонили ли его вместе с другими и связали сонного? Только нет, не таков Андрий, чтобы отдаться живым в плен. Между убитыми козаками тоже не было его видно. Задумался крепко Тарас и шел перед полком, не слыша, что его давно называл кто-то по имени. „Кому нужно меня?“ сказал он, наконец, очнувшись. Перед ним стоял жид Янкель.

„Пан полковник, пан полковник!“ говорил жид поспешным и прерывистым голосом, как будто бы хотел объявить дело, не совсем пустое. „Я был в городе, пан полковник!“ Тарас посмотрел на жида и подивился тому, что он уже успел побывать в городе. „Какой же враг тебя занес туда?“

„Я тотчас расскажу“, сказал Янкель: „Как только услышал я на заре шум и козаки стали стрелять, я ухватил кафтан и, не надевая его, побежал туда бегом; дорогою уже надел его в рукава, потому что хотел поскорей узнать, отчего шум, отчего козаки на самой заре стали стрелять. Я взял и прибежал к самым городским воротам в то время, когда последнее войско входило в город. Гляжу, – впереди отряда пан хорунжий Гальянович. Он человек мне знакомый: еще с третьего года задолжал сто червонных. Я за ним, будто бы за тем, чтобы выправить с него долг, и вошел вместе с ними в город.“

„Как же ты: вошел в город, да еще и долг хотел выправить?“ сказал Бульба: „И не велел он тебя тут же повесить, как собаку?“

„А, ей-богу, хотел повесить“, отвечал жид: „уже было его слуги совсем схватили меня и закинули веревку на шею, но я взмолился пану, сказал, что подожду долгу, сколько пан хочет, и пообещал еще дать взаймы, как только поможет мне собрать долги с других рыцарей; ибо у пана хорунжего, – я всё скажу пану, – нет и одного червонного в кармане. Хоть у него есть и хутора, и усадьбы, и четыре замка, и степовой земли до самого Шклова, а грошей у него так, как у козака, – ничего нет. И теперь, если бы не вооружили его бреславские жида, не в чем было бы ему и на войну выехать. Он и на сейме оттого не был...“

„Что ж ты делал в городе? Видел наших?“

„Как, же! Наших там много: Ицка, Рахум, Самуйло, Хайвалох, еврей-арендатор...“

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
„Пропади они, собаки!“ вскрикнул, рассердившись, Тарас: „Что ты мне тычешь свое
жидовское племя! Я тебя спрашиваю про наших запорожцев.“

„Наших запорожцев не видал. А видал одного пана Андрия.“

„Андрия видел!“ вскрикнул Бульба: „Что ж ты, где видел его?.. в подвале?.. в
яме?.. обесчещен?.. связан?..“

„Кто же бы смел связать пана Андрия? Теперь он такой важный рыцарь.. Далибуг, я
не узнал! И наплечники в золоте и нарукавники в золоте, и зеркало в золоте, и
шапка в золоте, и по поясу золото, и везде золото, и всё золото. Так, как солнце
взглянет весною, когда в огороде всякая птичка пищит и поет, и травка пахнет,
так и он весь сияет в золоте. И коня дал ему воевода самого лучшего под верх;
два ста червонных стоит один конь.“

Бульба остолбенел.

„Зачем же он надел чужое одеянье?“

„Потому что лучше, потому и надел.. И сам разъезжает, и другие разъезжают; и он
учит, и его учат. Как набогатейший польский пан!“

„Кто ж его принудил?“

„Я ж не говорю, чтобы его кто принудил. Разве пан не знает, что он по своей воле
перешел к ним?“

„Кто перешел?“

„А пан Андрий.“

„Куда перешел?“

„Перешел на их сторону, он уж теперь совсем ихний.“

„Врешь, свиное ухо!“

„Как же можно, чтобы я врал? Дурак я разве, чтобы врал? На свою бы голову я
врал? Разве я не знаю, что жидов повесят, как собаку, коли он соврет перед
паном?“

„Так это выходит, он, по-твоему, продал отчизну и веру?“

„Я же не говорю этого, чтобы он продавал что: я сказал только, что он перешел к
ним.“

„Врешь, чортов жид! Такого дела не было на христианской земле! Ты путаешь,
собака!“

„Пусть трава порастет на пороге моего дома, если я путаю! Пусть всякий наплюет
на могилу отца, матери, свекора, и отца отца моего и отца матери моей, если я
путаю. Если пан хочет, я даже скажу, и отчего он перешел к ним.“

„Отчего?“

„У воеводы есть дочка-красавица. Святой боже, какая красавица!“

Здесь жид постарался, как только мог, выразить в лице своем красоту, расставив
руки, прищурился глазом и покрививши на бок рот, как будто чего-нибудь отведавши.

„Ну, так что же из того?“

„Он для нее и сделал всё, и перешел. Коли человек влюбится, то он всё равно, что
подошва, которую, коли размочишь в воде, возьми, согни, – она и согнется.“

Крепко задумался Бульба. Вспомнил он, что велика власть слабой женщины, что
многих сильных погубляла она, что податлива с этой стороны природа Андрия; и
стоял он долго, как вкопанный, на одном и том же месте.

„Слушай, пан, я всё расскажу пану“, говорил жид: „Как только услышал я шум и увидел, что проходят в городские ворота, я схватил на всякий случай с собой нитку жемчуга, потому что в городе есть красавицы и дворянки, а коли есть красавицы и дворянки, сказал я себе, то хоть им и есть нечего, а жемчуг всё-таки купят. И как только хорунжего слуги пустили меня, я побежал на воеводин двор продавать жемчуг и расспросил всё у служанки-татарки. „Будет свадьба сейчас, как только прогонят запорожцев. Пан Андрий обещал прогнать запорожцев.“

„И ты не убил тут же на месте его, чортова сына?“ вскрикнул Бульба.

„За что же убить? Он перешел по доброй воле. Чем человек виноват? Там ему лучше, туда и перешел.“

„И ты видел его в самое лицо?“

„Ей-богу, в самое лицо! Такой славный вояка! Всех взрачней. Дай бог ему здоровья, меня тотчас узнал; и, когда я подошел к нему, тотчас сказал...“

„Что ж он сказал?“

„Он сказал, – прежде кивнул пальцем, а потом уже сказал: „Янкель!“ А я: „Пан Андрий!“ говорю. „Янкель! скажи отцу, скажи брату, скажи козакам, скажи запорожцам, скажи всем, что отец – теперь не отец мне, брат – не брат, товарищ – не товарищ, и что я с ними буду биться со всеми. Со всеми буду биться!“

„Врешь, чортов Иуда!“ закричал, вышед из себя, Тарас: „Врешь, собака! Ты и Христа распял, проклятый богом человек! Я тебя убью, сатана! Утекай отсюда, не то – тут же тебе и смерть!“ И сказавши это, Тарас выхватил свою саблю. Испуганный жид припустился тут же во все лопатки, как только могли вынести его тонкие, сухие икры. Долго еще бежал он без оглядки между козацким табором и потом далеко по всему чистому полю, хотя Тарас вовсе не гнался за ним, размыслив, что неразумно вымещать запальчивость на первом подвернувшемся.

Теперь припомнил он, что видел в прошлую ночь Андрия, проходившего по табору с какой-то женщиною, и поник седою головою, а всё еще не хотел верить, чтобы могло случиться такое позорное дело, и чтобы собственный сын его продал веру и душу.

Наконец повел он свой полк в засаду и скрылся с ним за лесом, который один был не выжжен еще козаками. А запорожцы, и пешие и конные, выступали на три дороги к трем воротам. Один за другим валили курени: Уманский, Поповичевский, Каневский, Стебликивский, Незамайновский, Гургузив, Тытаревский, Тьмошевский. Одного только Переяславского не было. Крепко курнули козаки его и прокурили свою долю. Кто проснулся связанный во вражых руках, кто, и совсем не просыпаясь, сонный перешел в сырую землю, и сам атаман Хлеб, без шаровар и верхнего убранства, очутился в ляшском стану. В городе услышали козацкое движенье. Все высыпали на вал, и предстала пред козаков живая картина: польские витязи, один другого красивей, стояли на валу. Медные шапки сияли, как солнцы, оперенные белыми, как лебедь, перьями. На других были легкие шапочки, розовые и голубые, с перегнутыми набекрень верхами; кафтаны с откидными рукавами, шитые и золотом и просто выложенные шнурками; у тех сабли и оружия в дорогих оправках, за которые дорого приплачивались паны, – и много было всяких других убранств. Напереди стоял спесиво в красной шапке, убранной золотом, буджановский полковник. Грузен был полковник, всех выше и толще, и широкий дорогой кафтан в силу облекал его. На другой стороне, почти к боковым воротам, стоял другой полковник, небольшой человечек, весь высохший; но малые зоркие очи глядели живо из-под густо выросших бровей, и оборачивался он скоро на все стороны, указывая бойко тонкою, сухою рукою своею, раздавая приказанья; видно было, что, несмотря на малое тело свое, знал он хорошо ратную науку. Недалеко от него стоял хорунжий, длинный-длинный, с густыми усами, и, казалось, не было у него недостатка в краске на лице. Любил пан крепкие меды и добрую пирушку. И много было видно за ним и всякой шляхты, вооружившейся, кто на свои червонцы, кто на королевскую казну, кто на жидовские деньги, заложив всё, что ни нашлось в дедовских замках. Не мало было и всяких сенаторских нахлебников, которых брали с собою сенаторы на обеды для почета, которые крали со стола и буфетов серебряные кубки и после сегодняшнего почета на другой день садились на козлы править конями у какого-нибудь пана. Всяких было там. Иной раз и выпить было не на что, а на войну все принарядились. Козацкие ряды стояли тихо перед стенами. Не было на них ни на ком золота, только разве

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
кое-где блестело оно на сабельных рукоятках и ружейных оправах. Не любили козаки богато вырядаться на битвах; простые были на них кольчуги и свиты, и далеко чернели и червонели черные червоверхие бараньи их шапки.

Два козака выехало вперед из запорожских рядов: один еще совсем молодой, другой постарее, оба зубастые на слово, на дело тоже не плохие козаки: Охрим Наш и Мыкыта Голокопытенко. Следом за ними выехал и Демид Попович, коренастый козак, уже давно маячивший на Сечи, бывший под Адрианополем и много натерпевшийся на веку своем: горел в огне и прибежал на Сечь с обсмаленною, почерневшею головою и выгоревшими усами. Но раздобрел вновь Попович, пустил за ухо оселедец, вырастил усы, густые и черные, как смоль. И крепок был на едкое слово Попович.

„А, красные жупаны на всем войске, да хотел бы я знать, красная ли сила у войска?“

„Вот я вас!“ кричал сверху дюжий полковник: „всех перевяжу! Отдавайте, холопы, ружья и коней. Видели, как перевязал я ваших? Выведите им на вал запорожцев!“ И вывели на вал скрученных веревками запорожцев. Впереди их был куренной атаман Хлиб, без шаровар и верхнего убранства, – так, как схватили его хмельного. Потупил в землю голову атаман, стыдясь наготы своей перед своими же козаками и что попал в плен, как собака, сонный. И в одну ночь поседела крепкая голова его.

„Не печалься, Хлиб! Выручим!“ кричали ему снизу козаки.

„Не печалься, дзурьяка!“ отозвался куренной атаман Бородатый: „В том нет вины твоей, что схватили тебя нагого. Беда может быть со всяким человеком; но стыдно им, что выставили тебя на позор, не прикрывши прилично наготы твоей.“

„Вы, видно, на сонных людей храброе войско!“ говорил, поглядывая на вал, Голокопытенко.

„Вот, погодите, обрежем мы вам чубы!“ кричали им сверху.

„А хотел бы я поглядеть, как они нам обрежут чубы!“ говорил Попович, поворотившись перед ними на коне. И потом, поглядевши на своих, сказал: „А что ж? Может-быть ляхи и правду говорят. Коли выведет их вон тот, пузатый, им всем будет добрая защита.“

„Отчего ж, ты думаешь, будет им добрая защита?“ сказали козаки, зная, что Попович, верно, уже готовился что-нибудь сказать.

„А оттого, что позади его упрячется всё войско, и уж, чорта с два, из-за его пуза достанешь которого-нибудь копьем!“ Все засмеялись козаки. И долго многие из них еще покачивали головою, говоря: „Ну, уж Попович! Уж коли кому закрутит слово, так только ну...“ Да уж и не сказали козаки, что такое „ну“.

„Отступайте, отступайте скорей от стен!“ закричал кошевой. Ибо ляхи, казалось, не выдержали едкого слова, и полковник махнул рукой. Едва только посторонились козаки, как грянули с валу картечью. На валу задвигалась суетня, показался сам седой воевода на коне. Ворота отворились, и выступило войско. Впереди выехали ровным конным строем шитые гусары. За ними кольчужники, потом латники с копьями, потом все в медных шапках, потом ехали особняком лучшие шляхтичи, каждый одетый по своему. Не хотели гордые шляхтичи смешаться в ряды с другими, и у которого не было команды, тот ехал один с своими слугами. Потом опять ряды, и за ними выехал хорунжий; за ним опять ряды, и выехал дюжий полковник; а позади всего уже войска выехал последним низенький полковник. „Не давать им, не давать им строиться и становиться в ряды!“ кричал кошевой: „Разом напирайте на них все курени! Оставляйте прочие ворота! Тытаревский курень, нападай сбоку! Дядькивский курень, нападай с другого! Напирайте на тыл, кукубенко и Пальвода! Мешайте, мешайте и розните их!“ И ударили со всех сторон козаки, сбили и смешали их, и сами смешались. Не дали даже и стрельбы произвестись; пошло дело на мечи да на копья. Все сбились в кучу, и каждому привел случай показать себя. Демид Попович трех заколол простых и двух лучших шляхтичей сбил с коней, говоря: „Вот добрые кони! Таких коней я давно хотел достать!“ И выгнал коней далеко в поле, крича стоявшим козакам перенять их. Потом вновь пробился в кучу, напал опять на сбитых с коней шляхтичей, одного убил, а другому накиннул аркан на шею, привязал к седлу и поволок его по всему полю, снявши с него саблю с дорогою рукояткою и отвязавши от пояса целый черенок с червонцами. Кобита, добрый козак и молодой еще, схватился

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru тоже с одним из храбрейших в польском войске, и долго бились они. Сошлись уже в рукопашный. Одолео было уже козак и, сломивши, ударил вострым турецким ножом в грудь, но не уберегся сам. Тут же в висок хлопнула его горячая пуля. Свалил его знатнейший из панов, красивейший и древнего княжеского рода рыцарь. Как стройный тополь, носился он на буланом коне своем. И много уже показал боярской богатырской удали: двух запорожцев разрубил на двое; Федора Коржа, доброго козака, опрокинул вместе с конем, выстрелил по коню и козака достал из-за коня копьем; многим отнес головы и руки и повалил козака Кобиту, вогнавши ему пулю в висок. „Вот с кем бы я хотел попробовать силы!“ закричал Незамайновский куренной атаман Кукубенко. Припустив коня, налетел прямо ему в тыл и сильно вскрикнул, так что вздрогнули все близь стоявшие от нечеловечьего крика. Хотел было поворотить вдруг своего коня лях и стать ему в лицо; но не послушался конь: испуганный страшным криком, метнулся на сторону, и достал его ружейною пулею Кукубенко. Вошла в спинные лопатки ему горячая пуля, и свалился он с коня. Но и тут не поддался лях, всё еще силился нанести врагу удар, но ослабела упавшая вместе с саблею рука. А Кукубенко, взяв в обе руки свой тяжелый палаш, вогнал его ему в самые побледневшие уста. Вышиб два сахарные зуба палаш, рассек надвое язык, разбил горловой позвонок и вошел далеко в землю. Так и пригвоздил он его там навеки к сырой земле. Ключом хлынула вверх алая, как надречная калина, высокая дворянская кровь и выкрасила весь обшитый золотом желтый кафтан его. А Кукубенко уже кинул его и пробился с своими незамайновцами в другую кучу.

„Эх, оставил неприбранным такое дорогое убранство!“ сказал уманский куренной, Бородатый, отъехавши от своих к месту, где лежал убитый Кукубенком шляхтич: „Я семерых убил шляхтичей своею рукою, а такого убранства еще не видел ни на ком.“ И польстился корыстью Бородатый: нагнулся, чтобы снять с него дорогие доспехи, вынул уже турецкий нож в оправе из самоцветных камней, отвязал от пояса черенок с червонцами, снял с груди сумку с тонким бельем, дорогим серебром и девическою кудрею, сохранным сберегавшеюся на память. И не услышал Бородатый, как налетел на него сзади красноносый хорунжий, уже два раза сбитый им из седла и получивший добрую зазубрину на память. Размахнулся он со всего плеча и ударил его саблей по нагнувшейся шее. Не к добру повела корысть козака: отскочила могучая голова, и упал обезглавленный труп, далеко вокруг оросивши землю. Понеслась к вышине суровая козацкая душа, хмурясь и негодуя, и вместе с тем дивуясь, что так рано вылетела из такого крепкого тела. Не успел хорунжий ухватить за чуб атаманскую голову, чтобы привязать ее к седлу, а уж был тут суровый мститель.

Как плавающий в небе ястреб, давши много кругов сильными крылами, вдруг останавливается распластанный на одном месте и бьет оттуда стрелой на раскричавшегося у самой дороги самца-перепела, – так Тарасов сын, Остап, налетел вдруг на хорунжего и сразу накинул ему на шею веревку. Побагровело еще сильнее красное лицо хорунжего, когда затянула ему горло жестокая петля: схватился он было за пистолет, но судорожно сведенная рука не могла направить выстрела, и даром полетела в поле пуля. Остап тут же, у его же седла отвязал шелковый шнур, который возил с собою хорунжий для вязания пленных, и его же шнуром связал его по рукам и ногам, прицепил конец веревки к седлу и поволок его через поле, сзывая громко всех козаков Уманского куреня, чтобы шли отдать последнюю честь атаману. Как услышали уманцы, что куренного их атамана Бородатого нет уже в живых, бросали поле битвы и прибежали прибрать его тело; и тут же стали совещаться, кого выбрать в куренные. Наконец сказали: „Да на что совещаться? Лучше не можно поставить в куренные никого, кроме Бульбенка Остапа. Он, правда, младший всех нас, но разум у него, как у старого человека.“ Остап, сняв шапку, всех поблагодарил козаков-товарищей за честь, не стал отговариваться ни молодостью, ни молодым разумом, зная, что время военное, и не до того теперь, а тут же повел их прямо на кучу и уж показал им всем, что недаром выбрали его в атаманы. Почувствовали ляхи, что уже становилось дело слишком жарко, отступили и перебежали поле, чтоб собраться на другом конце его. А низенький полковник махнул на стоявшие отдельно, у самых ворот четыре свежих сотни, и грянули оттуда картечью в козацкие кучи. Но мало кого достали: пули хватили по быкам козацким, дико глядевшим на битву. Взревели испуганные быки, поворотили на козацкий табор, переломали везы и многих перетоптали. Но Тарас в это время, вырвавшись из засады с своим полком, с криком бросился навпереймы. Поворотилось назад всё бешеное стадо, испуганное криком, и метнулось на ляшские полки, опрокинуло конницу, всех смяло и рассыпало.

„О, спасибо вам, воли!“ кричали запорожцы: „служили всё походную службу, а теперь и военную сослужили!“ И ударили с новыми силами на неприятеля. Много

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru тогда перебили врагов. Многие показали себя: Метелица, Шило, оба Пысаренки, Вовтузенко, и не мало было всяких других. Увидели ляхи, что плохо, наконец, приходит, выкинули хоругвь и закричали отворять городские ворота. Со скрипом отворились обитые железом ворота и приняли толпившихся, как овец в овчарню, изнуренных и покрытых пылью всадников. Многие из запорожцев погнались было за ними, но Остап своих уманцев остановил, сказавши: „Подальше, подальше, паны братья, от стен! Не годится близко подходить к ним.“ И правду сказал, потому что со стен грянули и посыпали всем, чем ни попало, и многим досталось. В это время подъехал кошевой и похвалил Остапа, сказавши: „Вот и новый атаман, а ведет войско так, как бы и старый!“ Оглянулся старый Бульба поглядеть, какой там новый атаман, и увидел, что впереди всех уманцев сидел на коне Остап, и шапка заломлена набекрень, и атаманская палица в руке. „Вишь, ты какой!“ сказал он, глядя на него; и обрадовался старый, и стал благодарить всех уманцев за честь, оказанную сыну.

Козаки вновь отступили, готовясь итти к таборам, а на городском валу вновь показались ляхи, уже с изорванными епанчами. Запеклася кровь на многих дорогах кафтанах, и пылью покрылись красивые медные шапки.

„Что, перевязали?“ кричали им снизу запорожцы. „Вот я вас!“ кричал всё так же сверху толстый полковник, показывая веревку; и всё еще не переставали грозить запыленные, изнуренные воины и перекинулись с обеих сторон все бывшие позадорнее бойкими словами.

Наконец разошлись все. Кто расположился отдыхать, истомившись от боя; кто присыпал землей свои раны и драл на перевязки платки и дорогие одежды, снятые с убитого неприятеля. Другие же, которые были посвежее, стали прибирать тела и отдавать им последнюю почесть. Палашами и копьями копали могилы; шапками, полами выносили землю; сложили честно козацкие тела и засыпали их свежеею землею, чтобы не досталось воронам и хищным орлам выклевать им очи. А ляшские тела, увязавши как попало, десятками к хвостам диких коней, пустили их по всему полю и долго потом гнались за ними и хлестали их по бокам. Летели бешеные кони по бороздам, буграм, через рвы и протоки, и бились о землю покрытые кровью и прахом ляшские трупы.

Потом сели кругами все курени вечерять и долго говорили о делах и подвигах, доставшихся в удел каждому, на вечный рассказ пришельцам и потомству. Долго не ложились они. А долее всех не ложился старый Тарас, всё размышляя, что бы значило, что Андрия не было между вражьих воев. Посовестился ли Иуда выйти противу своих, или обманул жид, и попался он, просто, в неволю? Но тут же вспомнил он, что не в меру было наклончиво сердце Андрия на женские речи, почувствовал скорбь и заклился сильно в душе против полячки, причаровавшей его сына. И выполнил бы он свою клятву: не поглядел бы на ее красоту, вытащил бы ее за густую, пышную косу, поволок бы ее за собою по всему полю, между всех козаков. Избились бы о землю, окровавившись и покрывшись пылью, ее чудные груди и плечи, блеском равные нетающим снегам, покрывающим горные вершины. Разнес бы по частям он ее пышное прекрасное тело. Но не ведал Бульба того, что готовит бог человеку завтра, и стал позабываться сном и наконец заснул. А козаки всё еще говорили промеж собой, и всю ночь стояла у огней, приглядываясь пристально во все концы, трезвая, не смыкавшая очей стража.

VIII.

Еще солнце не дошло до половины неба, как все запорожцы собрались в круги. Из Сечи пришла весть, что татары, во время отлучки козаков, ограбили в ней всё, вырыли скарб, который втайне держали козаки под землею, избили и забрали в плен всех, которые оставались, и со всеми забранными стадами и табунами направили путь прямо к Перекопу. Один только козак, Максим Голодуха, вырвался дорогою из татарских рук, заколол мирзу, отвязал у него мешок с цехинами и на татарском коне, в татарской одежде полтора дни и две ночи уходил от погони, загнал на смерть коня, пересел дорогою на другого, загнал и того, и уже на третьем приехал в запорожский табор, разведав на дороге, что запорожцы были под дубном. Только и успел объявить он, что случилось такое зло; но, отчего оно случилось, курнули ли оставшиеся запорожцы по козацкому обычаю и пьяными отдались в плен, и как узнали татары место, где был зарыт войсковой скарб, того ничего не сказал он. Сильно истомился козак, распух весь, лицо пожгло и опалило ему ветром; упал он тут же и заснул крепким сном.

В подобных случаях водилось у запорожцев гнаться в ту ж минуту за похитителями, стараясь настигнуть их на дороге, потому что пленные как раз могли очутиться на базарах Малой Азии, в Смирне, на Критском острову, и бог знает, в каких местах не показались бы чубатые запорожские головы. Вот отчего собрались запорожцы. Все до единого стояли они в шапках, потому что пришли не с тем, чтобы слушать по начальству атаманский приказ, но совещаться как равные между собою. „Давай совет прежде старшие!“ закричали в толпе. „Давай совет кошевой!“ говорили другие. И кошевой снял шапку, уж не так, как начальник, а как товарищ, благодарил всех козаков за честь и сказал: „Много между нами есть старших и советом умнейших, но, коли меня почтили, то мой совет: не терять, товарищи, времени и гнаться за татаринном. Ибо вы сами знаете, что за человек татарин. Он не станет с награбленным добром ожидать нашего прихода, а мигом размытарит его, так что и следов не найдешь. Так мой совет: итти. Мы здесь уже погуляли. Ляхи знают, что такое козаки; за веру, сколько было по силам, отмстили; корысти же с голодного города не много. Итак, мой совет – итти.“

„Итти!“ раздалось голосно в запорожских куренях. Но Тарасу Бульбе не пришлось по душе такие слова, и навесил он еще ниже на очи свои хмурные, исчерна-белые брови, подобные кустам, повывраставшим по высокому темени горы, которых верхушки вплоть занес иглистый северный иней.

„Нет, не прав совет твой, кошевой!“ сказал он: „Ты не так говоришь. Ты позабыл, видно, что в плену остаются наши, захваченные ляхами? Ты хочешь, видно, чтоб мы не уважили первого, святого закона товарищества, оставили бы собратьев своих на то, чтобы с них с живых содрали кожу или, исчетвертовав на части козацкое их тело, развозили бы их по городам и селам, как сделали они доселе с гетьманом и лучшими русскими витязями на Украине. Разве мало они поругались и без того над святынею? Что ж мы такое? спрашиваю я всех вас. Что ж за козак тот, который кинул в беде товарища, кинул его, как собаку, пропасть на чужбине? Коли уж на то пошло, что всякий ни во что ставит козацкую честь, позволив себе плюнуть в седые усы свои и попрекнуть себя обидным словом, так не укорит же никто меня. Один остаюсь!“

Поколебались все стоявшие запорожцы.

„А разве ты позабыл, бравый полковник“, сказал тогда кошевой: „что у татар в руках тоже наши товарищи, что если мы теперь их не выручим, то жизнь их будет продана на вечное невольничество язычникам, что хуже всякой лютой смерти? Позабыл разве, что у них теперь вся казна наша, добытая христианскою кровью?“

Задумались все козаки и не знали, что сказать. Никому не хотелось из них заслужить обидную славу. Тогда вышел вперед всех старейший годами во всем запорожском войске Касьян Бовдюг. В чести был он от всех козаков; два раза уже был избираем кошевым и на войнах тоже был сильно добрый козак, но уже давно состарелся и не бывал ни в каких походах; не любил тоже и советов давать никому, а любил старый вояка лежать на боку у козацких кругов, слушая рассказы про всякие бывалые случаи и козацкие походы. Никогда не вмешивался он в их речи, а всё только слушал да прижимал пальцем золу из своей коротенькой трубки, которой не выпускал изо рта, и долго сидел он потом, прижмурив слегка очи, и не знали козаки, спал ли он или всё еще слушал. Все походы оставался он дома, но сей раз разобрало старого. Махнул рукою по-козацки и сказал: „А не куды пошло! Пойду и я: может, в чем-нибудь буду пригоден козачеству!“ Все козаки притихли, когда выступил он теперь перед собрание, ибо давно не слышали от него никакого слова. Всякий хотел знать, что скажет Бовдюг. „Пришла очередь и мне сказать слово, паны братья!“ так он начал: „Послушайте, дети, старого. Мудро сказал кошевой; и, как голова козацкого войска, обязанный приберегать его и печись о войсковом скарбе, мудрее ничего он не мог сказать. Вот что! Это пусть будет первая моя речь! А теперь послушайте, что скажет моя другая речь. А вот что скажет моя другая речь: большую правду сказал и Тарас-полковник, – дай боже ему побольше веку, и чтоб таких полковников было побольше на Украине! Первый долг и первая честь козака есть соблюсти товарищество. Сколько ни живу я на веку, не слышал я, паны братья, чтобы козак покинул где или продал как-нибудь своего товарища. И те, и другие нам товарищи; меньше их или больше, – всё равно, все товарищи, все нам дороги. Так вот какая моя речь: те, которым милы захваченные татарами, пусть отправляются за татарами, а которым милы полоненные ляхами, и не хочется оставлять правого дела, пусть остаются. Кошевой по долгу пойдет с одною половиною за татарами, а другая половина выберет себе наказного атамана. А наказным атаманом, коли хотите послушать белой головы, не пригоже быть никому

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
другому, как только одному Тарасу Бульбе. Нет из нас никого равного ему в доблести.“

Так сказал Бовдюг и затих; и обрадовались все козаки, что навел их таким образом на ум старый. Все вскинули вверх шапки и закричали: „Спасибо тебе, батько! Молчал, молчал, долго молчал, да вот, наконец, и сказал. Недаром говорил, когда собирался в поход, что будешь пригоден козачеству: так и сделалось.“

„Что, согласны вы на то?“ спросил кошевой.

„Все согласны!“ закричали козаки.

„Стало-быть, раде конец?“

„Конец раде!“ кричали козаки.

„Слушайте ж теперь войскового приказа, дети!“ сказал кошевой, выступил вперед и надел шапку, а все запорожцы, сколько их ни было, сняли свои шапки и остались с непокрытыми головами, утупив очи в землю, как бывало всегда между козаками, когда собирался что говорить старший. „Теперь отделяйтесь, паны братья! Кто хочет итти, ступай на правую сторону; кто остается, отходи на левую! Куды большая часть куреня переходит, туды и атаман; коли меньшая часть переходит, приставай к другим куреням.“

И все стали переходить, кто на правую, кто на левую сторону. Которого куреня большая часть переходила, туда и куренной атаман переходил; которого малая часть, та приставала к другим куреням; и вышло без малого не поровну на всякой стороне. Захотели остаться: весь почти Незамайновский курень, большая половина Поповичевского куреня, весь Уманский курень, весь Каневский курень, большая половина Стебликивскаго куреня, большая половина Тymoшевского куреня. Все остальные вызвались итти в догон за татарами. Много было на обеих сторонах дюжих и храбрых козаков. Между теми, которые решились итти вслед за татарами, был Череватый, добрый старый козак, Покотыполе, Лемиш, Прокопович Хома; Демид Попович тоже перешел туда, потому что был сильно завязаного нрава козак – не мог долго высидеть на месте; с ляхами попробовал уже он дела, хотелось попробовать еще с татарами. Куренные были: Ностюган, Покрышка, Невыльчий, и много еще других славных и храбрых козаков захотело попробовать меча и могучего плеча в схватке с татаринoм. Не мало было также сильно и сильно добрых козаков между теми, которые захотели остаться: куренные Демьтрович, Кукубенко, Вертыхвист, Балабан, Бульбенко Остап. Потом много было еще других именитых и дюжих козаков: Вовтузенко, Черевыченко, Степан Гуска, Охрим Гуска, Мыкола Густый, Задорожний, Метелиця, Иван Закрутыгуба, Мосий Шило, Дёгтяренко, Сыдоренко, Пысаренко, потом другой Пысаренко, потом еще Пысаренко, и много было других добрых козаков. Все были хожалые, езжалые: ходили по анатольским берегам, по крымским солончакам и степям, по всем речкам большим и малым, которые впадали в Днепр, по всем заходам и днепровским островам; бывали в молдавской, волошской, в турецкой земле; изъездили всё Черное море двухрульными козацкими челнами; нападали в пятьдесят челнов в ряд на богатейшие и превысокие корабли, перетопили не мало турецких галер и много-много выстреляли пороху на своем веку. Не раз драли на онучи дорогие паволоки и оксамиты. Не раз черешу в штанных очкуров набивали всё чистыми цехинами. А сколько всякий из них пропил и прогулял добра, ставшего бы другому на всю жизнь, того и счесть нельзя. Всё спустили по-козацки, угощая весь мир и нанимая музыку, чтобы всё веселилось, что ни есть на свете. Еще и теперь у редкого из них не было закопано добра: кружек, серебряных ковшей и запястьев, под камышами на днепровских островах, чтобы не довелось татарину найти его, если бы, в случае несчастья, удалось ему напасть врасплох на Сечь; но трудно было бы татарину найти его, потому что и сам хозяин уже стал забывать, в котором месте закопал его. Такие-то были козаки, захотевшие остаться и отмстить ляхам за верных товарищей и Христову веру! Старый козак Бовдюг захотел также остаться с ними, сказавши: „Теперь не такие мои лета, чтобы гоняться за татарами, а тут есть место, где опочить доброю козацкою смертью. Давно уже просил я у бога, чтобы, если придется кончать жизнь, то чтобы кончить ее на войне за святое и христианское дело. Так оно и случилось. Славнейшей кончины уже не будет в другом месте для старого козака.“

Когда отделились все и стали на две стороны в два ряда куренями, кошевой прошел промеж рядов и сказал: „А что, панове братове, довольны одна сторона другою?“

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
„Все довольны, батько!“ отвечали козаки.

„Ну, так поцелуйтесь же и дайте друг другу прощанье, ибо, бог знает, придется ли в жизни еще увидеться. Слушайте своего атамана, а исполняйте то, что сами знаете: сами знаете, что велит козацкая честь.“

И все козаки, сколько их ни было, перецеловались между собою. Начали первые атаманы и, поведши рукою седые усы свои, поцеловались навкрест и потом взялись за руки и крепко держали руки. Хотел один другого спросить: „Что, пане брате, увидимся или не увидимся?“ да и не спросили, замолчали, – и загадались обе седые головы. А козаки все до одного прощались, зная, что много будет работы тем и другим; но не повершили, однако ж, тотчас разлучиться, а повершили дожидаться темной ночной поры, чтобы не дать неприятелю увидеть убыль в козацком войске. Потом все отправились по куреням обедать. После обеда все, которым предстояла дорога, легли отдыхать и спали крепко и долгим сном, как будто чуя, что, может, последний сон доведется им вкусить на такой свободе. Спали до самого заходу солнечного; а как зашло солнце, и немного стемнело, стали мазать телеги. Снарядясь, пустили вперед возы, а сами, пошаркавшись еще раз с товарищами, тихо пошли вслед за возами. Конница чинно, без покрика и посвиста на лошадей, слегка затопотела вслед за пешими, и скоро стало их не видно в темноте. Глухо отдавалась только конская топь да скрип иного колеса, которое еще не расходилось или не было хорошо подмазано за ночную темноту.

Долго еще остававшиеся товарищи махали им издали руками, хотя не было ничего видно. А когда сошли и воротились по своим местам, когда увидели при высветивших ясно звездах, что половины телег уже не было на месте, что многих, многих нет, невесело стало у всякого на сердце, и все задумались против воли, утупивши в землю гульливые свои головы.

Тарас видел, как смутны стали козацкие ряды, и как уныние, неприличное храброму, стало тихо обнимать козацкие головы, но молчал: он хотел дать время всему, чтобы пообыклись они и к унынию, наведенному прощаньем с товарищами, а между тем в тишине готовился разом и вдруг разбудить их всех, гикнувши по-козацки, чтобы вновь и с большею силою, чем прежде, воротилась бодрость каждому в душу, на что способна одна только славянская порода, широкая, могучая порода перед другими, что море перед мелководными реками. Коли время бурно, всё превращается оно в рев и гром, бугря и подымая валы, как не поднять их бессильным рекам; коли же безветренно и тихо, яснее всех рек расстилает оно свою неоглядную склянную поверхность, вечную негу очей.

И повелел Тарас распаковать своим слугам один из возов, стоявший особняком. Больше и крепче всех других он был в козацком обозе; двойною крепкою шиною были обтянуты дебелие колеса его; грузно был он навьючен, укрыт попонами, крепкими воловьими кожами и увязан туго засмоленными веревками. В возу были всё баклаги и боченки старого доброго вина, которое долго лежало у Тараса в погребах. Взял он его про запас, на торжественный случай, чтобы, если случится великая минута, и будет всем предстоять дело, достойное на передачу потомкам, то чтобы всякому, до единого, козаку досталось выпить заповедного вина, чтобы в великую минуту великого бы и чувство овладело человеком. Услышав полковничий приказ, слуги бросились к возам, палашами перерезывали крепкие веревки, снимали толстые воловьихи кожи и попоны и стаскивали с воза баклаги и боченки.

„А берите все“, сказал Бульба: „все, сколько ни есть, берите, что у кого есть: ковш, или черпак, которым поит коня, или рукавицу, или шапку, а коли что, то и просто подставляй обе горсти.“

И козаки все, сколько ни было, брали, у кого был ковш, у кого черпак, которым поил коня, у кого рукавица, у кого шапка, а кто подставлял и так обе горсти. Всем им слуги Тарасовы, расхаживая промеж рядами, наливали из баклаг и боченков. Но не приказал Тарас пить, пока не даст знаку, чтобы выпить им всем разом. Видно было, что он хотел что-то сказать. Знал Тарас, что, как ни сильно само по себе старое доброе вино, и как ни способно оно укрепить дух человека, но если к нему да присоединится еще приличное слово, то вдвое крепче будет сила и вина и духа.

„Я угощаю вас, паны братья“, так сказал Бульба: „не в честь того, что вы сделали меня своим атаманом, как ни велика подобная честь, не в честь также прощанья с нашими товарищами: нет, в другое время прилично то и другое; не такая теперь перед нами минута. Перед нами дела великого поту, великой козацкой доблести!“

Итак, выпьем, товарищи, разом выпьем поперед всего за святую православную веру: чтобы пришло, наконец, такое время, чтобы по всему свету разошлась и везде была бы одна святая вера, и все, сколько ни есть бусурманов, все бы сделались христианами! Да за одним уже разом выпьем и за Сечь, чтобы долго она стояла на погибель всему бусурманству, чтобы с каждым годом выходили из нее молодцы, один одного лучше, один одного краше. Да уже вместе выпьем и за нашу собственную славу, чтобы сказали внуки и сыны тех внуков, что были когда-то такие, которые не постыдили товарищества и не выдали своих. Так за веру, пане братове, за веру!“

„За веру!“ загомонели все, стоявшие в ближних рядах, густыми голосами.

„За веру!“ подхватили дальние, и всё, что ни было, и старое и молодое, выпило за веру.

„За Сичь!“ сказал Тарас и высоко поднял над головою руку.

„За Сичь!“ отдалось густо в передних рядах. „За Сичь!“ сказали тихо старые, моргнувши седым усом; и, вострепнувшись, как молодые соколы, повторили молодые: „За Сичь!“ И слышало далече поле, как поминали козаки свою Сичь.

„Теперь последний глоток, товарищи, за славу и всех христиан, какие живут на свете!“

И все козаки, до последнего в поле, выпили последний глоток в ковшах за славу и всех христиан, какие ни есть на свете. И долго еще повторялось по всем рядам промеж всеми куренями: „За всех христиан, какие ни есть на свете!“

Уже пусто было в ковшах, а всё еще стояли козаки, поднявши руки. Хоть весело глядели очи их всех, просиявшие вином, но сильно загадались они. Не о корысти и военном прибытке теперь думали они, не о том, кому посчастливится набрать червонцев, дорогого оружия, шитых кафтанов и черкесских коней; но загадались они – как орлы, севшие на вершинах обрывистых, высоких гор, с которых далеко видно расстилающееся беспредельно море, усыпанное, как мелкими птицами, галерами, кораблями и всякими судами, огражденное по сторонам чуть видными тонкими поморьями, с прибережными, как мошки, городами и склонившимися, как мелкая травка, лесами. Как орлы озирали они вокруг себя очами всё поле и чернеющую вдаль судьбу свою. Будет, будет всё поле с облогами и дорогами покрыто торчащими их белыми костями, щедро обмывшись козацкою их кровью и покрывшись разбитыми возами, расколотыми саблями и копьями. Далече раскинутся чубатые головы с перекрученными и запекшимися в крови чубами и запущенными книзу усами. Будут, налетев, орлы выдирать и выдергивать из них козацкие очи. Но добро великое в таком широко и вольно разметавшемся смертном ночлеге! Не погибнет ни одно великодушное дело и не пропадет, как малая порошок с ружейного дула, козацкая слава. Будет, будет бандурист, с седою по грудь бородою, а может, еще полный зрелого мужества, но белоголовый старец, вещий духом, и скажет он про них свое густое, могучее слово. И пойдет дыбом по всему свету о них слава, и все, что ни народится потом, заговорит о них. Ибо далеко разносится могучее слово, будучи подобно гудящей колокольной меди, в которую много повергнул мастер дорогого чистого серебра, чтобы далече по городам, лачугам, палатам и весям разносился красный звон, сзывая равно всех на святую молитву.

IX.

В городе не узнал никто, что половина запорожцев выступила в погоню за татарами. С магистратской башни приметили только часовые, что потянулась часть возов за лес; но думали, что козаки готовились сделать засаду; то же думал и французский инженер. А между тем слова кошевого не прошли даром, и в городе оказался недостаток в съестных припасах. По обычаю прошедших веков войска не разочли, сколько им было нужно. Попробовали сделать вылазку, но половина смельчаков была тут же перебита козаками, а половина прогнана в город ни с чем. Жиды, однако же, воспользовались вылазкою и пронюхали всё: куда и зачем отправились запорожцы и с какими военачальниками, и какие именно курени, и сколько их числом, и сколько было оставшихся на месте, и что они думают делать, – словом, чрез несколько уже минут в городе всё узнали. Полковники ободрились и готовились дать сражение. Тарас уже видел то по движенью и шуму в городе и расторопно хлопотал, строил, раздавал приказы и наказы, оставил в три таборы курени, обнесши их возами в виде крепостей, – род битвы, в которой бывали непобедимы запорожцы; двум куреням

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
повелел забраться в засаду; убил часть поля острыми кольями, изломанным оружием, обломками копьев, чтобы при случае нагнать туда неприятельскую конницу. И когда всё было сделано, как нужно, сказал речь козакам, не для того, чтобы ободрить и освежить их, – знал, что и без того крепки они духом, – а, просто, самому хотелось высказать всё, что было на сердце.

„Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья, а не католические недоверки. Всё взяли бусурманы, всё пропало. Только остались мы сырые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая так же, как и мы, земля наша! Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чем стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. Вам случалось не одному помногу пропадать на чужбине; видишь, и там люди! также божий человек, и разговорись с ним, как с своим; а как дойдет до того, чтобы поведать сердечное слово, – видишь: нет, умные люди, да не те; такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как русская душа, – любить не то, чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал бог, что ни есть в тебе, а...“ сказал Тарас, и махнул рукой, и потряс седою головою, и усом моргнул, и сказал: „Нет, так любить никто не может! Знаю, подло завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребах запечатанные меды их! Перенимают, чорт знает, какие бусурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке. Милость чужого короля, да и не короля, а поскудная милость польского магната, который желтым чоботом своим бьет их в морду, дороже для них всякого братства. Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснется оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество! Уж если на то пошло, чтобы умирать, – так никому ж из них не доведется так умирать!.. Никому, никому!.. Не хватит у них на то мышинной натуры их!“

Так говорил атаман и, когда кончил речь, всё еще потрясал посеребрившеюся в козацких делах головою. Всех, кто ни стоял, разобрала сильно такая речь, дошед далеко, до самого сердца. Самые старейшие в рядах стали неподвижны, потупив седые головы в землю; слеза тихо накатывалась в старых очах; медленно отирали они ее рукавом. И потом все, как будто сговорившись, махнули в одно время рукою и потрясли бывальными головами. Знать, видно, много напомнил им старый Тарас знакомого и лучшего, что бывает на сердце у человека, умудренного горем, трудом, удалью и всяким невзгодьем жизни, или хотя и не познавшего их, но много почуявшего молодою жемчужною душою на вечную радость старцам-родителям, родившим его.

А из города уже выступало неприятельское войско, выгремливая в литавры и трубы, и, подбоченившись, выезжали паны, окруженные несметными слугами. Толстый полковник отдавал приказы. И стали наступать они тесно на козацкие таборы, грозя, нацеливаясь пищалыми, сверкая очами и блеща медными доспехами. Как только увидели козаки, что подошли они на ружейный выстрел, все разом грянули в семипядные пищали и, не перерывая, всё палили они из пищалей. Далеко понеслось громкое хлопанье по всем окрестным полям и нивам, сливаясь в непрерывный гул; дымом затянуло всё поле, а запорожцы всё палили, не переводя духу: задние только заряжали да передавали передним, наводя изумление на неприятеля, не могшего понять, как стреляли козаки, не заряжая ружей. Уже не видно было за великим дымом, обнявшим то и другое воинство, не видно было, как то одного, то другого не ставало в рядах; но чувствовали ляхи, что густо летели пули, и жарко становилось дело; и, когда попятись назад, чтобы посторониться от дыма и оглядеться, то многих не досчитались в рядах своих. А у козаков, может-быть, другой-третий был убит на всю сотню. И всё продолжали палить козаки из пищалей, ни на минуту не давая промежутка. Сам иноземный инженер подивился такой, никогда им не виданной тактике, сказавши тут же, при всех: „Вот brave молодцы-запорожцы! Вот как нужно биться и другим в других землях!“ и дал совет поворотить тут же на табор пушки. Тяжело ревноли широкими горлами чугунные

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
пушки; дрогнула, далеко загулившись, земля, и вдвое больше затянуло дымом всё поле. Почуяли запах пороха среди площадей и улиц в дальних и крайних городах. Но нацелившие взяли слишком высоко: раскаленные ядра выгнули слишком высокую дугу. Страшно завизжав по воздуху, перелетели они через головы всего табора и углубились далеко в землю, взорвав и взметнув высоко на воздух черную землю. Ухватил себя за волосы французский инженер при виде такого неискусства, и сам принялся наводить пушки, не глядя на то, что жарили и сыпали пулями непрерывно козаки.

Тарас видел еще издали, что беда будет всему Незамайновскому и Стебликивскому куреню, и вскрикнул зычно: „Выбирайтесь скорей из-за возов, и садись всякий на коня!“ Но не успели бы сделать то и другое козаки, если бы Остап не ударил в самую середину; выбил фитили у шести пушкарей, у четырех только не мог выбить. Отогнали его назад ляхи. А тем временем иноземный капитан сам взял в руку фитиль, чтобы выпалить из величайшей пушки, какой никто из козаков не выдвигал дотолу. Страшно глядела она широкою пастью, и тысяча смертей глядело оттуда. И как грянула она, а за нею следом три другие, четырёхкратно потрясши глухо-ответную землю, – много нанесли они горя! Не по одному козаку взрывает старая мать, ударяя себя костистыми руками в дряхлые перси. Не одна останется вдова в Глухове, Немирове, Чернигове и других городах. Будет, сердечная, выбегать всякий день на базар, хватаясь за всех проходящих, распознавая каждого из них в очи, нет ли между их одного, милейшего всех. Но много пройдет через город всякого войска, и вечно не будет между ними одного, милейшего всех.

Так, как будто и не бывало половины Незамайновского куреня! Как градом выбивает вдруг всю ниву, где, что полновесный червонец, красовался всякий колос, так их выбило и положило.

Как же вскинулись козаки! Как схватились все! Как закипел куренной атаман Кукубенко, увидевши, что лучшей половины куреня его нет! Разом вбил он с остальными своими незамайновцами в самую середину. В гневе иссек в капуту первого попавшегося, многих конников сбил с коней, доставши копьём и конника и коня, пробрался к пушкарям и уже отбил одну пушку. А уж там, видит, хлопочет уманский куренной атаман, и Степан Гуска уже отбивает главную пушку. Оставил он тех козаков и поворотил с своими в другую неприятельскую гущу. Так, где прошли незамайновцы, – так там и улица, где поворотились – так уж там и переулочек! Так и видно, как редели ряды, и снопами валились ляхи! А у самых возов Вовтузенко, а спереди Черевиченко, а у дальних возов Дегтяренко, а за ним куренной атаман Вертыхвист. Двух уже шляхтичей поднял на копьё Дегтяренко, да напал, наконец, на неподатливого третьего. Увертлив и крепок был лях, пышной сбруей украшен и пятьдесят одних слуг привел с собою. Погнул он крепко Дегтяренка, сбил его на землю и уже, замахнувшись на него саблей, кричал: „Нет из вас, собак-козаков, ни одного, кто бы посмел противустать мне!“

„А вот есть же!“ сказал и выступил вперед Мосий Шило. Сильный был он козак, не раз атаманствовал на море и много натерпелся всяких бед. Схватили их турки у самого Трапезонта и всех забрали невольниками на галеры, взяли их по рукам и ногам в железные цепи, не давали по целым неделям пшена и поили противной морской водою. Всё выносили и вытерпели бедные невольники, лишь бы не переменить православной веры. Не вытерпел атаман Мосий Шило, истоптал ногами святой закон, скверною чалмой обвил грешную голову, вошел в доверенность к паше, стал ключником на корабле и старшим над всеми невольниками. Много опечалились оттого бедные невольники, ибо знали, что если свой продаст веру и пристанет к угнетителям, то тяжелей и горше быть под его рукой, чем под всяким другим нехристом. Так и сбылось. Всех посадил Мосий Шило в новые цепи по три в ряд, прикрутил им до самых белых костей жестокие веревки; всех перебил по шеем, угощая подзатыльниками. И когда турки, обрадовавшись, что достали себе такого слугу, стали пировать и, позабыв закон свой, все перепились, он принес все шестьдесят четыре ключа и роздал невольникам, чтобы отмыкали себя, бросали бы цепи и кайданы в море, а брали бы на место того сабли да рубили турков. Много тогда набрали козаки добычи и воротились со славою в отчизну, и долго бандуристы прославляли Мосия Шила. Выбрали бы его в кошевые, да был совсем чудной козак. Иной раз повершал такое дело, какого мудрейшему не придумать, а в другой, просто, дурь одолевала козака. Пропил он и прогулял всё, всем задолжал на Сечи и, в прибавку к тому, прокрался, как уличный вор: ночью утащил из чужого куреня всю козацкую сбрую и заложил шинкару. За такое позорное дело привязали его на базаре к столпу и положили возле дубину, чтобы всякий, по мере сил своих, отвесил ему по удару. Но не нашлось такого из всех запорожцев, кто бы поднял на

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogo1nikolai.ru
него дубину, помня прежние его заслуги. Таков был козак Мосий Шило.

„Так есть же такие, которые бьют вас, собак!“ сказал он, кинувшись на него. И уж так-то рубились они! И наплечники, и зеркала погнулись у обеих от ударов. Разрубил на нем вражий лях железную рубашку, достав лезвием самого тела: зачервонела козацкая рубашка. Но не поглядел на то Шило, а замахнулся всей жилистой рукою (тяжела была коренастая рука) и оглушил его внезапно по голове. Разлетелась медная шапка, зашатался и грянулся лях, а Шило принялся рубить и крестить оглушенного. Не добивай, козак, врага, а лучше поверотись назад! Не поверотился козак назад, и тут же один из слуг убитого хватил его ножом в шею. Поверотился Шило и уж достал было смельчака, но он пропал в пороховом дыме. Со всех сторон поднялось хлопанье из самопалов. Пошатнулся Шило и почувал, что рана была смертельна. Упал он, наложил руку на свою рану и сказал, обратившись к товарищам: „Прощайте, паны братья, товарищи! Пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля и будет ей вечная честь!“ И зажмурил ослабшие свои очи, и вынеслась козацкая душа из сурового тела. А там уже выезжал Задорожный с своими, ломил ряды куренной Вертыхвист и выступал Балабан.

„А что, паны?“ сказал Тарас, перекликнувшись с куренными: „Есть еще порох в пороховницах? Не ослабела ли козацкая сила? Не гнутя ли козаки?“

„Есть еще, батько, порох в пороховницах. Не ослабела еще козацкая сила; еще не гнутя козаки!“

И наперли сильно козаки: совсем смешали все ряды. Низкорослый полковник ударил сбор и велел выкинуть восемь малеванных знамен, чтобы собрать своих, рассыпавшихся далеко по всему полю. Все бежали ляхи к знаменам; но не успели они еще выстроиться, как уже куренной атаман Кукубенко ударил вновь с своими незамайновцами в середину и напал прямо на толстопузого полковника. Не выдержал полковник и, поворотив коня, пустился вскачь; а Кукубенко далеко гнал его через всё поле, не дав ему соединиться с полком. Завидев то с бокового куреня, Степан Гуска пустился ему навпереймы, с арканом в руке, всю пригнувши голову к лошадиной шее и, улучивши время, с одного раза накиннул аркан ему на шею. Весь побагровел полковник, ухватясь за веревку обеими руками и силясь разорвать ее, но уже дужий размах вогнал ему в самый живот гибельную пику. Там и остался он, пригвожденный к земле. Но не сдобровать и Гуске! Не успели оглянуться козаки, как уже увидели Степана Гуску, поднятого на четыре копыя. Только и успел сказать бедняк: „Пусть же пропадут все враги, и ликует вечные веки Русская земля!“ И там же выпустил дух свой. Оглянулись козаки, а уж там, сбоку, козак Метельца угощает ляхов, шеломя того и другого; а уж там, с другого, напирает с своими атаман Невыльчий; а у возов ворочает врага и бьется Закрутыгуба; а у дальних возов третий Пысаренко отогнал уже целую ватагу. А уж там, у других возов, схватились и бьются на самых возах.

„Что паны?“ перекликнулся атаман Тарас, проехавши впереди всех: „Есть ли еще порох в пороховницах? Крепка ли еще козацкая сила? Не гнутя ли еще козаки?“

„Есть еще, батько, порох в пороховницах; еще крепка козацкая сила; еще не гнутя козаки!“

А уж упал с воза Бовдюг. Прямо под самое сердце прилась ему пуля, но собрал старый весь дух свой и сказал: „Не жаль расстаться с светом. Дай бог и всякому такой кончины! Пусть же славится до конца века Русская земля!“ И понеслась к вышинам Бовдюгова душа рассказать давно отшедшим старцам, как умеют биться на Русской земле и, еще лучше того, как умеют умирать в ней за святую веру.

Балабан, куренной атаман, скоро после него грянулся также на землю. Три смертельные раны достались ему: от копья, от пули и от тяжелого палаша. А был один из доблестнейших козаков; много совершил он под своим атаманством морских походов, но славнее всех был поход к анатолийским берегам. Много набрали они тогда цехинов, дорогой турецкой габы, киндяков и всяких убранств, но мыкнули горе на поворотном пути: попались, сердечные, под турецкие ядра. Как хватило их с корабля, – половина челнов закружилась и перевернулась, потопивши не одного в воду, но привязанные к бокам камыши спасли челны от потопления. Балабан отплыл на всех веслах, стал прямо к солнцу и чрез то сделался невиден турецкому кораблю. Всю ночь потом черпаками и шапками выбирали они воду, латая пробитые места; из козацких штанов нарезали парусов, понесли и убежали от быстрейшего турецкого корабля. И мало того, что прибыли безбедно на Сечу, привезли еще

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
златошвейную ризу архимандриту Межигорского киевского монастыря и на Покрову, что на Запорожье, оклад из чистого серебра. И славили долго потом бандуристы удачливость козаков. Поникнул он теперь головою, почувяв предсмертные муки, и тихо сказал: „Сдается мне, паны братья, умираю хорошою смертью: семерых изрубил, девятерых копьем исколол. Истоптал конем вдоволь, а уж не припомню, скольких достал пулею. Пусть же цветет вечно Русская земля!..“ И отлетела его душа.

Козаки, козаки! не выдавайте лучшего цвета вашего войска! Уже обступили Кукубенка, уже семь человек только осталось из всего Незамайновского куреня; уже и те отбиваются через силу; уже окровавилась на нем одежда. Сам Тарас, увидя беду его, поспешил на выручку. Но поздно подоспели козаки: уже успело ему углубиться под сердце копье прежде, чем были отогнаны обступившие его враги. Тихо склонился он на руки подхватившим его козакам, и хлынула ручьем молодая кровь, подобно дороговому вину, которое несли в склянном сосуде из погребца неосторожные слуги, подскользнулись тут же у входа и разбили дороговую сулею: всё разлилось на землю вино, и схватил себя за голову прибежавший хозяин, сберегавший его про лучший случай в жизни, чтобы, если приведет бог на старости лет встретиться с товарищем юности, то чтобы помянуть бы вместе с ним прежде, иное время, когда иначе и лучше веселился человек... Повел Кукубенко вокруг себя очами и проговорил: „Благодарю бога, что довелось мне умереть при глазах ваших, товарищи! Пусть же после нас живут еще лучшие, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская земля!“ И вылетела молодая душа. Подняли ее ангелы под руки и понесли к небесам. Хорошо будет ему там. „Садись, Кукубенко, одесную меня!“ скажет ему Христос: „ты не изменил товариществу, бесчестного дела не сделал, не выдал в беде человека, хранил и сберегал мою церковь“. Всех опечалила смерть Кукубенка. Уже редели сильно козацкие ряды; многих, многих храбрых уже не досчитывались; но стояли и держались еще козаки.

„А что, паны?“ перекликнулся Тарас с оставшимися куренями: „Есть ли еще порох в пороховницах? Не иступились ли сабли? Не утомилась ли козацкая сила? Не погнулись ли козаки?“

„Достанет еще, батько, пороху! Годятся еще сабли; не утомилась козацкая сила; не погнулись еще козаки!“

И рванулись снова козаки так, как бы и потерь никаких не потерпели. Уже три только куренных атамана осталось в живых. Червонели уже всюду красные реки; высоко гатились мосты из козацких и вражьих тел. Взглянул Тарас на небо, а уж по небу потянулась вереница кречетов. Ну, будет кому-то пожива! А уж там подняли на копье Метельщю. Уже голова другого Пысаренка, завертевшись, захлопала очами. Уже подломился и бухнулся о землю начетверо изрубленный Охрим Гуска. „Ну!“ сказал Тарас и махнул платком. Понял тот знак Остап и ударил сильно, вырвавшись из засады, в конницу. Не выдержали сильного напору ляхи, а он их гнал и нагнал прямо на место, где были убиты в землю колья и обломки копьев. Пошли спотыкаться и падать кони и лететь через их головы ляхи. А в это время корсунцы, стоявшие последние за возами, увидевши, что уже достанет ружейная пуля, грянули вдруг из самопалов. Все сбились и растерялись ляхи, и приободрились козаки. „Вот и наша победа!“ раздались со всех сторон запорожские голоса, затрубили в трубы и выкинули победную хоругвь. Везде бежали и крылись разбитые ляхи. „Ну, нет, еще не совсем победа!“ сказал Тарас, глядя на городские стены, и сказал он правду.

Отворились ворота, и вылетел оттуда гусарский полк, краса всех конных полков. Под всеми всадниками были все, как один, бурые аргамаки. Впереди перед другими понесся витязь всех бойчее, всех красивее. Так и летели черные волосы из-под медной его шапки; вился завязанный на руке дорогой шарф, шитый руками первой красавицы. Так и оторопел Тарас, когда увидел, что это был Андрий. А он между тем, объятый пылом и жаром битвы, жадный заслужить навязанный на руку подарок, понесся, как молодой борзой пес, красивейший, быстрейший и молодой всех в стае. Атукнул на него опытный охотник, – и он понесся, пустив прямой чертой по воздуху свои ноги, весь покосившись на бок всем телом, взрывая снег и десять раз выпереживая самого зайца в жару своего бега. Остановился старый Тарас и глядел на то, как он чистил перед собою дорогу, разгонял, рубил и сыпал удары направо и налево. Не вытерпел Тарас и закричал: „Как?.. Своих?.. Своих, чортов сын, своих бьешь?..“ Но Андрий не различал, кто пред ним был, свои или другие какие; ничего не видел он. Кудри, кудри он видел, длинные, длинные кудри и подобную речному лебедю грудь, и снежную шею, и плечи, и всё, что создано для безумных поцелуев.

„Эй, хлопьята! заманите мне только его к лесу, заманите мне только его!“ кричал

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
Тарас. И вызвалось тот же час тридцать быстрееших козаков заманить его. И, поправив на себе высокие шапки, тут же пустились на конях прямо на перерез гусарам. Ударили сбоку на передних, сбили их, отделили от задних, дали по гостинцу тому и другому, а Голокопытенко хватил плашмя по спине Андрия, и в тот же час пустились бежать от них, сколько достало козацкой мочи. Как вскинулся Андрий! Как забунтовала по всем жилкам молодая кровь! Ударив острыми шпорами коня, во весь дух полетел он за козаками, не глядя назад, не видя, что позади всего только двадцать человек успело поспевать за ним. А козаки летели во всю прыть на конях и прямо поворотили к лесу. Разогнался на коне Андрий и чуть было уже не настигнул Голокопытенка, как вдруг чья-то сильная рука ухватила за повод его коня. Оглянулся Андрий: пред ним Тарас! Затрясся он всем телом и вдруг стал бледен...

Так школьник, неосторожно задравши своего товарища и получивши за то от него удар линейкою по лбу, вспыхивает, как огонь, бешеный выскакивает из лавки и гонится за испуганным товарищем своим, готовый разорвать его на части, и вдруг наталкивается на входящего в класс учителя: вмиг притихает бешеный порыв, и упадает бессильная ярость. Подобно ему в один миг пропал, как бы не бывал вовсе, гнев Андрия. И видел он перед собою одного только страшного отца.

„Ну, что ж теперь мы будем делать?“ сказал Тарас, смотря прямо ему в очи. Но ничего не умел на то сказать Андрий и стоял, утупивши в землю очи.

„Что, сынку, помогли тебе твои ляхи?“

Андрий был безответен.

„Так продать? продать веру? продать своих? Стой же, слезай с коня!“

Покорно, как ребенок, слез он с коня и остановился ни жив, ни мертв перед Тарасом.

„Стой и не шевелись! Я тебя породил, я тебя и убью!“ сказал Тарас и, отступивши шаг назад, снял с плеча ружье. Бледен, как полотно, был Андрий; видно было, как тихо шевелились уста его, и как он произносил чье-то имя; но это не было имя отчизны, или матери, или братьев – это было имя прекрасной полячки. Тарас выстрелил.

Как хлебный колос, подрезанный серпом, как молодой барашек, почуявший под сердцем смертельное железо, повис он головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубийца и глядел долго на бездыханный труп. Он был и мертвый прекрасен: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобедимого для жен очарованья, всё еще выражало чудную красоту; черные брови, как траурный бархат, оттеняли его побледневшие черты. „Чем бы не козак был?“ сказал Тарас: „и станом высокий, и чернобровый, и лицо, как у дворянина, и рука была крепка в бою! Пропал, пропал бесславно, как подлая собака!“

„Батько, что ты сделал? Это ты убил его?“ сказал подъехавший в это время Остап.

„Я, сынку“, сказал Тарас, кивнувши головою. Пристально поглядел мертвому в очи Остап. Жалко ему стало брата и проговорил он тут же: „Предадим же, батько, его честно земле, чтобы не поругались над ним враги и не растаскали бы его тело хищные птицы.“

„Погребут его и без нас!“ сказал Тарас: „будут у него плакальщики и утешницы!“

И минуты две думал он, кинуть ли его на расхищенье волкам-сыромахам, или пощадить в нем рыцарскую доблесть, которую храбрый должен уважить в чем бы то ни было. Как видит, скачет к нему на коне Голокопытенко: „Беда, атаман, окрепли ляхи, прибыла на подмогу свежая сила!..“ Не успел сказать Голокопытенко, скачет Вовтузенко: „Беда атаман, новая валит еще сила!..“ Не успел сказать Вовтузенко, Пысаренко бежит бегом уже без коня: „Где ты, батьку? Ищут тебя козаки. Уж убит куренной атаман Невыльчий, Задорожный убит, Черевиченко убит. Но стоят козаки, не хотят умирать, не увидев тебя в очи; хотят, чтобы взглянул ты на них перед смертным часом“.

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
„На коня, Остап!“ сказал Тарас и спешил, чтобы застать еще козачков, чтобы поглядеть еще на них, и чтобы они взглянули перед смертью на своего атамана. Но не выехали они еще из лесу, а уж неприятельская сила окружила со всех сторон лес, и меж деревьями везде показались всадники с саблями и копьями. „Остап!.. Остап, не поддавайся!..“ кричал Тарас, а сам, схвативши саблю наголо, начал честить первых попавшихся на все боки. А на Остапа уже наскочило вдруг шестеро; но не в добрый час, видно, наскочило: с одного полетела голова, другой перевернулся, отступивши; угодило копьем в ребро третьего; четвертый был поотважней, уклонился головой от пули, и попала в конскую грудь горячая пуля, – вздыбился бешеный конь, грянулся о землю и задавил под собою всадника. „Добре, сынку!.. Добре, Остап!..“ кричал Тарас: „вот я следом за тобою!..“ А сам всё отбивался от наступающих. Рубится и бьется Тарас, сыплет гостинцы тому и другому на голову, а сам глядит всё вперед на Остапа, и видит, что уже вновь схватилось с Остапом мало не восьмеро разом. „Остап!.. Остап, не поддавайся!..“ Но уж одолевают Остапа; уже один накинуд ему на шею аркан, уже вяжут, уже берут Остапа. „Эх, Остап, Остап!..“ кричал Тарас, пробиваясь к нему, рубя в капусту встречных и поперечных: „Эх, Остап, Остап!..“ Но, как тяжелым камнем, хватило его самого в ту же минуту. Всё закружилось и перевернулось в глазах его. На миг смешанно сверкнули пред ним головы, копыта, дым, блески огня, сучья с древесными листьями, мелькнувшие ему в самые очи. И грохнулся он, как подрубленный дуб, на землю. И туман покрыл его очи.

Х.

„Долго же я спал!“ сказал Тарас, очнувшись, как после трудного хмельного сна, и стараясь распознать окружающие его предметы. Страшная слабость одолевала его члены. Едва металась пред ним стены и углы незнакомой светлицы. Наконец, заметил он, что пред ним сидел Товкач и, казалось, прислушивался ко всякому его дыханию.

„Да“, подумал про себя Товкач: „заснул бы ты, может-быть, и навеки!“ Но ничего не сказал, погрозил пальцем и дал знак молчать.

„Да скажи же мне, где я теперь?“ спросил опять Тарас, напрягая ум и стараясь припомнить бывшее.

„Молчи ж!“ прикрикнул сурово на него товарищ: „чего тебе еще хочется знать? Разве ты не видишь, что весь изрублен? Уж две недели, как мы с тобою скачем, не переводя духу, и как ты в горячке и жару несешь и городишь чепуху. Вот в первый раз заснул покойно. Молчи ж, если не хочешь нанести сам себе беду.“

Но Тарас всё старался и силился собрать свои мысли и припомнить бывшее. „Да ведь меня же схватили и окружили было совсем ляхи? Мне ж не было никакой возможности выбиться из толпы?“

„Молчи ж, говорят тебе, чортова детина!“ закричал Товкач сердито, как нянька, выведенная из терпенья, кричит неугомонному повесе ребенку: „Что пользы знать тебе, как выбрался? Довольно того, что выбрался. Нашлись люди, которые тебя не выдали, – ну, и будет с тебя! Нам еще не мало ночей скакать вместе. Ты думаешь, что пошел за простого козака? Нет, твою голову оценили в две тысячи червонных.“

„А Остап?“ вскрикнул вдруг Тарас, понатужился приподняться и вдруг вспомнил, как Остапа схватили и связали в глазах его, и что он теперь уже в ляшских руках. И обняло горе старую голову. Сорвал и сдернул он все перевязки ран своих, бросил их далеко прочь, хотел громко что-то сказать – и вместо того понес чепуху; жар и бред вновь овладели им, и понеслись без толку и связи безумные речи. А между тем верный товарищ стоял пред ним, бранясь и рассыпая без счету жестокие укорительные слова и упреки. Наконец, схватил он его за ноги и руки, спеленал, как ребенка, поправил все перевязки, увернул его в воловью кожу, увязал в лубки и, присвиснувши веревками к седлу, помчался вновь с ним в дорогу.

„Хоть неживого, да доведу тебя! Не попусти, чтобы ляхи поглумились над твоей козацкою уродою, на куски рвали бы твое тело да бросали его в воду. Пусть же, хоть и будет орел высмывать из твоего лоба очи, да пусть же степовой, наш орел, а не ляшский, не тот, что прилетает из польской земли. Хоть неживого, а доведу тебя до Украины!“

Так говорил верный товарищ. Скакал без отдыха дни и ночи и привез его, бесчувственного, в самую Запорожскую Сечь. Там принялся он лечить его неумоимо

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
травмами и смачиваньями; достал какую-то знающую жидовку, которая месяц поила его разными снадобьями, и наконец Тарасу стало лучше. Лекарства ли или своя железная сила взяла верх, только он через полтора месяца стал на ноги; раны зажили, и только одни сабельные рубцы давали знать, как глубоко когда-то был ранен старый козак. Однако же, заметно стал он пасмурен и печален. Три тяжелые морщины насунулись на лоб его и уже больше никогда не сходили с него. Оглянулся он теперь вокруг себя: всё новое на Сечи, все перемерли старые товарищи. Ни одного из тех, которые стояли за правое дело, за веру и братство. И те, которые отправились с кошевым в угон за татарами, и тех уже не было давно: все положили головы, все изгибли, кто, положив на самом бою честную голову, кто от безводья и бесхлебья среди крымских солончаков, кто в плену пропал, не вынеся позора, и самого прежнего кошевого уже давно не было на свете, и никого из старых товарищей; и уже давно поросла травой когда-то кипевшая козацкая сила. Слышал он только, что был пир, сильный, шумный пир: вся перебита вдребезги посуда; нигде не осталось вина ни капли, расхитили гости и слуги все дорогие кубки и сосуды, – и смутный стоит хозяин дома, думая: „Лучше б и не было того пира“. Напрасно старались занять и развеселить Тараса; напрасно бородатые, седые бандуристы, проходя по два и по три, расславляли его козацкие подвиги. Сурово и равнодушно глядел он на всё, и на неподвижном лице его выступала неугасимая горечь, и, тихо понурился, говорил он: „Сын мой! Остап мой!“

Запорожцы собирались на морскую экспедицию. Двести челнов спущены были в Днепр, и Малая Азия видела их, с бритыми головами и длинными чубами, предававшими мечу и огню цветущие берега ее; видела чалмы своих магометанских обитателей раскиданными, подобно ее бесчисленным цветам, на смоченных кровию полях и плававшими у берегов. Она видела не мало запачканных дегтем запорожских шаровар, мускулистых рук с черными нагайками. Запорожцы переели и переломали весь виноград; в мечетях оставили целые кучи навозу; персидские дорогие шали употребляли вместо очкуров и опоясывали ими запачканные свитки. Долго еще после находили в тех местах запорожские коротенькие люльки. Они весело плыли назад; за ними гнался десятипушечный турецкий корабль и залпом из всех орудий своих разогнал, как птиц, утлые их челны. Третью часть их потонула в морских глубинах, но остальные снова собрались вместе и прибыли к устью Днепра с двенадцатью боченками, набитыми цехинами. Но всё это уже не занимало Тараса. Он уходил в луга и степи, будто бы за охотой, но заряд его оставался невыстрелянным. И, положив ружье, полный тоски, садился он на морской берег. Долго сидел он там, понурился голову и всё говоря: „Остап мой! Остап мой!“ Перед ним сверкало и расстиралось Черное море; в дальнем тростнике кричала чайка; белый ус его серебрился, и слеза капала одна за другою.

И не выдержал наконец Тарас. „Что бы ни было, пойду разведать, что он: жив ли он? в могиле? или уже и в самой могиле нет его? Разведаю во что бы ни стало!“ И через неделю уже очутился он в городе Умани, вооруженный, на коне, с копьем, саблей, дорожной баклагой у седла, походным горшком с саламатой, пороховыми патронами, лошадиными путами и прочим снарядом. Он прямо подъехал к нечистому, запачканному домишке, у которого небольшие окошка едва были видны, закопченные неизвестно чем; труба заткнута была тряпкою, и дырявая крыша вся была покрыта воробьями. Куча всякого сору лежала пред самыми дверьми. Из окна выглядывала голова жидовки, в чепце с потемневшими жемчугами.

„Муж дома?“ сказал Бульба, слезая с коня и привязывая повод к железному крючку, бывшему у самых дверей.

„Дома“, сказала жидовка и поспешила тот же час выйти с пшеницей в корчике для коня и стопой пива для рыцаря.

„Где же твой жид?“

„Он в другой светлице, молится“, проговорила жидовка, кланяясь и пожелав здоровья в то время, когда Бульба поднес к губам стопу.

„Оставайся здесь, накорми и напои моего коня, а я пойду, поговорю с ним один. У меня до него дело.“

Этот жид был известный Янкель. Он уже очутился тут арендатором и корчмарем; прибрал понемногу всех окружающих панов и шляхтичей в свои руки, высосал понемногу почти все деньги и сильно означил свое жидовское присутствие в той стране. На расстоянии трех миль во все стороны не оставалось ни одной избы в порядке: всё

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
валилось и дряхлело, всё пораспивалось, и осталась бедность да лохмотья; как после пожара или чумы, выветрился весь край. И если бы десять лет еще пожил там Янкель, то он, вероятно, выветрил бы и всё воеводство. Тарас вошел в светлицу. Жид молился, накрывшись своим довольно запачканным саваном, и оборотился, чтобы в последний раз плюнуть, по обычаю своей веры, как вдруг глаза его встретили стоявшего назади Бульбу. Так и бросились жиду прежде всего в глаза две тысячи червонных, которые были обещаны за его голову; но он постыдился своей корысти и силится подавить в себе вечную мысль о золоте, которая, как червь, обвивает душу жида.

„Слушай Янкель!“ сказал Тарас жиду, который начал перед ним кланяться и запер осторожно дверь, чтобы их не видели: „Я спас твою жизнь, – тебя бы разорвали, как собаку, запорожцы, – теперь твоя очередь, теперь сделай мне услугу!“ Лицо жида несколько поморщилось. „Какую услугу? Если такая услуга, что можно сделать, то для чего не сделать?“

„Не говори ничего. Вези меня в Варшаву.“

„В Варшаву? Как, в Варшаву?“ сказал Янкель. Брови и плечи его поднялись вверх от изумления.

„Не говори мне ничего. Вези меня в Варшаву. Что бы ни было, а я хочу еще раз увидеть его, сказать ему хоть одно слово.“

„Кому сказать слово?“

„Ему, Остапу, сыну моему.“

„Разве пан не слышал, что уже...“

„Знаю, знаю всё: за мою голову дают две тысячи червонных. Знают же они, дурни, цену ей! Я тебе пять тысяч дам. Вот тебе две тысячи сейчас“, Бульба высыпал из кожаного гамана две тысячи червонных: „а остальные – как ворочусь.“ Жид тотчас схватил полотенце и накрыл им червонцы.

„Ай, славная монета! Ай, добрая монета!“ говорил он, вертя один червонец в руках и пробуя на зубах. „Я думаю, тот человек, у которого пан обобрал такие хорошие червонцы, и часу не прожил на свете, пошел тот же час в реку, да и утонул там после таких славных червонцев.“

„Я бы не просил тебя. Я бы сам, может-быть, нашел дорогу в Варшаву; но меня могут как-нибудь узнать и захватить проклятые ляхи, ибо я не горазд на выдумки. А вы, жида, на то уже и созданы. Вы хоть чорта проведете; вы знаете все штуки; вот для чего я пришел к тебе! Да и в Варшаве я бы сам собою ничего не получил. Сейчас запрягай воз и вези меня!“

„А пан думает, что так прямо взял кобылу, запряг да и: „эй, ну, пошел, сивка!“ Думает пан, что можно так, как есть, не спрятавши, везти пана?“

„Ну, так прятая, прятая, как знаешь; в порожнюю бочку, что ли?“

„Ай, ай! А пан думает, разве можно спрятать его в бочку? Пан разве не знает, что всякий подумает, что в бочке горелка?“

„Ну, так и пусть думает, что горелка.“

„Как? Пусть думает, что горелка?“ сказал жид и схватил себя обеими руками за пейсики и потом поднял кверху обе руки.

„Ну, что же ты так оторопел?“

„А пан разве не знает, что бог на то создал горелку, чтобы ее всякий пробовал! Там всё лакомки, ласуны: шляхтич будет бежать верст пять за бочкой, продолбит как раз дырочку, тотчас увидит, что не течет, и скажет: „Жид не повезет порожнюю бочку; верно, тут есть что-нибудь. Схватить жида, связать жида, отобрать все деньги у жида, посадить в тюрьму жида!“ Потому что всё, что ни есть недоброго, всё валится на жида; потому что жида всякий принимает за собаку; потому что думают, уж и не человек, коли жид.“

„Ну, так положи меня в воз с рыбою!“

„Не можно, пан; ей-богу, не можно. По всей Польше люди голодны теперь, как собаки: и рыбу раскрадут и пана нащупают.“

„Так вези меня хоть на чорте, только вези!“

„Слушай, слушай, пан!“ сказал жид, посунувши обшлага рукавов своих и подходя к нему с растопыренными руками: „Вот, что мы сделаем. Теперь строят везде крепости и замки; из Неметчины приехали французские инженеры, а потому по дорогам везут много кирпичу и камней. Пан пусть ляжет на дне воза, а верх я закладу кирпичом. Пан здоровый и крепкий с виду, и потому ему ничего, коли будет тяжелько; а я сделаю в возу снизу дырочку, чтобы кормить пана.“

„Делай, как хочешь, только вези!“

И через час воз с кирпичом выехал из Умани, запряженный в две клячи. На одной из них сидел высокий Янкель, и длинные курчавые пейсики его развевались из-под жидовского яломка по мере того, как он подпрыгивал на лошади, длинный, как верста, поставленная на дороге.

XI.

В то время, когда происходило описываемое событие, на пограничных местах не было еще никаких таможенных чиновников и объездчиков, этой страшной грозы предприимчивых людей, и потому всякий мог везти, что ему вздумалось. Если же кто и производил обыск и ревизовку, то делал это большею частью для своего собственного удовольствия, особливо, если на возу находились заманчивые для глаз предметы, и если его собственная рука имела порядочный вес и тяжесть. Но кирпич не находил охотников и въехал беспрепятственно в главные городские ворота. Бульба в своей тесной клетке мог только слышать шум, крики возниц и больше ничего. Янкель, подпрыгивая на своем коротком, запачканном пылью рысаке, поворотил, сделавши несколько кругов, в темную узенькую улицу, носившую название Грязной и вместе Жидовской, потому что здесь, действительно, находились жида почти со всей Варшавы. Эта улица чрезвычайно походила на вывороченную внутренность заднего двора. Солнце, казалось, не заходило сюда вовсе. Совершенно почерневшие деревянные дома, со множеством протянутых из окон жердей, увеличивали еще более мрак. Изредка краснела между ними кирпичная стена, но и та уже во многих местах превращалась совершенно в черную. Иногда только вверху ощекатуренный кусок стены, обхваченный солнцем, блистал нестерпимую для глаз белизною. Тут всё состояло из сильных резкостей: трубы, тряпки, шелуха, выброшенные разбитые чаны. Всякий, что только было у него негодного, швырял на улицу, доставляя прохожим возможные удобства питать все чувства свои этою дрянью. Сидящий на коне всадник чуть-чуть не доставал рукою жердей, протянутых через улицу из одного дома в другой, на которых висели жидовские чулки, коротенькие панталонцы и копченый гусь. Иногда довольно смазливенькое личико еврейки, убранный потемневшими бусами, выглядывало из ветхого окошка. Куча жиденков, запачканных, оборванных, с курчавыми волосами, кричала и валялась в грязи. Рыжий жид, с веснушками по всему лицу, делавшими его похожим на воробьиное яйцо, выглянул из окна, тотчас заговорил с Янкелем на своем тарабарском наречии, и Янкель тотчас въехал в один двор. По улице шел другой жид, остановился, вступил тоже в разговор, и, когда Бульба выкарабкался, наконец, из-под кирпича, он увидел трех жидов, говоривших с большим жаром.

Янкель обратился к нему и сказал, что всё будет сделано, что его Остап сидит в городской темнице, и хотя трудно уговорить стражей, но, однако ж, он надеется доставить ему свидание.

Бульба вошел с тремя жидами в комнату.

Жида начали опять говорить между собою на своем непонятном языке. Тарас поглядывал на каждого из них. Что-то, казалось, сильно потрясло его: на грубом и равнодушном лице его вспыхнуло какое-то сокрушительное пламя надежды, — надежды той, которая посещает иногда человека в последнем градусе отчаяния; старое сердце его начало сильно биться, как будто у юноши.

„Слушайте, жида!“ сказал он, и в словах его было что-то восторженное: „Вы всё на

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
свете можете сделать, выкопаете хоть из дна морского; и пословица давно уже говорит, что жид самого себя украдет, когда только захочет украсть. Освободите мне моего Остапа! Дайте случай убежать ему от дьявольских рук. Вот я этому человеку обещал двенадцать тысяч червонных, – я прибавляю еще двенадцать. Все, какие у меня есть, дорогие кубки и закопанное в земле золото, хату и последнюю одежду продам и заключу с вами контракт на всю жизнь с тем, чтобы всё, что ни добуду на войне, делить с вами пополам.“

„О, не можно, любезный пан, не можно!“ сказал со вздохом Янкель.

„Нет, не можно!“ сказал другой жид.

Все три жида взглянули один на другого.

„А попробовать?“ сказал третий, боязливо поглядывая на двух других: „может быть, бог даст.“

Все три жида заговорили по-немецки. Бульба, как ни наострял свой слух, ничего не мог отгадать; он слышал только часто произносимое слово „Мардохай“, и больше ничего.

„Слушай, пан!“ сказал Янкель: „нужно посоветоваться с таким человеком, какого еще никогда не было на свете. У, у! то такой мудрый, как Соломон, и, когда он ничего не сделает, то уж никто на свете не сделает. Сиди тут; вот ключ, и не впускай никого!“ Жида вышли на улицу.

Тарас запер дверь и смотрел в маленькое окошечко на этот грязный жидовский проспект. Три жида остановились посредине улицы и стали говорить довольно азартно; к ним присоединился скоро четвертый, наконец и пятый. Он слышал опять повторяемое: „Мардохай, Мардохай.“ Жида беспрестанно посматривали в одну сторону улицы; наконец в конце ее из-за одного дрянного дома показалась нога в жидовском башмаке, и замелькали фалды полукафтаны. „А, Мардохай, Мардохай!“ закричали все жида в один голос. Тощий жид, несколько короче Янкеля, но гораздо более покрытый морщинами, с преогромною верхнею губою, приблизился к нетерпеливой толпе, и все жида наперерыв спешили рассказывать ему, при чем Мардохай несколько раз поглядывал на маленькое окошечко, и Тарас догадывался, что речь шла о нем. Мардохай размахивал руками, слушал, перебивал речь, часто плевал на сторону и, подымая фалды полукафтаны, засовывал в карман руку и вынимал какие-то побрякушки, при чем показывал прескверные свои панталоны. Наконец все жида подняли такой крик, что жид, стоявший настороже, должен был дать знак к молчанию, и Тарас уже начал опасаться за свою безопасность, но вспомнивши, что жида не могут иначе рассуждать, как на улице, и что их языка сам демон не поймет, он успокоился.

Минуты две спустя, жида вместе вошли в его комнату. Мардохай приблизился к Тарасу, потрепал его по плечу и сказал: „Когда мы да бог захочем сделать, то уже будет так, как нужно.“

Тарас поглядел на этого Соломона, какого еще не было на свете, и получил некоторую надежду. Действительно, вид его мог внушить некоторое доверие: верхняя губа у него была просто страшилище; толщина ее, без сомнения, увеличилась от посторонних причин. В бороде у этого Соломона было только пятнадцать волосков, и то на левой стороне. На лице у Соломона было столько знаков побоев, полученных за удалство, что он, без сомнения, давно потерял счет им и привык их считать за родимые пятна.

Мардохай ушел вместе с товарищами, исполненными удивления к его мудрости. Бульба остался один. Он был в странном, небывалом положении: он чувствовал в первый раз в жизни беспокойство. Душа его была в лихорадочном состоянии. Он не был тот прежний, непреклонный, неколебимый, крепкий, как дуб; он был малодушен; он был теперь слаб. Он вздрагивал при каждом шорохе, при каждой новой жидовской фигуре, показывавшейся в конце улицы. В таком состоянии пробыл он, наконец, весь день; не ел, не пил, и глаза его не отрывались ни на час от небольшого окошка на улицу. Наконец уже ввечеру поздно показался Мардохай и Янкель. Сердце Тараса замерло.

„Что? удачно?“ спросил он их с нетерпением дикого коня.

Но прежде еще, нежели жида собрались с духом отвечать, Тарас заметил, что у Мардохая уже не было последнего локона, который, хотя довольно неопрятно, но всё же вилялся кольцами из-под яломка его. Заметно было, что он хотел что-то сказать, но наговорил такую дрянью, что Тарас ничего не понял. Да и сам Янкель прикладывал очень часто руку ко рту, как будто бы страдал простудой.

„О, любезный пан!“ сказал Янкель: „теперь совсем не можно! Ей-богу, не можно! Такой нехороший народ, что ему надо на самую голову наплевать. Вот и Мардохай скажет. Мардохай делал такое, какого еще не делал ни один человек на свете; но бог не захотел, чтобы так было. Три тысячи войска стоят, и завтра их всех будут казнить.“ Тарас глянул в глаза жидам, но уже без нетерпения и гнева.

„А если пан хочет видеться, то завтра нужно рано, так, чтобы еще и солнце не всходило. Часовые соглашаются, и один левентарь обещался. Только пусть им не будет на том свете счастья, ой, вей мир! Что это за корыстный народ! И между нами таких нет: пятьдесят червонцев я дал каждому, а левентарю..“

„Хорошо. Веди меня к нему!“ произнес Тарас решительно, и вся твердость возвратилась в его душу. Он согласился на предложение Янкеля переодеться иностранным графом, приехавшим из немецкой земли, для чего платье уже успел припасти дальновидный жид. Была уже ночь. Хозяин дома, известный рыжий жид с веснушками, вытащил тощий тюфяк, накрытый какою-то рогожею, и разостлал его на лавке для Бульбы. Янкель лег на полу на таком же тюфяке. Рыжий жид выпил небольшую чарочку какой-то настойки, скинул полукафтаны, и, сделавшись в своих чулках и башмаках несколько похожим на цыпленка, отправился с своею жидовкой во что-то похожее на шкаф. Двое жиденков, как две домашние собачки, легли на полу возле шкафа. Но Тарас не спал; он сидел неподвижен и слегка барабанил пальцами по столу; он держал во рту люльку и пускал дым, от которого жид спросонья чихал и заворачивал в одеяло свой нос. Едва небо успело тронуться бледным предвестием зари, он уже толкнул ногою Янкеля.

„Вставай, жид, и давай твою графскую одежду.“

В минуту оделся он; вычернил усы, брови, надел на темя маленькую темную шапочку, – и никто бы из самых близких к нему козаков не мог узнать его. По виду ему казалось не более тридцати пяти лет. Здоровый румянец играл на его щеках, и самые рубцы придавали ему что-то повелительное. Одежда, убранная золотом, очень шла к нему.

Улицы еще спали. Ни одно меркантильное существо еще не показывалось в городе с коробкою в руках. Бульба и Янкель пришли к строению, имевшему вид сидящей цапли. Оно было низкое, широкое, огромное, почерневшее, и с одной стороны его выкидывалась, как шея аиста, длинная узкая башня, наверху которой торчал кусок крыши. Это строение отправляло множество разных должностей: тут были и казармы, и тюрьма, и даже уголовный суд. Наши путники вошли в ворота и очутились среди пространной залы, или крытого двора. Около тысячи человек спали вместе. Прямо шла низенькая дверь, перед которой сидевшие двое часовых играли в какую-то игру, состоявшую в том, что один другого бил двумя пальцами по ладони. Они мало обратили внимания на пришедших и повертели головы только тогда, когда Янкель сказал: „Это мы; слышите, паны: это мы.“

„Ступайте!“ говорил один из них, отворяя одною рукою дверь, а другую подставляя своему товарищу для принятия от него ударов.

Они вступили в коридор, узкий и темный, который опять привел их в такую же залу с маленькими окошками вверху. „Кто идет?“ закричало несколько голосов, и Тарас увидел порядочное количество гайдуков в полном вооружении. „Нам никого не велено пускать.“

„Это мы!“ кричал Янкель: „Ей-богу, мы, ясные паны.“ Но никто не хотел слушать. К счастью, в это время подошел какой-то толстяк, который по всем приметам казался начальником, потому что ругался сильнее всех.

„Пан, это ж мы, вы уже знаете нас, и пан граф еще будет благодарить.“

„Пропустите, сто дьяблов чортовой матке! И больше никого не пускайте. Да саблей чтобы никто не скидал и не собачился на полу..“

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Продолжения красноречивого приказа уже не слышали наши путники. „Это мы... это я... это свои!“ говорил Янкель, встречаясь со всяким.

„А что, можно теперь?“ спросил он одного из стражей, когда они, наконец, подошли к тому месту, где коридор уже оканчивался.

„Можно; только не знаю, пропустят ли вас в самую тюрьму. Теперь уже нет Яна: вместо его стоит другой“, отвечал часовой.

„Ай, ай!“ произнес тихо жид: „Это скверно, любезный пан!“

„Веди!“ произнес упрямо Тарас. Жид повиновался.

У дверей подземелья, оканчивавшихся кверху острием, стоял гайдук с усами в три яруса. Верхний ярус усов шел назад, другой прямо вперед, третий вниз, что делало его очень похожим на кота.

Жид съехался в три погибели и почти боком подошел к нему: „Ваша ясновельможность! Ясновельможный пан!“

„Ты, жид, это мне говоришь?“

„Вам, ясновельможный пан!“

„Гм... А я, просто, гайдук!“ сказал трехъярусный усач с повеселевшими глазами.

„А я, ей-богу, думал, что это сам воевода. Ай, ай, ай...“ при этом жид покрутил головою и расставил пальцы. „Ай, какой важный вид! Ей-богу, полковник, совсем полковник! Вот еще бы только на палец прибавить, то и полковник! Нужно бы пана посадить на жеребца, такого скорого, как муха, да и пусть муштрует полки!“

Гайдук поправил нижний ярус усов своих, при чем глаза его совершенно развеселились.

„Что за народ военный!“ продолжал жид: „ох, вей мир, что за народ хороший! Шнурочки, бляшечки... Так от них блестит, как от солнца; а цурки, где только увидят военных... ай, ай!..“ Жид опять покрутил головою.

Гайдук завил рукою верхние усы и пропустил сквозь зубы звук, несколько похожий на лошадиное ржание.

„Прошу пана оказать услугу!“ произнес жид: „вот князь приехал из чужого края, хочет посмотреть на козаков. Он еще сроду не видел, что это за народ козаки.“

Появление иностранных графов и баронов было в Польше довольно обыкновенно: они часто были увлекаемы единственно любопытством посмотреть этот почти полуазиатский угол Европы: Московию и Украину они почитали уже находящимися в Азии. И потому гайдук, поклонившись довольно низко, почел приличным прибавить несколько слов от себя.

„Я не знаю, ваша ясновельможность“, говорил он: „зачем вам хочется смотреть их. Это собаки, а не люди. И вера у них такая, что никто не уважает.“

„Врешь ты, чортов сын!“ сказал Бульба: „Сам ты собака! Как ты смеешь говорить, что нашу веру не уважают? Это вашу еретическую веру не уважают!“

„Эге, ге!“ сказал гайдук: „а я знаю, приятель, ты кто: ты сам из тех, которые уже сидят у меня. Постой же, я позову сюда наших.“

Тарас увидел свою неосторожность, но упрямство и досада помешали ему подумать о том, как бы исправить ее. К счастью, Янкель в ту же минуту успел подвернуться.

„Ясновельможный пан! как же можно, чтобы граф, да был козак? А если бы он был козак, то где бы он достал такое платье и такой вид графский?“

„Рассказывай себе!..“ и гайдук уже растворил было широкий рот свой, чтобы крикнуть.

„Ваше королевское величество! молчите! молчите, ради бога!“ закричал Янкель: „Молчите! Мы уж вам за это заплатим так, как еще никогда и не видели: мы дадим вам два золотых червонца.“

„Эге! два червонца! Два червонца мне ни по чем: я цырюльнику даю два червонца за то, чтобы мне только половину бороды выбрил. Сто червонных давай, жид!“ Тут гайдук закрутил верхние усы. „А как не дашь ста червонных, сейчас закричу!“

„И на что бы так много!“ горестно сказал побледневший жид, развязывая кожаный мешок свой; но он счастлив был, что в его кошельке не было более, и что гайдук далее ста не умел считать.

„Пан, пан! уйдем скорее! Видите, какой тут нехороший народ!“ сказал Янкель, заметивши, что гайдук перебирал на руке деньги, как бы жалея о том, что не запросил более.

„Что ж ты, чортов гайдук“, сказал Бульба: „деньги взял, а показать и не думаешь? Нет, ты должен показать. Уж когда деньги получил, то ты не в праве теперь отказать.“

„Ступайте, ступайте к дьяволу! а не то я сию минуту дам знать, и вас тут... Уносите ноги, говорю я вам, скорее!“

„Пан! пан! пойдем! Ей-богу, пойдем! Цур им! Пусть им приснится такое, что плевать нужно“, кричал бедный Янкель.

Бульба медленно, потупив голову, оборотился и шел назад, преследуемый укорами Янкеля, которого ела грусть при мысли о даром потерянных червонцах.

„И на что бы трогать? Пусть бы, собака, бранился! То уже такой народ, что не может не браниться! Ох, вей мир, какое счастье посылает бог людям! Сто червонцев за то только, что прогнал нас! А наш брат: ему и пейсики оборвут и из морды сделают такое, что и глядеть не можно, а никто не даст ста червонных. О, боже мой! боже милосердый!“

Но неудача эта гораздо более имела влияния на Бульбу; она выражалась пожирающим пламенем в его глазах.

„Пойдем!“ сказал он вдруг, как бы встряхнувшись: „пойдем на площадь. Я хочу посмотреть, как его будут мучить.“

„Ой, пан! зачем ходить? Ведь нам этим не помочь уже.“

„Пойдем!“ упрямо сказал Бульба, и жид, как нянька, вздыхая, побрел вслед за ним.

Площадь, на которой долженствовала производиться казнь, нетрудно было отыскать: народ валил туда со всех сторон. В тогдашний грубый век это составляло одно из занимательнейших зрелищ не только для черни, но и для высших классов. Множество старух, самых набожных, множество молодых девушек и женщин, самых трусливых, которым после всю ночь грезилась окровавленные трупы, которые кричали спросонья так громко, как только может крикнуть пьяный гусар, не пропускали, однако же, случая полюбопытствовать. „Ах, какое мученье!“ кричали из них многие с истерической лихорадкой, закрывая глаза и отворачиваясь; однако же, простаивали иногда довольно долгое время. Иной, и рот разинув, и руки вытянув вперед, желал бы вскочить всем на головы, чтобы оттуда посмотреть повиднее. Из толпы узких, небольших и обыкновенных голов высовывал свое толстое лицо мясник, наблюдал весь процесс с видом знатока и разговаривал односложными словами с оружейным мастером, которого называл кумом, потому что в праздничный день напивался с ним в одном шинке. Иные рассуждали с жаром, другие даже держали пари; но большая часть была таких, которые на весь мир и на всё, что ни случается в свете, смотрят, ковыряя пальцем в своем носу. На переднем плане, возле самых усачей, составлявших городскую гвардию, стоял молодой шляхтич, или казавшийся шляхтичем, в военном костюме, который надел на себя решительно всё, что у него ни было, так что на его квартире оставалась только изодранная рубашка да старые сапоги. Две цепочки, одна сверх другой, висели у него на шее с каким-то дукатом. Он стоял с коханкою своею, Юзысею, и беспрестанно оглядывался, чтобы кто-нибудь не замарал ее шелкового платья. Он ей растолковал совершенно всё, так что уже решительно не можно было ничего прибавить. „Вот это, душечка Юзыся“, говорил он: „весь народ,

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
что вы видите, пришел затем, чтобы посмотреть, как будут казнить преступников. А вот тот, душечка, что, вы видите, держит в руках секиру и другие инструменты, то палач, и он будет казнить. И как начнет колесовать и другие делать муки, то преступник еще будет жив; а как отрубят голову, то он, душечка, тотчас и умрет. Прежде будет кричать и двигаться, но как только отрубят голову, тогда ему не можно будет ни кричать, ни есть, ни пить, оттого что у него, душечка, уже больше не будет головы.“ И Юзыся всё это слушала со страхом и любопытством. Крыши домов были усеяны народом. Из слуховых окон выглядывали престранные рожи в усах и в чем-то похожем на чепчики. На балконах, под балдахинами, сидело аристократство. Хорошенькая ручка смеющейся, блистающей, как белый сахар, панны держалась за перила. Ясновельможные паны, довольно плотные, глядели с важным видом. Холоп, в блестящем убранстве, с откидными назад рукавами, разносил тут же разные напитки и съестное. Часто шалуныя с черными глазами, схвативши светлую ручкою свою пирожное и плоды, кидала в народ. Толпа голодных рыцарей подставляла на подхват свои шапки, и какой-нибудь высокий шляхтич, высунувшийся из толпы своею головою, в полинялом красном кунтуше с почерневшими золотыми шнурками, хватал первый, с помощью длинных рук, целовал полученную добычу, прижимал ее к сердцу и потом клал в рот. Сокол, висевший в золотой клетке под балконом, был также зрителем: перегнувши на бок нос и поднявши лапу, он, с своей стороны, рассматривал также внимательно народ. Но толпа вдруг зашумела, и со всех сторон раздалась голоса: „Ведут... ведут!.. козаки!..“

Они шли с открытыми головами, с длинными чубами; бороды у них были отпущены. Они шли не боязливо, не угрюмо, но с какою-то тихою горделивостью; их платья из дорогого сукна износились и болтались на них ветхими лоскутьями; они не глядели и не кланялись народу. Впереди всех шел Остап.

Что почувствовал старый Тарас, когда увидел своего Остапа? Что было тогда в его сердце? Он глядел на него из толпы и не проронил ни одного движения его. Они приблизились уже к лобному месту. Остап остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжелую чашу. Он глянул на своих, поднял руку вверх и произнес громко: „Дай же, боже, чтобы все, какие тут ни стоят еретики, не услышали, нечестивые, как мучится христианин! чтобы ни один из нас не промолвил ни одного слова!“ После этого он приблизился к эшафоту.

„Добре, сынку, добре!“ сказал тихо Бульба и уставил в землю свою седую голову.

Палач сдернул с него ветхие лохмотья; ему увязали руки и ноги в нарочно сделанные станки, и... Не будем смущать читателей картиною адских мук, от которых дыбом поднялись бы их волосы. Они были порождение тогдашнего грубого, свирепого века, когда человек вел еще кровавую жизнь одних воинских подвигов и закалился в ней душою, не чуя человечества. Напрасно некоторые, немногие, бывшие исключениями из века, являлись противниками сих ужасных мер. Напрасно король и многие рыцари, просветленные умом и душой, представляли, что подобная жестокость наказаний может только разжечь мщение козацкой нации. Но власть короля и умных мнений была ничто перед беспорядком и дерзкою волею государственных магнатов, которые своею необдуманностью, непостижимым отсутствием всякой дальновидности, детским самолюбием и ничтожною гордостью превратили сейм в сатиру на правление. Остап выносил терзания и пытки, как исполин. Ни крика, ни стону не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на руках и ногах кости, когда ужасный хряск их послышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями, когда панянки отворотили глаза свои, – ничто, похожее на стон, не вырвалось из уст его, не дрогнулось лицо его. Тарас стоял в толпе, потупив голову и в то же время гордо приподняв очи, и одобрительно только говорил: „Добре, сынку, добре!“

Но, когда подвели его к последним смертным мукам, казалось, как-будто стала подаваться его сила. И повел он очами вокруг себя: боже, всё неведомое, всё чужие лица! Хоть бы кто-нибудь из близких присутствовал при его смерти! Он не хотел бы слышать рыданий и сокрушения слабой матери или безумных воплей супруги, исторгающей волосы и бьющей себя в белые груди; хотел бы он теперь увидеть твердого мужа, который бы разумным словом освежил его и утешил при кончине. И упал он силою и воскликнул в душевной немощи: „Батько! где ты? Слышишь ли ты?“

„Слышу!“ раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно время вздрогнул. Часть военных всадников бросилась заботливо рассматривать толпы народа. Янкель побледнел, как смерть, и, когда они немного отделились от него, он со страхом оборотился назад, чтобы взглянуть на Тараса; но Тараса уже возле него не было: его и след простыл.

XII.

Отыскался след Тарасов. Сто двадцать тысяч козацкого войска показалось на границах Украины. Это уже не была какая-нибудь малая часть или отряд, выступивший на добычу или на угон за татарами. Нет, поднялась вся нация, ибо переполнилось терпение народа, – поднялась отмстить за посмеянье прав своих, за позорное своих унижение, за оскорбление веры предков и святого обычая, за посрамление церквей, за бесчинства чужеземных панов, за угнетенье, за унию, за позорное владычество жидовства на христианской земле, за всё, что копило и сугубило с давних времен суровую ненависть козаков. Молодой, но сильный духом гетьман Острианица предводил всею несметною козацкою силою. Возле был виден престарелый, опытный товарищ его и советник, Гуня. Восемь полковников вели двенадцатитысячные полки. Два генеральные есаула и генеральный бунчужный ехали вслед за гетьманом. Генеральный хорунжий предводил главное знамя; много других хоругвей и знамен развевалось вдаль; бунчуковые товарищи несли бунчуки. Много также было других чинов полковых: обозных, войсковых товарищей, полковых писарей, и с ними пеших и конных отрядов; почти столько же, сколько было рейстровых козаков, набралось охочекомонных и вольных. Отвсюду поднялись козаки: от Чигирина, от Переяслава, от Батурина, от Глухова, от низовой стороны днепровской и от всех его верховий и островов. Без счету кони и несметные таборы телег тянулись по полям. И между теми-то козаками, между теми восьмью полками отборнее всех был один полк, и полком тем предводил Тарас Бульба. Всё давало ему перевес пред другими: и преклонные лета, и опытность, и умение двигать своим войском, и сильнейшая всех ненависть к врагам. Даже самим козакам казалась чрезмерною его беспощадная свирепость и жестокость. Только огонь да виселицу определяла седая голова его, и совет его в войсковом совете дышал только одним истреблением.

Нечего описывать всех битв, где показали себя козаки, ни всего постепенного хода кампании: всё это внесено в летописные страницы. Известно, какова в русской земле война, поднятая за веру: нет силы сильнее веры. Непреоборима и грозна она, как нерукотворная скала среди бурного, вечно-изменчивого моря. Из самой середины морского дна возносит она к небесам непроломные свои стены, вся созданная из одного цельного, сплошного камня. Отвсюду видна она и глядит прямо в очи мимобегущим волнам. И горе кораблю, который нанесется на нее! В щепы летят бессильные его снасти, тонет и ломится в прах всё, что ни есть на них, и жалким криком погибающих оглашается пораженный воздух.

В летописных страницах изображено подробно, как бежали польские гарнизоны из освобождаемых городов; как были перевешаны бессовестные арендаторы-жиды; как слаб был коронный гетьман Николай Потоцкий с многочисленною своею армиею против этой непреодолимой силы; как, разбитый, преследуемый, перетопил он в небольшой речке лучшую часть своего войска; как облегли его в небольшом местечке Полонном грозные козацкие полки, и как, приведенный в крайность, польский гетьман клятвенно обещал полное удовлетворение во всем со стороны короля и государственных чинов и возвращение всех прежних прав и преимуществ. Но не такие были козаки, чтобы поддаться на то: знали они уже, что такое польская клятва. И Потоцкий не красовался бы больше на шеститысячном своем аргамаке, привлекая взоры знатных панн и зависть дворянства, не шумел бы на сеймах, задавая роскошные пиры сенаторам, если бы не спасло его находившееся в местечке русское духовенство. Когда вышли на встречу все попы в светлых золотых ризах, неся иконы и кресты, и впереди сам архиерей с крестом в руке и в пастырской митре, преклонили козаки все свои головы и сняли шапки. Никого не уважили бы они на ту пору, ниже самого короля, но против своей церкви христианской не посмели, и уважили свое духовенство. Согласился гетьман вместе с полковниками отпустить Потоцкого, взявши с него клятвенную присягу оставить на свободе все христианские церкви, забыть старую вражду и не наносить никакой обиды козацкому воинству. Один только полковник не согласился на такой мир. Тот один был Тарас. Вырвал он клоч волос из головы своей и вскрикнул:

„Эй, гетьман и полковники! не сделайте такого бабьего дела! не верьте ляхам: продадут псяху!“ Когда же полковой писарь подал условие, и гетьман приложил свою властную руку, он снял с себя чистый булат, дорогую турецкую саблю из первейшаго железа, разломил ее надвое, как трость, и кинул врознь далеко в разные стороны оба конца, сказав: „Прощайте же! Как двум концам сего палаша не соединиться в одно и не составить одной сабли, так и нам, товарищи, больше не видаться на этом свете. Помяните же прощальное мое слово (при сем слове голос

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru его вырос, подымался выше, принял неведомую силу, – и смутились все от пророческих слов): перед смертным часом своим вы вспомните меня! Думаете, купили спокойствие и мир; думаете, пановать станете? Будете пановать другим панованьем: сдерут с твоей головы, гетьман, кожу, набьют ее гречанюю половиною, и долго будут видеть ее по всем ярмаркам! Не удержите и вы, паны, голов своих! Пропадете в сырых погребках, замурованные в каменные стены, если вас, как баранов, не сварят всех живыми в котлах!“

„А вы, хлопцы!“ продолжал он, оборотившись к своим: „кто из вас хочет умирать своею смертью, – не по запечьям и бабьим лежанкам, не пьяными под забором у шинка, подобно всякой падали, а честной, козацкой смертью, всем на одной постеле, как жених с невестою? Или, может-быть, хотите воротиться домой, да оборотиться в недоверков, да возить на своих спинах польских ксензов?“

„За тобою, пане полковнику! За тобою!“ вскрикнули все, которые были в Тарасовом полку, и к ним перебежало не мало других.

„А коли за мною, так за мною же!“ сказал Тарас, надвинул глубже на голову себе шапку, грозно взглянул на всех остававшихся, оправился на коне своем и крикнул своим: „Не попрекнет же никто нас обидной речью! А ну, гайда, хлопцы, в гости к католикам!“ И вслед затем ударил он по коню, и потянулся за ним табор из ста телег, и с ними много было козацких конников и пехоты, и, оборотясь, грозил взором всем остававшимся, и гневен был взор его. Никто не посмел остановить их. В виду всего воинства уходил полк, и долго еще оборачивался Тарас и всё грозил.

Смутны стояли гетьман и полковники, задумались все и молчали долго, как будто теснимые каким-то тяжелым предвестием. Не даром провещал Тарас: так всё и сбылось, как он провещал. Немного времени спустя, после вероломного поступка под Каневом, вздернута была голова гетьмана на кол вместе со многими из первейших сановников.

А что же Тарас? А Тарас гулял по всей Польше с своим полком, выжег восемнадцать местечек, близь сорока костелов и уже доходил до Кракова. Много избил он всякой шляхты, разграбил богатейшие и лучшие замки; распечатали и поразливали по земле козаки вековые меды и вина, сохранно сберегавшиеся в панских погребках; изрубили и пережгли дорогие сукна, одежды и утвари, находимые в кладовых. „Ничего не жалейте!“ повторял только Тарас. Не уважили козаки чернобровых панянок, белогрудых, светлоликих девиц; у самых алтарей не могли спастись они: зажигал их Тарас вместе с алтарями. Не одни белоснежные руки подымались из огнистого пламени к небесам, сопровождаемые жалкими криками, от которых подвинулась бы самая сырая земля, и степовая трава поникла бы от жалости долу. Но не внимали ничему жестокие козаки и, поднимая копыями с улиц младенцев их, кидали к ним же в пламя. „Это вам, вражьи ляхи, поминки по Остапе!“ приговаривал только Тарас. И такие поминки по Остапе отправлял он в каждом селении, пока польское правительство не увидело, что поступки Тараса были побольше чем обыкновенное разбойничество, и тому же самому Потоцкому поручено было с пятью полками поймать непременно Тараса.

Шесть дней уходили козаки проселочными дорогами от всех преследований; едва выносили кони необыкновенное бегство и спасали козаков. Но Потоцкий на сей раз был достоин возложенного поручения; неутомимо преследовал он их и настиг на берегу Днестра, где Бульба занял для роздыха оставленную развалившуюся крепость.

Над самой кручей у Днестра-реки виднелась она своим оборванным валом и своими развалившимися останками стен. Щепнем и разбитым кирпичом усеяна была верхушка утеса, готовая всякую минуту сорваться и слететь вниз. Тут-то, с двух сторон, прилегающих к полю, обступил его коронный гетьман Потоцкий. Четыре дни бились и боролись козаки, отбиваясь кирпичами и каменьями. Но истощились запасы и силы, и решился Тарас пробиться сквозь ряды. И пробился было уже козаки и, может-быть, еще раз послужили бы им верно быстрые кони, как вдруг среди самого бегу остановился Тарас и вскрикнул: „Стой! выпала люлька с табаком; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьим ляхам!“ И нагнулся старый атаман и стал отыскивать в траве свою люльку с табаком, неотлучную сопутницу на морях и на суше, и в походах, и дома. А тем временем набежала вдруг ватага и схватила его под могучие плечи. Двинулся было он всеми членами, но уже не посыпались на землю, как бывало прежде, схватившие его гайдуки. „Эх, старость, старость!“ сказал он, и заплакал дебелый старый козак. Но не старость была виною: сила одолела силу. Мало не тридцать человек повисло у него по рукам и по ногам. „Попалась ворона!“ кричали

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
ляхи: „Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собаке, лучшую честь воздать.“ И присудили, с гетьманского разрешения, сечь его живого в виду всех. Тут же стояло нагое дерево, вершину которого разбило громом. Притянули его железными цепями к древесному стволу, гвоздем прибили ему руки и, приподняв его повыше, чтобы отсюда был виден козак, принялись тут же раскладывать под деревом костер. Но не на костер глядел Тарас, не об огне он думал, которым собирались сечь его; глядел он, сердечный, в ту сторону, где отстреливались козаки: ему с высоты всё было видно, как на ладони. „Занимайте, хлопцы, занимайте скорее“, кричал он: „Горку, что за лесом: туда не подступят они!“ Но ветер не донес его слов. „Вот, пропадут, пропадут ни за что!“ говорил он отчаянно и взглянул вниз, где сверкал Днестр. Радость блеснула в очах его. Он увидел выдвинувшиеся из-за кустарника четыре кормы, собрал всю силу голоса и зычно закричал: „К берегу! к берегу, хлопцы! Спускайтесь подгорной дорожкой, что налево. У берега стоят челны, все забирайте, чтобы не было погони!“

На этот раз ветер дунул с другой стороны, и все слова были услышаны козаками. Но за такой совет достался ему тут же удар обухом по голове, который переверотил всё в глазах его.

Пустились козаки во всю прыть подгорной дорожкой; а уж погоня за плечами. Видят: путается и загибается дорожка и много дает в сторону извилов. „А, товарищи! не куды пошло!“ сказали все, остановились на миг, подняли свои нагайки, свистнули, – и татарские их кони, отделившись от земли, распластавшись в воздухе, как змеи, перелетели через пропасть и бултыхнули прямо в Днестр. Двое только не достали до реки, грянулись с вышины об камень, пропали там навеки с конями, даже не успевши издать крика. А козаки уже плыли с конями в реке и отвязывали челны. Остановились ляхи над пропастью, дивясь неслыханному козацкому делу и думая: прыгать ли им или нет? Один молодой полковник, живая, горячая кровь, родной брат прекрасной полячки, обворожившей бедного Андрия, не подумал долго и бросился со всех сил с конем за козаками: перевернулся три раза в воздухе с конем своим и прямо грянулся на острые утесы. В куски изорвали его острые камни, пропавшего среди пропасти, и мозг его, смешавшись с кровью, обрызгал росшие по неровным стенам провала кусты.

Когда очнулся Тарас Бульба от удара и глянул на Днестр, уже козаки были на челнах и гребли веслами; пули сыпались на них сверху, но не доставали. И вспыхнули радостные очи у старого атамана.

„Прощайте, товарищи!“ кричал он им сверху: „Вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь, да хорошенько погуляйте! Что взяли, чортовы ляхи? Думаете, есть что-нибудь на свете, чего бы побоялся козак? Пойдите же, придет время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера! Уже и теперь чуют дальние и близкие народы: подымается из русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!..“

А уже огонь подымался над костром, захватывал его ноги и разостлался пламенем по дереву... Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!

Немалая река Днестр, и много на ней заводьев, речных густых камышей, отмелей и глубоководных мест; блестит речное зеркало, оглашенное звонким ячаньем лебедей, и гордый гоголь быстро несется по нем, и много куликов, краснозобых курухтанов и всяких иных птиц в тростниках и на побережьях. Козаки живо плыли на узких двухрульных челнах, дружно гребли веслами, осторожно минали отмели, всплашивая подымавшихся птиц, и говорили про своего атамана.

Часть вторая

Вий[3]*

Как только ударял в Киеве поутру довольно звонкий семинарский колокол, висевший у ворот Братского монастыря, то уже со всего города спешили толпами школьники и бурсаки. Грамматики, риторы, философы и богословы, с тетрадями под мышкой, брели в класс. Грамматики были еще очень малы; идя, толкали друг друга и бранились между собою самым тоненьким дискантом; были все почти в изодранных или запачканных платьях, и карманы их вечно были наполнены всякою дрянью, как-то: бабками, свистелками, сделанными из перышек, недоеденным пирогом, а иногда даже

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru и маленькими воробьянками, из которых один, вдруг чиликнув среди необыкновенной тишины в классе, доставлял своему патрону порядочные пали в обе руки, а иногда и вишневые розги. Риторы шли солиднее: платья у них были часто совершенно целы, но зато на лице всегда почти бывало какое-нибудь украшение в виде риторического тропа: или один глаз уходил под самый лоб, или вместо губы целый пузырь, или какая-нибудь другая примета; эти говорили и божились между собою тенором. Философы целою октавою брали ниже; в карманах их, кроме крепких табачных корешков, ничего не было. Запасов они не делали никаких и всё, что попадалось, съедали тогда же; от них слышалась трубка и горелка, иногда так далеко, что проходивший мимо ремесленник долго еще, остановившись, нюхал, как гончая собака, воздух. Рынок в это время обыкновенно только-что начинал шевелиться, и торговки с бубликами, булками, арбузными семечками и маковниками дергали на подхват за полы тех, у которых полы были из тонкого сукна или какой-нибудь бумажной материи. „Паничи! паничи! сюды! сюды!“ говорили они со всех сторон: „ось бублики, маковники, вертычки, буханци хороши! ей богу, хороши! на меду! сама пекла!“ Другая, подняв что-то длинное, скрученное из теста, кричала: „ось сусулька! паничи, купите сусульку!“ – „Не покупайте у этой ничего: смотрите, какая она скверная, и нос нехороший, и руки нечистые...“ Но философов и богословов они боялись задевать, потому что философы и богословы всегда любили брать только на пробу и притом целою горстью. По приходе в семинарию вся толпа размещалась по классам, находившимся в низеньких, довольно однако же просторных комнатах с небольшими окнами, с широкими дверьми и запачканными скамьями. Класс наполнялся вдруг разноголосными жужжаниями: аудиторы выслушивали своих учеников: звонкий дискант грамматика попадал как раз в звон стекла, вставленного в маленькие окна, и стекло отвечало почти тем же звуком; в углу гудел ритор, которого рост и толстые губы должны бы принадлежать по крайней мере философии. Он гудел басом, и только слышно было издали: бу, бу, бу, бу... Аудиторы, слушая урок, смотрели одним глазом под скамью, где из кармана подчиненного бурсака выглядывала булка, или вареник, или семена из тыкв. Когда вся эта ученая толпа успевала придти несколько ранее, или когда знали, что профессора будут позже обыкновенного, тогда, со всеобщего согласия, замышляли бой, и в этом бою должны были участвовать все, даже и цензора, обязанные смотреть за порядком и нравственностью всего учащегося сословия. Два богослова обыкновенно решали, как происходить битве: каждый ли класс должен стоять за себя особенно, или все должны разделиться на две половины: на бурсу и семинарию. Во всяком случае грамматика начинали прежде всех, и как только вмешивалась риторика, они уже бежали прочь и становились на возвышениях наблюдать битву. Потом вступала философия с черными длинными усами, а наконец и богословия в ужасных шароварах и с претолстыми шеями. Обыкновенно оканчивалось тем, что богословия побивала всех, и философия, почесывая бока, была теснима в класс и помещалась отдыхать на скамьях. Профессор, входивший в класс и участвовавший когда-то сам в подобных боях, в одну минуту, по разгоревшимся лицам своих слушателей, узнавал, что бой был недурен, и в то время, когда он сек розгами по пальцам риторику, в другом классе другой профессор отделявал деревянными лопатками по рукам философию. С богословами же было поступаемо совершенно другим образом: им, по выражению профессора богословии, отсыпалось по мерке крупного гороху, что состояло в коротеньких кожаных канчуках.

В торжественные дни и праздники семинаристы и бурсаки отправлялись по домам с вертепами. Иногда разыгрывали комедию, и в таком случае всегда отличался какой-нибудь богослов, ростом мало чем пониже киевской колокольни, представлявший Иродиаду или Пентефрию, супругу египетского царедворца. В награду получали они кусок полотна, или мешок проса, или половину вареного гуся и тому подобное. Весь этот ученый народ, как семинария, так и бурса, которые питали какую-то наследственную неприязнь между собою, был чрезвычайно беден на средства к прокормлению и притом необыкновенно прожорлив; так что сосчитать, сколько каждый из них уписывал за вечерю галушек, было бы совершенно невозможное дело; и потому доброхотные пожертвования зажиточных владельцев не могли быть достаточны. Тогда сенат, состоявший из философов и богословов, отправлял грамматиков и риторов, под предводительством одного философа, а иногда присоединялся и сам с мешками на плечах опустошать чужие огороды. И в бурсе появлялась каша из тыкв. Сенаторы столько объедались арбузов и дынь, что на другой день аудиторы слышали от них вместо одного два урока: один происходил из уст, другой ворчал в сенаторском желудке. Бурса и семинария носили какие-то длинные подобия сертуков, простирившихся по сие время: слово техническое, означавшее: далее пяток.

Самое торжественное для семинарии событие было – вакансии, время с июня месяца,

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
когда обыкновенно бурса распускалась по домам. Тогда всю большую дорогу усеивали грамматиками, философами и богословами. Кто не имел своего приюта, тот отправлялся к кому-нибудь из товарищей. Философы и богословы отправлялись на кондичии, т.-е. брались учить или готовить детей людей зажиточных, и получали за то в год новые сапоги, а иногда и на сертук. Вся ватага эта тянулась вместе целым табором; варила себе кашу и ночевала в поле. Каждый тащил за собою мешок, в котором находилась одна рубашка и пара онуч. Богословы особенно были бережливы и аккуратны: для того, чтобы не износить сапогов, они скидали их, вешали на палки и несли на плечах, особенно когда была грязь. Тогда они, засучив шаровары по колени, бесстрашно разбрызгивали своими ногами лужи. Как только завидывали в стороне хутор, тотчас сворачивали с большой дороги и, приблизившись к хате, выстроенной поопрятнее других, становились перед окнами в ряд и во весь рот начинали петь кант. Хозяин хаты, какой-нибудь старый козак-поселянин, долго их слушал, подпершись обеими руками, потом рыдал прегорько и говорил, обращаясь к своей жене: „Жинко! то, что поют школяры, должно быть, очень разумное; вынеси им сала и чего-нибудь такого, что у нас есть!“ И целая миска вареников валилась в мешок. Порядочный кус сала, несколько паляниц, а иногда и связанная курица помещались вместе. Подкрепившись таким запасом, грамматиками, риторами, философами и богословами опять продолжали путь. Чем далее однако же шли они, тем более уменьшалась толпа их. Все почти разбродилось по домам, и оставались те, которые имели родительские гнезда далее других.

Один раз, во время подобного странствования, три бурсака своротили с большой дороги в сторону, с тем, чтобы в первом попавшемся хуторе завестись провиантом, потому что мешок у них давно уже был пуст. Это были: богослов Халява, философ Хома Брут и ритор Тиберий Горобець. Богослов был рослый, плечистый мужчина и имел чрезвычайно странный нрав: всё, что ни лежало бывало возле него, он непременно украдет. В другом случае характер его был чрезвычайно мрачен, и когда напивался он пьян, то прятался в бурьяне, и семинарии стоило большого труда его сыскать там. Философ Хома Брут был нрава веселого. Любил очень лежать и курить люльку. Если же пил, то непременно нанимал музыкантов и отплясывал тропака. Он часто пробовал крупного гороху, но совершенно с философическим равнодушием, говоря, что чему быть, того не миновать. Ритор Тиберий Горобець еще не имел права носить усов, пить горелки и курить люльки. Он носил только оселедец, и потому характер его в то время еще мало развился; но, судя по большим шишкам на лбу, с которыми он часто являлся в класс, можно было предположить, что из него будет хороший воин. Богослов Халява и философ Хома часто дирлили его за чуб в знак своего покровительства и употребляли в качестве депутата.

Был уже вечер, когда они своротили с большой дороги. Солнце только-что село, и дневная теплота оставалась еще в воздухе. Богослов и философ шли молча, куря люльки; ритор Тиберий Горобець сбивал палкою головки с будяков, росших по краям дороги. Дорога шла между разбросанными группами дубов и орешника, покрывавшими луг. Отлогости и небольшие горы, зеленые и круглые, как куполы, иногда перемеживались равнину. Показавшаяся в двух местах нива с вызревающим житом давала знать, что скоро должна появиться какая-нибудь деревня. Но уже более часу, как они минули хлебные полосы, а между тем им не попадалось никакого жилья. Сумерки уже совсем омрачили небо, и только на западе бледнел остаток алого сияния.

„Что за чорт!“ сказал философ Хома Брут: „сдавалось совершенно, как будто сейчас будет хутор.“

Богослов помолчал, поглядел по окрестностям, потом опять взял в рот свою люльку, и все продолжали путь.

„Ей богу!“ сказал, опять остановившись, философ. „Ни чортового кулака не видно.“

„А может быть далее и попадетсЯ какой-нибудь хутор“, сказал богослов, не выпуская люльки. Но между тем уже была ночь, и ночь довольно темная. Небольшие тучи усилили мрачность и, судя по всем приметам, нельзя было ожидать ни звезд, ни месяца. Бурсаки заметили, что они сбились с пути и давно шли не по дороге.

Философ, пошаривши ногами во все стороны, сказал наконец отрывисто: „А где же дорога?“ Богослов помолчал и, надумавшись, примолвил: „Да, ночь темная.“ Ритор отошел в сторону и старался ползком нащупать дорогу, но руки его попадали только в лисьи норы. Везде была одна степь, по которой, казалось, никто не ездил. Путешественники еще сделали усилие пройти несколько вперед, но везде была та же

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
дичь. Философ попробовал перекликнуться, но голос его совершенно заглух по сторонам и не встретил никакого ответа. Несколько спустя только, послышалось слабое стенание, похожее на волчий вой.

„Вишь, что тут делать?“ сказал философ.

„А что? оставаться и заночевать в поле!“ сказал богослов и полез в карман достать огниво и закурить снова свою люльку. Но философ не мог согласиться на это. Он всегда имел обыкновение упрятать на ночь полпудовую краюху хлеба и фунта четыре сала и чувствовал на этот раз в желудке своем какое-то несносное одиночество. Притом, несмотря на веселый нрав свой, философ боялся несколько волков.

„Нет, Халява, не можно“ сказал он. „Как же, не подкрепив себя ничем, растянуться и лечь так, как собаке? Попробуем еще; может быть, набредем на какое-нибудь жилье, и хоть чарку горелки удастся выпить на ночь.“

При слове горелка богослов сплюнул в сторону и примолвил: „Оно конечно, в поле оставаться нечего.“ Бурсаки пошли вперед и, к величайшей радости их, в отдалении почудился лай. Прислушавшись, с которой стороны, они отправились бодрее и, немного пройдя, увидели огонек. „Хутор! ей богу, хутор!“ сказал философ. Предположения его не обманули: через несколько времени они увидели точно небольшой хуторок, состоявший из двух только хат, находившихся в одном и том же дворе. В окнах светился огонь. Десяток сливных деревьев торчало под тыном. Взглянувши в сквозные дощатые ворота, бурсаки увидели поверхность двора уставленную чумацкими возами. Звезды кое-где глянули в это время на небе.

„Смотрите же, братцы, не отставать! во что бы то ни было, а добыть ночлега!“ Три ученые мужа дружно ударили в ворота и закричали: „Отвори!“

Дверь в одной хате заскрипела, и минуту спустя бурсаки увидели перед собою старуху в нагольном тулупе.

„Кто там?“ закричала она, глухо кашляя.

„Пусти, бабуся, переночевать. Сбились с дороги. Так в поле скверно, как в голодном брюхе.“

„А что вы за народ?“

„Да народ необидчивый: богослов Халява, философ Брут и ритор Горобець.“

„Не можно“, проворчала старуха: „у меня народу полон двор, и все углы в хате заняты. Куды я вас дену? Да еще всё какой рослый и здоровый народ! Да у меня и хата развалится, когда помещу таких. Я знаю этих философов и богословов. Если таких пьяниц начнешь принимать, то и двора скоро не будет. Пошли! пошли! Тут вам нет места.“

„Умилосердись, бабуся! Как же можно, чтобы христианские души пропали ни за что, ни про что? Где хочешь помести нас. И если мы что-нибудь, как-нибудь того, или какое другое что сделаем, – то пусть нам и руки отсохнут, и такое будет, что бог один знает. Вот что!“

Старуха, казалось, немного смягчилась. „Хорошо“, сказала она, как бы размышляя: „я впущу вас; только положу всех в разных местах, ибо у меня не будет спокойно на сердце, когда будете лежать вместе.“

„На то твоя воля; не будем прекословить“, отвечали бурсаки.

Ворота заскрипели, и они вошли на двор.

„А что, бабуся“, сказал философ, идя за старухой: „если бы так, как говорят... ей богу, в животе как будто кто колесами стал ездить. С самого утра вот хоть бы щепка была во рту.“

„Вишь, чего захотел!“ сказала старуха. „Нет у меня, нет ничего такого, и печь не топилась сегодня.“

„А мы бы уже за все это“, продолжал философ: „расплатились бы завтра как следует – чистоганом. Да!“ продолжал он тихо: „чорта с два! получишь ты что-нибудь.“

„Ступайте, ступайте! и будьте довольны тем, что дают вам. Вот чорт принес каких нежных паничей.“

Философ Хома пришел в совершенное уныние от таких слов. Но вдруг нос его почувствовал запах сушеной рыбы. Он глянул на шаровары богослова, шедшего с ним рядом, и увидел, что из кармана его торчал преогромный рыбий хвост. Богослов уже успел подтибрить с воза целого карася. И так как он это производил не из какой-нибудь корысти, но единственно по привычке, и, позабывши совершенно о своем карасе, уже разглядывал, что бы такое стянуть другое, не имея намерения пропустить даже изломанного колеса, – то философ Хома запустил руку в его карман, как в свой собственный, и вытащил карася. – Старуха разместила бурсаков: ритора положила в хате, богослова заперла в пустую камору, философу отвела тоже пустой овечий хлев.

Философ, оставшись один, в одну минуту съел карася, осмотрел плетеные стены хлева, толкнул ногою в морду просунувшуюся из другого хлева любопытную свинью и повернулась на другой бок, чтобы заснуть мертвецки. Вдруг низенькая дверь отворилась, и старуха, нагнувшись, вошла в хлев.

„А что, бабуся, чего тебе нужно?“ сказал философ. Но старуха шла прямо к нему с распростертыми руками.

„Эге, ге!“ подумал философ: „только нет, голубушка! устарела.“ Он отодвинулся немного подальше, но старуха, без церемонии, опять подошла к нему.

„Слушай, бабуся!“ сказал философ: „теперь пост; а я такой человек, что и за тысячу золотых не захочу оскоромиться.“ Но старуха раздвигала руки и ловила его, не говоря ни слова.

Философу сделалось страшно, особенно, когда он заметил, что глаза ее сверкнули каким-то необыкновенным блеском. „Бабуся! что ты? Ступай, ступай себе с богом!“ закричал он. Но старуха не говорила ни слова и хватала его руками.

Он вскочил на ноги, с намерением бежать, но старуха стала в дверях и вперила на него сверкающие глаза, и снова начала подходить к нему.

Философ хотел оттолкнуть ее руками, но к удивлению заметил, что руки его не могут приподняться, ноги не двигались, и он с ужасом увидел, что даже голос не звучал из уст его: слова без звука шевелились на губах. Он слышал только, как билось его сердце; он видел, как старуха подошла к нему, сложила ему руки, нагнула ему голову, вскочила с быстротою кошки к нему на спину, ударила его метлой по боку, и он, подпрыгивая, как верховой конь, понес ее на плечах своих. Все это случилось так быстро, что философ едва мог опомниться и схватил обеими руками себя за колени, желая удержать ноги; но они, к величайшему изумлению его, подымались против воли и производили скачки быстрее черкесского бегуна. Когда уже минули они хутор и перед ними открылась ровная лощина, а в стороне потянулся черный, как уголь, лес, тогда только сказал он сам в себе: „эге, да это ведьма.“

Обращенный месячный серп светлел на небе. Робкое полночное сияние, как сквозное покрывало, ложилось легко и дымилось на земле. Леса, луга, небо, долины – всё, казалось, как будто спало с открытыми глазами. Ветер хоть бы раз вспорхнул где-нибудь. В ночной свежести было что-то влажно-теплое. Тени от дерев и кустов, как кометы, острыми клинами падали на отлогую равнину. Такая была ночь, когда философ Хома Брут скакал с непонятным всадником на спине. – Он чувствовал какое-то томительное, неприятное и вместе сладкое чувство, подступавшее к его сердцу. Он опустил голову вниз и видел, что трава, бывшая почти под ногами его, казалась, росла глубоко и далеко, и что сверху ее находилась прозрачная, как горный ключ, вода, и трава казалась дном какого-то светлого, прозрачного до самой глубины моря; по крайней мере он видел ясно, как он отражался в нем вместе с сидевшею на спине старухою. Он видел, как вместо месяца светило там какое-то солнце; он слышал, как голубые колокольчики, наклоня свои головки, звенели. Он видел, как из-за осоки выплывала русалка, мелькала спина и нога, выпуклая, упругая, вся созданная из блеска и трепета. Она оборотилась к нему – и вот ее лицо, с глазами светлыми, сверкающими, острыми, с пеньем вторгавшимися в душу, уже приближалось к нему, уже было на поверхности и, задрожав сверкающим смехом,

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
удалялось – и вот она опрокинулась на спину, и облачные перси ее, матовые, как фарфор, не покрытый глазурью, просвечивали пред солнцем по краям своей белой, эластически-нежной округности. Вода в виде маленьких пузырьков, как бисер, обсыпала их. Она вся дрожит и смеется в воде...

Видит ли он это или не видит? Наяву ли это или снится? Но там что? Ветер или музыка: звенит, звенит и вьется, и подступает и вонзается в душу какую-то нестерпимую трелью...

„Что это?“ думал философ Хома Брут, глядя вниз, несясь во всю прыть. Пот катился с него градом. Он чувствовал бесовски-сладкое чувство, он чувствовал какое-то пронзающее, какое-то томительно-страшное наслаждение. Ему часто казалось, как будто сердца уже вовсе не было у него, и он со страхом хватался за него рукою. Изнеможенный, растерянный, он начал припоминать все, какие только знал, молитвы. Он перебирал все заклęcia против духов и вдруг почувствовал какое-то освежение; чувствовал, что шаг его начинал становиться ленивее, ведьма как-то слабее держалась на спине его. Густая трава касалась его, и уже он не видел в ней ничего необыкновенного. Светлый серп светил на небе.

„Хорошо же!“ подумал про себя философ Хома и начал почти вслух произносить заклęcia. Наконец, с быстротою молнии выпрыгнул из-под старухи и вскочил в свою очередь к ней на спину. Старуха мелким дробным шагом побежала так быстро, что всадник едва мог переводить дух свой. Земля чуть мелькала под ним. Все было ясно при месячном, хотя и неполном свете. Долины были гладки, но всё от быстроты мелькало неясно и сбивчиво в его глазах. Он схватил лежавшее на дороге полено и начал им со всех сил колотить старуху. Дикие вопли издала она; сначала были они сердиты и угрожающи, потом становились слабее, приятнее, чище, и потом уже тихо, едва звенели, как тонкие серебряные колокольчики, и заронялись ему в душу; и невольно мелькнула в голове мысль: точно ли это старуха? „Ох, не могу больше!“ произнесла она в изнеможении, и упала на землю. Он стал на ноги и посмотрел ей в очи: рассвет загорался, и блестели золотые главы вдали киевских церквей. Перед ним лежала красавица с растрепанною роскошною косою, с длинными, как стрелы, ресницами. Бесчувственно отбросила она на обе стороны белые нагие руки и стонала, возведя кверху очи, полные слез. Затрепетал, как древесный лист, Хома: жалость и какое-то странное волнение и робость, неведомые ему самому, овладели им; он пустился бежать во весь дух. Дорогой билось беспокойно его сердце, и никак не мог он истолковать себе, что за странное, новое чувство им овладело. Он уже не хотел более итти на хутора и спешил в Киев, раздумывая всю дорогу о таком непонятном происшествии. Бурсаков почти никого не было в городе; все разбрелись по хуторам, или на кондиции, или просто без всяких кондиций, потому что по хуторам малороссийским можно есть галушки, сыр, сметану и вареники величиною в шляпу, не заплатив гроша денег. Большая разъехавшаяся хата, в которой помещалась бурса, была решительно пуста, и сколько философ ни шарил во всех углах и даже ощущал все дыры и западни в крыше, но нигде не отыскал ни куска сала, или по крайней мере старого книша, что по обыкновению запрятываемо было бурсаками. Однако же философ скоро сыскался, как поправить своему горю: он прошел посвистывая раза три по рынку, перемигнувшись на самом конце с какою-то молодою вдовою в желтом очипке, продававшею ленты, ружейную дробь и колеса – и был того же дня накормлен пшеничными варениками, курицею... и словом перечестъ нельзя, что у него было за столом, накрытым в маленьком глиняном домике, среди вишневого садика. Того же самого вечера видели философа в корчме: он лежал на лавке, покуривая, по обыкновению своему, люльку, и при всех бросил жиду-корчмарю ползолотой. Перед ним стояла кружка. Он глядел на приходивших и уходивших хладнокровно-довольными глазами и вовсе уже не думал о своем необыкновенном происшествии.

Между тем распространились везде слухи, что дочь одного из богатейших сотников, которого хутор находился в пятидесяти верстах от Киева, возвратилась в один день с прогулки вся избитая, едва имевшая силы добрестъ до отцовского дома, находится при смерти, и перед смертным часом изъявила желание, чтобы отходную по ней и молитвы в продолжение трех дней после смерти читал один из киевских семинаристов: Хома Брут. Об этом философ узнал от самого ректора, который нарочно призывал его в свою комнату и объявил, чтобы он без всякого отлагательства спешил в дорогу, что именитый сотник прислал за ним нарочно людей и возок.

Философ вздрогнул по какому-то безотчетному чувству, которого он сам не мог растолковать себе. Темное предчувствие говорило ему, что ждет его что-то

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
недоброе. Сам не зная почему, объявил он напрямик, что не поедет.

„Послушай, dominus Хома!“ сказал ректор (он в некоторых случаях объяснялся очень вежливо с своими подчиненными): „тебя никакой чорт и не спрашивает о том, хочешь ли ты ехать, или не хочешь. Я тебе скажу только то, что если ты еще будешь показывать свою рысь, да мудрствовать, то прикажу тебя по спине и по прочему так отстегать молодым березняком, что и в баню больше не нужно ходить.“

Философ, почесывая слегка за ухом, вышел, не говоря ни слова, располагая при первом удобном случае возложить надежду на свои ноги. В раздумьи сходил он с крутой лестницы, приводившей на двор, обсаженный тополями, и на минуту остановился, услышавши довольно явственно голос ректора, дававшего приказания своему ключнику и еще кому-то, вероятно одному из посланных за ним от сотника.

„Благодари пана за крупу и яйца“, говорил ректор: „и скажи, что как только будут готовы те книги, о которых он пишет, то я тотчас пришлю. Я отдал их уже переписывать писцу. Да не забудь, мой голубе! прибавить пану, что на хуторе у них, я знаю, водится хорошая рыба и особенно осетрина, то при случае прислал бы: здесь на базарах и нехороша и дорога. А ты, Явтух, дай молодцам по чарке горелки. Да философа привязать, а не то как раз удерет.“

„Вишь, чортов сын!“ подумал про себя философ: „пронюхал, длинноногий вьюн!“

Он сошел вниз и увидел кибитку, которую принял было сначала за хлебный овин на колесах. В самом деле она была так же глубока, как печь, в которой обжигают кирпичи. Это был обыкновенный краковский экипаж, в каком жида полсотнею отправляются вместе с товарами во все города, где только слышит их нос ярмарку. – Его ожидало человек шесть здоровых и крепких козаков, уже несколько пожилых. Свитки из тонкого сукна с кистями показывали, что они принадлежали довольно значительному и богатому владельцу. Небольшие рубцы говорили, что они бывали когда-то на войне, не без славы.

„Что ж делать? Чему быть, тому не миновать!“ подумал про себя философ и, обратившись к козакам, произнес громко: „Здравствуйте, братья-товарищи!“

„Будь здоров, пан философ!“ отвечали некоторые из козаков.

„Так вот это мне приходится сидеть вместе с вами? А брика знатная!“ продолжал он, влезая. „Тут бы, только нанять музыкантов, то и танцевать можно.“

„Да: соразмерный экипаж!“ сказал один из козаков, садясь на облучок сам-друг с кучером, завязавшим голову тряпицею, вместо шапки, которую он успел оставить в шинке. Другие пять вместе с философом полезли в углубление и расположились на мешках, наполненных разною закупкою, сделанною в городе.

„Любопытно бы знать“, сказал философ: „если бы, примером, эту брику нагрузить каким-нибудь товаром, положим: солью или железными шинами, сколько потребовалось бы тогда коней?“

„Да“, сказал, помолчав, сидевший на облучке козак: „достаточное бы число потребовалось коней.“ После такого удовлетворительного ответа козак почитал себя в праве молчать во всю дорогу.

Философу чрезвычайно хотелось узнать обстоятельнее: кто таков был этот сотник, каков его нрав, что слышно о его дочке, которая таким необыкновенным образом возвратилась домой и находилась при смерти, и которой история связалась теперь с его собственною, как у них и что делается в доме? Он обращался к ним с вопросами; но козаки, верно, были тоже философы, потому что в ответ на это молчали и курили люльки, лежа на мешках. Один только из них обратился к сидевшему на козлах вознице с коротеньким приказанием: „Смотри, Оверко, ты старый разиня; как будешь подъезжать к шинку, что на чухрайловской дороге, то не позабудь остановиться и разбудить меня и других молодцов, если кому случится заснуть.“ После этого он заснул довольно громко. Впрочем эти наставления были совершенно напрасны, потому что едва только приблизилась исполинская брика к шинку на чухрайловской дороге, как все в один голос закричали: „Стой!“ Притом лошади Оверка были так уже приучены, что останавливались сами перед каждым шинком. Несмотря на жаркий июльский день, все вышли из брики, отправились в низенькую запачканную комнату, где жид-корчмарь, с знаками радости, бросился

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
принимать своих старых знакомых. Жид принес под полою несколько колбас из свинины и, положивши на стол, тотчас отворотился от этого запрещенного талмудом плода. Все уселись вокруг стола. Глиняные кружки показались пред каждым из гостей. Философ Хома должен был участвовать в общей пирушке. И так как малороссияне, когда подгуляют, непременно начнут целоваться или плакать, то скоро вся изба наполнилась лобызаниями. „А ну, Спирид, почеломкаемся!“ „Иди сюда, Дорош, я обниму тебя!“

Один козак, бывший постарее всех других, с седыми усами, подставивши руку под щеку, начал рыдать от души, о том, что у него нет ни отца, ни матери и что он остался одним один на свете. Другой был большой резонер и беспрестанно утешал, говоря: „не плачь, ей богу, не плачь! что ж тут... уж бог знает как и что такое.“ Один, по имени Дорош, сделался чрезвычайно любопытен и, оборотившись к философу Хоме, беспрестанно спрашивал его:

„Я хотел бы знать, чему у вас в бурсе учат; тому ли самому, что и дьяк читает в церкви, или чему другому?“

„Не спрашивай!“ говорил протяжно резонер: „пусть его там будет, как было. Бог уже знает, как нужно; бог все знает.“

„Нет, я хочу знать“, говорил Дорош: „что там написано в тех книжках. Может быть, совсем другое, чем у дьяка.“

„О боже мой, боже мой!“ говорил этот почтенный наставник: „и на что такое говорить? Так уж воля божия положила. Уже что бог дал, того не можно переменить.“

„Я хочу знать всё, что ни написано. Я пойду в бурсу, ей богу, пойду! что ты думаешь, я не выучусь? – Всему выучусь, всему!“

„О боже ж мой, боже мой!..“ говорил утешитель и спустил свою голову на стол, потому что совершенно был не в силах держать ее долее на плечах. Прочие козаки толковали о панах и о том, отчего на небе светит месяц.

Философ Хома, увидя такое расположение голов, решился воспользоваться и улизнуть. Он сначала обратился к седовласому козаку, грустившему об отце и матери: „Что ж ты, дядько, расплакался“, сказал он: „я сам сирота! Отпустите меня, ребята, на волю! На что я вам?“

„Пустим его на волю!“ отозвались некоторые. „Ведь он сирота. Пусть себе идет, куда хочет.“

„О боже ж мой, боже мой!“ произнес утешитель, подняв свою голову. „Отпустите его! Пусть идет себе!“

И козаки уже хотели сами вывести его в чистое поле. Но тот, который показал свое любопытство, остановил их, сказавши: „Не трогайте: я хочу с ним поговорить о бурсе. Я сам пойду в бурсу...“ Впрочем вряд ли бы этот побег мог совершиться, потому что когда философ вздумал подняться из-за стола, то ноги его сделались как будто деревянными, и дверей в комнате начало представляться ему такое множество, что вряд ли бы он отыскал настоящую.

Только ввечеру вся эта компания вспомнила, что нужно отправляться далее в дорогу. Взмостившись в брику, они потянулись, погоняя лошадей и напевая песню, которой слова и смысл вряд ли бы кто разобрал. Проколесивши большую половину ночи, беспрестанно сбиваясь с дороги, выученной наизусть, они наконец опустились с крутой горы в долину, и философ заметил по сторонам тянувшийся частокол или плетень с низенькими деревьями и выказывавшимися из-за них крышами. Это было большое селение, принадлежавшее сотнику. Уже было далеко за полночь; небеса были темны, и маленькие звездочки мелькали кое-где. Ни в одной хате не видно было огня. Они въехали, в сопровождении собачьего лая, на двор. С обеих сторон были заметны крытые соломой сараи и домики. Один из них, находившийся как раз посередине против ворот, был более других и служил, как казалось, пребыванием сотника. Брика остановилась перед небольшим подобием сарая, и путешественники наши отправились спать. Философ хотел однако же несколько осмотреть снаружи панские хоромы; но как он ни пылил свои глаза, ничто не могло означиться в ясном виде: вместо дома представлялся ему медведь; из трубы делался ректор. Философ

Когда проснулся философ, то весь дом был в движении: в ночь умерла панночка. Слуги бегали впопыхах взад и вперед. Старухи некоторые плакали. Толпа любопытных глядела сквозь забор на панский двор, как будто бы могла что-нибудь увидеть. Философ начал на досуге осматривать те места, которые он не мог разглядеть ночью. Панский дом был низенькое небольшое строение, какие обыкновенно строились в старину в Малороссии. Он был покрыт соломою. Маленький, острый и высокий фронтон с окошком, похожим на поднятый кверху глаз, был весь измазан голубыми и желтыми цветами и красными полумесяцами. Он был утвержден на дубовых столбиках, до половины круглых, и снизу шестигранных, с вычурною обточкою вверху. Под этим фронтоном находилось небольшое крылечко со скамейками по обеим сторонам. С боков дома были навесы на таких же столбиках, инде витых. Высокая груша с пирамидальною верхушкою и трепещущими листьями зеленела перед домом. Несколькo амбаров в два ряда стояли среди двора, образуя род широкой улицы, ведшей к дому. За амбарами, к самым воротам, стояли треугольниками два погреба, один напротив другого, крытые также соломою. Треугольная стена каждого из них была снабжена низенькою дверью и размалевана разными изображениями. На одной из них нарисован был сидящий на бочке козак, державший над головою кружку с надписью: Всё выпью. – На другом фляжки, сулеи и по сторонам, для красоты, лошадь, стоявшая вверх ногами, трубка, бубны и надпись: Вино козацкая потеха. – Из чердака одного из сараев выглядывал, сквозь огромное слуховое окно, барабан и медные трубы. У ворот стояли две пушки. Всё показывало, что хозяин дома любил повеселиться и двор часто оглашали пиршественные клики. За воротами находились две ветряные мельницы. Позади дома шли сады, и сквозь верхушки дерев видны были одни только темные шляпки труб, скрывавшихся в зеленой гуще хат. Все селение помещалось на широком и ровном уступе горы. С северной стороны всё заслоняла крутая гора и подошвою своею оканчивалась у самого двора. При взгляде на нее снизу она казалась еще круче, и на высокой верхушке ее торчали кое-где неправильные стебли тощего бурьяна и чернели на светлом небе. Обнаженный глинистый вид ее навевал какое-то уныние. Она была вся изрыта дождевыми промоинами и проточинами. На крутом косогоре ее в двух местах торчали две хаты; над одною из них раскидывала ветви широкая яблоня, подпертая у корня небольшими кольями с насыпною землею. Яблоки, сбиваемые ветром, скатывались в самый панский двор. С вершины вилась по всей горе дорога и, опустившись, шла мимо двора в селенье. Когда философ измерил страшную круть ее и вспомнил вчерашнее путешествие, то решил, что или у пана были слишком умные лошади, или у козакoв слишком крепкие головы, когда и в хмельном чаду умели не полететь вверх ногами вместе с неизмеримой брикою и багажом. Философ стоял на высшем в дворе месте, и, когда оборотился и глянул в противоположную сторону, ему представился совершенно другой вид. Селение вместе с отлогостью скатывалось на равнину. Необозримые луга открывались на далекое пространство; яркая зелень их темнела по мере отдаления, и целые ряды селений синели вдаль, хотя расстояние их было более, нежели на двадцать верст. С правой стороны этих лугов тянулись горы, и чуть заметною вдаль полоскою горел и темнел Днепр. „Эх, славное место!“ сказал философ. „Вот тут бы жить, ловить рыбу в Днепре и в прудах, охотиться с тенетами или с ружьем за стрепетами и крольшнепами! Впрочем, я думаю, и дроф не мало в этих лугах. Фруктов же можно засушить и продать в город множество, или еще лучше, выкурить из них водку; потому что водка из фруктов ни с каким пенником не сравнится. Да не мешаешь подумать и о том, как бы улизнуть отсюда.“ Он заметил за плетнем маленькую дорожку, совершенно закрытую разросшимся бурьяном. Он поставил машинально на нее ногу, думая наперед только прогуляться а потом тихомолком, промеж хат, да и махнуть в поле, как внезапно почувствовал на своем плече довольно крепкую руку.

Позади его стоял тот самый старый козак, который вчера так горько соболезновал о смерти отца и матери и о своем одиночестве.

„Напрасно ты думаешь, пан философ, улепетнуть из хутора!“ говорил он. „Тут не такое заведение, чтобы можно было убежать. Да и дороги для пешехода плохи; а ступай лучше к пану. Он ожидает тебя давно в светлице.“

„Пойдем! Что ж... Я с удовольствием“, сказал философ и отправился вслед за козаком.

Сотник, уже престарелый, с седыми усами и с выражением мрачной грусти, сидел перед столом в светлице, подперши обеими руками голову. Ему было около 50 лет; но глубокое уныние на лице и какой-то бледно-тощий цвет показывали, что душа его

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
была убита и разрушена вдруг в одну минуту, и вся прежняя веселость и шумная жизнь исчезли навеки. Когда взошел Хома вместе с старым козаком, он отнял одну руку и слегка кивнул головою на низкий их поклон.

Хома и козак почтительно остановились у дверей.

„Кто ты, и откуда, и какого звания, добрый человек?“ сказал сотник ни ласково, ни сурово.

„Из бурсаков, философ Хома Брут.“

„А кто был твой отец?“

„Не знаю, вельможный пан.“

„А мать твоя?“

„И матери не знаю. По здравому рассуждению, конечно, была мать; но кто она и откуда, и когда жила – ей богу, добродию, не знаю.“

Сотник помолчал и, казалось, минуту оставался в задумчивости.

„Какже ты познакомился с моею дочкою?“

„Не знакомился, вельможный пан, ей богу, не знакомился. Еще никакого дела с панночками не имел, сколько ни живу на свете. Цурь им, чтобы не сказать непристойного.“

„Отчего же она не другому кому, а тебе именно назначила читать?“

Философ пожал плечами: „Бог его знает, как это растолковать. Известное уже дело, что панам подчас захочется такого, чего и самый наиграмотнейший человек не разберет; и пословица говорит: „Скачи, враже, як пан каже!“

„Да не врешь ли ты, пан философ?“

„Вот на этом самом месте пусть громом так и хлопнет, если лгу.“

„Если бы только минуточкой долее прожила ты“, грустно сказал сотник: „то верно бы я узнал всё. „Никому не давай читать по мне, но пошли, тату, сей же час в киевскую семинарию и привези бурсака Хому Брута. Пусть три ночи молится по грешной душе моей. Он знает...“ А что такое знает, я уже не услышал. Она, голубонька, только и могла сказать, и умерла. Ты, добрый человек, верно, известен святою жизнью своею и богоугодными делами, и она, может быть, наслышалась о тебе.“

„Кто? я?“ сказал бурсак, отступивши от изумления: „я святой жизни?“ произнес он, посмотрев прямо в глаза сотнику. „Бог с вами, пан! Что вы это говорите! да я, хоть оно непристойно сказать, ходил к булочнице против самого страстного четверга.“

„Ну... верно, уже не даром так назначено. Ты должен с сего же дня начать свое дело.“

„Я бы сказал на это вашей милости... оно конечно, всякий человек, вразумленный святому писанию, может по соразмерности... только сюда приличнее бы требовалось дьякона или по крайней мере дьяка. Они народ толковый и знают, как всё это уже делается; а я... Да у меня и голос не такой, и сам я – чорт знает что. Никакого виду с меня нет.“

„Уж как ты себе хочешь, только я всё, что завещала мне моя голубка, исполню, ничего не пожалея. И когда ты с сего дня три ночи совершишь, как следует, над нею молитвы, то я награжу тебя; а не то – и самому чорту не советую рассердить меня.“

Последние слова произнесены были сотником так крепко, что философ понял вполне их значение.

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
„Ступай за мною!“ сказал он.

Они вышли в сени. Сотник отворил дверь в другую светлицу, бывшую насупротив первой. Философ остановился на минуту в сенях высморкаться и с каким-то безотчетным страхом переступил через порог. Весь пол был устлан красною китайкой. В углу, под образами, на высоком столе лежало тело умершей, на одеяле из синего бархата, убранном золотою бахромю и кистями. Высокие восковые свечи, увитые калиною, стояли в ногах и в головах, изливая свой мутный, терявшийся в дневном сиянии, свет. Лицо умершей было заслонено от него неутешным отцом, который сидел перед нею обращенный спиною к дверям. Философа поразили слова, которые он услышал:

„Я не о том жалею, моя наймилейшая мне дочь, что ты во цвете лет своих, не дожив положенного века, на печаль и горесть мне оставила землю. Я о том жалею, моя голубонька, что не знаю того, кто был, лютый враг мой, причиною твоей смерти. И если бы я знал, кто мог подумать только оскорбить тебя, или хоть бы сказал что-нибудь неприятное о тебе, то, клянусь богом, не увидел бы он больше своих детей, если только он так же стар, как и я; ни своего отца и матери, если только он еще на поре лет, и тело его было бы выброшено на съедение птицам и зверям степным. – Но горе мне, моя полевая нагидочка, моя перепеличка, моя ясочка, что проживу я остальной век свой без потехи, утирая полою дробные слезы, текущие из старых очей моих, тогда как враг мой будет веселиться и втайне посмеиваться над хилым старцем.“ Он остановился, и причиною этого была разрывающая горесть, разрешившаяся целым потоком слез.

Философ был тронут такою безутешной печалью. Он закашлял и издал глухое кректание, желая очистить им немного свой голос.

Сотник оборотился и указал ему место в головах умершей, перед небольшим налоем, на котором лежали книги.

„Три ночи как-нибудь отработаю“, подумал философ: „зато пан набьет мне оба кармана чистыми червонцами.“ Он приблизился и, еще раз откашлявшись, принялся читать, не обращая никакого внимания на сторону и не решаясь взглянуть в лицо умершей. Глубокая тишина воцарилась. Он заметил, что сотник вышел. Медленно поворотил он голову, чтобы взглянуть на умершую и...

Трепет побегал по его жилам; пред ним лежала красавица, какая когда-либо бывала на земле. Казалось, никогда еще черты лица не были образованы в такой резкой и вместе гармонической красоте. Она лежала как живая. Чело прекрасное, нежное как снег, как серебро, казалось, мыслило; брови – ночь среди солнечного дня, тонкие, ровные, горделиво приподнялись над закрытыми глазами, а ресницы, упавшие стрелами на щеки, пылавшие жаром тайных желаний; уста – рубины, готовые усмехнуться... Но в них же, в тех же самых чертах, он видел что-то страшно-пронзительное. Он чувствовал, что душа его начинала как-то болезненно ныть, как будто бы вдруг среди вихря веселья и закружившейся толпы запел кто-нибудь песню об угнетенном народе. Рубины уст ее, казалось, прикипали кровию к самому сердцу. Вдруг что-то страшно-знакомое показалось в лице ее. „Ведьма!“ вскрикнул он не своим голосом, отвел глаза в сторону, побледнел весь и стал читать свои молитвы; это была та самая ведьма, которую убил он.

Когда солнце стало садиться, мертвую понесли в церковь. Философ одним плечом своим поддерживал черный траурный гроб и чувствовал на плече своем что-то холодное как лед. Сотник сам шел впереди, неся рукою правую сторону тесного дома умершей. Церковь деревянная, почерневшая, убранная зеленым мохом, с тремя конусообразными банями, уныло стояла почти на краю села. Заметно было, что в ней давно уже не отправлялось никакого служения. Свечи были зажжены почти перед каждым образом. Гроб поставили посередине против самого алтаря. Старый сотник поцеловал еще раз умершую, повергнулся ниц и вышел вместе с носильщиками вон, дав повеление хорошенько накормить философа и после ужина проводить его в церковь. Пришедши в кухню, все несшие гроб начали прикладывать руки к печке, что обыкновенно делают малороссияне, увидевши мертвеца.

Голод, который в это время начал чувствовать философ, заставил его на несколько минут позабыть вовсе об умершей. Скоро вся дворня мало-по-малу начала сходиться в кухню. Кухня в сотниковом доме была что-то похожее на клуб, куда стекалось всё, что ни обитало во дворе, считая в это число и собак, приходивших с машущими хвостами к самым дверям за костями и помоями. Куда бы кто ни был посылаем и по

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
какой бы то ни было надобности, он всегда прежде заходил на кухню, чтобы отдохнуть хоть минуту на лавке и выкурить люльку. Все холостяки, жившие в доме, щеголявшие в козацких свитках, лежали здесь почти целый день на лавке, под лавкою, на печке, одним словом, где только можно было сыскать удобное место для лежания. Притом всякий вечно позабывал в кухне или шапку, или кнут для чужих собак, или что-нибудь подобное. Но самое многочисленное собрание бывало во время ужина, когда приходил и табунщик, успевший загнать своих лошадей в загон, и погонщик, приводивший коров для дойки, и все те, которых в течение дня нельзя было увидеть. За ужином болтовня овладевала самыми неговорливыми языками. Тут обыкновенно говорилось обо всем, и о том, кто пошил себе новые шаровары, и что находится внутри земли, и кто видел волка. Тут было множество бонмотистов, в которых между малороссиянами нет недостатка.

Философ уселся вместе с другими в обширный кружок на вольном воздухе перед порогом кухни. Скоро баба в красном очипке высунулась из дверей, держа в обеих руках горячий горшок с галушками, и поставила его посреди готовившихся ужинать. Каждый вынул из кармана свою деревянную ложку, иные, за неимением, деревянную спичку. Как только уста стали двигаться немного медленнее и волчий голод всего этого собрания немного утишился, многие начали заговаривать. Разговор, натурально, должен был обратиться к умершей.

„Правда ли“, сказал один молодой овчар, который насадил на свою кожаную перевязь для люльки столько пуговиц и медных блях, что был похож на лавку мелкой торговли, „правда ли, что панночка, не тем будь помянута, зналась с нечистым?“

„Кто? панночка?“ сказал Дорош, уже знакомый прежде нашему философу, „да она была целая ведьма! Я присягну, что ведьма!“

„Полно, полно, Дорош!“ сказал другой, который во время дороги изъяснял большую готовность утешать... „Это не наше дело; бог с ним. Нечего об этом толковать.“ Но Дорош вовсе не был расположен молчать. Он только-что перед тем сходил в погреб вместе с ключником по какому-то нужному делу и, наклонившись раза два к двум или трем бочкам, вышел оттуда чрезвычайно веселый и говорил без умолку.

„Что ты хочешь? Чтобы я молчал?“ сказал он. „Да она на мне самом ездила. Ей богу, ездила.“

„А что, дядько“, сказал молодой овчар с пуговицами: „можно ли узнать по каким-нибудь приметам ведьму?“

„Нельзя“, отвечал Дорош. „Никак не узнаешь; хоть все псалтыри перечитай, то не узнаешь.“

„Можно, можно, Дорош. Не говори этого“, произнес прежний утешитель. „Уже бог не даром дал всякому особый обычай. Люди, знающие науку, говорят, что у ведьмы есть маленький хвостик.“

„Когда стара баба, то и ведьма“, сказал хладнокровно седой козак.

„О, уж хороши и вы!“ подхватила баба, которая подливала в то время свежих галушек в очистившийся горшок, „настоящие толстые кабаны.“

Старый козак, которого имя было явтух, а прозвание Ковтун, выразил на губах своих улыбку удовольствия, заметив, что слова его задели за живое старуху; а погонщик скотины пустил такой густой смех, как будто бы два быка, ставши один против другого, замычали разом.

Начавшийся разговор возбудил непреодолимое желание и любопытство философа узнать обстоятельнее про умершую сотникову дочь. И потому, желая опять навести его на прежнюю материю, обратился к соседу своему с такими словами: „Я хотел спросить, почему всё это сословие, что сидит за ужином, считает панночку ведьмою? Что ж, разве она кому-нибудь причинила зло или извела кого-нибудь?“

„Было всякого“, отвечал один из сидевших, с лицом гладким, чрезвычайно похожим на лопату.

„А кто не припомнит псаря Микиту, или того...“

„А что ж такое псарь Микита?“ сказал философ.

„Стой! я расскажу про псаря Микиту“, сказал Дорош.

„Я расскажу про Микиту“, отвечал табунщик: „потому что он был мой кум.“

„Я расскажу про Микиту“, сказал Спирид.

„Пускай, пускай Спирид расскажет!“ закричала толпа.

Спирид начал: „Ты, пан философ Хома, не знал Микиты: эх, какой редкий был человек. Собаку каждую он бывало так знает, как родного отца. Теперешний псарь Микола, что сидит третьим за мною, и в подметки ему не годится. Хотя он тоже понимает свое дело, но он против него – дрянь, помои.“

„Ты хорошо рассказываешь, хорошо!“ сказал Дорош, одобрительно кивнув головою.

Спирид продолжал: „Зайца увидит скорее, чем табак утрешь из носу. Бывало свиснет: „а ну, Разбой! а ну, Быстрая!“ а сам на коня во всю прыть – и уже рассказать нельзя, кто кого скорее обгонит: он ли собаку, или собака его. Сивухи кварту свиснет вдруг, как бы не бывало. Славный был псарь! Только с недавнего времени начал он заглядываться беспрестанно на панночку. Вкляпался ли он точно в нее, или уже она так его околдовала, только пропал человек, обабился совсем; сделался чорт знает что; пфу! непристойно и сказать.“

„Хорошо“, сказал Дорош.

„Как только панночка, бывало, взглянет на него, то и повода из рук пускает, Разбоя зовет Бровком, спотыкается и ни весть что делает. Один раз панночка пришла на конюшню, где он чистил коня. Дай говорит, Микитка, я положу на тебя свою ножку. А он дурень и рад тому: говорит, что не только ножку, но и сама садись на меня. Панночка подняла свою ножку, и как увидел он ее нагую, полную и белую ножку, то, говорит, чара так и ошеломила его. Он, дурень, нагнул спину и, схвативши обеими руками за нагие ее ножки, пошел скакать, как конь, по всему полю, и куда они ездили, он ничего не мог сказать; только воротился едва живой, и с той поры иссохнул весь, как щепка; и когда раз пришли на конюшню, то вместо его лежала только куча золы, да пустое ведро: сгорел совсем; сгорел сам собою. А такой был псарь, какого на всем свете не можно найти.“

Когда Спирид окончил рассказ свой, со всех сторон пошли толки о достоинствах бывшего псаря.

„А про Шепчиху ты не слышал?“ сказал Дорош, обращаясь к Хоме.

„Нет.“

„Эге, ге, ге! Так у вас, в бурсе, видно, не слишком большому разуму учат. Ну, слушай: у нас есть на селе козак Шептун. Хороший козак! Он любит иногда украсть и соврать без всякой нужды. Но.. хороший козак. Его хата не так далеко отсюда. В такую самую пору, как мы теперь сели вечерять, Шептун с жинкою, окончивши вечерю, легли спать, и так как время было хорошее, то Шепчиха легла на дворе, а Шептун в хате на лавке; или нет: Шепчиха в хате на лавке, а Шептун на дворе..“

„И не на лавке, а на полу легла Шепчиха,“ подхватила баба, стоя у порога и подперши рукою щеку.

Дорош поглядел на нее, потом поглядел вниз, потом опять на нее и, немного помолчав, сказал: „Когда скину с тебя при всех исподницу, то нехорошо будет.“ Это предостережение имело свое действие. Старуха замолчала и уже ни разу не перебила речи.

Дорош продолжал: „А в люльке, висевшей среди хаты, лежало годовое дитя – не знаю, мужского или женского пола. Шепчиха лежала, а потом слышит, что за дверью скребется собака и воет так, хоть из хаты беги. Она испугалась: ибо бабы такой глупый народ, что высунь ей под вечер из-за дверей язык, то и душа войдет в пятки. Однако ж думает, дай-ка я ударю по морде проклятую собаку, авось-либо перестанет выть – и, взявши кочергу, вышла отворить дверь. Не успела она немного отворить, как собака кинулась промеж ног ее и прямо к детской люльке. Шепчиха

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
видит, что это уже не собака, а панночка. Да притом пускай бы уже панночка в таком виде, как она ее знала – это бы еще ничего; но вот вещь и обстоятельство: что она была вся синяя, а глаза горели, как уголь. Она схватила дитя, прокусила ему горло и начала пить из него кровь. Шепчиха только закричала: „Ох, личечко!“ да из хаты. Только видит, что в сенях двери заперты. Она на чердак: сидит и дрожит глупая баба, а потом видит, что панночка к ней идет и на чердак; кинулась на нее и начала глупую бабу кусать. Уже шептун поутру вытащил оттуда свою жинку всю искусанную и посиневшую. А на другой день и умерла глупая баба. Так вот какие устройства и оболещения бывают! Оно хоть и панского помету, да всё когда ведьма, то ведьма.“

После такого рассказа Дорощ самодовольно оглянулся и засунул палец в свою трубку, приготовляя ее к набивке табаком. Материя о ведьме сделалась неисчерпаемою. Каждый в свою очередь спешил что-нибудь рассказать. К тому ведьма в виде скирды сена приехала к самым дверям хаты; у другого украла шапку или трубку; у многих девок на селе отрезала косу; у других выпила по нескольку ведер крови.

Наконец вся компания опомнилась и увидела, что заболталась уже чересчур, потому что уже на дворе была совершенная ночь. Все начали разбродиться по ночлегам, находившимся или на кухне, или в сараях, или среди двора.

„А ну, пан Хома! теперь и нам пора итти к покойнице“, сказал седой козак, обратившись к философу, и все четверо, в том числе Спирид и Дорощ, отправились в церковь, стегая кнутами собак, которых на улице было великое множество и которые со злости грызли их палки. Философ, несмотря на то, что успел подкрепить себя доброю кружкою горелки, чувствовал втайне подступавшую робость по мере того, как они приближались к освещенной церкви. Рассказы и странные истории, слышанные им, помогали еще более действовать его воображению. Мрак под тыном и деревьями начинал редеть; место становилось обнаженнее. Они вступили наконец за ветхую церковную ограду в небольшой дворик, за которым не было ни деревьев и открывалось одно пустое поле, да поглощенные ночным мраком луга. Три козака взошли вместе с Хоמוю по крутой лестнице на крыльцо и вступили в церковь. Здесь они оставили философа, пожелав ему благополучно отправить свою обязанность, и заперли за ним дверь, по приказанию пана.

Философ остался один. Сначала он зевнул, потом потянулся, потом фукнул в обе руки и наконец уже обсмотрелся. Посредине стоял черный гроб. Свечи теплились пред темными образами. Свет от них освещал только иконостас и слегка середину церкви. Отдаленные углы притвора были закутаны мраком. Высокий старинный иконостас уже показывал глубокую ветхость; сквозная резьба его, покрытая золотом, еще блестела одними только искрами. Позолота в одном месте опала, в другом вовсе почернела; лики святых, совершенно потемневшие, глядели как-то мрачно. Философ еще раз обсмотрелся. „Что ж“, сказал он: „чего тут бояться? Человек притти сюда не может, а от мертвецов и выходцев из того света есть у меня молитвы, такие, что как прочитаю, то они меня и пальцем не тронут. Ничего!“ повторил он, махнув рукою: „будем читать.“ Подходя к крылосу, увидел он несколько связок свечей. „Это хорошо“, подумал философ: „нужно осветить всю церковь, так, чтобы видно было, как днем. Эх жаль, что во храме божем не можно люльки выкурить!“ И он принялся прилепливать восковые свечи ко всем карнизам, наоям и образам, не жалея их ни мало, и скоро вся церковь наполнилась светом. Вверху только мрак сделался как будто сильнее, и мрачные образа глядели угрюмей из старинных резных рам, кое-где сверкавших позолотой. Он подошел ко гробу, с робостию посмотрел в лицо умершей и не мог не зажмурить, несколько вздрогнувши, своих глаз:

Такая страшная, сверкающая красота!

Он отворотился и хотел отойти; но по странному любопытству, по странному попереживающему себе чувству, не оставляющему человека, особенно во время страха, он не утерпел, уходя, не взглянуть на нее и потом, ощутивши тот же трепет, взглянул еще раз. В самом деле, резкая красота усопшей казалась страшною. Может быть, даже она не поразила бы таким паническим ужасом, если бы была несколько безобразнее. Но в ее чертах ничего не было тусклого, мутного, умершего. Оно было живо, и философу казалось, как будто бы она глядит на него закрытыми глазами. Ему даже показалось, как будто из-под ресницы правого глаза ее покатились слеза, и когда она остановилась на щеке, то он различил ясно, что это была капля крови.

Он поспешно отошел к крылосу, развернул книгу и, чтобы более ободрить себя, начал читать самым громким голосом. Голос его поразил церковные деревянные стены, давно молчаливые и оглохлые. Одинок, без эха, сыпался он густым басом в совершенно мертвой тишине и казался несколько диким даже самому чтецу. „Чего бояться?“ думал он между тем сам про себя. „Ведь она не встанет из своего гроба, потому что побоится божьего слова. Пусть лежит! Да и что я за козак, когда бы утратился. Ну, выпил лишнее – оттого и показывается страшно. А понюхать табаку: эх добрый табак! Славный табак! Хороший табак!“ Однако же, перелистывая каждую страницу, он посматривал искоса на гроб, и невольное чувство, казалось, шептало ему: вот, вот встанет! вот поднимется, вот выглянет из гроба!

Но тишина была мертвая. Гроб стоял неподвижно. Свечи лили целый потоп света. Страшна освещенная церковь ночью, с мертвым телом и без души людей.

Возвыся голос, он начал петь на разные голоса, желая заглушить остатки боязни. Но через каждую минуту обращал глаза свои на гроб, как будто бы задавая невольный вопрос: „Что, если подымется, если встанет она?“

Но гроб не шелохнулся. Хоть бы какой-нибудь звук, какое-нибудь живое существо, даже сверчок отозвался в углу... Чуть только слышался легкий треск какой-нибудь отдаленной свечки, или слабый, слегка хлопнувший, звук восковой капли, падавшей на пол.

„Ну, если подымется?..“

Она приподняла голову...

Он дико взглянул и протер глаза. Но она точно уже не лежит, а сидит в своем гробе. Он отвел глаза свои и опять с ужасом обратил на гроб. Она встала... идет по церкви с закрытыми глазами, беспрестанно расправляя руки, как бы желая поймать кого-нибудь.

Она идет прямо к нему. В страхе очертил он около себя круг. С усилием начал читать молитвы и произносить заклинания, которым научил его один монах, видевший всю жизнь свою ведьм и нечистых духов.

Она стала почти на самой черте; но видно было, что не имела сил переступить ее, и вся посинела, как человек, уже несколько дней умерший. Хома не имел духа взглянуть на нее. Она была страшна. Она ударила зубами в зубы и открыла мертвые глаза свои. Но не видя ничего, с бешенством – что выразило ее задрожавшее лицо – обратилась в другую сторону и, распростерши руки, обхватывала ими каждый столп и угол, стараясь поймать Хому. Наконец остановилась, погрозив пальцем, и легла в свой гроб.

Философ всё еще не мог притти в себя и со страхом поглядывал на это тесное жилище ведьмы. Наконец гроб вдруг сорвался с своего места и со свистом начал летать по всей церкви, крестя во всех направлениях воздух. Философ видел его почти над головою, но вместе с тем видел, что он не мог зацепить круга, им очерченного, и усилил свои заклинания. Гроб грянулся на середине церкви и остался неподвижным. Труп опять поднялся из него синий, позеленевший. Но в то время послышался отдаленный крик петуха. Труп опустился в гроб и захлопнулся гробовой крышкой. Сердце у философа билось, и пот катился градом; но, ободренный петушьим криком, он дочитывал быстрее листы, которые должен был прочесть прежде. При первой заре пришли сменить его: дьячок и седой явтух, который на тот раз отправлял должность церковного старосты.

Пришедши на отдаленный ночлег, философ долго не мог заснуть, но усталость одолела, и он проспал до обеда. Когда он проснулся, все ночное событие казалось ему происходившим во сне. Ему дали для подкрепления сил кварту горелки. За обедом он скоро развязался, присовокупил кое к чему замечания и съел почти один довольно старого поросенка; но однако же о своем событии в церкви он не решался говорить по какому-то безотчетному для него самому чувству, и на вопросы любопытных отвечал: „да, были всякие чудеса.“ Философ был одним из числа тех людей, которых если накормят, то у них пробуждается необыкновенная филантропия. Он, лежа с своей трубкой в зубах, глядел на всех необыкновенно сладкими глазами и беспрерывно поплеывал в сторону.

После обеда философ был совершенно в духе. Он успел обходить всё селение, перезнакомиться почти со всеми; из двух хат его даже выгнали; одна смазливая молодка хватилась его порядочно лопатой по спине, когда он вздумал было пощупать и полюбопытствовать, из какой материи у нее была сорочка и плахта. Но чем более время близилось к вечеру, тем задумчивее становился философ. За час до ужина вся почти дворня собиралась играть в кашу, или в крагли, род кеглей, где вместо шаров употребляются длинные палки, и выигравший имел право проезжаться на другом верхом. Эта игра становилась очень интересною для зрителей: часто погонщик, широкий как блин, взлезал верхом на свиного пастуха, тщедушного, низенького, всего состоявшего из морщин. В другой раз погонщик подставлял свою спину, и Дорош, вскочивши на нее, всегда говорил: „экой здоровый бык!“ У порога кухни сидели те, которые были посолднее. Они глядели чрезвычайно сурьезно, куря люльки, даже и тогда, когда молодежь от души смеялась какому-нибудь острому слову погонщика или Спирида. Хома напрасно старался вмешаться в эту игру: какая-то темная мысль, как гвоздь, сидела в его голове. За вечерей сколько ни старался он развеселить себя, но страх загорался в нем вместе с тьмою, распространившеюся по небу.

„А ну, пора нам, пан бурсак!“ сказал ему знакомый седой козак, подымаясь с места вместе с Дорошем „пойдем на работу.“ Хому опять таким же самым образом отвели в церковь; опять оставили его одного и заперли за ним дверь. Как только он остался один, робость начала внедряться снова в его грудь. Он опять увидел темные образа, блестящие рамы и знакомый черный гроб, стоявший в угрожающей тишине и неподвижности среди церкви.

„Что же,“ произнес он: „теперь ведь мне не в диковинку это диво. Оно с первого разу только страшно. Да! оно только с первого разу немного страшно, а там оно уже не страшно; оно уже совсем не страшно.“

Он поспешно стал на крылос, очертил около себя круг, произнес несколько заклинаний и начал читать громко, решаясь не подымать с книги своих глаз и не обращать внимания ни на что. Уже около часу читал он и начинал несколько уставать и покашливать. Он вынул из кармана рожок и, прежде нежели поднес табак к носу, робко повел глазами на гроб. Сердце его захолонуло.

Труп уже стоял перед ним на самой черте и вперил на него мертвые, позеленевшие глаза. Бурсак содрогнулся, и холод чувствительно пробежал по всем его жилам. Потупив очи в книгу, стал он читать громче свои молитвы и заклатья и слышал, как труп опять ударил зубами и замахал руками, желая схватить его. Но, покосивши слегка одним глазом, увидел он, что труп не там ловил его, где стоял он, и, как видно, не мог видеть его. Глухо стала ворчать она и начала выговаривать мертвыми устами страшные слова; хрипло всхлипывали они, как клокотанье кипящей смолы. Что значили они, того не мог бы сказать он, но что-то страшное в них заключалось. Философ в страхе понял, что она творила заклинания. Ветер пошел по церкви от слов, и послышался шум, как бы от множества летящих крыл. Он слышал, как бились крыльями в стекла церковных окон и в железные рамы, как царапали с визгом когтями по железу, и как несметная сила громила в двери и хотела вломиться. Сильно у него билось во всё время сердце; зажмурив глаза, всё читал он заклатья и молитвы. Наконец вдруг что-то засвистало вдали; это был отдаленный крик петуха. Изнуренный философ остановился и отдохнул духом.

Вошедшие сменить философа нашли его едва жива. Он оперся спиною в стену и, выпучив глаза, глядел неподвижно на толкавших его козаков. Его почти вывели и должны были поддерживать во всю дорогу. Пришедши на панский двор, он встряхнулся и велел себе подать квартиру горелки. Выпивши ее, он пригладил на голове своей волосы и сказал: „Много на свете всякой дряни водится. А страхи такие случаются – ну...“ При этом философ махнул рукою.

Собравшийся возле него кружок потупил голову, услышав такие слова. Даже небольшой мальчишка, которого вся дворня почитала в праве уполномочивать вместо себя, когда дело шло к тому, чтобы чистить конюшню или таскать воду, даже этот бедный мальчишка тоже разинул рот.

В это время проходила мимо еще не совсем пожилая бабенка в плотно обтянутой запаске, выказывавшей ее круглый и крепкий стан, помощница старой кухарки, кокетка страшная, которая всегда находила что-нибудь прищипить к своему очипку: или кусок ленточки, или гвоздику, или даже бумажку, если не было чего-нибудь другого.

„Здравствуй, Хома!“ сказала она, увидев философа „Ай, ай, ай! что это с тобою?“ вскричала она, всплеснув руками.

„Как что, глупая баба.“

„Ах, боже мой! Да ты весь поседел.“

„Эге, ге! Да она правду говорит!“ произнес Спирид, всматриваясь в него пристально. „Ты, точно, поседел, как наш старый Явтух.“

Философ, услышавши это, побежал опрометью в кухню, где он заметил прилепленный к стене, обпачканный мухами треугольный кусок зеркала, перед которым были натканы незабудки, барвинки и даже гирлянда из нагидок, показывавшие назначение его для туалета щеголеватой кокетки. Он с ужасом увидел истину их слов: половина волос его точно побелела.

Повесил голову Хома Брут и предался размышлению. „Пойду к пану“, сказал он наконец: „расскажу ему всё и объясню, что больше не хочу читать. Пусть отправляет меня сей же час в Киев.“ В таких мыслях направил он путь свой к крыльцу панского дома.

Сотник сидел почти неподвижен в своей светлице; та же самая безнадежная печаль, какую он встретил прежде на его лице, сохранялась в нем и донныне. Щеки его опали только гораздо более прежнего. Заметно было, что он очень мало употреблял пищи, или, может быть, даже вовсе не касался ее. Необыкновенная бледность придавала ему какую-то каменную неподвижность.

„Здравствуй, небоже“, произнес он, увидев Хому, остановившегося с шапкою в руках у дверей. „Что, как идет у тебя? Всё благополучно?“

„Благополучно-то, благополучно. Такая чертовщина водится, что прямо бери шапку, да и улепетьвай куда ноги несут.“

„Как так?“

„Да ваша, пан, дочка... По здравому рассуждению, она, конечно, есть панского роду; в том никто не станет прекословить; только не во гнев будь сказано, упокой бог ее душу...“

„Что же дочка?“

„Припустила к себе сатану. Такие страхи задает, что никакое писание не учитывается.“

„Читай, читай! Она не даром призвала тебя. Она заботилась, голубонька моя, о душе своей и хотела молитвами изгнать всякое дурное помышление.“

„Власть ваша, пан: ей богу, не в моготу!“ „Читай, читай!“ продолжал тем же увещательным голосом сотник. „Тебе одна ночь теперь осталась. Ты сделаешь христианское дело, и я награжу тебя.“

„Да какие бы ни были награды... Как ты себе хочь пан, а я не буду читать!“ произнес Хома решительно.

„Слушай, философ!“ сказал сотник, и голос его сделался крепок и грозен: „я не люблю этих выдумок. Ты можешь это делать в вашей бурсе. А у меня не так: я уже как отдеру, так не то, что ректор. Знаешь ли ты, что такое хорошие кожаные канчуки?“

„Как не знать!“ сказал философ, понизив голос. „Всякому известно, что такое кожаные канчуки: при большом количестве вещь нестерпимая.“

„Да. Только ты не знаешь еще, как хлопцы мои умеют парить!“ сказал сотник грозно, подымаясь на ноги, и лицо его приняло повелительное и свирепое выражение, обнаружившее весь необузданный его характер, усыпленный только на время горестью. „У меня прежде выпарят, потом вспрыснут горелкою, а после опять. Ступай, ступай! исправляй свое дело! Не исправишь – не встанешь; а исправишь –

„Ого, го! да это хват“, подумал философ, выходя. „С этим нечего шутить. Стой, стой, приятель: я так наострю лыжи, что ты с своими собаками не утонишься за мною.“

И Хома положил непременно бежать. Он выжидал только послеобеденного часу, когда вся дворня имела обыкновение забираться в сено под сараями и, открывши рот, испускать такой храп и свист, что панское подворье делалось похожим на фабрику. Это время наконец настало. Даже и Явтух зажмурил глаза, растянувшись перед солнцем. Философ со страхом и дрожью отправился потихоньку в панский сад, откуда ему казалось удобнее и незаметнее было бежать в поле. Этот сад, по обыкновению, был страшно запущен и стало быть чрезвычайно способствовал всякому тайному предприятю. Выключая только одной дорожки, протоптанной по хозяйственной надобности, всё прочее было скрыто разросшимися вишнями, бузиною, лопухом, просунувшим на самый верх свои высокие стебли с цепкими розовыми шишками. Хмель покрывал, как будто сеть, вершину всего этого пестрого собрания деревьев и кустарников и составлял над ними крышу, напялившуюся на плетень и спадавшую с него вьющимися змеями вместе с дикими полевыми колокольчиками. За плетнем, служившим границею сада, шел целый лес бурьяна, в который, казалось, никто не любопытствовал заглядывать, и коса разлетелась бы вдребезги, если бы захотела коснуться лезвием своим одеревяневших толстых стеблей его. Когда философ хотел перешагнуть плетень, зубы его стучали и сердце так сильно билось, что он сам испугался. Пола его длинной хламиды, казалось, прилипла к земле, как будто ее кто приколотил гвоздем. Когда он переступал плетень, ему казалось с оглушительным свистом трещал в уши какой-то голос: „Куда, куда?“ философ юркнул в бурьян и пустился бежать, беспрестанно оступаясь о старые корни и давя ногами своими кротов. Он видел, что ему, выбравшись из бурьяна, стоило перебежать поле, за которым чернел густой терновник, где он считал себя безопасным, и, пройдя который, он по предположению своему думал встретить дорогу прямо в Киев. Поле он перебежал вдруг и очутился в густом терновнике. Сквозь терновник он пролез, оставив, вместо пошлыны, куски своего сюртука на каждом остром шипе, и очутился на небольшой лощине. Верба разделившимися ветвями преклонялась инде почти до самой земли. Небольшой источник сверкал чистый, как серебро. Первое дело философа было прилечь и напиться, потому что он чувствовал жажду нестерпимую. „Добрая вода!“ сказал он, утирая губы. „Тут бы можно отдохнуть.“

„Нет, лучше побежим вперед: неравно будет погоня!“

Эти слова раздались у него над ушами. Он оглянулся: перед ним стоял Явтух.

„Чортов Явтух!“ подумал в сердцах про себя философ. „Я бы взял тебя, да за ноги... И мерзкую рожу твою и всё, что ни есть на тебе, побил бы дубовым бревном.“

„Напрасно дал ты такой крюк“, продолжал Явтух: „гораздо лучше выбрать ту дорогу, по какой шел я: прямо мимо конюшни. Да притом и сюртука жаль. А сукно хорошее. Почем платил за аршин? Однако ж погуляли довольно: пора и домой.“

Философ, почесываясь, побрел за Явтухом. „Теперь проклятая ведьма задаст мне пфейферу!“ подумал он. „Да впрочем, что я в самом деле? Чего боюсь? Разве я не козак? Ведь читал же две ночи, поможет бог и третью. Видно, проклятая ведьма порядочно грехов наделала, что нечистая сила так за нее стоит.“ Такие размышления занимали его, когда он вступал на панский двор. Ободривши себя такими замечаниями, он упросил Дороша, который посредством протекции ключника имел иногда вход в панские погреба, вытащить сулею сивухи, и оба приятеля, севши под сараем, вытянули немного не полведра, так что философ, вдруг поднявшись на ноги, закричал: „Музыкантов! непременно музыкантов!“ и, не дождавшись музыкантов, пустился среди двора на расчищенном месте отплясывать тропака. Он танцевал до тех пор, пока не наступило время полдника, и дворня, обступившая его, как водится в таких случаях, в кружок, наконец плюнула и пошла прочь, сказавши: „Вот это как долго танцует человек!“ Наконец философ тут же лег спать, и добрый ушат холодной воды мог только пробудить его к ужину. За ужином он говорил о том, что такое козак, и что он не должен бояться ничего на свете.

„Пора“, сказал Явтух: „пойдем.“

„Спичка тебе в язык, проклятый кнур!“ подумал философ и, встав на ноги, сказал: „Пойдем.“

Идя дорогою, философ беспрестанно поглядывал по сторонам и слегка заговаривал с своими провожатыми. Но Явтух молчал; сам Дорош был неразговорчив. Ночь была адская. Волки выли вдали целою стаей. И самый лай собачий был как-то страшен.

„Кажется, как будто что-то другое воет: это не волк“, сказал Дорош. Явтух молчал. Философ не нашелся сказать ничего.

Они приблизились к церкви и вступили под ее ветхие деревянные своды, показывавшие, как мало заботился владетель поместья о боге и о душе своей. Явтух и Дорош, попрежнему, удалились, и философ остался один. Всё было так же. Всё было в том же самом грозно-знакомом виде. Он на минуту остановился. По середине всё так же неподвижно стоял гроб ужасной ведьмы: „Не побоюсь, ей богу не побоюсь!“ сказал он и, очертивши попрежнему около себя круг, начал припоминать все свои заклинания. Тишина была страшная: свечи трепетали и обливали светом всю церковь. Философ перевернул один лист, потом перевернул другой и заметил, что он читает совсем не то, что писано в книге. Со страхом перекрестился он и начал петь. Это несколько ободрило его: чтение пошло вперед, и листы мелькали один за другим. Вдруг... среди тишины... с треском лопнула железная крышка гроба, и поднялся мертвец. Еще страшнее был он, чем в первый раз. Зубы его страшно ударялись ряд о ряд, в судорогах задержались его губы, и, дико взвизгивая, понеслись заклинания. Вихорь поднялся по церкви, попадали на землю иконы, полетели сверху вниз разбитые стекла окошек. Двери сорвались с петель, и несметная сила чудовищ влетела в божью церковь. Страшный шум от крыл и от царапанья когтей наполнил всю церковь. Всё летало и носилось, ища повсюду философа.

У Хома вышел из головы последний остаток хмеля. Он только крестился, да читал, как попало, молитвы. И в то же время слышал, как нечистая сила металась вокруг его, чуть не зацепляя его концами крыл и отвратительных хвостов. Не имел духу разглядеть он их; видел только, как во всю стену стояло какое-то огромное чудовище в своих перепутанных волосах, как в лесу; сквозь сеть волос глядели страшно два глаза, подняв немного вверх брови. Над ним держалось в воздухе что-то в виде огромного пузыря, с тысячью протянутых из середины клещей и скорпионных жал. Черная земля висела на них клоками. Все глядели на него, искали и не могли увидеть его, окруженного таинственным кругом. „Приведите Вия! ступайте за Виём!“ раздались слова мертвеца. И вдруг настала тишина в церкви; послышалось вдали волчье завыванье, и скоро раздались тяжелые шаги, звучавшие по церкви; взглянув искоса, увидел он, что ведут какого-то приземистого, дюжего, косолапого человека. Весь был он в черной земле. Как жилистые, крепкие корни, выдавались его, засыпанные землею, ноги и руки. Тяжело ступал он, поминутно отступаясь. Длинные веки опущены были до самой земли. С ужасом заметил Хома, что лицо было на нем железное. Его привели под руки и прямо поставили к тому месту, где стоял Хома.

„Подымите мне веки: не вижу!“ сказал подземным голосом Вий – и всё сонмище кинулось подымать ему веки. „Не гляди!“ шепнул какой-то внутренний голос философу. Не вытерпел он, и глянул.

„Вот он!“ закричал Вий и уставил на него железный палец. И все, сколько ни было, кинулись на философа. Бездыханный грянулся он на землю, и тут же вылетел дух из него от страха. Раздался петуший крик. Это был уже второй крик; первый прослышали гномы. Испуганные духи бросились, кто как попало, в окна и двери, чтобы поскорее вылететь, но не тут-то было: так и остались они там, завязнувши в дверях и окнах. Вошедший священник остановился при виде такого посрамленья божьей святыни, и не посмел служить панихиду в таком месте. Так навеки и осталась церковь, с завязнувшими в дверях и окнах чудовищами, обросла лесом, корнями, бурьяном, диким терновником, и никто не найдет теперь к ней дороги.

* * *

Когда слухи об этом дошли до Киева, и богослов Халява услышал наконец о такой участи философа Хома, то предался целый час раздумью. С ним в продолжение того времени произошли большие перемены. Счастье ему улыбнулось: по окончании курса наук его сделали звонарем самой высокой колокольни, и он всегда почти являлся с разбитым носом, потому что деревянная лестница на колокольню была чрезвычайно безалаберно сделана.

„Ты слышал, что случилось с Хомя?“ сказал, подошедши к нему, Тиберий Горобець,
Страница 84

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
который в то время был уже философом и носил свежие усы.

„Так ему бог дал“, сказал звонарь Халява. „Пойдем в шинок, да помянем его душу!“

Молодой философ, который с жаром энтузиаста начал пользоваться своими правами так, что на нем и шаровары, и сюртук, и даже шапка отзывались спиртом и табачными корешками, в ту же минуту изъявил готовность.

„Славный был человек Хома!“ сказал звонарь, когда хромой шинкарь поставил перед ним третью кружку. „Знатный был человек! А пропал ни за что.“

„А я знаю, почему пропал он: оттого, что побоялся. А если бы не боялся, то бы ведьма ничего не могла с ним сделать. Нужно только перекрестившись плюнуть на самый хвост ей, то и ничего не будет. Я знаю уже всё это. Ведь у нас в Киеве все бабы, которые сидят на базаре – все ведьмы.“

На это звонарь кивнул головою в знак согласия. Но, заметивши, что язык его не мог произнести ни одного слова, он осторожно встал из-за стола и, пошатываясь на обе стороны, пошел спрятаться в самое отдаленное место в бурьяне. Причем не позабыл, по прежней привычке своей, утащить старую подошву от сапога, валявшуюся на лавке.

Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем*

Долгом считаю предуведомить, что происшествие, описанное в этой повести, относится к очень давнему времени. Притом оно совершенная выдумка. Теперь Миргород совсем не то. Строения другие; лужа среди города давно уже высохла, и все сановники: судья, подсудок и городничий люди почтенные и благонамеренные.

Глава I

Иван Иванович и Иван Никифорович

Славная бекеша у Ивана Ивановича! отличнейшая! А какие смушки! фу ты пропасть, какие смушки! сизые с морозом! Я ставлю бог знает что, если у кого-либо найдутся такие! Взгляните ради бога на них, особенно если он станет с кем нибудь говорить, взгляните с боку: что это за объядение! Описать нельзя: бархат! серебро! огонь! Господи боже мой! Николай чудотворец, угодник божий! отчего же у меня нет такой бекешы! Он сшил ее тогда еще, когда Агафия Федосеевна не ездила в Киев. Вы знаете Агафию Федосеевну? та самая, что откусила ухо у заседателя. Прекрасный человек Иван Иванович! какой у него дом в Миргороде! Вокруг него со всех сторон навес на дубовых столбах, под навесом везде скамейки. Иван Иванович, когда делается слишком жарко, скинет с себя и бекешу и исподнее, сам останется в одной рубашке и отдыхает под навесом и глядит, что делается во дворе и на улице. Какие у него яблони и груши под самыми окнами! Отворите только окно – так ветви и врываются в комнату. Это всё перед домом; а посмотрели бы, что у него в саду! Чего там нет? Сливы, вишни, черешни, огорожина всякая, подсолнечники, огурцы, дыни, стручья, даже гумно и кузница. Прекрасный человек Иван Иванович! Он очень любит дыни. Это его любимое кушанье. Как только отобедает и выйдет в одной рубашке под навес, сейчас приказывает Гапке принести две дыни. И уже сам разрежет, соберет семена в особую бумажку, и начнет кушать. Потом велит Гапке принести чернильницу и сам, собственною рукою, сделает надпись над бумажкою с семенами: сия дыня съедена такого-то числа. Если при этом был какой-нибудь гость, то: участвовал такой-то. Покойный судья миргородский всегда любовался, глядя на дом Ивана Ивановича. Да, домишко очень не дурен. Мне нравится, что к нему со всех сторон пристроены сени и сенички, так что если взглянуть на него издали, то видны одни только крыши, посаженные одна на другую, что весьма походит на тарелку, наполненную блинами, а еще лучше на губки, нарастающие на дереве. Впрочем, крыши все покрыты очеретом; ива, дуб и две яблони облокотились на них своими раскидистыми ветвями. Промеж дерев мелькают и выбегают даже на улицу небольшие окошки с резными выбеленными ставнями. Прекрасный человек Иван Иванович! Его знает и комиссар полтавский! Дорош Тарасович Пухивочка, когда едет из Хорола, то всегда заезжает к нему. А протопоп отец Петр, что живет в Колиберде, когда соберется у него человек пяток гостей, всегда говорит, что он никого не знает, кто бы так исполнял долг христианский и умел жить, как Иван Иванович. Боже, как летит время! уже тогда прошло более десяти лет, как он овдовел. Детей у него не было. У Гапки есть дети и бегают часто по двору. Иван

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Иванович всегда дает каждому из них или по бублику, или по кусочку дыни, или грушу. Гапка у него носит ключи от комор и погребов; от большого же сундука, что стоит в его спальне, и от средней коморы ключ Иван Иванович держит у себя и не любит никого туда пускать. Гапка, девка здоровая, ходит в запаске, с свежими икрами и щеканами. А какой богомольный человек Иван Иванович! Каждый воскресный день надевает он бекешу и идет в церковь. Взошедши в нее, Иван Иванович, раскланявшись на все стороны, обыкновенно помещается на крылосе и очень хорошо подтягивает басом. Когда же окончится служба, Иван Иванович никак не утерпит, чтоб не обойти всех нищих. Он бы может быть и не хотел заняться таким скучным делом, если бы не побуждала его к тому природная доброта. „Здорово, небого!“ [4] обыкновенно говорил он, отыскавши самую искалеченную бабу, в изодранном, сшитом из заплат платье. „Откуда ты, бедная?“ – „Я, паночку, из хутора пришла: третий день, как не пила, не ела, выгнали меня собственные дети.“ – „Бедная головушка, чего ж ты пришла сюда?“ – „А так, паночку, милостыни просить, не даст ли кто-нибудь хоть на хлеб.“ – „Гм! что ж тебе разве хочется хлеба?“ обыкновенно спрашивал Иван Иванович. – „Как не хотеть! голодна, как собака.“ – „Гм!“ отвечал обыкновенно Иван Иванович: „так тебе может и мяса хочется?“ – „Да всё, что милость ваша даст, всем буду довольна.“ – „Гм! разве мясо лучше хлеба?“ – „Где уж голодному разбирать. Всё, что пожалуете, всё хорошо.“ При этом старуха обыкновенно протягивала руку. „Ну, ступай же с богом“, говорил Иван Иванович. „Чего ж ты стоишь? ведь я тебя не бью!“ и обратившись с такими расспросами к другому, к третьему, наконец возвращается домой, или заходит выпить рюмку водки к соседу Ивану Никифоровичу, или к судье, или к городничему. Иван Иванович очень любит, если ему кто-нибудь сделает подарок или гостинец. Это ему очень нравится.

Очень хороший также человек Иван Никифорович. Его двор возле двора Ивана Ивановича. Они такие между собою приятели, каких свет не производил. Антон Прокофьевич Пулопуз, который до сих пор еще ходит в коричневом сюртуке с голубыми рукавами и обедает по воскресным дням у судьи, обыкновенно говорил, что Ивана Никифоровича и Ивана Ивановича сам черт связал веревочкой. Куда один, туда и другой плетется. Иван Никифорович никогда не был женат. Хотя проговаривали, что он женился, но это совершенная ложь. Я очень хорошо знаю Ивана Никифоровича, и могу сказать, что он даже не имел намерения жениться. Откуда выходят все эти сплетни? так как пронесли было, что Иван Никифорович родился с хвостом назад. Но эта выдумка так нелепа и вместе гнусна и неприлична, что я даже не почитаю нужным опровергать пред просвещенными читателями, которым без всякого сомнения известно, что у одних только ведьм, и то у весьма немногих, есть назад хвост, которые впрочем принадлежат более к женскому полу, нежели к мужескому. Несмотря на большую приязнь, эти редкие друзья не совсем были сходны между собою. Лучше всего можно узнать характеры их из сравнения: Иван Иванович имеет необыкновенный дар говорить чрезвычайно приятно. Господи, как он говорит! Это ощущение можно сравнить только с тем, когда у вас ищут в голове или потихоньку проводят пальцем по вашей пятке. Слушаешь, слушаешь – и голову повесишь. Приятно! чрезвычайно приятно! как сон после купанья. Иван Никифорович, напротив, больше молчит, но зато если влечет словцо, то держись только: отбреет лучше всякой бритвы, Иван Иванович худощав и высокого роста; Иван Никифорович немного ниже, но зато распространяется в толщину. Голова у Ивана Ивановича похожа на редьку хвостом вниз; голова Ивана Никифоровича на редьку хвостом вверх. Иван Иванович только после обеда лежит в одной рубашке под навесом; ввечеру же надевает бекешу и идет куда-нибудь, или к городскому магазину, куда он поставляет муку, или в поле ловить перепелов. Иван Никифорович лежит весь день на крыльце; если не слишком жаркий день, то обыкновенно выставив спину на солнце, и никуда не хочет итти. Если вздумается утром, то пройдет по двору, осмотрит хозяйство, и опять на покой. В прежние времена зайдет бывало к Ивану Ивановичу. Иван Иванович чрезвычайно тонкий человек и в порядочном разговоре никогда не скажет неприличного слова и тотчас обидится, если услышит его. Иван Никифорович иногда не обережется; тогда обыкновенно Иван Иванович встает с места и говорит: „Довольно, довольно, Иван Никифорович; лучше скорее на солнце, чем говорить такие богопротивные слова.“ Иван Иванович очень сердится, если ему попадет в борщ муха: он тогда выходит из себя и тарелку кинет, и хозяину достанется. Иван Никифорович чрезвычайно любит купаться и, когда сядет по горло в воду, велит поставить также в воду стол и самовар, и очень любит пить чай в такой прохладе. Иван Иванович бреет бороду в неделю два раза; Иван Никифорович один раз. Иван Иванович чрезвычайно любопытен. Боже сохрани, если что-нибудь начнешь ему рассказывать, да не доскажешь! Если ж чем бывает недоволен, то тотчас дает заметить это. По виду Ивана Никифоровича чрезвычайно трудно узнать, доволен ли он, или сердит; хоть и обрадуется чему-нибудь, то не покажет. Иван Иванович несколько боязливого характера. У Ивана Никифоровича, напротив того, шаровары в

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
таких широких складках, что если бы раздуть их, то в них можно бы поместить весь двор с амбарами и строением. У Ивана Ивановича большие выразительные глаза табашного цвета и рот несколько похож на букву ижицу; у Ивана Никифоровича глаза маленькие, желтоватые, совершенно пропадающие между густых бровей и пухлых щек, и нос в виде спелой сливы. Иван Иванович если попотчивает вас табаком, то всегда наперед лизнет языком крышку табакерки, потом щелкнет по ней пальцем и, поднесши, скажет, если вы с ним знакомы: „Смею ли просить, государь мой, об одолжении?“ если же незнакомы, то: „Смею ли просить, государь мой, не имея чести знать чина, имени и отчества, об одолжении?“ Иван же Никифорович дает вам прямо в руки рожок свой и прибавит только: „одоляйтесь.“ Как Иван Иванович, так и Иван Никифорович очень не любят блох; и оттого ни Иван Иванович, ни Иван Никифорович никак не пропустят жида с товарами, чтобы не купить у него элексира в разных баночках против этих насекомых, выбрав наперед его хорошенько за то, что он исповедует еврейскую веру.

Впрочем, несмотря на некоторые несходства, как Иван Иванович, так и Иван Никифорович прекрасные люди.

Глава II

Из которой можно узнать, чего захотелось Ивану Ивановичу, о чем происходил разговор между Иваном Ивановичем и Иваном Никифоровичем, и чем он окончился

Утром, это было в июле месяце, Иван Иванович лежал под навесом. День был жарок, воздух сух и переливался струями. Иван Иванович успел уже побывать за городом у косарей и на хуторе, успел расспросить встретившихся мужиков и баб, откуда, куда и почему; уходился страх и прилег отдохнуть. Лежа, он долго оглядывал коморы, двор, сарай, кур, бегавших по двору, и думал про себя: „Господи, боже мой, какой я хозяин! Чего у меня нет? Птицы, строение, амбары, всякая прихоть, водка перегонная настоящая; в саду груши, сливы; в огороде мак, капуста, горох... Чего ж еще нет у меня?... Хотел бы я знать, чего нет у меня?“ Задавши себе такой глубокомысленный вопрос, Иван Иванович задумался; а между тем глаза его отыскивали новые предметы, перешагнули чрез забор в двор Ивана Никифоровича и занялись невольно любопытным зрелищем. Тощая баба выносила по-порядку залежалое платье и развешивала его на протянутой веревке выветривать. Скоро старый мундир с изношенными обшлагами протянул на воздух рукава и обнимал парчевую кофту, за ним высунулся дворянский с гербовыми пуговицами, с отъеденным воротником, белые казимировые панталоны с пятнами, которые когда-то натягивались на ноги Ивана Никифоровича и которые можно теперь натянуть разве на его пальцы. За ними скоро повисли другие в виде буквы Л. Потом синий казацкий бешмет, который шил себе Иван Никифорович назад тому лет двадцать, когда готовился было вступить в милицию и отпустил было уже усы. Наконец, одно к одному, выставилась шпага, походившая на спиц, торчавший в воздухе. Потом завертелись фалды чего-то похожего на кафтан травяно-зеленого цвета, с медными пуговицами, величиною в пятак. Из-за фалд выглянул жилет, обложенный золотым позументом, с большим вырезом наперед. Жилет скоро закрыла старая юбка покойной бабушки, с карманами, в которые можно было положить по арбузу. Всё, мешаясь вместе, составляло для Ивана Ивановича очень занимательное зрелище, между тем как лучи солнца, охватывая места синий или зеленый рукав, красный обшлаг или часть золотой парчи, или играя на шпажном шпиге, делали его чем-то необыкновенным, похожим на тот вертеп, который развозят по хуторам кочующие пройдохи. Особенно когда толпа народа, тесно сдвинувшись, глядит на царя Ирода в золотой короне, или на Антона, ведущего козу; за вертепом визжит скрипка; цыган брянчит руками по губам своим вместо барабана, а солнце заходит, и свежий, холод южной ночи незаметно прижимается сильнее к свежим плечам и грудям полных хуторянок. Скоро старуха вылезла из кладовой, кряхтя и таща на себе старинное седло с оборванными стремянами, с истертыми кожаными чехлами для пистолетов, с чепраком когда-то алого цвета, с золотым шитьем и медными бляхами. „Вот глупая баба!“ подумал Иван Иванович: „она еще вытащит и самого Ивана Никифоровича проветривать!“ И точно: Иван Иванович не совсем ошибся в своей догадке. Минут через пять воздвигнулись нанковые шаровары Ивана Никифоровича и заняли собою почти половину двора. После этого она вынесла еще шапку и ружье. „Что ж это значит!“ подумал Иван Иванович: „я не видел никогда ружья у Ивана Никифоровича. Что ж это он? стрелять не стреляет, а ружье держит! На что ж оно ему? А вещица славная! Я давно себе хотел достать такое. Мне очень хочется иметь это ружьецо; я люблю позабавиться ружьецом. Эй, баба, баба!“ закричал Иван Иванович, кивая пальцем.

Старуха подошла к забору.

„Что́ это у тебя, бабуся, такое?“

„Видите сами, ружье.“

„Какое ружье?“

„Кто его знает, какое! Если б оно было мое, то я, может быть, и знала бы, из чего оно сделано. Но оно панское.“

Иван Иванович встал, и начал рассматривать ружье со всех сторон, и позабыл дать выговор старухе за то, что повесила его вместе с шпагою проветривать.

„Оно, должно думать, железное“, продолжала старуха.

„Гм! железное. Отчего ж оно железное?“ говорил про себя Иван Иванович. „А давно ли оно у пана?“

„Может быть, и давно.“

„Хорошая вещица!“ продолжал Иван Иванович: „я выпрошу его. Что ему делать с ним! или променяю на что-нибудь. Что, бабуся, дома пан?“

„Дома.“

„Что он? лежит?“

„Лежит.“

„Ну, хорошо; я приду к нему.“

Иван Иванович оделся, взял в руки суковатую палку от собак, потому что в Миргороде гораздо более их попадается на улице, нежели людей, и пошел.

Двор Ивана Никифоровича хотя был возле двора Ивана Ивановича и можно было перелезть из одного в другой через плетень, однако ж Иван Иванович пошел улицею. С этой улицы нужно было перейти в переулок, который был так узок, что если случилось встретиться в нем двум повозкам в одну лошадь, то они уже не могли разъехаться и оставались в таком положении до тех пор, покамест, схвативши за задние колеса, не вытаскивали их каждую в противную сторону на улицу. Пешеход же убирался, как цветами, репейниками, росшими с обеих сторон возле забора. На этот переулок выходили с одной стороны сарай Ивана Ивановича, с другой амбар, ворота и голубятня Ивана Никифоровича. Иван Иванович подошел к воротам, загремел щеколдой: изнутри поднялся собачий лай; но разношерстная стая скоро побежала, помахивая хвостами, назад, увидевши, что это было знакомое лицо. Иван Иванович перешел двор, на котором пестрели индейские голуби, кормимые собственноручно Иваном Никифоровичем, корки арбузов и дынь, местами зелень, местами изломанное колесо, или обруч из бочки, или валявшийся мальчишка в запачканной рубашке – картина, которую любят живописцы! Тень от развешенных платьев покрывала почти весь двор и сообщала ему некоторую прохладу. Баба встретила его поклоном и, зазевавшись, стала на одном месте. Перед домом охорашивалось крылечко с навесом на двух дубовых столбах, – ненадежная защита от солнца, которое в это время в Малороссии не любит шутить и обливает пешехода с ног до головы жарким потом. Из этого можно было видеть, как сильно было желание у Ивана Ивановича приобрести необходимую вещь, когда он решился выйти в такую пору, изменив даже своему всегдашнему обыкновению прогуливаться только вечером.

Комната, в которую вступил Иван Иванович, была совершенно темна, потому что ставни были закрыты и солнечный луч, проходя в дыру, сделанную в ставне, принял радужный цвет и, ударяясь в противостоящую стену, рисовал на ней пестрый ландшафт из очеретяных крыш, дерев и развешенного на дворе платья, всё только в обращенном виде. От этого всей комнате сообщался какой-то чудный полусвет.

„Помоги бог!“ сказал Иван Иванович.

„А! здравствуйте, Иван Иванович!“ отвечал голос из угла комнаты. Тогда только Иван Иванович заметил Ивана Никифоровича, лежащего на разостланном на полу ковре. „Извините, что я перед вами в натуре.“ Иван Никифорович лежал безо всего,

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
даже без рубашки.

„Ничего. Почивали ли вы сегодня, Иван Никифорович?“

„Почивал. А вы почивали, Иван Иванович?“

„Почивал.“

„Так вы теперь и встали?“

„Я теперь встал? Христос с вами, Иван Никифорович! как можно спать до сих пор! Я только-что приехал из хутора. Прекрасные жита по дороге! восхитительные! и сено такое рослое, мягкое, злачное!“

„Горпина!“ закричал Иван Никифорович: „принеси Ивану Ивановичу водки, да пирогов со сметаной.“

„Хорошее время сегодня.“

„Не хвалите, Иван Иванович. Чтоб его чорт взял! некуда деваться от жару.“

„Вот, таки нужно помянуть чорта. Эй, Иван Никифорович! Вы вспомните мое слово, да уже будет поздно: достанется вам на том свете за богопротивные слова.“

„Чем же я обидел вас, Иван Иванович? Я не тронул ни отца, ни матери вашей. Не знаю, чем я вас обидел.“

„Полно уже, полно Иван Никифорович!“

„Ей богу я не обидел вас, Иван Иванович!“

„Странно, что перепела до сих пор нейдут под дудочку.“

„Как вы себе хотите, думайте что вам угодно, только я вас не обидел ничем.“

„Не знаю, отчего они нейдут“, говорил Иван Иванович, как бы не слушая Ивана Никифоровича. „Время ли не пришло еще, только время, кажется, такое, какое нужно.“

„Вы говорите, что жита хорошие.“

„Восхитительные жита, восхитительные!“ За сим последовало молчание.

„Что это вы, Иван Никифорович, платье развешиваете?“ наконец сказал Иван Иванович.

„Да прекрасное, почти новое платье загноила проклятая баба. Теперь проветриваю, сукно тонкое, превосходное, только вывороти – и можно снова носить.“

„Мне там понравилась одна вещица, Иван Никифорович.“

„Какая?“

„Скажите пожалуйста, на что вам это ружье, что выставлено выветривать вместе с платьем?“ Тут Иван Иванович поднес табак. „Смею ли просить об одолжении?“

„Ничего, одолжайтесь! я понюхаю своего!“ При этом Иван Никифорович пощупал вокруг себя и достал рожок. „Вот глупая баба, так она и ружье туда же повесила! Хороший табак жид делает в Сорочинцах. Я не знаю, что он кладет туда, а такое душистое! На канупер немножко похоже. Вот возьмите, разжуйте немножко во рту. Не правда ли, похоже на канупер? возьмите, одолжайтесь!“

„Скажите, пожалуйста, Иван Никифорович, я всё насчет ружья, что вы будете с ним делать? ведь оно вам не нужно.“

„Как не нужно? а случится стрелять.“

„Господь с вами, Иван Никифорович, когда же вы будете стрелять? Разве по втором
Страница 89

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
пришествии. Вы, сколько я знаю и другие запомнят, ни одной еще качки[5] не убили, да и ваша натура не так уже господом богом устроена, чтоб стрелять. Вы имеете осанку и фигуру важную. Как же вам таскаться по болотам, когда ваше платье, которое не во всякой речи прилично назвать по имени, проветривается и теперь еще, что же тогда? Нет, вам нужно иметь покой, отдохновение. (Иван Иванович, как упомянуто выше, необыкновенно живописно говорил, когда нужно было убеждать кого. Как он говорил! Боже, как он говорил!) Да, так вам нужны приличные поступки. Послушайте, отдайте его мне!“

„Как можно! это ружье дорогое. Таких ружьев теперь не сыщете нигде. Я еще как собирался в милицию, купил его у турчина. А теперь бы то так вдруг и отдать его! Как можно? это вещь необходимая.“

„На что же она необходимая?“

„Как на что? А когда нападут на дом разбойники... Еще бы не необходимая. Слава тебе господи! теперь я спокоен и не боюсь никого. А отчего? Оттого, что я знаю, что у меня стоит в коморе ружье.“

„Хорошее ружье! Да у него, Иван Никифорович, замок испорчен.“

„Что ж что испорчен? Можно починить. Нужно только смазать конопляным маслом, чтоб не ржавел.“

„Из ваших слов, Иван Никифорович, я никак не вижу дружественного ко мне расположения. Вы ничего не хотите сделать для меня в знак приязни.“

„Как же это вы говорите, Иван Иванович, что я вам не оказываю никакой приязни? Как вам не совестно! Ваши волы пасутся на моей степи и я ни разу не занимал их. Когда едете в Полтаву, всегда просите у меня повозки, и что ж? разве я отказал когда? Ребятишки ваши перелезают чрез плетень в мой двор и играют с моими собаками – я ничего не говорю: пусть себе играют, лишь бы ничего не трогали! пусть себе играют!“

„Когда не хотите подарить, так пожалуй поменяемся.“

„Что ж вы дадите мне за него?“ При этом Иван Никифорович облокотился на руку и поглядел на Ивана Ивановича.

„Я вам дам за него бурую свинью, ту самую, что я откормил в сажу. Славная свинья! Увидите, если на следующий год она не наведет вам поросят.“

„Я не знаю, как вы, Иван Иванович, можете это говорить. На что мне свинья ваша? Разве чорту поминки делать.“

„Опять! без чорта таки нельзя обойтись! Грех вам, ей богу грех, Иван Никифорович!“

„Как же вы, в самом деле, Иван Иванович, даете за ружье, чорт знает что такое: свинью.“

„Отчего же она, чорт знает что такое, Иван Никифорович?“

„Как же, вы бы сами посудили хорошенько. Это таки ружье – вещь известная; а то чорт знает что такое: свинья. Если бы не вы говорили, я бы мог это принять в обидную для себя сторону.“

„Что ж нехорошего заметили вы в свинье?“

„За кого же в самом деле вы принимаете меня? чтоб я свинью...“

„Садитесь, садитесь! не буду уже... Пусть вам остается ваше ружье, пускай себе сгниет и перержавеет, стоя в углу в коморе – не хочу больше говорить о нем.“

После этого последовало молчание.

„Говорят“, начал Иван Иванович: „что три короля объявили войну царю нашему.“

„Да, говорил мне Петр Федорович; что ж это за война? и отчего она?“

„Наверное не можно сказать, Иван Никифорович, за что она. Я полагаю, что короли хотят, чтобы мы все приняли турецкую веру.“

„Вишь дурни, чего захотели!“ произнес Иван Никифорович, приподнявши голову.

„Вот видите, а царь наш и объявил им за то войну. Нет, говорит, примите вы сами веру Христову!“

„Что ж? ведь наши побьют их, Иван Иванович!“

„Побьют. Так не хотите, Иван Никифорович, менять ружьеца?“

„Мне странно, Иван Иванович, вы кажется человек известный ученостью, а говорите как недоросль. Что бы я за дурак такой...“

„Садитесь, садитесь. Бог с ним! пусть оно себе околеет; не буду больше говорить!...“

В это время принесли закуску.

Иван Иванович выпил рюмку и закусил пирогом с сметаню. „Слушайте, Иван Никифорович. Я вам дам, кроме свиньи, еще два мешка овса, ведь овса вы не сеяли. Этот год, всё равно, вам нужно будет покупать овес.“

„Ей богу, Иван Иванович, с вами говорить нужно, гороху наевшись. (Это еще ничего, Иван Никифорович и не такие фразы отпускает.) Где видано, чтобы кто ружье променял на два мешка овса? Небось, бекеша своей не поставите.“

„Но вы позабыли, Иван Никифорович, что я и свинью еще даю вам.“

„Как! два мешка овса и свинью за ружье?“

„Да что ж, разве мало?“

„За ружье?“

„Конечно за ружье.“

„Два мешка за ружье?“

„Два мешка не пустых, а с овсом; а свинью позабыли?“

„Поцелуйтесь с своею свиньею, а коли не хотите, так с чортом!“

„О! вас зацепи только! Увидите: нашпигуют вам на том свете язык горячими иголками за такие богомерзкие слова. После разговору с вами нужно и лицо и руки умыть и самому окуриться.“

„Позвольте, Иван Иванович; ружье вещь благородная, самая любопытная забава, притом и украшение в комнате приятное...“

„Вы, Иван Никифорович, разносились так с своим ружьем, как дурень с писанною торбою“, сказал Иван Иванович с досадою, потому что действительно начинал уже сердиться.

„А вы, Иван Иванович, настоящий гусак.“ [6]

Если бы Иван Никифорович не сказал этого слова, то они бы поспорили между собою и разошлись, как всегда, приятелями; но теперь произошло совсем другое. Иван Иванович весь вспыхнул.

„Что вы такое сказали, Иван Никифорович?“ спросил он, возвысив голос.

„Я сказал, что вы похожи на гусака, Иван Иванович!“

„Как же вы смели, сударь, забыв и приличие и уважение к чину и фамилии

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
человека, обесчестить таким поносным именем?”

„Что ж тут поносного? Да чего вы в самом деле так размахались руками, Иван Иванович!”

„Я повторяю, как вы осмелились, в противность всех приличий, назвать меня гусаком?”

„Начхать я вам на голову, Иван Иванович! Что вы так раскудахтались.”

Иван Иванович не мог более владеть собою: губы его дрожали; рот изменил обыкновенное положение ижицы, а сделался похожим на О; глазами он так мигал, что сделалось страшно. Это было у Ивана Ивановича чрезвычайно редко. Нужно было для этого его сильно рассердить. „Так я ж вам объявляю“, произнес Иван Иванович: „что я знать вас не хочу.”

„Большая беда! ей богу, не заплачу от этого!” отвечал Иван Никифорович. Лгал, лгал, ей богу лгал! ему очень было досадно это.

„Нога моя не будет у вас в доме.”

„Эге, ге!“, сказал Иван Никифорович, с досады не зная сам, что делать, и против обыкновения встав на ноги. „Эй баба, хлопче!” При сем показалась из-за дверей та самая тощая баба и небольшого роста мальчик, запутанный в длинный и широкий сюртук. „Возьмите Ивана Ивановича за руки, да выведите его за двери!”

„Как! Дворянина?” закричал с чувством достоинства и негодования Иван Иванович. „Осмелитесь только! подступите! я вас уничтожу с глупым вашим паном! Ворон не найдет места вашего!” (Иван Иванович говорил необыкновенно сильно, когда душа его бывала потрясена). Вся группа представляла сильную картину: Иван Никифорович, стоявший посреди комнаты в полной красоте своей без всякого украшения! баба, разинувшая рот и выразившая на лице самую бессмысленную, исполненную страха мину! Иван Иванович с поднятою вверх рукою, как изображались римские трибуны! Это была необыкновенная минута! спектакль великолепный! и между тем только один был зрителем: это был мальчик в неизмеримом сюртуке, который стоял довольно покойно и чистил пальцем свой нос.

Наконец, Иван Иванович взял шапку свою. „Очень хорошо поступаете вы, Иван Никифорович! прекрасно! Я это припомню вам.”

„Ступайте, Иван Иванович, ступайте! да смотрите, не попадайтесь мне: а не то я вам, Иван Иванович, всю морду побью!”

„Вот вам за это, Иван Никифорович!” отвечал Иван Иванович, выставив ему кукиш и хлопнув за собою дверь, которая с визгом захрипела и отворилась снова. Иван Никифорович показался в дверях и что-то хотел присовокупить, но Иван Иванович уже не оглядывался и летел со двора.

Глава III

Что произошло после ссоры Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем?

Итак два почтенные мужа, честь и украшение Миргорода, поссорились между собою! и за что? за вздор, за гусака. Не захотели видеть друг друга, прервали все связи, между тем как прежде были известны за самых неразлучных друзей! Каждый день, бывало, Иван Иванович и Иван Никифорович посылают друг к другу узнать о здоровье и часто переговариваются друг с другом с своих балконов и говорят друг другу такие приятные речи, что сердцу любо слушать было. По воскресным дням, бывало, Иван Иванович в штатетовой бекеше, Иван Никифорович в нанковом желто-коричневом казакине отправляются почти об руку друг с другом в церковь. И если Иван Иванович, который имел глаза чрезвычайно зоркие, первый замечал лужу, или какую-нибудь нечистоту посреди улицы, что бывает иногда в Миргороде, то всегда говорил Ивану Никифоровичу: „Берегитесь, не ступите сюда ногою, ибо здесь нехорошо.” Иван Никифорович с своей стороны показывал тоже самые трогательные знаки дружбы и где бы ни стоял далеко, всегда протянет к Ивану Ивановичу руку с рожком, примолвивши: „одолейте!” А какое прекрасное хозяйство у обоих!.. и эти два друга... Когда я услышал об этом, то меня как громом поразило! Я долго не хотел верить: боже праведный! Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем!

Когда Иван Иванович пришел к себе домой, то долго был в сильном волнении. Он бывало прежде всего зайдет в конюшню посмотреть, ест ли кобылка сено (у Ивана Ивановича кобылка саврасая с лысинкой на лбу. Хорошая очень лошадка); потом покормит индеек и поросенков из своих рук и тогда уже идет в покои, где или делает деревянную посуду (он очень искусно, не хуже токаря, умеет выделывать разные вещи из дерева), или читает книжку, печатанную у Любиа, Гария и Попова (названия ее Иван Иванович не помнит потому, что девка уже очень давно оторвала верхнюю часть заглавного листка, забавляя дитя), или же отдыхает под навесом. Теперь же он не взялся ни за одно из всегдашних своих занятий. Но вместо того, встретивши Гапку, начал бранить, зачем она шатается без дела, между тем как она тщила крупу в кухню; кинул палкой в петуха, который пришел к крыльцу за обыкновенной подачей; и когда подбежал к нему запачканный мальчишка в изодранной рубашонке и закричал: „Тятя, тятя, дай пряника!“, то он ему так страшно пригрозил и затопал ногами, что испуганный мальчишка забежал, бог знает куда.

Наконец однако ж он одумался и начал заниматься всегдашними делами. Поздо стал он обедать и уже ввечеру почти лег отдыхать под навесом. Хороший борщ с голубями, который сварила Гапка, выгнал совершенно утреннее происшествие. Иван Иванович опять начал с удовольствием рассматривать свое хозяйство. Наконец остановил глаза на соседнем дворе и сказал сам себе: „Сегодня я не был у Ивана Никифоровича. Пойду-ка к нему.“ Сказавши это Иван Иванович взял палку и шапку и отправился на улицу, но едва только вышел за ворота, как вспомнил ссору, плюнул и возвратился назад. Почти такое же движение случилось и на дворе Ивана Никифоровича. Иван Иванович видел, как баба уже поставила ногу на плетень с намерением перелезть в его двор, как вдруг послышался голос Ивана Никифоровича: „Назад! назад! не нужно!“ Однако ж Ивану Ивановичу сделалось очень скучно. Весьма могло быть, что сии достойные люди на другой же бы день помирились, если бы особенное происшествие в доме Ивана Никифоровича не уничтожило всякую надежду и не подлило масла в готовый погаснуть огонь вражды.

К Ивану Никифоровичу ввечеру того же дня приехала Агафия Федосеевна. Агафия Федосеевна не была ни родственницей, ни свояченицей, ни даже кумой Ивану Никифоровичу. Казалось бы совершенно ей не зачем было к нему ездить, и он сам был не слишком ей рад; однако ж она ездила и проживала у него по целым неделям, а иногда и более. Тогда она отбирала ключи и весь дом брала на свои руки. Это было очень неприятно Ивану Никифоровичу, однако ж он, к удивлению, слушал ее, как ребенок, и хотя иногда и пытался спорить, но всегда Агафия Федосеевна брала верх.

Я признаюсь, не понимаю, для чего это так устроено, что женщины хватают нас за нос так же ловко, как будто за ручку чайника? Или руки их так созданы, или носы наши ни на что более не годятся. И несмотря, что нос Ивана Никифоровича был несколько похож на сливу, однако ж она схватила его за этот нос и водила за собою, как собачку. Он даже изменял при ней, невольно, обыкновенный свой образ жизни: не так долго лежал на солнце, если же и лежал, то не в натуре, а всегда надевал рубашку и шаровары, хотя Агафия Федосеевна совершенно этого не требовала. Она была неохотница до церемоний, и, когда у Ивана Никифоровича была лихорадка, она сама своими руками вытирала его с ног до головы скипидаром и уксусом. Агафия Федосеевна носила на голове чепец, три бородавки на носу и кофейный капот с желтенькими цветами. Весь стан ее похож был на кадушку, и оттого отыскать ее талию было так же трудно, как увидеть без зеркала свой нос. Ножки ее были коротенькие, сформированные на образец двух подушек. Она сплетничала, и ела вареные бураки по утрам, и отлично хорошо ругалась – и при всех этих разнообразных занятиях лицо ее ни на минуту не изменяло своего выражения, что обыкновенно могут показывать одни только женщины.

Как только она приехала, всё пошло наыворот: „Ты, Иван Никифорович, не мирись с ним и не проси прощения: он тебя погубить хочет, это таковский человек! Ты его еще не знаешь.“ Шушукала, шушукала проклятая баба и сделала то, что Иван Никифорович и слышать не хотел об Иване Ивановиче.

Всё приняло другой вид: если соседняя собака затесалась когда на двор, то ее колотили, чем ни попало; ребяташки, перелазившие через забор, возвращались с воплем, с поднятыми вверх рубашонками и с знаками розг на спине. Даже самая баба, когда Иван Иванович хотел было ее спросить о чем-то, сделала такую непристойность, что Иван Иванович, как человек чрезвычайно деликатный, плюнул и

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
примолвил только: „Экая скверная баба! хуже своего пана!“

Наконец, к довершению всех оскорблений, ненавистный сосед выстроил прямо против него, где обыкновенно был перелаз чрез плетень, гусиный хлев, как будто с особенным намерением усугубить оскорбление. Этот отвратительный для Ивана Ивановича хлев выстроен был с дьявольскою скоростью: в один день.

Это возбудило в Иване Ивановиче злость и желание отомстить. Он не показал однако ж никакого вида огорчения, несмотря на то, что хлев даже захватил часть его земли; но сердце у него так билось, что ему было чрезвычайно трудно сохранять это наружное спокойствие.

Так провел он день. Настала ночь... О если б я был живописец, я бы чудно изобразил всю прелесть ночи! Я бы изобразил, как спит весь Миргород; как неподвижно глядят на него бесчисленные звезды; как видимая тишина оглашается близким и далеким лаем собак; как мимо их несется влюбленный понамарь и перелазит чрез плетень с рыцарскою бесстрашностию; как белые стены домов, охваченные лунным светом, становятся белее, осеняющие их деревья темнее, тень от дерев ложится чернее, цветы и умолкнувшая трава душистее, и сверчки, неугомонные рыцари ночи, дружно со всех углов заводят свои трескучие песни. Я бы изобразил, как в одном из этих низеньких, глиняных домиков разметававшейся на одинокой постеле чернобровой горожанке с дрожащими молодыми грудями снится гусарский ус и шпоры, а свет луны смеется на ее щеках. Я бы изобразил, как по белой дороге мелькает черная тень летучей мыши, садящейся на белые трубы домов... Но вряд ли бы я мог изобразить Ивана Ивановича, вышедшего в эту ночь с пилою в руке. Столько на лице у него было написано разных чувств! Тихо, тихо подкрался он и подлез под гусиный хлев. Собаки Ивана Никифоровича еще ничего не знали о ссоре между ними, и потому позволили ему, как старому приятелю, подойти к хлеву, который весь держался на четырех дубовых столбах; подлезши к ближнему столбу, приставил он к нему пилу и начал пилить. Шум, производимый пилою, заставлял его поминутно оглядываться; но мысль об обиде возвращала бодрость. Первый столб был подпилен; Иван Иванович принялся за другой. Глаза его горели и ничего не видали от страха. Вдруг Иван Иванович вскрикнул и обомлел: ему показался мертвец; но скоро он пришел в себя, увидевши, что это был гусь, просунувший к нему свою шею. Иван Иванович плюнул от негодования и начал продолжать работу. И второй столб подпилен: здание пошатнулось. Сердце у Ивана Ивановича начало так страшно биться, когда он принялся за третий, что он несколько раз прекращал работу; уже более половины его было подпилено, как вдруг шаткое здание сильно покачнулось... Иван Иванович едва успел отскочить, как оно рухнуло с треском. Схвативши пилу, в страшном испуге, прибежал он домой и бросился на кровать, не имея даже духа поглядеть в окно на следствия своего страшного дела. Ему казалось, что весь двор Ивана Никифоровича собрался: старая баба, Иван Никифорович, мальчик в бесконечном сюртуке, все с дрекольями, предводительствуемые Агафией Федосеевной, шли разорять и ломать его дом.

Весь следующий день провел Иван Иванович как в лихорадке. Ему всё чудилось, что ненавистный сосед в отмщение за это по крайней мере подожжет дом его. И потому он дал повеление Гапке поминутно обсматривать везде, не подложено ли где-нибудь сухой соломы. Наконец, чтобы предупредить Ивана Никифоровича, он решился забежать зайцем вперед и подать на него прошение в миргородский поветовый суд. В чем оно состояло, об этом можно узнать из следующей главы.

Глава IV

О том, что произошло в присутствии Миргородского поветового суда

Чудный город Миргород! Каких в нем нет строений! И под соломенную, и под очеретяную, даже под деревянную крышею; направо улица, налево улица, везде прекрасный плетень; по нем вьется хмель, на нем висят горшки, из-за него подсолнечник выказывает свою солнцеобразную голову, краснеет мак, мелькают толстые тыквы... Роскошь! Плетень всегда убран предметами, которые делают его еще более живописным: или напяленную плахтою, или сорочкою, или шароварами. В Миргороде нет ни воровства, ни мошенничества, и потому каждый вешает, что ему вздумается. Если будете подходить к площади, то, верно, на время остановитесь полюбоваться видом: на ней находится лужа, удивительная лужа! единственная, какую только вам удавалось когда видеть! Она занимает почти всю площадь. Прекрасная лужа! Дома и домики, которые издали можно принять за копны сена, обступивши вокруг, дивятся красоте ее.

Но я тех мыслей, что нет лучше дома, как поветовый суд. Дубовый ли он, или березовый, мне нет дела; но в нем, милостивые государи, восемь окошек! восемь окошек в ряд, прямо на площадь и на то водное пространство, о котором я уже говорил и которое городничий называет озером! Один только он окрашен цветом гранита: прочие все дома в Миргороде просто выбелены. Крыша на нем вся деревянная, и была бы даже выкрашена красною краскою, если бы приготовленное для того масло канцелярские, приправивши луком, не съели, что было как нарочно во время поста, и крыша осталась некрашеною. На площадь выступает крыльцо, на котором часто бегают куры, оттого что на крыльце всегда почти рассыпаны крупы, или что-нибудь съестное, что, впрочем, делается не нарочно, но единственно от неосторожности просителей. Он разделен на две половины: в одной присутствие, в другой арестантская. В той половине, где присутствие, находятся две комнаты чистые, выбеленные: одна передняя для просителей; в другой стол, убранный чернильными пятнами. На нем зеркало. Четыре стула дубовые с высокими спинками; возле стен сундуки, кованные железом, в которых сохранялись кипы поветовой ябеды. На одном из этих сундуков стоял тогда сапог, вычищенный ваксою. Присутствие началось еще с утра. Судья довольно полный человек, хотя несколько тонее Ивана Никифоровича, с доброю миною, в замасленном халате, с трубкою и чашкою чаю, разговаривал с подсудком. У судьи губы находились под самым носом, и оттого нос его мог нюхать верхнюю губу, сколько душе угодно было. Эта губа служила ему вместо табакерки, потому что табак, адресуемый в нос, почти всегда сеялся на нее. Итак судья разговаривал с подсудком. Босая девка держала в стороне поднос с чашками.

В конце стола секретарь читал решение дела, но таким однообразным и унылым тоном, что сам подсудимый заснул бы слушая. Судья, без сомнения, это бы сделал прежде всех, если бы не вошел в занимательный между тем разговор.

„Я нарочно старался узнать“, говорил судья, прихлебывая чай уже с простывшей чашки: „каким образом это делается, что они поют хорошо. У меня был славный дрозд, года два тому назад. Что ж? вдруг испортился совсем. Начал петь бог знает что. Чем далее хуже, хуже, стал картавить, хрипеть, хоть выбрось! А ведь самый вздор! это вот отчего делается: под горлышком делается бобон, меньше горошинки. Этот бобончик нужно только проколоть иголкою. Меня научил этому Захар Прокофьевич, и именно, если хотите, я вам расскажу, каким это было образом: приезжаю я к нему...“

„Прикажете, Демьян Демьянович, читать другое?“ прервал секретарь, уже несколько минут как окончивший чтение.

„А вы уже прочитали? Представьте, как скоро! Я и не услышал ничего! Да где ж оно? дайте его сюда, я подпишу. Что там еще у вас?“

„Дело козака Бокитька о краденой корове.“

„Хорошо, читайте! Да, так приезжаю я к нему... Я могу даже рассказать вам подробно, как он угостил меня. К водке был подан балык, единственный! Да, не нашего балыка, которым“, при этом судья сделал языком и улыбнулся, причем нос понюхал свою всегдашнюю табакерку, „которым угощает наша бакалейная миргородская лавка. Селедки я не ел, потому что, как вы сами знаете, у меня от нее делается изжога под ложечкою. Но икры отведал; прекрасная икра! нечего сказать, отличная! Потом выпил я водки персиковой, настоенной на золототысячник. Была и шафранная; но шафранной, как вы сами знаете, я не употребляю. Оно, видите, очень хорошо: наперед, как говорят, раззадорить аппетит, а потом уже завершить... А! слыхом слышать, видом видать...“ вскричал вдруг судья, увидев входящего Ивана Ивановича.

„Бог в помощь! желаю здравствовать!“ произнес Иван Иванович, поклонившись на все стороны с свойственною ему одному приятностию. Боже мой, как он умел обворожить всех своим обращением! Тонкости такой я нигде не видывал. Он знал очень хорошо сам свое достоинство и потому на всеобщее почтение смотрел, как на должное. Судья сам подал стул Ивану Ивановичу, нос его потянул с верхней губы весь табак, что всегда было у него знаком большого удовольствия.

„Чем прикажете потчевать вас, Иван Иванович?“ спросил он. „Не прикажете ли чашку чаю?“

„Нет, весьма благодарю“, отвечал Иван Иванович, поклонился и сел.

„Сделайте милость, одну чашечку!“ повторил судья.

„Нет, благодарю. Весьма доволен гостеприимством!“ отвечал Иван Иванович, поклонился и сел.

„Одну чашку“, повторил судья.

„Нет, не беспокойтесь, Демьян Демьянович!“ При этом Иван Иванович поклонился и сел.

„Чашечку?“

„Уж так и быть, разве чашечку!“ произнес Иван Иванович и протянул руку к подносу.

Господи боже! какая бездна тонкости бывает у человека! Нельзя рассказать, какое приятное впечатление производят такие поступки!

„Не прикажете ли еще чашечку?“

„Покорно благодарствую“, отвечал Иван Иванович, ставя на поднос опрокинутую чашку и кланяясь.

„Сделайте одолжение, Иван Иванович!“

„Не могу. Весьма благодарен.“ При этом Иван Иванович поклонился и сел.

„Иван Иванович! сделайте дружбу, одну чашечку!“

„Нет, весьма обязан за угощение.“ Сказавши это, Иван Иванович поклонился и сел.

„Только чашечку! одну чашечку!“

Иван Иванович протянул руку к подносу и взял чашку.

Фу ты пропасть! как может, как найдется человек поддержать свое достоинство!

„Я, Демьян Демьянович“, говорил Иван Иванович, допивая последний глоток: „я к вам имею необходимое дело: я подаю позов.“ При этом Иван Иванович поставил чашку и вынул из кармана написанный гербовый лист бумаги. „Позов на врага своего, на заклятого врага.“

„На кого же это?“

„На Ивана Никифоровича Довгочхуна.“

При этих словах судья чуть не упал со стула. „Что вы говорите!“ произнес он, всплеснув руками: „Иван Иванович! вы ли это?“

„Видите сами, что я.“

„Господь с вами и все святые! Как! вы! Иван Иванович! стали неприятелем Ивану Никифоровичу! Ваши ли это уста говорят? повторите еще! Да не спрятался ли у вас кто-нибудь сзади и говорит вместо вас?..“

„Что ж тут невероятного. Я не могу смотреть на него; он нанес мне смертную обиду, оскорбил честь мою.“

„Пресвятая троица! как же мне теперь уверить матушку! А она, старушка, каждый день, как только мы поссоримся с сестрою, говорит: вы, детки, живете между собою, как собаки. Хоть бы вы взяли пример с Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Вот уж друзья, так друзья! то-то приятели! то-то достойные люди! – Вот тебе и приятели! Расскажите, за что же это? как?“

„Это дело деликатное, Демьян Демьянович! на словах его нельзя рассказать. Прикажите лучше прочитать просьбу. Вот, возьмите с этой стороны, здесь приличнее.“

„Прочитайте, Тарас Тихонович!“ сказал судья, оборотившись к секретарю.

Тарас Тихонович взял просьбу и, высморкавшись таким образом, как сморкают все секретари по поветовым судам, с помощью двух пальцев, начал читать:

„От дворянина Миргородского повета и помещика Ивана Иванова сына Перерепенка прошение; а о чем, тому следуют пункты:

1) Известный всему свету своими богопротивными, в омерзение приводящими и всякую меру превышающими законопреступными поступками, дворянин Иван Никифоров, сын Довгочхун, сего 1810 года июля 7 дня учинил мне смертельную обиду, как персонально до чести моей относящуюся, так равномерно в уничижение и конфузию чина моего и фамилии. Оный дворянин и сам притом гнусного вида, характер имеет бранчивый и преисполнен разного рода богохулениями и бранными словами!“

Тут чтец немного остановился, чтобы снова высморкаться, а судья с благоговением сложил руки и только говорил про себя: „Что за бойкое перо! Господи боже! как пишет этот человек!“

Иван Иванович просил читать далее и Тарас Тихонович продолжал:

„Оный дворянин, Иван Никифоров сын Довгочхун, когда я пришел к нему с дружескими предложениями, назвал меня публично обидным и поносным для чести моей именем, а именно гусакон, тогда как известно всему Миргородскому повету, что сим гнусным животным я никогда отнюдь не именовался и впредь именоваться не намерен. Доказательством же дворянского моего происхождения есть то, что в метрической книге, находящейся в церкви Трех Святителей, записан как день моего рождения, так равномерно и полученное мною крещение. Гусак же, как известно всем, кто сколько-нибудь сведущ в науках, не может быть записан в метрической книге, ибо гусак есть не человек, а птица, что уже всякому, даже не бывавшему в семинарии, достоверно известно. Но оный злокачественный дворянин, будучи обо всем этом сведущ, не для чего иного, как чтобы нанести смертельную для моего чина и звания обиду, обругал меня оным гнусным словом.

2) Сей же самый неблагопристойный и неприличный дворянин посягнул притом на мою родовую, полученную мною после родителя моего, состоявшего в духовном звании, блаженной памяти Ивана Онисиева сына Перерепенка, собственность, тем, что в противность всяким законам перенес совершенно насупротив моего крыльца гусиный хлев, что делалось не с иным каким намерением, как чтоб усугубить нанесенную мне обиду; ибо оный хлев стоял до сего в изрядном месте и довольно еще был крепок. Но омерзительное намерение вышеупомянутого дворянина состояло единственно в том, чтобы учинить меня свидетелем непристойных пассажей; ибо известно, что всякой человек не пойдет в хлев, тем паче в гусиный, для приличного дела. При таком противозаконном действии, две передние сохи захватили собственную мою землю, доставшуюся мне еще при жизни от родителя моего, блаженной памяти Ивана Онисиева сына Перерепенка, начинавшуюся от амбара и прямою линией до самого того места, где бабы моят горшки.

3) Вышеизображенный дворянин, которого уже самое имя и фамилия внушает всякое омерзение, питает в душе злостное намерение поджечь меня в собственном доме. Несомненные чему признаки из нижеследующего явствуют: во-1-х, оный злокачественный дворянин начал выходить часто из своих покоев, чего прежде никогда, по причине своей лености и гнусной тучности тела, не предпринимал; во-2-х, в людской его, примыкающей о самый забор, ограждающий мою собственную, полученную мною от покойного родителя моего, блаженной памяти Ивана Онисиева сына Перерепенка, землю, ежедневно и в необычайной продолжительности горит свет, что уже явное есть к тому доказательство, ибо до сего, по скарденной его скупости, всегда не только сальная свеча, но даже каганец был потушаем.

И потому прошу оногo дворянина Ивана Никифорова сына Довгочхуна, яко повинного в зажигательстве, в оскорблении моего чина, имени и фамилии и в хищническом присвоении собственности, а паче всего в подлом и предосудительном присвокуплении к фамилии моей названия Гусака ко взысканию штрафа, удовлетворения проторей и убытков присудить, и самого, яко нарушителя, в кандалы забить и заковавши в городскую тюрьму препроводить, и по сему моему прошению решение немедленно и неукоснительно учинить. Писал и сочинял дворянин, Миргородский помещик Иван Иванов сын Перерепенко.“

По прочтении просьбы, судья приблизился к Ивану Ивановичу, взял его за пуговицу и начал говорить ему почти таким образом: „Что это вы делаете, Иван Иванович? Бога бойтесь! бросьте просьбу, пусть она пропадает! (сатана приснись ей!) Возьмитесь лучше с Иваном Никифоровичем за руки, да поцелуйтесь, да купите сантуринского, или никопольского, или хоть просто сделайте пуншику, да позовите меня! Разольем вместе и позабудем всё!“

„Нет, Демьян Демьянович! не такое дело“, сказал Иван Иванович с важностью, которая так всегда шла к нему. „Не такое дело, чтобы можно было решить любовною сделкою. Прощайте! прощайте и вы, господа!“ продолжал он с тою же важностью, оборотившись ко всем. „Надеюсь, что моя просьба возьмет надлежащее действие“, и ушел, оставив в изумлении всё присутствие.

Судья сидел, не говоря ни слова. Секретарь нюхал табак, канцелярские опрокинули разбитый черепок бутылки, употребляемый вместо чернильницы, и сам судья в рассеянности разводил пальцем по столу чернильную лужу.

„Что вы скажете на это, Дорофей Трофимович?“ сказал судья, после некоторого молчания обратившись к подсудку.

„Ничего не скажу“, отвечал подсудок.

„Экие дела делаются!“ продолжал судья. Не успел он этого сказать, как дверь затрещала и передняя половина Ивана Никифоровича высадилась в присутствие; остальная оставалась еще в передней. Появление Ивана Никифоровича, и еще в суд, так показалось необыкновенным, что судья вскрикнул; секретарь прервал свое чтение. Один канцелярист, в фризовой подобию полуфрака, взял в губы перо; другой проглотил муху. Даже отправлявший должность фельдъегеря и сторожа инвалид, который до того стоял у дверей, почесывая в своей грязной рубашке, с нашивкою на плече, даже этот инвалид разинул рот и наступил кому-то на ногу.

„Какими судьбами! что и как? Как здоровье ваше, Иван Никифорович?“

Но Иван Никифорович был ни жив, ни мертв, потому что завязнул в дверях и не мог сделать ни шагу вперед или назад. Напрасно судья кричал в переднюю, чтобы кто-нибудь из находившихся там выпер сзади Ивана Никифоровича в присутственную залу. В передней находилась одна только старуха-просительница, которая, несмотря на все усилия своих костистых рук, ничего не могла сделать. Тогда один из канцелярских, с толстыми губами, с широкими плечами, с толстым носом, глазами, глядевшими скоса и пьяна, с разодранными локтями, приблизился к передней половине Ивана Никифоровича, сложил ему обе руки на-крест, как ребенку, и мигнул старому инвалиду, который уперся своим коленом в брюхо Ивана Никифоровича, и несмотря на жалобные стоны, вытиснул он был в переднюю. Тогда отодвинули задвижки и отворили вторую половинку дверей. Причем канцелярский и его помощник, инвалид, от дружных усилий дыханием уст своих распространили такой сильный запах, что комната присутствия превратилась было на время в питейный дом.

„Не зашибли ли вас, Иван Никифорович? Я скажу матушке, она пришлет вам настойки, которою потрите только поясницу и спину, и всё пройдет.“

Но Иван Никифорович повалился на стул и кроме продолжительных охов ничего не мог сказать. Наконец слабым, едва слышным от усталости голосом, произнес он: „не угодно ли?“ и вынувши из кармана рожок, прибавил: „возьмите, одолжайтесь!“

„Весьма рад, что вас вижу“, отвечал судья. „Но всё не могу представить себе, что заставило вас предпринять труд и одолжить нас такую приятною нечаянностью.“

„С просьбою...“ мог только произнести Иван Никифорович.

„С просьбою? с какою?“

„С позвом...“ тут одышка произвела долгую паузу: „ох!.. с позвом на мошенника... Ивана Иванова Перерепенка.“

„Господи! и вы туда! такие редкие друзья! Позов на такого добродетельного человека!..“

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
„Он сам сатана!“ произнес отрывисто Иван Никифорович.

Судья перекрестился.

„Возьмите просьбу, прочитайте.“

„Нечего делать, прочитайте, Тарас Тихонович“, сказал судья, обращаясь к секретарю, с видом неудовольствия, причем нос его невольно понюхал верхнюю губу, что обыкновенно он делал прежде только от большого удовольствия. Такое самоуправство носа причинило судье еще более досады. Он вынул платок и смел с верхней губы весь табак, чтобы наказать дерзость его.

Секретарь, сделавши обыкновенный свой приступ, который он всегда употреблял перед начатием чтения, то есть без помощи носового платка, начал обыкновенным своим голосом таким образом:

„Просит дворянин Миргородского повета Иван Никифоров сын Довгочун, а о чем, тому следуют пункты:

1) По ненавистной злобе своей и явному недоброжелательству, называющий себя дворянином, Иван Иванов сын Перерепенко всякие пакости, убытки и иные ехидненские и в ужас приводящие поступки мне чинит и вчерашнего дня пополудни, как разбойник и тать, с топорами, пилами, долотами и иными слесарными орудиями, забрался ночью в мой двор и в находящийся в оном мой же собственный хлев. Собственноручно и поносным образом его изрубил. На что с моей стороны я не подавал никакой причины к столь противозаконному и разбойническому поступку.

2) Оный же дворянин Перерепенко имеет посягательство на самую жизнь мою и до 7-го числа прошлого месяца, держа втайне сие намерение, пришел ко мне и начал дружеским и хитрым образом выпрашивать у меня ружье, находившееся в моей комнате, и предлагал мне за него, с свойственной ему скупостью, многие негодные вещи, как-то: свинью бурую и две мерки овса. Но предугадывая тогда же преступное его намерение, я всячески старался от оного уклонить его, но оный мошенник и подлец Иван Иванов сын Перерепенко выбрал меня мужчицким образом и питает ко мне с того времени вражду непримиримую. Притом же оный, часто поминаемый, неистовый дворянин и разбойник Иван Иванов сын Перерепенко и происхождения весьма поносного: его сестра была известная всему свету потаскуха и ушла за егерскою ротю, стоявшею назад тому пять лет в Миргороде; а мужа своего записала в крестьяне. Отец и мать его тоже были пребеззаконные люди и оба были невообразимые пьяницы. Упоминаемый же дворянин и разбойник Перерепенко своими скотоподобными и порицания достойными поступками превзошел всю свою родню и под видом благочестия делает самые соблазнительные дела. Постов не содержит; ибо накануне Филиповки сей богоотступник купил барана и на другой день велел нарезать своей беззаконной девке Гапке, оговариваясь, аки бы ему нужно было под тот час сало на каганцы и свечи.

Посему прошу оного дворянина, яко разбойника, святотатца, мошенника, уличенного уже в воровстве и грабительстве, в кандалы заковать, и в тюрьму или государственный острог препроводить, и там уже по усмотрению, лиша чинов и дворянства, добре барбарами шмаровать и в Сибирь на каторгу по надобности заточить, проторы, убытки велеть ему заплатить и по сему моему прошению решение учинить. – К сему прошению руку приложил дворянин Миргородского повета Иван Никифоров сын Довгочун.“

Как только секретарь кончил чтение, Иван Никифорович взялся за шапку и поклонился, с намерением уйти.

„Куда же вы, Иван Никифорович?“ говорил ему вслед судья. „Посидите немного! выпейте чаю! Орышко! что ты стоишь, глупая девка, и перемигиваешься с канцелярскими, ступай, принеси чаю!“

Но Иван Никифорович, с испугу, что так далеко зашел от дому и выдержал такой опасный карантин, успел уже пролезть в дверь, проговорив: „Не беспокойтесь, я с удовольствием...“ и затворил ее за собою, оставив в изумлении всё присутствие.

Делать было нечего. Обе просьбы были приняты и дело готовилось принять довольно важный интерес, как одно непредвиденное обстоятельство сообщило ему еще бо́льшую занимательность. Когда судья вышел из присутствия в сопровождении подсудка и

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru секретаря, а канцелярские укладывали в мешок нанесенных просителями кур, яиц, краюх хлеба, пирогов, книшей и прочего дрязгу, в это время бурая свинья вбежала в комнату и схватила, к удивлению присутствовавших, не пирог или хлебную корку, но прошение Ивана Никифоровича, которое лежало на конце стола, перевесившись листами вниз. Схвативши бумагу, бурая хавронья убежала так скоро, что ни один из приказных чиновников не мог догнать ее, несмотря на кидаемые линейки и чернильницы.

Это чрезвычайное происшествие произвело страшную суматоху, потому что даже копия не была еще списана с нее. Судья, т. е. его секретарь и подсудок, долго трактовали об таком неслыханном обстоятельстве; наконец решено было на том, чтобы написать об этом отношении к городничему, так как следствие по этому делу более относилось к гражданской полиции. Отношение за № 389 послано было к нему того же дня, и по этому самому произошло довольно любопытное объяснение, о котором читатели могут узнать из следующей главы.

Глава V

В которой излагается совещание двух почетных в Миргороде особ

Как только Иван Иванович управился в своем хозяйстве и вышел, по обыкновению, полежать под навесом, как к несказанному удивлению своему увидел что-то красневшее в калитке. Это был красный обшлаг городничего, который, равномерно как и воротник его, получил политуру и по краям превращался в лакированную кожу. Иван Иванович подумал про себя: „Недурно, что пришел Петр Федорович поговорить, но очень удивился, увидя, что городничий шел чрезвычайно скоро и размахивал руками, что случалось с ним, по обыкновению, весьма редко. На мундире у городничего посажено было восемь пуговиц, девятая как оторвалась во время процессии при освящении храма назад тому два года, так до сих пор десятские не могут отыскать, хотя городничий при ежедневных рапортах, которые отдают ему квартальные надзиратели, всегда спрашивает, нашлась ли пуговица. Эти восемь пуговиц были насажены у него таким образом, как бабы садят бобы: одна направо, другая налево. Левая нога была у него прострелена в последней кампании, и потому он, прихрамывая, закидывал ею так далеко в сторону, что разрушал этим почти весь труд правой ноги. Чем быстрее действовал городничий своею пехотою, тем менее она подвигалась вперед. И потому покамест дошел городничий к навесу, Иван Иванович имел довольно времени теряться в догадках, отчего городничий так скоро размахивал руками. Тем более это его занимало, что дело казалось необыкновенной важности, ибо при нем была даже новая шпага. – „Здравствуйте, Петр Федорович!“ вскричал Иван Иванович, который, как уже сказано, был очень любопытен и никак не мог удержать своего нетерпения при виде, как городничий брал приступом крыльцо, но всё еще не поднимал глаз своих вверх и ссорился с своей пехотою, которая никаким образом не могла с одного размаху взойти на ступеньку.

„Доброго дня желаю любезному другу и благодетелю, Ивану Ивановичу!“ отвечал городничий.

„Милости прошу садиться. Вы, как я вижу, устали, потому что ваша раненая нога мешает...“

„Моя нога!“ вскрикнул городничий, бросив на Ивана Ивановича один из тех взглядов, какие бросает великан на пигмея, ученый педант на танцовального учителя. При этом он вытянул свою ногу и топнул ею об пол. Эта храбрость однако ж ему дорого стоила, потому что весь корпус его покачнулся и нос клюнул перилы; но мудрый блюститель порядка, чтоб не подать никакого вида, тотчас оправился и полез в карман, как будто бы с тем, чтобы достать табакерку. „Я вам доложу о себе, любезнейший друг и благодетель Иван Иванович, что я дельвал на веку своем не такие походы. Да, серьезно, дельвал. Например, во время кампании 1807 года... Ах, я вам расскажу, каким манером я перелез через забор к одной хорошенькой немке.“ При этом городничий зажмурил один глаз и сделал бесовски плутовскую улыбку.

„Где ж вы бывали сегодня?“ спросил Иван Иванович, желая прервать городничего и скорее навести его на причину посещения; ему бы очень хотелось спросить, что такое намерен объявить городничий; но тонкое познание света представляло ему всю неприличность такого вопроса, и Иван Иванович должен был скрепиться и ожидать разгадки, между тем как сердце его колотилось с необыкновенною силою.

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
„А позвольте, я вам расскажу, где был я“, отвечал городничий. „Во-первых, доложу вам, что сегодня отличное время..“

При последних словах Иван Иванович почти что не умер.

„Но позвольте“, продолжал городничий. „Я пришел сегодня к вам по одному весьма важному делу.“ Тут лицо городничего и осанка приняли то же самое озабоченное положение, с которым брал он приступом крыльцо. Иван Иванович ожил и трепетал, как в лихорадке, не замедливши, по обыкновению своему, сделать вопрос: „Какое же оно, важное? разве оно важное?“

„Вот извольте видеть: прежде всего осмелюсь доложить вам, любезный друг и благодетель Иван Иванович, что вы... с моей стороны я, извольте видеть, я ничего, но виды правительства, виды правительства этого требуют: вы нарушили порядок благочиния!“

„Что это вы говорите, Петр Федорович? Я ничего не понимаю.“

„Помилуйте, Иван Иванович! Как вы ничего не понимаете? Ваша собственная животина утащила очень важную казенную бумагу, и вы еще говорите после этого, что ничего не понимаете!“

„Какая животина?“

„С позволения сказать, ваша собственная бурая свинья.“

„А я чем виноват? Зачем судейский сторож отворяет двери!“

„Но, Иван Иванович, ваше собственное животное, стало быть вы виноваты.“

„Покорно благодарю вас за то, что с свиньей меня равняете.“

„Вот уж этого я не говорил, Иван Иванович! Ей богу, не говорил! извольте рассудить по чистой совести сами; вам, без всякого сомнения, известно, что, согласно с видами начальства, запрещено в городе, тем же паче в главных градских улицах, прогуливаться нечистым животным. Согласитесь сами, что это дело запрещенное.“

„Бог знает, что это вы говорите? Большая важность, что свинья вышла на улицу!“

„Позвольте вам доложить, позвольте, позвольте, Иван Иванович, это совершенно невозможно. Что ж делать? Начальство хочет – мы должны повиноваться. Не спорю, забегают иногда на улицу и даже на площадь куры и гуси, заметьте себе: куры и гуси; но свиней и козлов я еще в прошлом году дал предписание не впускать на публичные площади. Которое предписание тогда же приказал прочитать изустно, в собрании, пред целым народом.“

„Нет, Петр Федорович, я здесь ничего не вижу, как только то, что вы всячески стараетесь обижать меня.“

„Вот этого-то не можете сказать, любезнейший друг и благодетель, чтобы я старался обижать. Вспомните сами: я не сказал вам ни одного слова прошлый год, когда вы выстроили крышу целым аршином выше установленной меры. Напротив я показал вид, как будто совершенно этого не заметил. Верьте, любезнейший друг, что и теперь бы я совершенно, так сказать... но мой долг, словом обязанность требует смотреть за чистотою. Посудите сами, когда вдруг на главной улице...“

„Уж хороши ваши главные улицы! Туда всякая баба идет выбросить то, что ей не нужно.“

„Позвольте вам доложить, Иван Иванович, что вы сами обижаете меня! Правда, это случается иногда, но по большей части только под забором, сараями или каморами; но чтоб на главной улице, на площадь втесалась супоросная свинья, это такое дело...“

„Что ж такое, Петр Федорович! Ведь свинья творение божие!“

„Согласен. Это всему свету известно, что вы человек ученый, знаете науки и

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogo1nikolai.ru
прочие разные предметы. Конечно я наукам не обучался никаким: скорописному письму я начал учиться на тридцатом году своей жизни. Ведь я, как вам известно, из рядовых.“

„Гм!“ сказал Иван Иванович.

„Да“, продолжал городничий: „в 1801 году я находился в 42 егерском полку в 4 роте поручиком. Ротный командир у нас был, если изволите знать, капитан Еремеев.“ При этом городничий запустил свои пальцы в табакерку, которую Иван Иванович держал открытою и переминал табак.

Иван Иванович отвечал: „Гм.“

„Но мой долг“, продолжал городничий: „есть повиноваться требованиям правительства. Знаете ли вы, Иван Иванович, что похитивший в суде казенную бумагу подвергается, наравне со всяким другим преступлением, уголовному суду.“

„Так знаю, что, если хотите, и вас научу. Так говорится о людях, например, если бы вы украли бумагу; но свинья животное, творение божие!“

„Всё так, но закон говорит: виновный в похищении... прошу вас прислушаться внимательно: виновный! Здесь не означает ни рода, ни пола, ни звания, стало быть и животное может быть виновно. Воля ваша, а животное прежде произнесения приговора к наказанию должно быть представлено в полицию как нарушитель порядка.“

„Нет, Петр Федорович!“ возразил хладнокровно Иван Иванович. „Этого-то не будет!“

„Как вы хотите, только я должен следовать предписаниям начальства.“

„Что ж вы страшаете меня? Верно хотите прислать за нею безрукого солдата. Я прикажу дворовой бабе его кочергой выпроводить. Ему последнюю руку переломят.“

„Я не смею с вами спорить. В таком случае, если вы не хотите представить ее в полицию, то пользуйтесь ею как вам угодно. Заколите, когда желаете, ее к рождеству и наделайте из нее окороков, или так съедите. Только я бы у вас попросил, если будете делать колбасы, пришлите мне парочку тех, которые у вас так искусно делает Гапка из свиной крови и сала. Моя Аграфена Трофимовна очень их любит.“

„Колбас, извольте, пришлю парочку.“

„Очень вам буду благодарен, любезный друг и благодетель. Теперь позвольте вам сказать еще одно слово: я имею поручение, как от судьи, так равно и от всех наших знакомых, так сказать, примирить вас с приятелем вашим, Иваном Никифоровичем.“

„Как! с невежею! чтобы я примирился с этим грубияном! Никогда! Не будет этого, не будет!“ Иван Иванович был в чрезвычайно решительном состоянии.

„Как вы себе хотите“, отвечал городничий, угощая обе ноздри табаком. „Я сам не смею советовать; однако ж позвольте доложить: вот вы теперь в ссоре, а как помиритесь...“

Но Иван Иванович начал говорить о ловле перепелов, что обыкновенно случалось, когда он хотел замять речь.

Итак городничий, не получив никакого успеха, должен был отправиться во-свояси.

Глава VI

Из которой читатель легко может узнать всё то, что в ней содержится

Сколько ни старались в суде скрыть дело, но на другой же день весь Миргород узнал, что свинья Ивана Ивановича утащила просьбу Ивана Никифоровича. Сам городничий, первый позабывшись, проговорился. Когда Ивану Никифоровичу сказали об этом, он ничего не сказал, спросил только: не бурая ли?

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Но Агафия Федосеевна, которая была при этом, начала опять приступать к Ивану Никифоровичу: „Что ты, Иван Никифорович? над тобой будут смеяться, как над дураком, если ты попустишь! Какой ты после этого будешь дворянин! Ты будешь хуже бабы, что продает сладёны, которые ты так любишь.“ И уговорила неугомонная! Нашла где-то человечка средних лет, черномазого, с пятнами по всему лицу, в темносинем с заплатами на локтях сюртуке, совершенную приказную чернильницу! Сапоги он смазывал дегтем, носил по три пера за ухом и привязанный к пуговице на шнурочке стеклянный пузырек вместо чернильницы; съедал за одним разом девять пирогов, а десятый клал в карман, и в один гербовый лист столько уписывал всякой ябеды, что никакой чтец не мог за одним разом прочесть, не перемежая этого кашлем и чиханьем. Это небольшое подобие человека копалось, корпело, писало и наконец состряпало такую бумагу:

„В Миргородский Поветовый Суд от дворянина Ивана Никифорова сына Довгочхуна.

Вследствие оного прошения моего, что от меня, дворянина Ивана Никифорова сына Довгочхуна к тому имело быть, совокупно с дворянином Иваном Ивановым сыном Перерепенком; чему и сам Поветовый Миргородский Суд потворство свое изъявил. И самое оно нахальное самоуправство бурой свиньи, будучи втайне содержимо и уже от сторонних людей до слуха дошедши. Понеже оно допущение и потворство, яко злоумышленное, суду неукоснительно подлежит; ибо она свинья есть животное глупое, и тем паче способное к хищению бумаги. Из чего очевидно явствует, что часто поминаемая свинья не иначе, как была подущена к тому самим противником, называющим себя дворянином Иваном Ивановым сыном Перерепенком, уже уличенном в разбое, посягательстве на жизнь и святотатстве. Но оный Миргородский Суд, с свойственным ему лицепрятием, тайное своей особы соглашение изъявил; без какого соглашения она свинья никоим бы образом не могла быть допущенною к утащению бумаги: ибо Миргородский Поветовый Суд в прислуге весьма снабжен, для сего довольно уже назвать одного солдата, во всякое время в приемной пребывающего, который хотя имеет один кривой глаз и несколько поврежденную руку, но чтобы выгнать свинью и ударить ее дубиной, имеет весьма соразмерные способности. Из чего достоверно видно потворство оного Миргородского Суда и бесспорно разделение жидовского от того барыша по взаимности совмещаясь. Оный же вышеупомянутый разбойник и дворянин Иван Иванов сын Перерепенко в приточении ошельмовавшись состоялся. Почему и довожу оному Поветовому Суду я, дворянин Иван Никифоров сын Довгочхун, в надлежащее всеведение, если с оной бурой свиньи, или согласившегося с нею дворянина Перерепенка означенная просьба взыщана не будет, и по ней решение по справедливости и в мою пользу не возымеет: то я, дворянин Иван Никифоров сын Довгочхун, о таком оного Суда противозаконном потворстве, подать жалобу в Палату имею с надлежащим по форме перенесением дела. – Дворянин Миргородского повета Иван Никифоров сын Довгочхун.“

Эта просьба произвела свое действие: судья был человек, как обыкновенно бывают все добрые люди, трусливого десятка. Он обратился к секретарю. Но секретарь пустил сквозь губы густой „гм“ и показал на лице своем ту равнодушную и дьявольски двусмысленную мину, которую принимает один только сатана, когда видит у ног своих прибегающую к нему жертву. Одно средство оставалось: примирить двух приятелей. Но как приступить к этому, когда все покушения были до того неуспешны? Однако ж еще решились попытаться; но Иван Иванович напрямик объявил, что не хочет, и даже весьма рассердился. Иван Никифорович вместо ответа оборотился спиною назад и хоть бы слово сказал. Тогда процесс пошел с необыкновенною быстротою, которою обыкновенно так славятся судилища. Бумагу поместили, записали, выставили нумер, вшили, расписались, всё в один и тот же день, и положили в шкаф, где оно лежало, лежало, лежало год, другой, третий; множество невест успело выйти замуж, в Миргороде пробили новую улицу, у судьи выпал один коренной зуб и два боковых, у Ивана Ивановича бегало по двору больше ребятишек, нежели прежде; откуда они взялись, бог один знает! Иван Никифорович в упрек Ивану Ивановичу выстроил новый гусиный хлев, хотя немного подальше прежнего, и совершенно застроился от Ивана Ивановича, так что сии достойные люди никогда почти не видали в лицо друг друга – и дело всё лежало, в самом лучшем порядке, в шкафу, который сделался мраморным от чернильных пятен.

Между тем произошел чрезвычайно важный случай для всего Миргорода.

Городничий давал асамблею! Где возьму я кистей и красок, чтоб изобразить разнообразие съезда и великолепное пиршество? Возьмите часы, откройте их и посмотрите, что там делается! Не правда ли, чепуха страшная? Представьте же теперь себе, что почти столько же, если не больше, колес стояло среди двора

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
городничего. Каких бричек и повозок там не было! Одна – зад широкий, а перед узенький; другая – зад узенький, а перед широкий. Одна была и бричка и повозка вместе; другая ни бричка, ни повозка; иная была похожа на огромную копну сена, или на толстую купчиху; другая на растрепанного жида, или на скелет, еще не совсем освободившийся от кожи; иная была в профиле совершенная трубка с чубуком; другая была ни на что не похожа, представляя какое-то странное существо, совершенно безобразное и чрезвычайно фантастическое. Из среды этого хаоса колес и козел возвышалось подобие кареты с комнатным окном, перекрещенным толстым переплетом. Кучера в серых чекменях, свитках и серяках, в бараньих шапках и разнокалиберных фуражках, с трубками в руках, проводили по двору распряженных лошадей. Что за асамблею дал городничий! Позвольте, я перечту всех, которые были там: Тарас Тарасович, Евпл Акинфович, Евтихий Евтихиевич, Иван Иванович, не тот Иван Иванович, а другой, Савва Гаврилович, наш Иван Иванович, Елевферий Елевфериевич, Макар Назарьевич, Фома Григорьевич... Не могу далее! не в силах! Рука устаёт писать! А сколько было дам! смуглых и белолицых, длинных и коротеньких, толстых, как Иван Никифорович, и таких тонких, что, казалось, каждую можно было упрятать в шпажные ножны городничего. Сколько чепцов! сколько платьев! красных, желтых, кофейных, зеленых, синих, новых, перелицованных, перекроенных, платков, лент, ридикулей! Прощайте, бедные глаза! вы никуда не будете годиться после этого спектакля. А какой длинный стол был вытянут! А как разговорилось всё – какой шум подняли! Куда против этого мельница со всеми своими жерновами, колесами, шестерней, ступами! Не могу вам сказать наверно, о чем они говорили, но должно думать, что о многих приятных и полезных вещах, как то: о погоде, о собаках, о пшенице, о чепчиках, о жеребцах. Наконец Иван Иванович, не тот Иван Иванович, а другой, у которого один глаз крив, сказал: „Мне очень странно, что правый глаз мой (кривой Иван Иванович всегда говорил о себе иронически) не видит Ивана Никифоровича г-на Довгочхуна.“ – „Не хотел притти!“ сказал городничий.

„Как так?“

„Вот уже, слава богу, есть два года, как поссорились они между собою, т. е. Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, и где один, туда другой ни за что не пойдет!“

„Что вы говорите!“ При этом кривой Иван Иванович поднял глаза вверх и сложил руки вместе. „Что ж теперь, если уже люди с добрыми глазами не живут в мире, где же жить мне в ладу с кривым моим оком!“ На эти слова все засмеялись во весь рот. Все очень любили кривого Ивана Ивановича за то, что он отпускал шутки совершенно во вкусе нынешнем; сам высокий худощавый человек в байковом сюртуке с пластырем на носу, который до того сидел в углу и ни разу не переменил движения на своем лице, даже когда залетела к нему в нос муха, этот самый господин встал с своего места и подвинулся ближе к толпе, обступившей кривого Ивана Ивановича. „Послушайте!“ сказал кривой Иван Иванович, когда его окружило порядочное общество. „Послушайте, вместо того, что вы теперь заглядываетесь на мое кривое око, давайте, вместо этого, помирим двух наших приятелей! Теперь Иван Иванович разговаривает с бабами и девчатами, пошлем потихоньку за Иваном Никифоровичем, да и столкнем их вместе.“

Все единодушно приняли предложение Ивана Ивановича и положили немедленно послать к Ивану Никифоровичу на дом просить его, во что бы ни стало, приехать к городничему на обед. Но важный вопрос: на кого возложить это важное поручение? повергнул всех в недоумение. Долго спорили, кто способнее и искуснее в дипломатической части; наконец единодушно решили возложить всё это на Антона Прокофьевича Голопузя. Но прежде нужно несколько познакомить читателя с этим замечательным лицом. Антон Прокофьевич был совершенно добродетельный человек во всем значении этого слова: даст ли ему кто из почетных людей в Миргороде платок на шею, или исподнее – он благодарит; щелкнет ли его кто слегка в нос, он и тогда благодарит. Если у него спрашивали: отчего это у вас, Антон Прокофьевич, сюртук коричневый, а рукава голубые? то он обыкновенно всегда отвечал: „А у вас и такого нет! Подождите, обносится, весь будет одинаковый!“ И точно: голубое сукно, от действия солнца, начало обрастаться в коричневое и теперь совершенно подходит под цвет сюртука; но вот что странно, что Антон Прокофьевич имеет обыкновение суконное платье носить летом, а нанковое зимою. Антон Прокофьевич не имеет своего дома. У него был прежде на конце города, но он его продал и на вырученные деньги купил тройку гнедых лошадей и небольшую бричку, в которой разъезжал гостить по помещикам. Но так как с ними много было хлопот и притом нужны были деньги на овес, то Антон Прокофьевич их променял на скрипку и дворовую девку, взявши придачи двадцатипятирублевую бумажку. Потом скрипку Антон

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Прокофьевич продал, а девку променял за кiset сафьянный с золотом. И теперь у него кiset такой, какого ни у кого нет. За это наслаждение он уже не может разъезжать по деревням, а должен оставаться в городе и ночевать в разных домах, особенно тех дворян, которые находили удовольствие щелкать его по носу. Антон Прокофьевич любит хорошо поесть, играет изрядно в дураки и мельники; повиноваться всегда было его стихиею, и потому он, взявши шапку и палку, немедленно отправился в путь. Но идучи стал рассуждать, каким образом ему подвигнуть Ивана Никифоровича притти на асамблею. Несколько крутой нрав сего, впрочем достойного человека, делал его предприятие почти невозможным. Да и как, в самом деле, ему решиться притти, когда встать с постели уже ему стоило великого труда? Но положим, что он встанет, как ему притти туда, где находится, что без сомнения он знает, непримиримый враг его? Чем более Антон Прокофьевич обдумывал, тем более находил препятствий. День был душен; солнце жгло; пот лился с него градом. Антон Прокофьевич, несмотря, что его щелкали по носу, был довольно хитрый человек на многие дела. В мене только был он не так счастлив; он очень знал, когда нужно прикинуться дураком, и иногда умел найтиться в таких обстоятельствах и случаях, где редко умный бывает в состоянии извернуться. В то время, как изобретательный ум его выдумывал средство, как убедить Ивана Никифоровича, и уже он храбро шел навстречу всего, одно неожиданное обстоятельство несколько смутило его. Не мешает при этом сообщить читателю, что у Антона Прокофьевича были между прочим одни панталоны такого странного свойства, что когда он надевал их, то всегда собаки кусали его за икры. Как на беду, в тот день он надел именно эти панталоны. И потому едва только он предался размышлениям, как страшный лай со всех сторон поразил слух его. Антон Прокофьевич поднял такой крик, громче его никто не умел кричать, что не только знакомая баба и обитатель неизмеримого сюртука выбежали к нему навстречу, но даже мальчишки со двора Ивана Ивановича посыпались к нему, и хотя собаки только за одну ногу успели его укусить, однако ж это очень уменьшило его бодрость и он с некоторого рода робостью подступал к крыльцу.

Глава VII и последняя.

„А! здравствуйте. На что вы собак дразните?“ сказал Иван Никифорович, увидевши Антона Прокофьевича, потому что с Антоном Прокофьевичем никто иначе не говорил, как шутя.

„Чтоб они передохли все! Кто их дразнит?“ отвечал Антон Прокофьевич.

„Вы врете.“

„Ей богу нет! Просил вас Петр Федорович на обед.“

„Гм.“

„Ей богу! так убедительно просил, что выразить не можно. Что это, говорит, Иван Никифорович чуждается меня, как неприятеля. Никогда не зайдет поговорить, либо посидеть.“

Иван Никифорович погладил свой подбородок. „Если, говорит, Иван Никифорович и теперь не придет, то я не знаю, что подумать: верно он имеет на меня какой умысел! Сделайте милость, Антон Прокофьевич, уговорите Ивана Никифоровича! Что ж, Иван Никифорович? пойдём! там собралась теперь отличная компания!“

Иван Никифорович начал рассматривать петуха, который, стоя на крыльце, изо всей мочи драл горло.

„Если бы вы знали, Иван Никифорович“, продолжал усердный депутат: „какой осетрины, какой свежей икры прислали Петру Федоровичу!“

При этом Иван Никифорович поворотил свою голову и начал внимательно прислушиваться.

Это ободрило депутата. „Пойдемте скорее, там и Фома Григорьевич! Что ж вы?“ прибавил он, видя, что Иван Никифорович лежал всё в одинаковом положении. „Что ж? идем или неидем?“

„Не хочу.“

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Это не хочу поразило Антона Прокофьевича. Он уже думал, что убедительное представление его совершенно склонило этого, впрочем достойного человека, но вместо того услышал решительное: не хочу.

„Отчего же не хотите вы?“ спросил он почти с досадою, которая показывалась у него чрезвычайно редко, даже тогда, когда клали ему на голову зажженную бумагу, чем особенно любили себя тешить судья и городничий.

Иван Никифорович понюхал табаку.

„Воля ваша, Иван Никифорович, я не знаю, что вас удерживает?“

„Чего я пойду?“ проговорил наконец Иван Никифорович: „там будет разбойник!“ Так он называл обыкновенно Ивана Ивановича. Боже праведный! А давно ли...

„Ей богу не будет! вот как бог свят, что не будет! Чтоб меня на самом этом месте громом убило!“ отвечал Антон Прокофьевич, который готов был божиться десять раз на один час. „Пойдемте же, Иван Никифорович!“

„Да вы врете, Антон Прокофьевич, он там?“

„Ей богу, ей богу нет! Чтобы я не сошел с этого места, если он там! Да и сами посудите, с какой стати мне лгать! Чтоб мне руки и ноги отсохли!.. Что, и теперь не верите? Чтоб я окошел тут же перед вами! чтоб ни отцу, ни матери моей, ни мне, не видать царствия небесного! Еще не верите?“

Иван Никифорович этими уверениями совершенно успокоился и велел своему камердинеру в безграничном сюртуке принести шаровары и нанковый казакин.

Я полагаю, что описывать, каким образом Иван Никифорович надевал шаровары, как ему намотали галстух и наконец надели казакин, который под левым рукавом лопнул, совершенно излишне. Довольно, что он во всё это время сохранял приличное спокойствие и не отвечал ни слова на предложения Антона Прокофьевича – что-нибудь променять на его турецкий кисет.

Между тем собрание с нетерпением ожидало решительной минуты, когда явится Иван Никифорович и исполнится наконец всеобщее желание, чтобы сии достойные люди примирились между собою; многие были почти уверены, что не придет Иван Никифорович. Городничий даже бился об заклад с кривым Иваном Ивановичем, что не придет, но разошелся только потому, что кривой Иван Иванович требовал, чтобы тот поставил в заклад подстреленную свою ногу, а он кривое око; чем городничий очень обиделся, а компания потихоньку смеялась. Никто еще не садился за стол, хотя давно уже был второй час, время, в которое в Миргороде, даже в парадных случаях, давно уже обедают.

Едва только Антон Прокофьевич появился в дверях, как в то же мгновение был обступлен всеми. Антон Прокофьевич на все вопросы закричал одним решительным словом: не будет; едва только он это произнес, и уже град выговоров, браней, а может-быть и щелчков, готовился посыпаться на его голову за неудачу посольства, как вдруг дверь открылась и – вошел Иван Никифорович.

Если бы показался сам сатана или мертвец, то они бы не произвели такого изумления на всё общество, в какое повергнул его неожиданный приход Ивана Никифоровича. А Антон Прокофьевич только заливался, ухватившись за бока, от радости; что так подшутил над всею компаниею.

Как бы то ни было, только это было почти невероятно для всех, чтобы Иван Никифорович в такое короткое время мог одеться, как прилично дворянину. Ивана Ивановича в это время не было; он зачем-то вышел. Очнувшись от изумления, вся публика приняла участие в здоровье Ивана Никифоровича и изъявила удовольствие, что он раздался в толщину. Иван Никифорович целовался со всяким и говорил: „очень одолжен.“ Между тем запах борща понесся чрез комнату и пощекотал приятно ноздри проголодавшимся гостям. Все повалили в столовую. Вереница дам говорливых и молчаливых, тощих и толстых, потянулась вперед и длинный стол зарябел всеми цветами. Не стану описывать кушаньев, какие были за столом! Ничего не упомяну ни о мнишках в сметане, ни об утрибке, которую подавали к борщу, ни об индейке с сливами и изюмом, ни о том кушанье, которое очень походило видом на сапоги, намоченные в квасе, ни о том соусе, который есть лебединая песнь старинного

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru повара, о том соусе, который подавался обхваченный весь винным пламенем, что очень забавляло и вместе пугало дам. Не стану говорить об этих кушаньях потому, что мне гораздо более нравится есть их, нежели распространяться об них в разговорах. Ивану Ивановичу очень понравилась рыба, приготовленная с хреном. Он особенно занялся этим полезным и питательным упражнением. Выбирая самые тонкие рыбки косточки, он клал их на тарелки и как-то нечаянно взглянул насупротив: творец небесный, как это было странно! Против него сидел Иван Никифорович. В одно и то же самое время взглянул и Иван Никифорович!.. Нет!.. не могу!.. Дайте мне другое перо! Перо мое вяло, мертво, с тонким расчепом для этой картины! Лица их с отразившимся изумлением сделались как бы окаменелыми. Каждый из них увидел лицо давно знакомое, к которому, казалось бы, невольно готов подойти, как к приятелю неожиданному, и поднести рожок с словом: „одолжайтесь“ или „смею ли просить об одолжении“; но вместе с этим то же самое лицо было страшно, как нехорошее предзнаменование! Пот катился градом у Ивана Ивановича и у Ивана Никифоровича. Присутствующие, все, сколько их ни было за столом, онемели от внимания и не отрывали глаз от некогда бывших друзей. Дамы, которые до того времени были заняты довольно интересным разговором о том, каким образом делаются каплуны, вдруг прервали разговор. Всё стихло! Это была картина, достойная кисти великого художника! Наконец Иван Иванович вынул носовой платок и начал сморкаться; а Иван Никифорович осматрелся вокруг и остановил глаза на растворенной двери. Городничий тотчас заметил это движение и велел затворить дверь покрепче. Тогда каждый из друзей начал кушать и уже ни разу не взглянули друг на друга.

Как только кончился обед, оба прежние приятели схватились с мест и начали искать шапок, чтобы улизнуть. Тогда городничий мигнул, и Иван Иванович, не тот Иван Иванович, а другой, что с кривым глазом, стал за спиною Ивана Никифоровича, а городничий зашел в спину Ивана Ивановича, и оба начали подталкивать их сзади, чтобы спихнуть их вместе и не выпускать до тех пор, пока не подадут рук. Иван Иванович, что с кривым глазом, натолкнул Ивана Никифоровича, хотя и несколько косо, однако ж довольно еще удачно и в то место, где стоял Иван Иванович; но городничий сделал дирекцию слишком в сторону, потому что он никак не мог управиться с своевольною пехотою, не слушавшею на тот раз никакой команды и как на зло закидывавшею чрезвычайно далеко и совершенно в противную сторону (что может происходило от того, что за столом было чрезвычайно много разных наливок), так, что Иван Иванович упал на даму в красном платье, которая из любопытства просунулась в самую середину. Такое предзнаменование не предвещало ничего доброго. Однако ж судья, чтоб поправить это дело, занял место городничего и, потянувши носом с верхней губы весь табак, отпихнул Ивана Ивановича в другую сторону. В Миргороде это обыкновенный способ примирения. Он несколько похож на игру в мячик. Как только судья пихнул Ивана Ивановича, Иван Иванович с кривым глазом уперся всею силою и пихнул Ивана Никифоровича, с которого пот валился как дождевая вода с крыши. Несмотря на то, что оба приятеля весьма упирались, однако ж таки были столкнуты, потому что обе действовавшие стороны получили значительное подкрепление со стороны других гостей.

Тогда обступили их со всех сторон тесно и не выпускали до тех пор, пока они не решились подать друг другу руки. „Бог с вами, Иван Никифорович и Иван Иванович! Скажите по совести, за что вы поссорились? не по пустякам ли? Не совестно ли вам перед людьми и перед богом!“

„Я не знаю“, сказал Иван Никифорович, пыхтя от усталости (заметно было, что он был весьма не прочь от примирения): „я не знаю, что я такое сделал Ивану Ивановичу; за что же он порубил мой хлев и замышлял погубить меня?“

„Неповинен ни в каком злом умысле“, говорил Иван Иванович, не обращая глаз на Ивана Никифоровича. „Клянусь и пред богом и перед вами, почтенное дворянство, я ничего не сделал моему врагу. За что же он меня поносит и наносит вред моему чину и званию?“

„Какой же я вам, Иван Иванович, нанес вред?“ сказал Иван Никифорович. Еще одна минута объяснения – и давнишняя вражда готова была погаснуть. Уже Иван Никифорович полез в карман, чтобы достать рожок и сказать „одолжайтесь“.

„Разве это не вред“, отвечал Иван Иванович, не подымая глаз: „когда вы, милостивый государь, оскорбили мой чин и фамилию таким словом, которое неприлично здесь сказать.“

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
„Позвольте вам сказать по-дружески, Иван Иванович!“ (при этом Иван Никифорович дотронулся пальцем до пуговицы Ивана Ивановича, что означало совершенное его расположение) „вы обиделись за чорт знает что такое: за то, что я вас назвал гусакон...“ Иван Никифорович спохватился, что сделал неосторожность, произнеся это слово; но уже было поздно: слово было произнесено.

Всё пошло к чорту!

Когда при произнесении этого слова без свидетелей Иван Иванович вышел из себя и пришел в такой гнев, в каком не дай бог видывать человека, – что ж теперь, посудите, любезные читатели, что теперь, когда это убийственное слово произнесено было в собрании, в котором находилось множество дам, перед которыми Иван Иванович любил быть особенно приличным? Поступи Иван Никифорович не таким образом, скажи он птица, а не гусак, еще бы можно было поправить.

Но – всё кончено!

Он бросил на Ивана Никифоровича взгляд – и какой взгляд! Если бы этому взгляду придана была власть исполнительная, то он обратил бы в прах Ивана Никифоровича. Гости поняли этот взгляд и поспешили сами разлучить их. И этот человек, образец кротости, который ни одну нищую не пропускал, чтоб не расспросить ее, выбежал в ужасном бешенстве. Такие сильные бури производят страсти!

Целый месяц ничего не было слышно об Иване Ивановиче. Он заперся в своем доме. Заветный сундук был отперт, из сундука были вынуты – что же? карбованцы! старые, дедовские карбованцы! И эти карбованцы перешли в запачканные руки чернильных дельцов. Дело было перенесено в палату. И когда получил Иван Иванович радостное известие, что завтра решится оно, тогда только выглянул на свет и решился вытти из дому. Увы! с того времени палата извещала ежедневно, что дело кончится завтра, в продолжение десяти лет!

* * *

Назад тому лет пять я проезжал чрез город Миргород. Я ехал в дурное время. Тогда стояла осень с своею грустно-сырою погодою, грязью и туманом. Какая-то ненатуральная зелень – творение скучных, непрерывных дождей, покрывала жидкою сетью поля и нивы, к которым она так пристала, как шалости старику, розы старухе. На меня тогда сильное влияние производила погода: я скучал, когда она была скучна. Но несмотря на то, когда я стал подъезжать к Миргороду, то почувствовал, что у меня сердце бьется сильно. Боже, сколько воспоминаний! я двенадцать лет не видал Миргорода. Здесь жили тогда в трогательной дружбе два единственные человека, два единственные друга. А сколько вымерло знаменитых людей! Судья Демьян Демьянович уже тогда был покойником; Иван Иванович, что с кривым глазом, тоже приказал долго жить. Я въехал в главную улицу: везде стояли шесты с привязанным вверху пучком соломы: производилась какая-то новая планировка! Несколько изб было снесено. Остатки заборов и плетней торчали уныло.

День был тогда праздничный; я приказал рогоженную кибитку свою остановить перед церковью, и вошел так тихо, что никто не обратился. Правда, и некому было. Церковь была пуста. Народу почти никого. Видно было, что и самые богомольные побоялись грязи. Свечи при пасмурном, лучше сказать, больном дне, как-то были странно неприятны; темные притворы были печальны; продолговатые окна с круглыми стеклами обливались дождливыми слезами. Я отошел в притвор и оборотился к одному почтенному старику с поседевшими волосами: „Позвольте узнать, жив ли Иван Никифорович?“ В это время лампада вспыхнула живее пред иконою и свет прямо ударился в лицо моего соседа. Как же я удивился, когда, рассматривая, увидел черты знакомые! Это был сам Иван Никифорович! Но как изменился! „Здоровы ли вы, Иван Никифорович? Как же вы постарели!“ – „Да, постарел. Я сегодня из Полтавы“, отвечал Иван Никифорович.

„Что вы говорите! вы ездили в Полтаву в такую дурную погоду?“ – „Что ж делать! тяжба...“ При этом я невольно вздохнул. Иван Никифорович заметил этот вздох и сказал: „Не беспокойтесь, я имею верное известие, что дело решится на следующей неделе, и в мою пользу.“ Я пожал плечами и пошел узнать что-нибудь об Иване Ивановиче.

„Иван Иванович здесь!“ сказал мне кто-то: „он на крилосе.“ Я увидел тогда тощую фигуру. Это ли Иван Иванович? Лицо было покрыто морщинами, волосы были

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru совершенно белые; но бекеша была всё та же. После первых приветствий, Иван Иванович, обратившись ко мне с веселой улыбкой, которая так всегда шла к его воронкообразному лицу, сказал: „Уведомить ли вас о приятной новости?“ – „О какой новости?“ спросил я. „Завтра непременно решится мое дело. Палата сказала наверное.“

Я вздохнул еще глубже и поскорее поспешил проститься, потому что я ехал по весьма важному делу, и сел в кибитку. Тощие лошади, известные в Миргороде под именем курьерских, потянулись, производя копытами своими, погружавшимися в серую массу грязи, неприятный для слуха звук. Дождь лил ливнем на жидка, сидевшего на козлах и накрывшегося рогожкой. Сырость меня проняла насквозь. Печальная застава с будкою, в которой инвалид чинил серые доспехи свои, медленно пронеслась мимо. Опять то же поле, местами изрытое, черное, местами зеленеющее, мокрые галки и вороны, однообразный дождь, слезливое без просвета небо. – Скучно на этом свете, господа!

Комментарии

Миргород

(Введение к комментариям)

В настоящем томе печатается „Миргород“ в том составе и в той последовательности повестей, в каком этот сборник был напечатан при жизни Гоголя в отдельном издании 1835 г. (в двух частях) и во втором томе собрания сочинений 1842 г. Повести, переработанные Гоголем для издания 1842 г. („Тарас Бульба“ и „Вия“), мы печатаем в позднейших редакциях, подготовленных Гоголем для этого издания. Согласно общим принципам издания (см. вступительную статью к тому I), в основной текст не вводятся ни поправки, сделанные Н. Я. Прокоповичем по поручению Гоголя в издании 1842 г., ни позднейшие (1851–1852 гг.) поправки самого Гоголя, нанесенные в корректуре на текст издания 1842 г., поскольку отделение гоголевской правки от не-гоголевской не может быть произведено в этом тексте с полной уверенностью и последовательностью.

Из второго тома этого последнего издания (вышедшего в 1855 г.) – тома, заключающего „Миргород“, – при жизни Гоголя было отпечатано 9 листов, т. е. „Старосветские помещики“ полностью и „Тарас Бульба“ кончая словами „Подобно ему в один миг“ в конце главы IX (см. стр. 143 настоящего издания). Варианты издания 1855 г., которые есть основание возводить к гоголевской правке, даются по схеме, принятой для авторских вариантов (Вместо и т. д.)

Таким образом, текст „Миргорода“ в настоящем издании отличается от всех предыдущих тем, что дает последний по времени, чисто гоголевский, без примеси посторонних поправок, текст. Для „Старосветских помещиков“ и „Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем“ таким текстом является текст „Миргорода“ 1835 г.; для „Тараса Бульбы“ – текст рукописи, подготовленной для издания 1842 г. (автограф и авторизованная копия), и только для текста „Вия“ пришлось взять в основу текст издания 1842 г., переработанный Гоголем по сравнению с „Миргородом“ 1835 г., и устранить из него те поправки, которые есть основания считать не гоголевскими.

При подготовке настоящего издания Н. Л. Степановым был обнаружен экземпляр „Миргорода“ 1835 г., текст которого отличается от остальных известных до сих пор экземпляров этого издания. Эта находка свидетельствует о том, что печатание книги в первоначальном виде было приостановлено и затем возобновлено с изменениями в тексте „Вия“ и с изъятием предисловия к „Повести о том, как поссорился...“ Новонайденное предисловие, неизвестное ни одному из прежних исследователей и редакторов Гоголя и изъятое по соображениям скорее всего цензурного характера, включается нами в основной текст повести. Новооткрытый экземпляр позволил также значительно уточнить историю работы Гоголя над „Вием“.

Отличием настоящего издания являются и восстановление фраз и отдельных выражений, которые, как можно судить, не вошли в печатный текст по их заведомой нецензурности. Таких случаев оказалось три в тексте первой редакции „Тараса Бульбы“ (см. в комментарии к этой повести*) и один в тексте „Вия“ (сравнение с „песней об угнетенном народе“).

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
„Миргород“ издан был Гоголем в 1835 г. (цензурное разрешение 29 декабря 1834 г.) с подзаголовком: „Повести, служащие продолжением «Вечеров на хуторе близ Диканьки»“. Этим подзаголовком отчасти определяется место книги во внешней и внутренней истории гоголевского творчества.

Мысль о продолжении „Вечеров“ была у Гоголя, повидимому, давно; очевидно, он говорил о ней Погодину летом 1832 г. в Москве, но уже 1 февраля 1833 г. отвечал на запрос его решительным отказом от самого замысла. „Вы спрашиваете о Вечерах Диканьских. Чорт с ними! я не издаю их; и хотя денежные приобретения были бы не лишние для меня, но писать для этого, прибавлять сказки не могу. Никак не имею таланта заняться спекулятивными оборотами...“ [7] Слова эти могут быть поняты либо как отказ от замысла нового, дополненного издания „Вечеров“, либо как отказ от издания третьей части вслед за второй. Второе предположение вероятнее, так как из дальнейшего текста видно, что первые две части „Вечеров“ в это время еще продавались.

Гоголь отказался от выпуска третьей части „Вечеров“ вполне сознательно, относясь к этой книге как к пройденному этапу. „Да обречутся они неизвестности, покамест чтонибудь увесистое, великое, художественное не изыдет из меня!“ Это решение осталось твердым: оформившийся позже замысел продолжения „Вечеров“ – „Миргород“ – не совпал с замыслом третьей части „Вечеров“ и необходимо требовал другого заглавия. „Повесть о том, как поссорился...“ и „Старосветские помещики“, написанные после путешествия 1832 г., в сознании Гоголя не могли уже соединяться со „сказками“ „Вечеров“ (хотя и имели свой прототип в повести „Иван Федорович Шпонька“, как раз наименее органичной в составе первого гоголевского цикла). Впрочем, настроения приведенного письма к Погодину имеют более общий характер: Гоголь вообще в течение почти всего 1833 г. работает с трудом и многим своим корреспондентам жалуется на „лень“ и бездеятельность. Новым стимулом для работы, и именно над украинскими темами, была для Гоголя мысль о профессуре в киеве, поданная Максимовичем в конце 1833 г.; письма Гоголя конца 1833 и начала 1834 г. говорят о большом подъеме и напряженной деятельности. Еще 9 ноября 1833 г. в письме к Максимовичу Гоголь досадует, что ему нечего дать в альманах „Денница“, так как у него нет ничего готового кроме „Повести о том, как поссорился.“, отданной Смирдину. „У меня есть сто разных начал и ни одной повести, ни одного даже отрывка полного, годного для альманаха“. У Гоголя не было оснований уклоняться от участия в „Деннице“; у нас нет оснований не доверять ему. И вот в течение года из „ста разных начал“ образовались две книжки „Арабесок“ и почти одновременно – две книжки „Миргорода“.

Сдав в цензуру „Арабески“ (цензурное разрешение 10 ноября 1834 г.), Гоголь еще через полтора месяца заканчивает подготовку к печати „Миргорода“ (цензурное разрешение 29 декабря 1834 г.); оба разрешения подписаны цензором В. Семеновым. Восстановить историю работы Гоголя над повестями „Миргорода“ можно лишь приблизительно. Помещенная в сборнике последней „Повесть о том, как поссорился...“, рукопись которой до нас не дошла, написана раньше других, вероятно летом или в начале осени 1833 г. (соображения о ее датировке см. в комментарии к ней*). Три остальные повести, очевидно, написаны одна вслед за другой: черновые тексты их находятся в одной и той же записной тетради, где и расположены без всяких перерывов и перебоев в том же порядке, в каком напечатаны: Старосветские помещики – Тарас Бульба – Вий. Тетрадь эта (ниже обозначаемая РЛ1) описана в Соч. Гоголя, 10 изд., т. VII, под шифром РА № 3. Она хранится в Ленинградской гос. публичной библиотеке; куплена в 1887 г. у В. Г. Мозгового, к которому перешла от Н. С. Соханской (кохановской). В тетради (переплетенной в лист) – 40 листов и один дополнительный, бумага плотная, вержированная, без водяных знаков; дополнительный листок, вклеенный в тетрадь (к тексту „Старосветских помещиков“) – на другой более тонкой, тоже вержированной бумаге с водяным знаком 1832 г. Это единственное внешнее указание на дату, притом мало существенное, так как „Старосветские помещики“ и по другим данным не могли быть написаны раньше 1832 г. (см. комментарий к этой повести*). Текст „Старосветских помещиков“ начинается с листа 12-го; первые 11 листов частью заняты другими вещами (отдельные куски „Взгляда на составление Малороссии“, явно примыкающие к какому-то другому тексту той же статьи, начало „Носа“, отрывок „Мне нужно к полковнику“, отрывок „Я знал одного чрезвычайно замечательного человека“, отрывок „Новоплатонические Александрийцы“), – частью оставлены пустыми (листы 1, 7, 8, 10, 11, кроме двух слов). Датировка тетради затрудняется тем, что одновременно с ней Гоголь пользовался другою тетрадью (наш шифр – РМ2, в 10-м издании – РА № 2), в которой записаны повести и статьи, вошедшие в „Арабески“. Тетрадь РМ3, начатая не позже января 1832 г. (предельная дата „Ночи перед Рождеством“), заканчивалась не

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogo1nikolai.ru
раньше августа – октября 1834 г. (исходные даты последних текстов тетради – „Последнего дня Помпей“, „Записок сумасшедшего“, „Ал-Мамуна“). Но тетрадь РЛ1 открывается статьей „Взгляд на составление Малороссии“, написанной, повидимому, между декабрем 1833 и мартом 1834 г.; если обеими тетрадями Гоголь пользовался одновременно, – естественно допустить более или менее значительный срок для написания трех больших повестей и отнести: „Старосветских помещиков“ – к самому концу 1833 и началу 1834 года, „Тараса Бульбу“ – ко времени после ознакомления с „Запорожской стариной“ Срезневского (что было между 12 февраля и 6 марта – см. ниже), т. е., вероятно, к весне и лету этого года; что касается „Вия“, он написан, очевидно, по окончании „Тараса Бульбы“; и, может быть, уже после сдачи в цензуру „Арабесок“, т. е. в ноябре – декабре. Более точная датировка повестей „Миргорода“ пока не может быть установлена.

Как и „Вечера“, „Миргород“ был составлен из двух частей, отдельно сброшюрованных, но вышедших вместе как части одной книги. В первую часть вошли „Старосветские помещики“ и „Тарас Бульба“; во вторую – „Вий“ и „Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем“. Из этих четырех повестей только последняя была до этого напечатана в сборнике „Новоселье“, ч. II, 1834 г.; остальные три были для читателя новостью.

Печатание „Миргорода“ осложнилось упомянутым выше эпизодом: изъятием предисловия к „Повести о том, как поссорился...“ Предисловие это занимало в книге две страницы (оборотная оставалась пустой). Но Гоголю удалось избежать переверстки листов: повидимому, именно для этого он дополнил текст „Вия“ (за которым следовала „Повесть о том...“) концовкой, занявшей тоже две страницы (разговор Горобця с Халявой о судьбе Хомя). Он воспользовался этим случаем и для новой правки текста „Вия“ – как видно, наименее доработанной из всех четырех повестей. Подробности об этой правке, а также об изъятии предисловия, см. ниже, в комментарии к „Вию“ и к „Повести о том, как поссорился...“

„Миргород“ вышел в свет вскоре после 20 февраля и не позже 10 марта 1835 г. Даты эти устанавливаются на основании писем Гоголя: 31 января 1835 г. Гоголь пишет Погодину: „...я стараюсь, чтобы через три недели вышло мое продолжение «Вечеров»“; 9 февраля пишет ему же, что „вечера на днях выйдут“; и 20 февраля, т. е. по истечении трехнедельного срока: „моя книга уже отпечатана и завтра должна поступить в продажу“. Поступила ли книга в продажу именно 21 февраля – неизвестно, но 10 марта 1835 г. Гоголь уже пишет С. П. Шевыреву: „Посылаю вам мой Миргород“. Таким образом печатание „Миргорода“ заняло около двух месяцев (считая со дня цензурного разрешения), – почти столько же, сколько печатание „Арабесок“ (вышли в свет не позже 22 января 1835 г.). Как видно, недоразумение с изъятим предисловием было ликвидировано более или менее безболезненно.

В сознании большей части критики 30-х годов „Миргород“, в соответствии с прямым смыслом заглавия, был продолжением „Вечеров на хуторе“ и оценивался соотносительно с этими повестями. Как и в оценке „Вечеров“, направление критических отзывов о „Миргороде“ зависело преимущественно от того, как воспринимались представителями различных общественных групп заключенные в повестях Гоголя элементы демократизации литературы а именно: подрыв ее норм вводом „низового“ героя, отказ от прописной дидактики, ирония, прямая или скрытая сатира, наконец реалистический метод творчества – всё то, что переключало литературу из плана активно-панегирического или невинно-развлекательного в план критического отношения к современной действительности.

Подголоски правящих кругов, представленные группой Булгарина, получили в половине 30-х годов сильное подкрепление в Сенковском и его широко популярном журнале. Журнальная конкуренция между „Северной Пчелой“ Булгарина и „Библиотекой для чтения“ Сенковского, мелочная полемика между ними и даже случаи более или менее серьезных разногласий по частным вопросам, не устраняют очевидного факта общности их политической позиции. Неудивительно, что к такому явлению, как „Миргород“ Гоголя, отнеслись они в общем одинаково.

Для реакционной журналистики 30-х годов характерна враждебная оценка „Повести о том, как поссорился...“ как повести „грязной“, „взятой из дурного общества“ (Сенковский), как „неопрятной картины заднего двора человечества“ (П. М-ский) и рядом с этим сочувственная оценка „Старосветских помещиков“ и „Тараса Бульбы“, воспринимаемых, однако, не в их новаторском существе, а по связи с привычными чувствительными или патетическими повестями. Рецензии П. М-ского (в „Северной

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru Пчела“ (1835, № 115, стр. 457–458) и Сенковского в „Библиотеке для чтения“ (1834, т. III, отд. V, стр. 29–32) в этом сошлись совершенно; Сенковский прибавил отрицательную оценку „Вия“, оставленного П. М-ским без внимания. Заметим, что рецензент „Северной Пчелы“ отрицательно оценил и заглавие книги и эпиграф к ней: „Назвав свою книгу, не знаем почему, именем уездного города Полтавской губернии, автор придал ей два самые странные эпиграфа... Нынче в моде щеголять странностию эпиграфов, которые не имеют ни малейшего отношения к книге“. Этим непониманием еще больше подчеркивалось, что реалистические и сатирические элементы сборника в глазах рецензента не имели никакого значения.

В „Московском Наблюдателе“ 1835, № 2, рецензия на „Миргород“ была написана Шевыревым. Для Шевырева, – представителя патриархально-дворянского консерватизма 30-х годов, – в отличие от Булгарина и Сенковского, приемлем весь Гоголь в его характерных чертах (отбрасывается только фантастика „Вия“): не только патетический и чувствительный, но и комический Гоголь. Но это признание Гоголя достигнуто ценою существенного обеднения его содержания, комизм Гоголя понят Шевыревым согласно с определениями французского классицизма (в конечном счете – Аристотелевыми) как „безвредная бессмыслица“. Юмор Гоголя определен как „простодушный“; таким образом, элементы критического отношения к действительности в гоголевских повестях Шевыревым не были замечены. При этом в согласии с Сенковским, упрекавшим Гоголя за героев из „дурного общества“, Шевырев требует от Гоголя другой – светской тематики: „столица уже довольно смеялась над провинциею и деревенщиною... высший и образованный класс всегда смеется над низшим... Но как бы хотелось, чтобы автор, который, кажется, каким-то магнитом притягивает к себе всё смешное, рассмешил нас нами же самими; чтобы он открыл эту бессмыслицу в нашей собственной жизни, в кругу так называемом образованном, в нашей гостиной, среди модных фраков и галстуков, под модными головными уборами“. Как видно из отмеченного выше определения комизма как безвредной бессмыслицы, Шевырев призывал Гоголя не к сатирическому изображению большого света: сущность его советов заключалась в требовании отказа от демократизации повествовательной тематики. Как иронически резюмировал Чернышевский, Гоголь в „Миргороде“ – в глазах Шевырева – „беззаботный весельчак, который для столичных светских людей рисует преуморительные карикатуры провинции, не имеющей понятия о модных галстуках“ (Соч. Чернышевского, 1906, т. II, стр. 100). При анализе отдельных повестей (кроме „Повести о том...“) Шевырев неизбежно вступает в противоречие со своей общей характеристикой Гоголя и „Миргорода“. По поводу „Старосветских помещиков“ он пытается полемизировать с критиками, „которые ограничивают талант автора одною карикатурою“; в „Тарасе Бульбе“ он отмечает „талант многосторонний, решительный и кисть широкую и смелую в повествователе“. По существу, однако, Шевырев и здесь примыкает к тем самым критикам, с которыми полемизирует, так как именно „Старосветские помещики“ и „Тарас Бульба“ были ими одобрены. Оценка Шевырева по существу не отличается от оценки Сенковского. Они совпадают даже в деталях; Шевырев только смягчает резкость некоторых формулировок Сенковского. Сенковский подчеркивает у Гоголя „особое дарование рассказывать шуточные истории“, Шевырев – „чудный дар схватывать бессмыслицу в жизни человеческой и обращать ее в неизъяснимую поэзию смеха“. Сенковский рядом с этим приветствует „верность и простоту красок“ и „неподдельное чувство“ в „Старосветских помещиках“ и „Тарасе Бульбе“; то же в тех же почти выражениях говорит о „Старосветских помещиках“ Шевырев, очевидно, не замечая в повести ничего большего. Совпал Шевырев с Сенковским и в отрицательной оценке „Вия“.

К оценкам Шевырева примыкают оценки „Литературных прибавлений к Русскому инвалиду“ Воейкова, ориентирующихся на читателя из „хорошего общества“, в эстетическом же отношении довольно беспринципных. Здесь особенно показательны упоминания о Гоголе мимоходом. Гоголь (которого журнал упорно именуется „Гогелем“ или „Гогелем-Яновским“) в глазах Воейкова и его сотрудников – только один из многих талантливых русских повествователей. Так, например, в № 77 от 25 сентября 1835 г., в противовес выдвигаемому Сенковским А. П. Степанову, названы романы Погорельского, Греча, Петра Сумарокова и повести Пушкина, Марлинского, кн. Одоевского, Павлова, Погорельского, Гогеля-Яновского, Луганского, Карлгофа, Владиславлева. Подобные перечни – с „Гогелем“, теряющимся в ряду других имен – в „Литературных прибавлениях“ не единичны. В другом месте (№ 75 от 18 сентября) „сказки“ Гоголя определены как „Лафонтеновски-простодушные и вместе остроумные“. Серьезнее специальная рецензия, напечатанная в том же журнале, „Мои коммержаи о соч. Н. Гоголя: «Миргород»“ (№ 33 от 24 апреля). Автор, подписавшийся А. в. л. м., начинает с таких в общем сочувственных гоголевскому методу тезисов: всякий момент из жизни человека, „находящегося в борении с ближним и с природою“, может

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
быть сюжетом повести; назидательность не должна навязываться. „В повестях Н. Гоголя сюжет прост, занимателен, величествен, как природа, рассматриваемая не очами слепца; выполнен сюжет увлекательно“. Рецензент обратил внимание на отказ Гоголя в „Миргороде“ от прежней напыщенности; полемизируя с Сенковским, он приветствует „отсутствие светскости“ у Гоголя: „В повестях Н. Гоголя видно, что автор не думал ни о читателях, ни о модном свете; он видел только предмет описываемый и весь исчезал в предмете“. Однако, эти более или менее верные положения не подкреплены анализом отдельных повестей; переходя к частностям, рецензент обнаруживает недооценку Гоголя. Это сказалось уже в отнесении повестей Гоголя к разряду „фамильных повестей“ типа повестей Цшокке; в определении героев Гоголя как „ярких, добрых оригиналов“; наконец, в почти исключительном внимании к „Тарасу Бульбе“ (мельком упомянута фигура миргородского городничего из „Повести о том, как поссорился...“). Как пример снисходительно-поверхностного отношения к реализму „Миргорода“ любопытно упоминание о нем Надеждина в статье „Европеизм и народность“ („Телескоп“, 1836, № 2). По поводу школы псевдонародных писателей (А. Орлов и др.), которых надо „гнать из литературы“, Надеждин делает исключение для изображения поэзии простого быта и рядом с Загоскиным приводит в пример Гоголя – его образы пьяного казака из „Тараса Бульбы“ и Ивана Никифоровича „в натуре“. Считая, „что народность и в этом ограниченном, грязном смысле, пройдя чрез горнило вдохновения, может иметь доступ в литературу и, следовательно, не заслуживает безусловного преследования и отвержения“, Надеждин всё же требует народности в „гораздо обширнейшем“ значении.

Рядом с этими недооценками и полупризнаниями обнаруживается в разных литературных группах начало борьбы за Гоголя. С одной стороны показательны попытки истолковать Гоголя в охранительно-примирительном смысле при одновременном признании его большого литературного значения. С другой стороны, в прогрессивной общественности 30-х годов мы наблюдаем факты прямой солидаризации с Гоголем, воспринятым во всей полноте и сложности.

Для первого ряда явлений характерно „Письмо из Петербурга“ М. П. Погодина, помещенное в том же номере „Московского Наблюдателя“, где и статья Шевырева. Гоголь назван здесь „первоклассным талантом“, „новым светилом“ словесности; впечатление от „Миргорода“ (может быть, впрочем, только от „Тараса Бульбы“: из контекста это неясно) резюмировалось так: „Какое разнообразие! Какая поэзия! Какая верность в изображении характеров! Сколько смешного и сколько высокого, трагического!“. „Прекрасной идиллией и элегией“ названы и „Старосветские помещики“. Таким образом беглое упоминание Шевырева о „многосторонности“ Гоголя здесь развито (хотя подлинное содержание этой „многосторонности“ не раскрыто); Гоголю отведено первое место среди повествователей („вы... должны будете поклониться этим повестям со всеми нашими повествователями без исключения, стихотворными в прозаическими“). За восторгами Погодина скрывается, конечно, представление о „безобидном“ объективизме Гоголя.

В других случаях сочувственные отзывы о Гоголе настолько лаконичны, что не могут быть с уверенностью расшифрованы. Таковы, например, мельком брошенные слова Вл. Одоевского о Гоголе, как о „лучшем таланте в России“ (статья 1836 г. „О вражде к просвещению“ по поводу параллели Гоголь – Поль-де-Кок, пущенной в ход Сенковским). Одоевским же начата была и статья о „Миргороде“, но сохранившийся отрывок дает только частные замечания об умении Гоголя изображать „человека низшего класса“ („Повесть о том, как поссорился...“). [8] Кратко, но выразительно охарактеризовал Гоголя этой поры Е. А. Боратынский: „наш веселый и глубокий Гоголь“ (письмо к М. П. Погодину, датированное 4 мая 1835 г.; Барсуков, „Жизнь и труды Погодина“ т. IV, стр. 277).

Беглым был и отзыв Пушкина о „Миргороде“. Помещенная в первом томе „Современника“ 1836 г. рецензия его на второе издание „Вечеров на хуторе“ заканчивалась отзывом об „Арабесках“ и „Миргороде“: „Вслед за тем явился Миргород, где с жадностью все прочли и Старосветских помещиков, эту шутивную, трогательную идиллию, которая заставляет вас смеяться сквозь слезы грусти и умиления, и Тараса Бульбу, коего начало достойно Вальтер-Скотта. Г. Гоголь идет еще вперед. Желаем и надеемся иметь часто случай говорить о нем в нашем журнале“. При всей своей беглости, отзыв этот замечателен тем, что впервые дал лапидарную формулировку сложности и противоречивости впечатления от гоголевского творчества („смеяться сквозь слезы грусти и умиления“), а также той перспективой, в которую творчество это двигалось (не Цшокке и не русские новеллисты 30-х годов, а Вальтер Скотт, на что тотчас же отозвался в „Северной Пчеле“ Булгарин, отказываясь „безотчетно жаловать г. Гоголя в русские Вальтер

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru Скотты“). Впрочем, историко-литературная перспектива для Гоголя была еще до пушкинской рецензии установлена в статье Белинского. Белинский в эти годы – годы своего идеологического созревания (еще до „периода примирения с действительностью“) – последовательно противопоставлял реакционным теориям „безвредного“ искусства требования реалистической эстетики. В „Миргороде“ Гоголя Белинский нашел осуществление своих эстетических идей.

Белинский высказывался о „Миргороде“ несколько раз. Первым откликом была краткая рецензия в „Молве“ 1835 г. № 15 (цензурное разрешение 12 апреля 1835 г.) на „Арабески“ и „Миргород“. „Новые произведения игривой и оригинальной фантазии г. Гоголя“ были здесь отнесены „к числу самых необыкновенных явлений в нашей литературе“; впрочем, как правильно указывал С. А. Венгеров, в словоупотреблении этих лет „необыкновенный“ значило „незаурядный“. Несколько выше Белинский относил Гоголя „к самым приятным явлениям в нашей литературе“ – наряду с повестями Павлова и Полевого. Упоминание о Гоголе в заметке „И мое мнение об игре Каратыгина“ („Молва“, 1835, № 17, цензурное разрешение 26 апреля 1835 г.) также еще очень сдержанно. Гоголь противопоставлен Марлинскому как представитель „естественности и простоты“. Но за этой оценкой следует оговорка: „Я не отрицаю таланта в г. Марлинском и пока еще не вижу гения в г. Гоголе, но хочу только показать разность между талантом случайным... и талантом самобытным, независимым от обстоятельств жизни“. Хотя в статье „О русской повести и повестях Гоголя“ также не отрицался талант Марлинского и Гоголь назывался талантом, а не гением, – общий тон статьи был существенно иным, чем в двух апрельских заметках.

Статья Белинского „О русской повести и повестях Гоголя“ появилась в 7-й и 8-й книжках „Телескопа“ за 1835 г. (цензурные разрешения от 1 и 11 сентября). От всего написанного о Гоголе раньше статья отличалась прежде всего большой принципиальностью: Белинский приветствовал Гоголя не как рядового талантливый писателя, а как представителя наиболее актуального направления – „реальной поэзии“ и ее наиболее актуального жанра – повести. Реальная поэзия, в противоположность идеальной, защищалась здесь еще с шеллингианских эстетических позиций („вечный герой, неизменный предмет ее вдохновений, есть человек... символ мира, конечное его проявление“), причем не отрицалось относительное право на существование поэзии „идеальной“. Белинский в плане мировой литературы не затруднился сопоставлять Гоголя с Шекспиром и Шиллером, а по поводу „Тараса Бульбы“ – и с Гомером (оговариваясь, что не считает Гоголя равным им, но „для гения и таланта одни законы, несмотря на всё их неравенство“). Но в плане современной русской литературы Гоголь был поставлен на первое место: „По крайней мере, в настоящее время он является главой литературы, главой поэтов; он становится на место, оставленное Пушкиным“. Эта градация – при живом еще Пушкине – связана была с представлением, что Пушкин „уже свершил круг своей художественной деятельности“: вопрос о сравнении исторического значения Гоголя и Пушкина Белинским не поднимался; напротив, в начале статьи было заявлено, что Пушкин „составляет на пустынном небосклоне нашей литературы, вместе с Державиным и Грибоедовым, пока единственное поэтическое созвездие, блестящее для веков“. Положение Гоголя в современной русской литературе подкреплялось обзором повестей виднейших русских прозаиков – Марлинского, Вл. Одоевского, Погодина, Павлова и Полевого (повести Пушкина не были упомянуты), причем никто из них не был признан сколько-нибудь равным Гоголю. Отличительными чертами характера Гоголя Белинский признал 1) простоту вымысла, 2) совершенную истину жизни, 3) народность, 4) оригинальность и 5) комическое одушевление, всегда побеждаемое глубоким чувством грусти и уныния. Первые четыре черты он признавал общими „всем изящным произведениям“, последнюю – чертой индивидуальной для Гоголя. Огромное значение статьи Белинского заключалось в том, что она 1) решительно порывала с представлением о Гоголе, как о „забавном“ писателе; 2) ставила во всей широте вопрос о сложном и противоречивом характере гоголевского творчества, как несводимого к „комизму“; 3) подлинный характер и тем самым историко-литературную роль Гоголя усматривала не в комизме его, а в реализме („Он не льстит жизни, но и не клеветает на нее: он рад выставить наружу всё, что в ней есть прекрасного, человеческого и в то же время не скрывает ни мало и ее безобразия. В том и другом случае он верен жизни до последней степени“).

Заметим, что „истинную поэзию действительной жизни“ оценил в Гоголе и Н. В. Станкевич (письмо от 4 ноября 1835 г. к Я. М. Неверову, „Переписка Н. В. Станкевича“, М., 1914, стр. 335). Но в свете одновременных отзывов Станкевича о „Старосветских помещиках“ философское содержание этой оценки раскрывается как идея „примирения с действительностью“. Обличительно-иронические элементы гоголевского реализма от Станкевича ускользнули. Белинским они были поняты и

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
выражены в замечательной формуле: „смех, растворенный горечью“.

Наиболее значительно в статье Белинского определение гоголевского юмора. Определяя его как „гумор спокойный, простодушный, в котором автор как бы прикидывается простачком“, Белинский тут же замечает (возможно, по адресу Шевырева, Воейкова и др.), что „надо быть слишком глупым, чтобы не понять его иронии“. Явно против Шевырева обращены слова: „И причина этого комизма, этой карикатурности изображений заключается не в способности или направлении автора находить во всем смешные стороны, но в верности жизни“. Шевыревскому упрощению гоголевского юмора Белинский противопоставляет свое определение: „Но тем не менее это всё-таки гумор, ибо не щадит ничтожества, не скрывает и не скрашивает его безобразия, ибо, пленяя изображением этого ничтожества, возбуждает к нему отвращение“. Принципиально новым и важным было здесь указание на критические, обличительные элементы гоголевского творчества, подкрепленное и анализом отдельных повестей. Герои „Старосветских помещиков“ впервые Белинским определены как „две пародии на человечество“; герои „Повести о том, как поссорился...“ – как „живые пасквили на человечество“; „очарование“ Гоголя – в том, что разоблачая „всю пошлость, всю гадость этой жизни животной, уродливой, карикатурной“, он вызывает участие к своим героям. Другими словами гоголевская оценка действительности противоречива, но это соответствует противоречиям самой действительности („И таковы все его повести: сначала смешно, потом грустно. И такова жизнь наша: сначала смешно, потом грустно!“). В отличие от всех остальных критиков, Белинский дал высокую оценку и „Вию“, – не только бытовым изображениям и характеру Хомы, но и фантастике „Вия“, за исключением только описания привидений (здесь Белинский согласился с упреками Шевырева; соответственное место было Гоголем впоследствии переработано).

Несколько позже – в апреле 1836 г. – Белинский выступил с прямой полемикой против Шевырева по разным вопросам, в том числе и по вопросу об оценке Гоголя („О критике и литературных мнениях «Московского Наблюдателя»“. „Телескоп“, 1836, № 5–6). Здесь Белинский писал: „Комизм отнюдь не есть господствующая и перевешивающая стихия его таланта. Его талант состоит в удивительной верности изображения жизни в ее неуловимо-разнообразных проявлениях. Этого-то и не хотел понять г. Шевырев“.

Точка зрения Белинского, в те годы совершенно новая, была затем поддержана самим Гоголем в его автокомментариях, особенно в „Театральном разъезде“ и в известном зачине 7-й главы „Мертвых душ“. Очень возможно, что Гоголь самоопределился в этом направлении не без влияния Белинского. [9] В статье 1840 г. о „Горе от ума“ Белинский еще раз вернулся к трем основным повестям „Миргорода“, видя в них образцы трагедии („Тарас Бульба“), драмы („Старосветские помещики“) и комедии („Повесть о том как поссорился...“). В этой статье, основанной на гегельянском противопоставлении разумной и неразумной действительности, Белинский существенно отошел от своих положений 1835–1836 годов и тем самым – от гоголевских самооценок.

В письме к Жуковскому от 6–8 апреля 1837 г. Гоголь писал о „Старосветских помещиках“ и „Тарасе Бульбе“, что эти две повести „нравились совершенно всем вкусам и всем различным темпераментам“ и добавлял: „все недостатки, которыми они изобилуют, вовсе неприметны были для всех, кроме вас, меня и Пушкина“. Действительно, „Старосветские помещики“, воспринятые как патриархальная идиллия, и „Тарас Бульба“, воспринятый как официозно-патриотическая повесть (хотя ни та ни другая оценка не была верной), были поддержаны даже реакционной критикой в противовес эксцентрической фантастике „Вия“ и особенно в противовес „Повести о том, как поссорился...“ с ее обличительно направленным реализмом. Показательно отношение (1836–1837 гг.) кн. Н. Г. Репнина, дочь которого вспоминала: „Отцу сильно не нравился сатирический склад ума Гоголя, и он был притом сильно недоволен его произведениями, особенно «Миргородом»“ (Шенрок, „Материалы“, т. III, стр. 189). Это было уже после „Ревизора“. Но тогда же начали раздаваться голоса „справа“, проводившие границу между сравнительно „приемлемым“ „Миргородом“ и вовсе неприемлемым „Ревизором“. Так, И. И. Лажечников писал 18 июня 1836 г. Белинскому: „Высоко уважаю талант автора «Старосветских помещиков» и «Бульбы», но не дам гроша за то, чтобы написать «Ревизора»“ (А. Пыпин, „Белинский, его жизнь и переписка“, изд. 2, стр. 104). В „Русском Вестнике“, 1842, Н. А. Полевой также противопоставлял повести Гоголя – разумеется, соответственным образом переосмысленные – „Ревизору“ и „Мертвым душам“, которые труднее поддавались такому переосмыслению: „В шутке своего рода, в добродушном рассказе о Малороссии, в хитрой простоте взгляда на мир и людей г. Гоголь

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
превосходен, неподражаем. Какая прелесть его описание ссоры Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем, его история о носе, о продаже коляски!“.

Дальнейшая борьба с Гоголем и за Гоголя разгоралась уже по поводу „Ревизора“ и „Мертвых душ“. В сознании самого Гоголя „Миргород“ был заслонен „Ревизором“: в так называемой „Авторской исповеди“ Гоголь о Миргороде вовсе не упомянул, несколько искусственно разделив историю своего творчества на два периода: до „Ревизора“ и после него. На самом деле, значение „Миргорода“ как творческого этапа для Гоголя было исключительно велико, так как именно здесь и в одновременных повестях „Арабесок“ обнаружилось то направление Гоголя, которое Чернышевский определил как „критическое“, и те свойства, которые Белинский определил как „совершенная истина жизни“ и как „типизм“ (создание обобщенных характеров). Именно „Миргород“ дал основание критике – прежде всего Белинскому – определить подлинное место Гоголя в литературе его времени и вскрыть содержание его творчества во всей его сложности и противоречивости: формула Белинского „комическое одушевление, всегда побеждаемое глубоким чувством грусти и уныния“ – оказалась определением не только повестей „Миргорода“ и „Арабесок“, но и дальнейших созданий Гоголя – „Ревизора“, „Шинели“, „Мертвых душ“.

„Миргород“ был переиздан в 1842 г. как второй том собрания сочинений. Для этого издания Гоголь радикально переработал „Тараса Бульбу“ и внес ряд поправок в текст „Вия“ (см. комментарии* к этим повестям); та и другая переработка вызвала сочувственный отзыв Белинского (рецензия в „Отечественных Записках“, 1843, № 2). Две остальные повести вошли в новое издание без перемен; грамматические и стилистические поправки были внесены в текст всех четырех повестей Н. Я. Прокоповичем, согласно общему полномочию, полученному на это от Гоголя. К концу второго тома был приложен словарь: „Малороссийские слова, встречающиеся в 1-м и 2-м томе“. Словарь этот был составлен повидимому, Н. Я. Прокоповичем на основании двух словариков, приложенных самим Гоголем к „Вечерам на хуторе близ Диканьки“, а также отдельных примечаний в тексте „Вечеров“ и „Миргорода“. Однако, пояснения к отдельным словам в изд. 1842 г. не всегда совпадают с текстом словарика к „Вечерам“ (например, вместо „спеченый из пшеничной муки хлеб, обыкновенно едомый горячим с маслом“ – „род пшеничного белого хлеба“; вместо „белое покрывало из жидкого полотна, носимое на голове женщинами, с откинутыми назад концами“ – „белое женское покрывало из редкого полотна с откидными концами“ и т. д.). Исправление гоголевских словариков сделано в том же направлении, в каком шли вообще все поправки Прокоповича в тексте „Вечеров“ и „Миргорода“. В некоторых случаях словарик изд. 1842 г. дает и измененные значения слов (например, вместо „золотуха“ – „веред“; вместо (усадыба“ – „поле, окопанное рвом“; вместо „деревянная тарелка“ – „чашка для похлебки“; вместо „род чепца“ – „род женской шапочки“ и т. д.). Вместе с тем в словарик 1842 г. внесено объяснение свыше пятидесяти новых слов, отсутствующих в „Вечерах“, с другой стороны, исключены два слова (запaska, кобза).

Для издания, начатого в 1851 г., Гоголь успел просмотреть корректуры „Старосветских помещиков“ полностью и „Тараса Бульбы“ отчасти (кончая девятым листом) и внес в эти повести некоторые поправки (см. комментарии к этим повестям*).

Библиографическая справка

Ниже указаны работы, специально посвященные „Миргороду“, как циклу повестей, или уделяющие этому циклу значительное место; библиография работ об отдельных повестях указана в конце комментариев к соответственным повестям. Современные Гоголю рецензии на „Миргород“ и критические статьи о нем не приводятся; ссылки на них даны в тексте комментария.

1. В. И. Шенрок, „Гоголь в период Арабесок и Миргорода“ („Материалы для биографии Гоголя“, т. II, гл. I; первоначально в „Вестнике Европы“, 1892, № 7–8).

2. Н. Котляревский, „Гоголь“ (1-е изд; СПб., 1903, 4-е изд, СПб., 1915; о повестях „Миргород“, главы VII и VIII).

3. В. В. Каллаш, „Миргород“. Вступительная статья в „Сочинениях Гоголя“ изд. „Просвещение“, СПб., 1909, т. II; то же в „Сочинениях Гоголя“ изд. Брокгауз-Ефрон, Пгр., 1915, т. II.

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru

4. Н. И. Коробка, „Миргород“. Вступительный очерк в „Полном собрании сочинений Н. В. Гоголя“, изд. „Деятель“, Пгр., 1915, т. II.

5. Василий Гиппиус, „Гоголь“, изд. „Мысль“, Л, 1924; о повестях „Миргород“ – главы III–V и VIII.

6. Н. К. Пиксанов, „Украинские повести Гоголя“ (статья в издании „Собрание сочинений Гоголя“, приложение к журн. „Красная Нива“ за 1931, т. I; перепечатана с дополнениями в книге того же автора „О классиках“, М., 1933).

7. М. Храпченко. Н. В. Гоголь, ГИХЛ, М., 1936; о повестях „Миргорода“ – глава IV.

Старосветские помещики

I

Источники текста

А. Печатные

М – „Миргород“. Повести, служащие продолжением „Вечеров на хуторе близ Диканьки“ Н. Гоголя. Часть первая, СПб., 1835.

П – „Сочинения Николая Гоголя“. Том второй: „Миргород“, СПб., 1842.

Тр – „Сочинения Н. В. Гоголя“. Том второй: „Миргород“, Москва, 1855.

Б. Рукописные

РЛ1 – Автограф. Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

В настоящем издании повесть печатается по „Миргороду“ изд. 1835 г. с исправлениями по автографу.

II

Повесть „Старосветские помещики“ появилась впервые в „Миргороде“, 1835 г., часть первая, стр. 1–55. Вторично повесть была напечатана при жизни Гоголя в издании: „Сочинения“, 1842 г., том второй. В 1855 г., уже после смерти Гоголя, вышли первые четыре тома нового издания его сочинений под редакцией Н. П. Трушковского. Издание это было задумано Гоголем еще в 1850 г., но тогда не осуществилось, хотя некоторые листы первых четырех томов, по свидетельству Трушковского, прошли через авторскую корректуру. Из второго тома, содержащего „Миргород“, при жизни Гоголя было отпечатано девять листов – в том числе, значит, и весь текст „Старосветских помещиков“. Повесть эта не подвергалась значительным переделкам, но некоторые стилистические и грамматические изменения есть и в издании 1842 г. и в издании 1855 г.

Рукописный текст повести (автограф) находится в тетради, хранящейся в рукописном отделении Ленинградской гос. публичной библиотеки. Текст повести (не совсем полный) занимает здесь листы 12–15а от начала, кончая словами „слезы лились как река“, и от слов „Это блюдо“, кончая словами „в самое сердце“. Текст этого автографа очень близок к печатному, отличаясь от него только мелкими вариантами. По всем признакам, с этого автографа была сделана копия, которая и была сдана в набор после сделанных на ней автором исправлений. При сличении рукописного текста повести с текстом „Миргорода“ обнаруживаются, кроме авторских исправлений, некоторые произвольные изменения языка и явные ошибки переписчика или наборщика, не замеченные автором. Что касается текста повести в издании 1842 г., то известно, что его редактор, Н. Я. Прокопович, пользуясь разрешением Гоголя, „исправлял“ некоторые выражения автора, следуя грамматическим и стилистическим правилам.

Итак, мы имеем четыре текста „Старосветских помещиков“. Они отличаются друг от друга исключительно стилистическими и грамматическими вариантами. В издании 1842 г. эти варианты принадлежат не Гоголю, а Н. Я. Прокоповичу, и потому не принимаются во внимание при установке основного текста в настоящем издании; но

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
тем самым должны остаться в стороне и варианты издания 1855 г., представляющие собой дополнения к тексту 1842 г. Остаются, таким образом, автограф и текст „Миргорода“. Печатаемая повесть по „Миргороду“ 1835 г., мы исправляем несомненные погрешности переписки и набора по автографу.

Приводим главные случаи, в которых мы следуем автографу:

Стр. 13, строка 4: берем „пестротую“, считая „простотую“ ошибкой переписчика. Тихонравов оставил „простотую“, но в комментарии написал: „В печатных текстах вместо слова «пестротую» поставлено «простотую»; в этой замене мы подозреваем ошибку писца: из контекста места видно, что автор противопоставляет новому гладенькому строению – «пестроту» обветшавшего домика, стены которого промыты дождем, крыша местами покрыта зеленою плесенью, крыльцо, лишенное штукатурки, выказывает красные кирпичи“ (Сочинения Н. В. Гоголя, 10 изд., т. I, стр. 565.)

Стр. 17, строка 8: берем „комнат“, считая „комнаты“ ошибкой переписчика.

Стр. 22, строка 4: берем „закушивал“, считая „закусывал“ чужой поправкой; ниже (стр. 23, строка 12–13) во всех изданиях сохранилось „закушивал“.

Остальные случаи см. в вариантах*.

III

Повесть „Старосветские помещики“ была задумана и начата Гоголем не раньше конца 1832 г. – после того, как он провел лето (с 20 июля до октября) на родине, в Васильевке. Н. С. Тихонравов поддерживает эту датировку указанием на то, что история исчезновения кошечки и последовавшей затем смерти Пульхерии Ивановны является отражением рассказа, слышанного Гоголем от М. С. Щепкина, с которым он познакомился в Москве у С. Т. Аксакова проездом в Васильевку или на обратном пути. Об этом сообщает А. Н. Афанасьев в статье „М. С. Щепкин и его записки“: „Случай, рассказанный в «Старосветских помещиках» о том, как Пульхерия Ивановна появление одичалой кошки поняла за предвестие своей близкой кончины, взят из действительности. Подобное происшествие было с бабкою М. С-ча. Щепкин как-то рассказал о нем Гоголю, и тот мастерски воспользовался им в своей повести. М. С-ч прочитал повесть и при встрече с автором сказал ему шутя: «а кошка-то моя!» – «Зато коты мои!» – отвечал Гоголь, и в самом деле, коты принадлежали его вымыслу“ („Библиотека для чтения“, 1864, 2, стр. 8). Работа над повестью шла, по-видимому, в конце 1833 г. или в начале 1834 г. Посылая матери вышедший из печати сборник „Миргород“, Гоголь писал ей (12 апреля 1835 г.): „Посылаю вам, в завершение, мои повести, довольно давние, которые, впрочем, недавно вышли из печати“.

Прототипами Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны одни считают деда и бабушку Гоголя (Афанасия Демьяновича и Татьяну Семеновну), другие – знакомых старичков Зарудных (см. Шенрок, „Материалы“, т. II, стр. 141 и В. Чаговец, „Семейная хроника Гоголей“). [10] Несомненно, что, рисуя своих героев, Гоголь пользовался разнообразными фактами и наблюдениями, соединяя их вместе. С. В. Капнист-Скалон (близкая знакомая Гоголя) рассказывает в своих воспоминаниях о старичках Бровковых, у которых они останавливались в Миргороде по дороге в имение дяди, П. В. Капниста: „Старик и старушка встречали нас всегда с большим радушием и не знали, чем и как нас угощать. Чуть ли не их описал Н. В. Гоголь в своей повести «Старосветские помещики». Подъезжая к маленькому домику их, мы видели всегда старика с трубочкой в руках, высокого роста, с правильными чертами лица, выражавшими и ум и доброту, сидевшего на простом деревянном крыльце с небольшими столбиками; он приветливо встречал нас, вводил в маленькую, низенькую и мрачную гостиную с каким-то постоянным особенным запахом и с широкой деревянной дверью, издававшей при всяком входе и выходе ужасный скрип. Тут нас радостно встречала, переваливаясь с ноги на ногу, добрая старушка, его жена... При наших посещениях она больше всего хлопотала о том, чтобы изготовить нам чудный малороссийский стол и накормить людей и лошадей наших... Старушка... делала <много> добра в жизни своей, и неудивительно, что когда она скончалась, то никто в городке том не запомнит таких трогательных похорон. Дом и двор их до того были наполнены плачущими и благодетельствованными ею людьми, что стороннему человеку трудно было добраться до ее гроба. О сю пору память о ней сохраняется в Миргороде“ [11]

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Повесть „Старосветские помещики“ написана в тонах идиллии, но трогательное чередуется в ней с комическим, а комическое переходит в грустное. Пушкин дал очень точную характеристику этой повести: „шутливая трогательная идиллия, которая заставляет вас смеяться сквозь слезы грусти и умиления“ („Современник“, 1836, 1). В гоголевской литературе уже указывалось на то, что Гоголь в этой повести зависит от карамзинской традиции. В 1832 г. Гоголь писал из деревни престарелому другу Карамзина, И. И. Дмитриеву: „Теперь я живу в деревне, совершенно такой, какая описана незабвенным Карамзиным. Мне кажется, что он копировал малороссийскую деревню, так краски его яркие и сходны с здешней природой“.

Эта цитата, взятая сама по себе, может навести на мысль, что в „Старосветских помещиках“ Гоголь не только связан с традицией карамзинского стиля, но и проникнут тем же патриархально-идиллическим духом. Между тем, вслед за приведенными словами (адресованными, чего не нужно забывать, другу Карамзина) идут размышления и соображения совсем иного, не карамзинского характера: „Чего бы, казалось, недоставало этому краю! Полное, роскошное лето! Хлеба, фруктов, всего растительного гибель! А народ беден, имения разорены и недоимки неоплатные. Всею виною недостаток сообщения: он усыпил и обленивел жителей. Помещики видят теперь, что с одним хлебом и винокурением нельзя значительно возвысить свои доходы. Начинают понимать, что пора приниматься за мануфактуры и фабрики; но капиталов нет, счастливая мысль дремлет, наконец умирает, а они рыскают с горя за зайцами“. Эти темы и соображения не высказаны в повести прямо, но составляют ее несомненную основу. Начальные слова („Я очень люблю“), как и всю повесть, нельзя понимать прямо, вне юмора и даже иронии, окрашивающих повествовательный тон Гоголя. Рассказ о том, как войт и приказчик обкрадывают „старосветских помещиков“, не имеет ничего общего с идиллией и вполне соответствует тому, о чем говорится в письме („Хлеба, фруктов, всего растительного гибель!“ и т. д.). Наконец, финал повести переводит ее уже прямо из жанра будто бы идиллии в жанр реалистического очерка, рисующего судьбу разоряющихся помещиков этого „необыкновенно уединенного“ края. Итак, видеть в „Старосветских помещиках“ прямую идиллию было бы неверно, как неверно было бы и умозаключать от такого понимания повести к преобладанию элементов патриархального мышления у Гоголя этой поры.

„Старосветских помещиков“ можно назвать идиллией только с оговорками, как это и сделал Пушкин. Гоголь и в самом деле строит всю повесть на своеобразном, противоречивом сочетании идиллического стиля с комическими сюжетными положениями и деталями и с реалистическими подробностями быта и обстановки в „фламандском“ вкусе. На фоне такого рода подробностей „идиллические“ элементы „Старосветских помещиков“ звучат скорее как преодоление сентиментально-идиллического стиля, чем как действительное следование ему. Интересно, что традиционный „буколический“ тезис идиллии использован Гоголем для истории кошечки, соблазненной дикими котами: „набралась романических правил, что бедность при любви лучше палат“. Ироническое отношение к сентиментально-идиллическим традициям здесь очевидно.

В эволюции Гоголя от идиллических „Вечеров“ к критическому реализму комедий и петербургских повестей „Старосветские помещики“ имеют огромное значение как преодоление реакционных традиций сентиментальной идеализации действительности, господствовавших в русской прозе 20-х годов.

Тарас Бульба

I

Источники текста

А. Печатные

М – „Миргород“. Повести, служащие продолжением „Вечеров на хуторе близ Диканьки“ Н. Гоголя. Часть первая, СПб., 1835.

П – „Сочинения Николая Гоголя“. Том второй: „Миргород“, СПб., 1842.

Тр – „Сочинения Н. В. Гоголя“. Том второй: „Миргород“, Москва, 1855.

Б. Рукописные

РЛ1 – Автограф (текст первой редакции). Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

РМ1 – Автограф. Первоначальные черновые наброски глав V, VI, VII и IX (по окончательному счету), переработанных для второй редакции. Публичная библиотека СССР имени В. И. Ленина в Москве.

РК1 – Автограф. Рукопись второй редакции. Библиотека Украинской Академии Наук в Киеве.

РМ2 – Авторизованная писарская копия второй редакции. Публичная библиотека СССР имени В. И. Ленина в Москве.

В настоящем издании в основном тексте печатается вторая редакция „Тараса Бульбы“ по автографу РК1, с дополнениями и исправлениями по авторизованной копии РМ2 и в отдельных случаях – по другим рукописным и печатным источникам (подробности см. ниже).

Первая редакция повести печатается (в разделе „других редакций“) по „Миргороду“ изд. 1835 г. с дополнениями и исправлениями по автографу РЛ1.

II

Повесть Гоголя „Тарас Бульба“ при жизни Гоголя была напечатана дважды: сначала в отдельном издании „Миргорода“ 1835 г. затем в т. II „Сочинений Николая Гоголя“, где повесть была значительно переделана и расширена более чем вдвое. Кроме того, для задуманного второго издания своих „Сочинений“ Гоголь в 1851 г. просматривал корректуры первых листов „Тараса Бульбы“ (главы I–IX) и внес в текст повести ряд поправок. Вторая редакция повести, печатаемая в основном тексте настоящего издания, сохранилась в ряде рукописей: 1) первоначальные черновые наброски перерабатываемых глав (РМ1); 2) ряд рукописей (РК1), содержащих в некоторых частях по два последовательных слоя работы над второй редакцией повести; рукописи эти, однако, не дают полного текста повести, так как отдельные места, вероятно правились Гоголем непосредственно по экземпляру „Миргорода“; 3) авторизованная писарская копия повести (РМ2), переписанная писцом (не вполне исправно) с автографа РК1 и в нескольких случаях еще раз исправленная Гоголем.

В соответствии с общими принципами издания, текст второй редакции мы печатаем по киевской рукописи РК1 с дополнением по московской копии (РМ2) отрывков, отсутствующих в ней, и с учетом гоголевской правки в этой копии. Отдельные случаи, в которых мы дополняем текст киевской рукописи, либо отходим от него, перечисляются ниже. В отделе „других редакций“ печатается редакция 1835 г., а также текст промежуточной редакции глав V, VIII и IX (из РК1 с вариантами по РМ1); текст главы VI дан, кроме того, в первоначальном наброске (РМ1), существенно отличающемся от окончательной редакции РК1; промежуточная редакция этой главы неизвестна.

Попытку реализации замысла „Тараса Бульбы“ следует относить, по-видимому, к концу 1833 г., когда Гоголь усиленно стремился „туда, туда! в Киев, в древний, в прекрасный Киев“ (письмо к М. А. Максимовичу от декабря 1833 г.), мечтая о кафедре истории в открываемом тогда Киевском университете и замышляя широкие планы исторических трудов, в частности трудов по истории Украины.

„Истории Малороссии“, всей „от начала до конца“, „или в шести малых, или в четырех больших томах“ (письмо к М. А. Максимовичу от 12 февраля 1834 г.) Гоголь так и не написал. Осколками грандиозного замысла истории Украины явились две статьи: „Взгляд на составление Малороссии“ и „О малороссийских песнях“ („Журнал Министерства народного просвещения“, 1834, № 4, апрель, отд. II, стр. 1–15, 16–26) и повесть „Тарас Бульба“, отдельные страницы которой, как и самый замысел, близко связаны с обеими статьями. Гоголь датировал первую статью 1832 годом и упоминал об этих статьях, как о написанных давно; см. письма к М. П. Погодину от 19 марта 1834 г. и к М. А. Максимовичу от 28 мая 1834 г. Несмотря на это, исследователи, начиная с Н. С. Тихонравова, совершенно справедливо относят обе статьи к концу 1833 г., связывая их с отмеченным уже увлечением Гоголя историю Украины.

Хронологическая связь первой из отмеченных статей с повестью Гоголя

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru подчеркивается также местом первой редакции „Тараса Бульбы“ в записной тетради Гоголя (РЛ1): ей предшествуют отрывки „Взгляда на составление Малороссии“, отрывок исторической повести „Мне нужно видеть полковника...“ и „Старосветские помещики“, а следом за нею идет „Вий“. Этим определяется приблизительная дата первой редакции „Тараса Бульбы“; более точно начало работы над ней можно датировать мартом – апрелем 1834 г., если учесть, что среди источников „Тараса Бульбы“ несомненно была „Запорожская Старина“ И. И. Срезневского и что первые два выпуска „Запорожской Старины“ Гоголь получил лишь в конце февраля – начале марта 1834 г. (12 февраля 1834 г. он жалуется М. А. Максимовичу: „Запорожской Старины я до сих пор нигде не могу достать“; а 6 марта уже благодарит самого И. И. Срезневского: „Вы уже сделали мне важную услугу изданием Запорожской Старины“).

Черновая рукопись повести, сохранившаяся в тетради РЛ1, была во второй половине того же 1834 г. переписана для издания в „Миргороде“, причем подверглась систематической правке. Сохранив в неприкосновенности всё развитие сюжета, отдельные характеристики, описания и мотивировки, Гоголь разделил текст на главы (в черновой рукописи это разделение лишь кое-где намечено), пытался преодолеть некоторый схематизм черновой рукописи, дополнить и расцветить сюжетную ткань повести новым материалом, в отдельных случаях даже новыми эпизодами.

Особо следует отметить три отрывка, переработка которых вызвана, вероятно, цензурными условиями. Так, в черновой рукописи после слов Бульбы о науке и просвещении следует фраза: „Бульба присовокупил еще одно слово, которого однако же цензора не пропускают в печать и хорошо делают“. В „Миргороде“ последняя фраза была изменена следующим образом: „Бульба присовокупил еще одно слово, которое в печати несколько выразительно и потому его можно пропустить“. По цензурным, очевидно, соображениям была изменена в „Миргороде“ и речь кошевого. В черновой рукописи кошевой, жалуясь на то, что не только наружность церкви в Сечи, но даже внутренние образа „вот сколько лет уже“ стоят „без всякого убранства“, прибавляет: „Николай-угодник божий, сердега, в таком платье, в каком нарисовал его маляр и до сих пор даже и серебряной рясы нет на нем. Варвара великомученица только то и получила, что уже в духовной отказали иные козаки“. В „Миргороде“ имена святых были исключены, и речь оказалась таким образом обезличенною: „Хотя бы серебряную рясу кто догадался им выковать. Они только то и получили, что отказали в духовной иные козаки“. Очевидно, по цензурным соображениям исключен в „Миргороде“ и лирический отрывок о запорожском танце, „который по своим могучим изобретателям носит название козачка“. В черновой рукописи после этого следует: „Только в одной музыке есть воля человеку. Он в оковах везде. Он сам себе кует еще тягостнейшие оковы, нежели налагает на него общество и власть, везде, где только коснулся жизни. Он раб, но он волен, только потерявшись в бешеном танце, где душа его не боится тела и возносится вольными прыжками, готовая завеселиться на вечность“. Освобождая текст Гоголя от цензурных искажений, мы указанные три варианта черновой рукописи вводим в текст первой редакции „Тараса Бульбы“.

При подготовке черновой рукописи к печати Гоголем были внесены и некоторые хронологические исправления: в рукописи действие повести отнесено к XV веку („время это касалось XV века“, „грубый XV век“). В „Миргороде“, в части случаяев, XV было исправлено на XVI; в некоторых же местах, – вероятно, по рассеянности Гоголя, – попрежнему остался XV в. Отсюда тот хронологический разнобой, который приводил в смущение исследователей-историков, писавших о „Тарасе Бульбе“.

Большая небрежность черновой рукописи „Тараса Бульбы“, крайне неразборчивый в отдельных местах почерк, пропуски отдельных слов (напр., „Они скоро пришли к строению, имевшему <вид> сидевшей цапли“), частое смазыванье окончаний слов в конце строк и слитное написание, от рассеянности, нескольких слов (типа „потукул“ = „потонул частокол“, „околеги“ – „около телеги“); наконец, совершенно необработанный и даже незаконченный вид отдельных фраз и сцен (так, не окончена и обрывается на полуслове сцена свидания Андрия с полячком в осажденном городе), – всё это привело к тому, что и в текст „Миргорода“ вкралось несколько погрешностей. В настоящем издании они исправлены. Наиболее существенна поправка в сцене посещения Бульбой и Янкелем пленного Остапа. В „Миргороде“ читаем: „...Тарас увидел порядочное количество в полном вооружении“. В РЛ1 вместо „порядочное количество“ было написано слово „воинов“, зачеркнутое и замененное сверху неразборчивым словом (не прочтенным ни переписчиком, ни последующими редакторами): „гайдуков“. Это слово и введено нами в текст. На основании черновой рукописи мы исправляем в тексте первой редакции „Тараса Бульбы“:

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
„красные платки летели по темному небу“ (вместо „летали“), „славных защитников“ (вместо „главных“); затем систематически восстанавливаем (в первой редакции) по РЛ1 написание „Сеча“ (в „Миргороде“ то „Сеча“, то „Сечь“).

Переработкой текста черновой рукописи для „Миргорода“ не закончилась творческая работа Гоголя над „Тарасом Бульбою“. В собрании сочинений Гоголя 1842 г. появилась новая переработка „Тараса Бульбы“ (т. II, стр. 55–304), при которой объем повести увеличился вдвое, появились совершенно новые эпизоды, положения, существенно изменился наконец общий ее идейный замысел. Перерабатывал повесть Гоголь не одновременно и не подряд: отдельные главы подвергались лишь незначительным редакционным изменениям, другие были написаны совершенно заново. Так, в главу I Гоголь вставил обширную историческую характеристику возникновения казачества и запорожского войска; в общем же эта глава сохранила свой первоначальный вид, как и глава II. Зато глава III дала материал для двух новых глав – III и IV; распространение пошло за счет обширных вставок о составе Сечи, о ссорах куреней, о законах и обычаях Сечи. Совершенно по-новому рассказывается о развенчании старого кошевого и о выборах нового, о подготовке к морскому походу. Глава IV первой редакции послужила основой также для двух новых глав (V и VI), написанных почти совершенно заново. Мало изменив рассказ о казацком нашествии на Польшу, Гоголь зато детально остановился на психологической стороне измены Андрия, тщательно характеризовал его душевные переживания и впечатления (новыми являются здесь описания католического монастыря и дома воеводы, для которых материалом послужили, очевидно, итальянские впечатления Гоголя) и особенно подробно разработал сцену встречи Андрия с полячкой. Главе V редакции „Миргорода“ соответствует новая глава VII, которая также написана заново: вместо сжатого рассказа о битве под Дубном Гоголь развертывает эпическое повествование, эмоционально насыщенное, с апофеозом казачества, его мощи и удалства. В новых главах VIII и IX, переработанных из материала глав V и VI редакции „Миргорода“, Гоголь меняет характеристику Андрия в бою с запорожцами: вместо подчеркнутой трусости даны черты любовного самозабвения в самой битве. Новово написана сцена последнего боя запорожцев с полячками под Дубном с эпическими характеристиками отдельных героев-казаков (особенно обширна характеристика Мосия Шила) и с речами Тараса Бульбы. Последние три главы (VII–IX) редакции „Миргорода“ подверглись лишь незначительным изменениям и составили главы X–XII переработанной редакции.

Таким образом, наибольшее внимание Гоголя привлекли главы о походе запорожцев на Польшу, об осаде Дубна и об измене Андрия. К переработке этих глав он возвращался неоднократно. Среди бумаг Гоголя сохранилось, по крайней мере, три промежуточных (между „Миргородом“ и изданием 1842 года) рукописных редакции этих глав (V–IX). Так, в Публичной библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве среди гоголевских бумаг, поступивших от А. А. Иванова, сохранилось четыре больших рукописных отрывка с рядом позднейших приписок, представляющих первую попытку новой переработки „Тараса Бульбы“ (шифр библиотеки № 2205, шифр нашего издания – РМ1). Отрывок первый дает первоначальный текст глав V и VI новой редакции (кончая словами „Как же вы“, сказал Андрий > „претерпевая такую лютую смерть, всё еще думаете защищаться?“; ср. выше, стр. 82–99); отрывок второй, не являясь непосредственным продолжением первого, приблизительно соответствует стр. 100–107 (от слов „Он услышал шопот“), приближаясь более к тексту первой редакции и не содержа еще лирического диалога Андрия с полячкой, который Гоголь начал набрасывать на этом же листе, очевидно, тотчас же по окончании первоначального наброска. Третий отрывок содержит весь текст новой главы VII, уже довольно близкий к окончательному и отличающийся от него лишь стилистическими деталями. Наконец, четвертый отрывок содержит почти всю главу VIII; в основном тексте отрывка отсутствует только лирическая концовка главы („Не о корысти и военном прибытке теперь думали они...“), однако концовка эта появляется в одной из приписок, сделанных, судя по почерку, тотчас же вслед за основным текстом; пять других обширных вставок также приближают окончательный текст четвертого отрывка к тексту главы VIII в редакции 1842 г. Кроме указанных четырех значительных отрывков, РМ1 содержит также шесть отдельных листков, написанных в разное время и являющихся начальной стадией переработки повести, в частности – отрывками глав V, VI и VIII. Текст отрывков и приписок опубликован (весьма, впрочем, неточно) Н. С. Тихонравовым (Соч., 10 изд., т. I, стр. 577–624; описание РМ1 см. в т. VII, стр. 866–867).

Некоторое время спустя текст всех этих набросков был переписан самим Гоголем в пяти тетрадях голубой бумаги. В процессе переписки текст получил новые изменения; в частности, Гоголем было написано (уже по окончании переписки) новое окончание главы VI, причем листок с первоначальным текстом переписанного

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru окончания был из тетради вырезан и впоследствии занял место среди указанных выше листков (в РМ1). Впоследствии же Гоголь занялся новой переработкой текста перебеленных глав, делая обширные вставки, изменения и исключения, подчас перерабатывая текст до полной неузнаваемости. В отдельных местах рукописи этой коренной переработке предшествовала еще предварительная правка карандашом, в большинстве случаев совпадающая с позднейшей переработкой, но иногда дающая промежуточные варианты. Таким образом, одна рукопись дает одновременно два, а подчас и три разновременных текстовых слоя, определяющих различные этапы авторской работы.

На существенное значение этих переработок и, в частности, первоначального белого текста, указывал еще Н. С. Тихонравов, сделавший попытку вскрыть этот текстовый слой, освободив его от последующих исправлений (см. „Тарас Бульба“ Н. В. Гоголя. Главы неизданной редакции – „Русская Старина“ 1887, № 3, стр. 711–731; № 4, стр. 95–128; также Соч., 10 изд., т. I, стр. 454–498). Исследователю однако не удалось совершенно разделить два последовательных текстовых слоя рукописи (отличающихся цветом чернил и характером почерка). Кроме того, Тихонравов не отметил непосредственной генетической связи первого белого текста с первоначальными набросками из РМ1.

Одновременно с окончательной отделкой указанных глав Гоголь переписал начисто (на белой бумаге) те места из глав I, III и IV, которые подверглись наибольшей переработке: глава I до слов „...и пришел усталый от своих забот“, глава III от слов „Сечь состояла из шестидесяти слишком куреней“ до конца, и глава IV с начала до слов: „Позвольте, панове запорожцы, речь держать!“ – „Держи!“, и затем от слов „...все с совета всех старшин“ до конца. Тогда же, повидимому, была начисто переписана глава IX. Вся переработка велась Гоголем с учетом текста „Миргорода“, т. е. в рукопись не вносились те части текста, напечатанного в „Миргороде“, которые в процессе работы не были сколько-нибудь существенно изменены. Такое положение мы имеем с текстом глав I–IV. То же мы видим, например, в тексте главы X, где после слов „и тихо понутив голову, говорил он: „Сын мой! Остап мой!“ в рукописи сделан небольшой пропуск, после чего текст начинается словами „Он уходил в луга и степи“; промежуточный текст перешел в издание 1842 г. из „Миргорода“ без всяких изменений. Эта же глава X обрывается в рукописи словами „Тарас вошел в светлицу. Жид“, приписанными позднее и предназначавшимися, очевидно, для сведения переписчика.

Переработанная рукопись была передана автором Н. Я. Прокоповичу для подготовки издания 1842 г.; после смерти Прокоповича она была приобретена, в числе других рукописей Гоголя, графом Г. А. Кушелевым-Безбородко и пожертвована им Нежинскому лицу князя Безбородко (см. Н. Гербель, „О рукописях Гоголя, принадлежащих Лицу князя Безбородко“, „Время“, 1868, № 4, стр. 606–614; ср. „Русская Старина“ 1887, № 3, стр. 711–712); в 1934 г. рукопись была передана из библиотеки Нежинского пединститута в рукописное отделение Библиотеки Украинской Академии Наук в Киеве (в нашем издании она обозначена шифром РК1). Рукопись, переплетенная уже по смерти автора, имеет в настоящее время следующий вид: листы 1–8 заняты совершенно перебеленным текстом главы I с весьма незначительными поправками; листы 8 об. – 12 об. чистые; листы 13–19 об. заняты главами III–IV, листы 2–20 об. чистые; листы 21–22 об. – концом главы IV; листы 23–24 об. – чистые; листы 25–37 – главою V (носящей нумерацию IV); лист 37 об. чистый; листы 38–50 – главою VI (V); листы 51–65 об. – главою VII (VIII); листы 66–75 об. – главою VIII (IX); листы 75–90 – главою IX (X), листы 91–94 – главою X; листы 94 об. – 96 об. – чистые; листы 97–110 заняты перебеленным начисто текстом главы IX; листы 110 об. – 112 об. чистые; листы 112 об. – 113 содержат черновой набросок отрывка из главы IX. При этом, как сказано, главы V–IX содержат в себе по два последовательных слоя работы, весьма различных (кроме главы VI, в которой разница эта не велика и поддается редакционной сводке); эти два текстовых слоя обозначаются нами в своде вариантов РК1а (ранний текст) – РК1б (позднейший текст).

Ни в переписке Гоголя, ни в мемуарной литературе о нем мы не найдем никаких указаний на хронологию работы Гоголя над этой переработкой повести. Н. С. Тихонравов, изучив бумагу и водяные знаки отдельных набросков и целых отрывков, сравнив их с другими произведениями Гоголя, датировка которых не представляет тех затруднений, какие встают перед исследователем „Тараса Бульбы“, пришел к выводу, что работа Гоголя шла „в продолжение почти трех лет (август 1839 г. – май 1842 г.)“. Этот вывод Тихонравова (см. Соч., 10 изд., т. I, стр. 659) действительно подтверждается рядом данных творческой биографии Гоголя. В августе

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
1839 г. за границей Гоголь снова испытывает период увлечения украинской историей и фольклором. 15 августа из Мариенбада он пишет М. П. Погодину: „Малороссийские песни со мною. Занимаюсь и тшусь, сколько возможно, надышаться стариною“. Это беглое и неясное упоминание получает дальнейшее раскрытие в письме к С. П. Шевыреву из Вены (25 августа 1839 г.). Тихонравов склонен относить эти туманные намеки именно к началу переработки „Тараса Бульбы“. Это „новое“ изучение украинской истории, – которое Тихонравов относит к „венскому уединению“ 1839 г. и связывает с началом переработки „Тараса Бульбы“, – запечатлено, по его словам, рядом исторических выписок и заметок, между прочим, из рассказа Стрыйковского о литовских князьях, из книги Шерера „Annales de la Pet te Russie“ и в особенности – из „Описания Украины“ Боплана (см. Соч., 10 изд. т. I, стр. 627–623, 629–630, 630–633); последние выписки, по словам Тихонравова, представляют „особенный интерес для истории «Тараса Бульбы»“ (630). При этом, однако, Тихонравов не обратил внимания на то, что выписки из Стрыйковского и Шерера по содержанию своему слишком далеки от сюжета „Тараса Бульбы“ и вряд ли могли быть сделаны Гоголем только в расчете на предстоящую переработку повести; что же касается выписок из Боплана, то одни из них были использованы еще в первой редакции повести (например: „Нужно, чтобы козак был и мастеровой. У запорожцев много было мастеров: кузнецы, оружейники, тележники, плотники для постройки домов и лодок, кожевники, сапожники, бочары, портные и пр.“ – ср. у Гоголя стр. 75; или „Огородка телегами табора“ – ср. 132–133; или „Большой остров и около него десятки тысяч островов, которые служили скарбницею для козаков. В войсковой скарбнице делили они свою добычу“, ср. 75, 122), другие вовсе не были использованы в повести и даже как будто мало подходили к ее сюжету. Лишь одна выписка из Боплана была действительно использована Гоголем в новой редакции „Тараса Бульбы“: „У козаков есть обычай принимать в свои ряды того, кто проплывет все пороги против течения“ (ср. 68). Кроме того, на том же листке набросано Гоголем (на основании сведений Боплана) начало речи кошевого: „Распоряжение полковника: «Смотрите же, не так одевайтесь, как ляхи, которые как навешает около себя [и баклагу] и веревок, и точил, и ложек, и платков, еще и сумку с гребенками и с бельем и чаро<к>, да еще к седлу и баклагу привяжет, в ведро величиною. Ничего не рубите <берите? Ред.>, кроме пи<щали?>; веревок не нужно; нечего вязать пленного, только времени трата»“ (ср. 81).

Между тем из дальнейших писем Гоголя того же времени можно почерпнуть более конкретные данные о реализации новых украинских увлечений. 10 сентября 1839 г., например, он сообщает Шевыреву: „Труд мой, который начал, не идет; а чувствую, вещь может быть славная. Или для драматического творения нужно работать в виду театра, в омуте со всех сторон уставившихся на тебя лиц и глаз зрителей, как я работал во времена оны“.

Очевидно, что Гоголь имеет в виду задуманную и впоследствии сожженную трагедию „из истории Запорожья“, о которой сообщал С. Т. Аксакову, что в ней „всё готово до последней нитки, даже в одежде действующих лиц, и что ему будет слишком достаточно двух месяцев, чтобы переписать ее на бумагу“ (С. Т. Аксаков, „История моего знакомства с Гоголем“, стр. 24). Повидимому, обращение Гоголя в 1839 г. к родной старине связано было прежде всего с этой именно трагедией из истории Запорожья, и лишь в результате неудачи этого замысла (не ранее конца 1840 г.) подготовленный для драмы художественный материал был использован в новой редакции „Тараса Бульбы“. Свою работу Гоголь, начал, повидимому, несистематически, прямо с „украинско-польских“ глав, для которых у него и был собран значительный материал. Однако в продолжение 1841 г. Гоголь успел даже перебеливать сделанные разновремененно наброски, и к концу года, когда выяснилась перспектива издания собрания сочинений, относится уже исправление перебеленной редакции (РК1б из РК1а); тогда же сделаны исправления текста „Миргорода“ для тех глав и отрывков, которые не претерпели существенных изменений. В это же время исправлены Гоголем и некоторые несообразности, которые явились следствием разновременного написания отдельных эпизодов; так, например, в главе VIII (гл. VII по окончательному счету) говорилось о смерти „бравого куренного атамана Кукубенка“, а дальше, в главе X, рассказывалось о том, как этот же Кукубенко „ударил“ в неприятельскую конницу. В это же время был переделан и конец главы IX, причем главным действующим лицом вставного эпизода о славном подвиге козака, перебившего веру для спасения запорожцев из турецкой неволи, был сделан Мосий Шило (вместо прежнего Закрутыгубы).

Весь обработанный окончательно материал новой редакции повести был переписан начисто писцом, – тем же, который переписал для цензуры последние девять глав первого тома „Мертвых душ“. Вслед за Тихонравовым мы датировем эту копию началом

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
1842 г. Писарская копия „Тараса Бульбы“ (РМ2) впоследствии поступила среди бумаг А. А. Иванова в Московский Румянцевский музей – ныне Публичную библиотеку СССР имени В. И. Ленина, где и находится в настоящее время (№ 2208).

Там, где переписка производилась с исправного оригинала (например, с экземпляра „Миргорода“), – переписчик сохранял даже мелкие особенности текста. Там же, где переписчику приходилось иметь дело с запутанной и исчерканной рукописью, появляются довольно частые описки: „Пидсышок“ вм. „Пидсыток“ (64, 5; там же, 7: Пидсышкова), „рокоты“ вм. „ропоты“ (97, 7), „иссохлое“ вм. „исчахлое“ (98, 34), „поначадились“ вм. „понаедались“ (110, 5), и т. п. В отдельных случаях переписчик – сознательно или бессознательно – исправлял язык автора. Так например, „снявши“ переписчик исправляет на „сняв“ (117, 34) „вострым“ – на „острым“ (118, 4), „полтора дни“ – на „полтора дня“ (122, 28), „знаку“ – на „знака“ (130, 7), „бусурменов“ – на „бусурманов“ (130, 22), „убиты“ – на „вбиты“ (142, 8). Из систематически повторяющихся ошибок переписчика отметим написание названия куреня: „Незамайковский“ вм. „Незамайновский“ в гоголевском оригинале. В нескольких случаях переписчик, не разобравшись в авторских исправлениях, включил в переписанный текст варианты, самим Гоголем отброшенные (см., например, 102*, 21–22: „Душевные движенья и чувства, которые дотоле как будто кто-то удерживал тяжкою уздою, теперь почувствовали себя освобожденными“, вместо позднейшего чтения РК1: „Всё, что дотоле удерживалось какою-то тяжкою уздою, теперь почувствовало себя на свободе“; или 102, 30–31, где дан черновой вариант: „С неизъяснимым наслаждением глядел Андрий“, вместо позднейшего: „Андрий приникнул духом и только глядел“ (ср. также 100, 19–20). В нескольких же случаях переписчик оставил пробелы на месте непрочитанных слов; из них два пробела были восстановлены самим Гоголем („Но раздобрел вновь Попович, пустил за ухо оселедец, выростил усы густые и черные, как смоль. И крепко был на удкое слово Попович“, 116, 3–5 „не прикрывши прилично наготы твоей“, 116, 21–22); два пропуска оказались не восполненными вовсе („Гущина звезд, составлявшая млечный путь... поясом переводившая небо“, 89, 1–3, пропущено „и косвенным“; „Несколько мужчин прислоняся у колонн и... на которых возлегал боковые своды“, 96, 26–28, пропущено „пилястр“). Остальные пропуски были восстановлены в самой рукописи Н. Я. Прокоповичем, по сверке с автографом (в одном случае Прокопович исправил „присвиснувши веревками к седлу“ на „прикрепивши“ 147, 16).

Переписанная рукопись была просмотрена самим Гоголем, но очень бегло и поверхностно; семь явных пропусков переписчика были оставлены без внимания, не говоря о нескольких очевидных пропусках самого Гоголя (в рукописи и „Миргороде“), которые были сохранены переписчиком (см. ниже, стр. 714–715*). В то же время однако Гоголь, пробегаая рукопись, сделал несколько новых поправок и дополнений: „Не печалься, друзьяка!“ (116, 18; здесь Гоголь возвратился к отвергнутому было варианту РК1а); „Да уж и не сказали козаки, что такое ну“ (117, 3–4); „Да разве найдутся такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу“ (172, 13–15); после этих слов Гоголь приписал было еще. „Нет, чорт побери всех прислужников чорта! не найдутся такие огни, муки и такая сила“, – однако тут же зачеркнул эту фразу. Кроме того, в одном месте самим Гоголем сделана незначительная перестановка слов: вместо „им хоть“: „хоть им“ (113, 15) в другом – исправлено: „Ничего не умел сказать на это Андрий“, вместо прежнего „не знал“ (102, 6).

Уехав в начале июня 1842 г. за границу, Гоголь поручил все заботы о печатавшемся собрании своих сочинений Н. Я. Прокоповичу, передав ему все рукописные материалы, в том числе и обе рукописи „Тараса Бульбы“ (т. е. РК1 и РМ2). В обширном письме из Гастейна от 27 (15) июля 1842 г. Гоголь писал к Прокоповичу: „При корректуре второго тома прошу тебя действовать как можно самоуправней и полновластней: в «Тарасе Бульбе» много есть погрешностей писца. Он часто любит букву и; где она не у места, там ее выбрось; в двух-трех местах я заметил плохую грамматику и почти отсутствие смысла. Пожалуйста, поправь везде с такою же свободой, как ты переправляешь тетради своих учеников. Если где частое повторение одного и того же оборота периодов, дай им другой, нисколько не сомневаясь и не задумываясь, будет ли хорошо, – всё будет хорошо. Да вот что самое главное: в нынешнем списке слово: «слышу», произнесенное Тарасом пред казнью Остапа, заменено словом «чую». Нужно оставить по прежнему, т. е. «Батько, где ты? Слышишь ли ты это?» – «Слышу». Я упустил из виду, что к этому слову уже привыкли читатели и потому будут недовольны переменою, хотя бы она была и лучше“. Письмо это дает таким образом еще одну гоголевскую поправку к тексту РМ2; еще раз Гоголь напомнил об этой поправке в письме к Прокоповичу от 22 (10) октября 1842 г. Однако первая часть письма вызывает некоторые недоумения: явных

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
погрешностей писца на самом деле можно обнаружить в тексте РМ2 совсем немного, а частое употребление союза „и“ всецело восходит к гоголевскому оригиналу.

Прокопович внимательно и по-своему добросовестно отнесся к просьбе Гоголя и усердно принялся за правку текста его произведений и в особенности „Тараса Бульбы“. В самой писарской копии следов этой правки немного; очевидно, основная правка производилась Прокоповичем во время чтения корректур. Всего в тексте „Тараса Бульбы“ Прокоповичем сделано свыше 600 поправок. Большая часть их приходится на долю отдельных слов и словосочетаний, которые казались Прокоповичу не соответствующими нормам русского литературного языка. Он, например, последовательно заменяет местоимение „сей“ на „этот“, „тот“. Вместо „татарву“ Прокопович ставит „татаров“, вм. „овцепасы“ – „овцеводы“, вм. „кади“ – „кадки“, вм. „дюжую“ – „крепкую“, вм. „задвинуты“ – „засунуты“, вм. „прилипнула“ – „прилипла“, вм. „катались“ – „валялись“, вм. „бежали“ – „убегали“, вм. „поворотить“ – „пошевелить“, вм. „дотрогивался к щекам“ – „дотрогивался до щек“, вм. „округу“ – „окружность“, вм. „гибель“ – „бездна“, вм. „были похожи“ – „походили“ вм. „произнес“ – „спросил“, вм. „углубивши глаза“ – „потупив глаза“, вм. „временами“ – „по временам“; „бычачье мычанье“ Прокопович заменил на „мычанье быков“, „Крепкое слышалось в его теле“ – на „Крепостью дышало его тело“, „чистота и прозрачность стояла“ на „чисто и прозрачно было“ и т. д. Имя кошевого Кирдюг Прокопович почему-то переделал на Кирдяга, хотя неоднократное неписание этого слова в автографе не могло подать повода сомнениям. В различных местах и много раз Прокопович выпускал из текста отдельные слова, а подчас и целые отрывки фраз (например: „наносащих легких вечерних мечтаний человеку“, 104, 35; „чем под всяким другим нехристом“, 137, 22; „сучья с древесными листьями, мелькнувшие ему в самые очи“, 146, 2–3 и др.).

Насколько можно судить, Гоголь остался недоволен деятельностью Прокоповича, хотя и пытался скрыть свое недовольство признанием доли собственной вины в происшедших погрешностях (см. письмо его к Прокоповичу от 24 сентября 1843 г.).

В 1850–1851 гг. Гоголь для нового издания своих произведений прочел часть корректуры „Тараса Бульбы“ (кончая девятым листом до слов „...вмиг притихает бешенный порыв и упадет бессильная ярость. Подобно тому, в один миг“, ср. 143, 28–29). При этом Гоголь, повидимому, лишь мельком пробежал корректурные листы, кое-где останавливаясь и внося свои поправки, но тут же рядом пропуская без внимания совершенно очевидные искажения и пропуски предшествовавшего издания. Так, например, исправив на стр. 162 прежнее „распоряжал кошевой“ на „распоряжался“, Гоголь пропустил без внимания на той же странице искажение переписчика, перешедшее и в издание 1842 г. („поначадились все так“ вместо „понаедались“ в гоголевском автографе, а на предыдущей странице – очевидную опечатку „Тунношевский курень“ вместо „Тымошевский“). Значительную часть гоголевских поправок составляют поправки стилистические: „из милости только оказываемые ласки“ Гоголь исправляет на „ласки, оказываемые только из милости“ „и за каждый кусочек которых, за каждую каплю крови она отдала бы всё“ заменяется на „а за каждую каплю крови их она отдала бы себя всю“, „дерево, раскинувшееся ветвями, упиравшимся в самую крышу дома“ – „дерево, которое раскидывалось ветвями на самую крышу дома“; „понес название козачка“ – „назван козачком“; „вместо луга, на котором производилась игра в мячик“ – „вместо луга, где играют в мяч“; „валились оба на землю“ – „валился вместе с ним“; „колебнулась вся толпа“ – „всколебалась вся толпа“; „замышленные подвиги“ – „задуманные предприятия“; „с сей закаленной вечной бранью толпой“ – „с буйной и бранной толпой“; „нивы, еще не успевшие срезаться серпом“ – „нивы, еще не тронутые серпом“; „особливо скучною трезвостью“ – „продолжительною трезвостью“ и т. д. В других еще более частых случаях, заменяются отдельные слова: „насаживать“ вм. садить; „набегов“ вм. стремлений; „удобные“ вм. льготные; „приметила“ вм. увидела; „свет“ вм. мир; „боя“ вм. пробития; „падал“ вм. валился; „зажечь“ вм. пустить; „подальше“ вм. подале; „светло“ вм. видно, и т. п.

Особо следует оговорить группу поправок, руссифицирующих язык „Тараса Бульбы“: „батько“ всюду изменяется на „батька“ и склоняется по русскому, а не украинскому образцу (т. е. батька, батьки и т. д. вместо „батько“, „батька“, как в РЛ1, М, РК1 и даже П[12]). Дополнительно в тех случаях, где Прокопович почему-либо пропустил это сделать, „дни“ („полтора дни“) заменяется общеупотребительным „дня“; „на возе“ – „на возу“ и даже „овражки“ – „суслики“. Можно предполагать, что стилистические и языковые поправки частично сделаны С. П. Шевыревым или М. Н. Лихониным, читавшими первые корректуры издания.

Текст „Тараса Бульбы“ в издании Трушковского сделался каноническим почти на сорок лет, перепечатываясь без изменений, но с всё увеличивавшимся количеством крупных и мелких опечаток и искажений, пропусками отдельных слов и целых фраз, на которые впоследствии указывал Н. С. Тихонравов (см. Соч., 10 изд., т. I, стр. VII). Тихонравов, редактируя 10-е издание „Сочинений Гоголя“, попытался восстановить подлинный текст повести, очищенный от посторонних вмешательств и от позднейших искажений. При этом, однако, Тихонравов оставлял неприкосновенными такие поправки редакторов, – в данном случае Прокоповича, – которые касались „исправления действительных ошибок Гоголя против языка и грамматических правил“. Это привело Тихонравова к созданию эклектического текста, в котором подлинный гоголевский текст был смешан с поправками редакторов и даже в некоторых случаях – с собственными конъектурами Тихонравова. Для текста „Тараса Бульбы“ Тихонравов принимает за основу автограф Гоголя (PK1) и писарскую копию (PM2), однако то и дело сохраняет поправки Прокоповича; поправки Гоголя в издании 1855 г. Тихонравов в одних случаях вносит в текст, в других – относит в варианты.

Более выдержанной оказалась следующая попытка ревизии текста „Тараса Бульбы“, сделанная Н. И. Коробкою. Он взял за основу текст писарской копии (проверенный и исправленный по автографу и „Миргороду“) и дополнил его гоголевскими поправками издания 1855 г., но сохранил при этом даже очевидные опечатки или искажения этого издания („батъка“ вм. батько, „вытаптывали“ вм. вытоптывали, „переменилась“ вм. переменялась, „выпалзывали“ вм. выползывали, „дня“ вместо дни и т. д.).

В недавнее сравнительно время текст „Тараса Бульбы“ был еще раз просмотрен Б. М. Эйхенбаумом и К. И. Халабаевым (в 1920 г. и потом 1927 г.); редакторы, в основном следуя принципам Коробки, попытались, однако, исключить из числа поправок издания 1855 г. те, которые, повидимому, не принадлежат самому Гоголю. Попытку эту следует признать в общем не удавшейся, так как она привела редакторов к смешению различных редакций „Тараса Бульбы“.

Из сказанного видно, что ни издание 1842 г., ни издание 1855 г. не могут быть положены в основу выработки канонического текста повести, так как они засорены посторонними редакторскими исправлениями. В основу должен быть положен текст, подготовленный к изданию самим Гоголем в 1842 г., т. е. текст автографа (PK1); недостающие места следует взять из писарской копии, куда они переписывались с исправленного экземпляра „Миргорода“ (в нескольких случаях текст брался из „Миргорода“ без изменений и таким образом может быть проверен непосредственно по изданию „Миргорода“). Лишь в следующих случаях мы отступаем от рукописи, исправляя предполагаемые описки или восполняя пропуски:

Стр. 70, строка 19: скрылся в толпе (PK1, PM2: в толпы).

Стр. 70, строка 20: Прикажете (PK1, PM2: Прикажите).

Стр. 87, строка 16: не распознавая (PK1, PM2: не распозная).

Стр. 87, строка 17: голубка не видя ястреба (PK1, PM2 „ястреба“ нет).

Стр. 95, строка 12: огнем от лампы (PK, PM2, П: огнем от лампы; принимаем чтение Тр, не имея уверенности, что „лампы“ – не описка).

Стр. 96, строка 17: два молодые клирошанина в лиловых мантиях (PK1, PM2: клироса).

Стр. 100, строка 30: лампада (PK1, PM2, П: лампа).

Стр. 104, строка 13: сжав белоснежными зубами свою прекрасную нижнюю губу (PK1, PM2 „губу“ нет).

Стр. 104, строка 15: чтобы он не видел (PK1, PK2 „он“ нет).

Стр. 134, строка 28: родившим его (PK1, PM2: их).

Стр. 158, строка 25: порядочное количество гайдуков (PK1, PM2, М – „гайдуков“ нет; восстанавливается по РЛ1).

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Стремясь восстановить в нашем издании текст „Тараса Бульбы“ в том виде, как он появился у самого Гоголя в результате долгой и сложной работы, мы не считаем возможным ввести в основной текст и поправки издания 1855 г. К соображениям, высказанным выше (случайность поправок, стиливая направленность многих из них, отличная от всего текста повести, незаконченность поправок, неполная автентичность их), можно добавить еще одно соображение. Поправки Гоголя были сделаны в расчете на текст издания 1842 г. и, повидимому, имели в виду несколько сгладить редакторский произвол Прокоповича; в ряде случаев их просто невозможно отделить от текста издания 1842 г. На некоторых примерах это видно особенно убедительно. В РК1 Гоголь пишет о стенах (в осажденном городе), косвенно перекрещенных „деревянными же связями“. Переписчик прочел последнее слово, как „сваями“; это чтение было удержано и Прокоповичем. В издании 1855 г. Гоголь исправил его на „брусьями“. В фразе: „Гущина звезд, составлявшая млечный путь, косвенным поясом переходившая небо“, слово „косвенным“ не было разобрано переписчиком и из издания 1842 г. выпало; Прокопович исправил „небо“ на „по небу“, а Гоголь изменил „гущину“ на „густоту“ и после „путь“ вставил союз „и“. Отбрасывая поправки Прокоповича, но сохраняя сделанные в расчете на них гоголевские поправки, мы создали бы новые, несуществовавшие в действительности варианты, то есть новые искажения гоголевского текста.

III

Приступая к „Тарасу Бульбе“, Гоголь имел за собою ряд попыток создания исторической повести и даже романа. И „Страшная мечь“ и „Гетьман“ написаны на тему казацко-польских войн. В самом облике украинского магната и полководца Данила Бурульбаша можно обнаружить черты, впоследствии развитые Гоголем в облике Тараса. Правда, собственно исторический элемент играет в обеих повестях второстепенную, подчиненную роль. В „Страшной мести“ отдельные исторические детали совершенно заслонены легендарно-сказочной основой повести и лишь кое-где неявно намекают на какие-то исторические события (ср., например, в начале повести: „Приехал на гнедом коне своем и запорожец Микитка прямо с разгульной попойки с Перешля поля, где поил он семь дней и семь ночей королевских шляхтичей красным вином“); в сохранившихся отрывках романа „Гетьман“ исторический фон лишь намечен. Но в отрывках „Гетьмана“ видно уже стремление автора к историческому бытописанию. „Гетьман“ творчески связан с „Тарасом Бульбой“, и отдельные детали воспринимаются как предварительные наброски позднейшей повести. В „Гетьмане“ мы встретим и прообраз будущего описания усадьбы Бульбы, и детальное описание угнетения православных крестьян евреями-арендаторами, и ряд запорожских типов, эскизных набросков того собирательного типа запорожца, который впоследствии также был развернут в гоголевской повести. Даже историческая датировка событий „Гетьмана“, – насколько можно судить по сохранившимся отрывкам, совпадает с авторской хронологией событий „Тараса Бульбы“.

Что касается исторической основы „Тараса Бульбы“, то следует иметь в виду большую неопределенность сообщаемых в ней самим Гоголем хронологических данных. В начале повести он говорит о Тарасе как об одном из характеров, „которые могли только возникнуть в грубый XV век“ (46); несколько дальше, однако, упоминается уже XVI век. Указание на возникновение характеров, подобных Бульбе в XV веке еще не означает датировки действия XV веком; существеннее другое: ряд данных (обучение сыновей Бульбы в Киевской Академии, гетман Николай Потоцкий, Остряница) заставляет относить действие не к XVI, а к половине XVII века. И. М. Каманин видел в самом Тарасе Бульбе некоторые черты исторического Богдана Хмельницкого (у которого два сына были убиты поляками), а в словах Гоголя: „Тарас гулял по всей Польше со своим полком... и уже доходил до Кракова“ – прямое указание на войны времен Хмельницкого, когда некоторые полковники (Богун, Перебийнос) действительно были почти совершенно независимыми в своих действиях. Ко времени Хмельницкого повесть Гоголя может быть приурочена и по изображению неудачной осады Дубна (до того времени летописи не дают никаких сведений об осаде города запорожцами).

Но связывать личность Тараса с каким-либо определенным историческим лицом не обязательно. Гоголь, очевидно, и не стремился к портретному и биографическому сходству, предпочитая дать собирательный образ казацкого героя. С неменьшим основанием можно было бы, например, отыскивать в Тарасе Бульбе черты „гетьмана Тараса“, – Тараса Федоровича Трясила, предводителя восстания реестровых казаков (1630 г.), разбившего на голову польское коронное войско во главе с Конецпольским. Столь же необязательно и точное хронологическое приурочение

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru событий „Тараса Бульбы“, поскольку и сам Гоголь, очевидно, не заботился о хронологической точности.

В конце февраля или в начале марта 1834 г. Гоголь получил от молодого харьковского ученого И. И. Срезневского первые два выпуска „Запорожской Старины“ – собрания украинских исторических песен (дум) и преданий. В своем ответном письме к Срезневскому Гоголь формулировал свой взгляд на современное состояние источников для украинской истории, которую в то время он усердно занимался: „Вы сделали мне важную услугу изданием «Запорожской Старины», – писал Гоголь (6 марта 1834 г). „Где выкопали вы столько сокровищ? Все думы, и особенно повести бандуристов, ослепительно хороши. Из них только пять были мне известны прежде, прочие были для меня все – новость! Я к нашим летописям охладел, напрасно силясь в них отыскать то, что хотел бы отыскать. Нигде ничего о том времени, которое должно бы быть богаче всех событиями... Только Конисского (т. е. „Историю Русов“) выделял Гоголь из общей массы, ибо Конисский „выхватил хоть горсть преданий и знал, о чем он пишет“. Мысль, выраженная Гоголем, о народных песнях как живой иллюстрации бытовой (а отчасти и политической) истории, была развита Гоголем в статье „О малороссийских песнях“, включенной в „Арабески“.

Итак, две группы источников своих исторических увлечений отмечает Гоголь: с одной стороны, летописные и мемуарные источники, дававшие ему фактические исторические сведения, с другой – народные песни, помогавшие ему усвоить и осознать „дух века“ и „быт народа“. Обе эти группы источников нашли свое отражение и в „Тарасе Бульбе“.

В приведенном письме к Срезневскому, говоря о собственно исторических источниках, Гоголь просит своего корреспондента сообщить ему выписки из рукописных летописей, прибавляя: „Печатные есть у меня почти все те, которыми пользовался Бантыш-Каменский“; перед тем он упоминает о „летописях Конисского, Шафонского, Ригельмана“ и замечает, что из летописей, названных в „Запорожской Старине“, ему неизвестны лишь две. Ознакомление с библиографическими сведениями в трудах Д. Н. Бантыша-Каменского („История Малой России“, ч. I; мы пользовались изд. 3-м, М., 1842, стр. XI–XXIV) и И. И. Срезневского („Запорожская Старина“, ч. II, Харьков, 1833, стр. 9–12) убеждает во всяком случае в том, что часть этих источников если и была известна Гоголю, то в „Тарасе Бульбе“ никак не была использована. Так например, в гоголевской повести нет непосредственных отражений чтения „Летописца Малой России“ Ф. Туманского или „Исторического известия о возникшей в Польше унии“ Н. Бантыша-Каменского, на чем настаивают Н. С. Тихонравов, И. М. Каманин, С. Родзевич и др. Н. С. Тихонравов указывает, например (Соч., 10 изд., т. I, стр. 570), что именно у Туманского („Российский Магазин“, 1793, кн. II, стр. 39) мог прочитать Гоголь ответ казаков султану, пожелавшему знать о числе их: „Кто их знает! У нас их раскидано по всему степу: что байрак, то козак“. Однако с этим же ответом (и притом в форме, более близкой к гоголевской), Гоголь мог познакомиться по менее редкой и несомненно читавшейся им „Запорожской Старине“ (ч. I, вып. 2, стр. 23).

Из исторических источников наиболее значительными и реально ощутимыми в первой редакции „Тараса Бульбы“ были две книги: „История Русов или Малой России“, приписывавшаяся архиепископу Белорусскому Георгию Конисскому (1718–1795), но составленная, по видимому, Григорием Андреевичем Полетикою (1725–1734) или его сыном Василием (в конце XVIII или начале XIX в.), и „Описание Украины“ Боплана (СПб, 1832).

„История Русов“ была опубликована лишь в 1846 г., но до того в течение нескольких десятилетий ходила по рукам в большом количестве списков. Эта книга пользовалась громадной популярностью среди украинских читателей (см. напр. Kohl, Reisen im Inneren von Russland und Polen, 1841, II, 321 и др.). Широкая популярность „Истории Русов“ выходила и далеко за пределы Украины (вспомним, что „Историей Русов“ в начале 30-х годов интересовался и Пушкин, посвятивший ей статью в „Современнике“ и подготовлявший на основании ее свои заметки по истории Украины). Гоголь, очевидно, был знаком с одним из ее многочисленных списков.

Именно „История Русов“ дала Гоголю материал для немногочисленных исторических намеков и экскурсов первой редакции „Тараса Бульбы“. Так, рассказ бежавших на Сечь казаков – в главе III редакции „Миргорода“ 1835 г. (ср. гл. IV окончательной редакции) – основан на рассказе „Истории Русов“ о польских притеснениях 1597 г. (см. „История Русов или Малой России. Сочинение Георгия Конисского архиепископа Белоруссии“, М., 1846, стр. 40–41, 53, 56). Мы здесь

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru найдем и „духовенство римское разъезжавшее с триумфом по Малой России для надзора и понуждения к униячеству“, которое „вожено было от церкви до церкви людьями, запряженными в их длинные повозки по двенадцати и более человек в цуг“, и пресловутое сообщение об аренде евреями церквей. [13] Оттуда же – подробности о том, как евреи используют церковную утварь и облачения. Из „Истории Русов“ в том же рассказе заимствованы также подробности о том, что „правительство польское... повелело... старшинам отрубить целиком головы и их... отослать на позор в города малороссийские“, и что „чиновное шляхетство малороссийское... не стерпя гонений от поляков и не могли перенести лишения мест своих, а паче потеряния ранговых и нажитых имений, отложилось от народа своего и разными происками, посулами и дарами закупило знатнейших урядников польских и духовных римских, сладило и задружило с ними и, мало-по-малу, согласилось, первее на унию, потом обратилось совсем в католичество римское“.

Из „Истории Русов“ мог Гоголь почерпнуть сведения о набегах казаков на Синоп, Трапезунд и Анатолийские берега (стр. 25, 26), а также апокрифический рассказ о взятии в плен польского гетмана Лянцкоронского (у Гоголя – Потоцкого) под Полонным (54; ср. „Тарас Бульба“, стр. 350: „Не буду описывать тех битв, где отличились козаки, ни постепенного хода всей великой кампании: это принадлежит истории. Там изображено подробно, как бежали польские горнизоны из освобождаемых городов... как слаб был коронный гетман Николай Потоцкий с многочисленной своей армией против этой непреодолимой силы...“; а во второй редакции еще определеннее: „Нечего описывать всех битв, где показали себя козаки, ни всего постепенного хода кампании: всё это внесено в летописные страницы“; „В летописных страницах изображено подробно...“, стр. 166–167); в других украинских летописях этого рассказа нет. Там же мог Гоголь найти ряд мелких историко-бытовых сведений, вкрапленных им в свою повесть, о том, что „решились... козаки оставаться навсегда безженными“ (стр. 14), о выборе специально для похода „всех чиновников высших и низших“ (стр. 15), о реестровых козаках (стр. 16), о построении запорожского войска в походе и об укреплении стана козацкого (стр. 24, 51) и т. д.

В описании казни гетмана Остряницы с его „штатом“ (стр. 55–56) можно видеть сырой материал для сцены казни Остапа в „Тарасе Бульбе“. Автор „Истории Русов“ замечает, что „казнь она была еще первая в мире и в своем роде, и неслыханная в человечестве по лютой своей и варварству, и потомство едва ли поверит сему событию, ибо никакому дикому и самому свирепому японцу не придет в голову ее изобретение; а произведение в действо устало бы самых зверей и чудовищ“; и дальше он подробно исчисляет все роды казней, придуманных для запорожского гетмана и его полковников (среди казней было и колесование, при котором казнимым, „переломивши поминутно руки и ноги, тянули из них по колесу жилы, пока они скончались“). [14]

Эпизод о попытке Тараса освободить пленного Остапа с помощью Янкеля также восходит к „Истории Русов“, где рассказывается о том, как гетман Перевязка, взятый под стражу казаками за приверженность к Польше, с помощью крамаря Лейбовича, „очаровавшего якобы стражу проданным от него для караульных табаком“, бежал из-под стражи (52).

Этими фактическими заимствованиями не исчерпывается, однако, использование „Истории Русов“ в „Тарасе Бульбе“. Автор „Истории Русов“ покорила Гоголя художественной убедительностью нарисованных им исторических картин; по выражению Пушкина, автор „сочетал поэтическую свежесть летописи с критикой, необходимой в истории“.

Ряд историко-бытовых сведений для своей повести Гоголь мог почерпнуть и из известного сочинения Боплана „Описание Украйны“, русский перевод которого незадолго перед тем вышел в свет (СПб., 1832, в переводе Ф. У., то есть Ф. Г. Устрялова). Не без основания связывают некоторые исследователи (Каманин и др.) упоминание о „французском артиллеристе и инженере, служившем в польских войсках, большому знатоке военного дела“ (230) в „Тарасе Бульбе“ с личностью самого Боплана, который, по словам предисловия к русскому изданию „Описания Украйны“, служил королям польским Сигизмунду III и Владиславу IV в звании старшего капитана артиллерии и королевского инженера (стр. VIII). Из Боплана мог почерпнуть Гоголь сведения о внешнем виде домов в старом Киеве (стр. 4), о набегах казаков (стр. 4–5), о характере запорожцев и, в частности, о присутствии среди них весьма образованных людей (стр. 6), о пьянстве запорожцев и о воздержности их в походах (стр. 7, 63), о запорожском таборе (стр. 8), о съестных запасах запорожцев в походах, в частности, о саламате (стр. 63–64), а

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru также – о вооружении польской шляхты, о чем неоднократно упоминается в „Тарасе Бульбе“. Русский перевод „Описания Украины“ сопровождался обширными комментариями переводчика, которые также могли дать Гоголю кое-какие фактические сведения для повести. Так, на стр. 137–138 сообщается о набегах запорожцев на Анатолию, на стр. 140 приводится выписка (из Крейса) о характере запорожцев и о поведении их в походах, о том, что „козаки болезней почти не знают. Большая часть их умирает в сражениях с неприятелем, или от старости“. На стр. 152–153, также по Крейсу, рассказывается о выборах казаками своих атаманов.

Как видно из отмеченных мест, Боплан дал Гоголю значительно меньше материала, чем „История Русов“. Если из „Истории Русов“ Гоголь черпал исторические факты и сюжетные положения и даже испытывал воздействие ее идейного содержания, то „Описание Украины“ Боплана дало ему на первой стадии работы лишь несколько историко-бытовых деталей.

Совершенно очевидно, что исторические источники Гоголя не исчерпывались этими двумя названиями, и что Гоголь, в пору своего серьезного увлечения историей Украины, читал и многие другие источники, и так или иначе отразил это свое изучение в „Тарасе Бульбе“. Однако, в большинстве случаев источники эти не поддаются раскрытию или же раскрываются по отдельным намекам с некоторой долей сомнения.

На ряду с источниками историческими необходимо отметить фольклорные источники повести и прежде всего – народные песни. При этом наиболее важны не отдельные заимствования, а отражение в повести фольклорных впечатлений и увлечений Гоголя, особенно сильных в 1833–1834 гг. В статье Гоголя „О малороссийских песнях“ уже можно угадать отдельные намеки зарождавшейся повести (разлука с матерью, „поэзия битв“, „узы братства“, образ убитого казака и т. п.). Эта лирическая статья основана на общем впечатлении Гоголя от украинских песен, преимущественно по сборнику Максимовича („Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем“, М., 1827). Почти без изменений эти впечатления отражены в столь же общей форме и в „Тарасе Бульбе“; эта общая форма затрудняет (да и делает, в сущности, ненужным) указание точных фольклорных источников для каждого отдельного случая.

Если сборник Максимовича мог отразиться в эмоционально насыщенных, лирических страницах и бытовых подробностях повести, то другой сборник – „Запорожская Старина“ И. И. Срезневского (ч. I, вып. 1–2, Харьков, 1833), мог дать некоторый собственно исторический материал для первой редакции „Тараса Бульбы“. „Песни и думы о лицах и событиях до Богдана Хмельницкого“ в первом выпуске „Запорожской Старины“ содержат несколько дум (стр. 42–48 „Отступник Тетеренко“; стр. 49–50 „Убиение Тетеренка“; стр. 60–73 „Подвиги Савы Чалого“), в которых некоторые авторы (И. Каманин и др.), – видели даже рудиментарную основу сюжета „Тараса Бульбы“.

Сами по себе эти сюжетные сопоставления мало убедительны, тем не менее значение „Запорожской Старины“ как одного из источников, первой редакции „Тараса Бульбы“ бесспорно. Тезис Гоголя о значении украинских народных песен как художественных иллюстраций к „пыльным летописям“, как ключа для познания прошедшего, практически осуществлен в „Тарасе Бульбе“, и основным источником в данном случае была именно „Запорожская Старина“, так как ни сборник М. Максимовича, ни более ранний сборник Н. А. Цертелева („Опыт собрания старинных малороссийских песней“, СПб., 1819), ни отдельные случайные публикации [15] далеко не дают того количества материала и исторической его систематизации, как сборник Срезневского. [16]

Исторические и фольклорные источники первой редакции „Тараса Бульбы“ относительно скудны и случайны. Крайняя схематичность развития сюжета в первоначальной (рукописной) редакции повести не была преодолена и в редакции „Миргорода“ 1835 г. – историческими документами и народными песнями Гоголь воспользовался преимущественно для второстепенных деталей и аксессуаров, не отразив их сколько-нибудь существенно ни в сюжетной схеме повести, ни в характеристике действующих лиц.

Совсем иное видим мы в работе Гоголя над новой редакцией повести. В период новых исторических и фольклорных увлечений в 1838–1839 гг. Гоголь не только извлекает из старых источников новые детали, но и привлекает к делу ряд новых источников. Так например, повторное чтение „Истории Русов“, повидимому, дало Гоголю (в речи Богдана Хмельницкого к реестровым казакам) материал для речи Тараса к казакам

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
перед решительным боем с поляками.

По новому мог Гоголь оценить и Боплана и, заново перечитывая его, извлечь кое-что новое. Отсюда, например, появление во второй редакции упоминания о том, что Остап и Андрий „переплывали Днепр против течения – дело, за которое новичок принимался торжественно в козацкие круги“ (68; ср. у Боплана, 21: „У казаков есть обычай принимать в свои круги только того, кто проплывает все пороги против течения“), или речь кошевого к казакам перед походом (80–81), вся составленная из отдельных разрозненных замечаний Боплана – об одежде и снаряжении казаков в походе, о самолечении казаков во время походов (ср. у Боплана стр. 109 и стр. 116), или, наконец, упоминание об удивлении „иноземного инженера“ „никогда им невиданной тактике“ запорожцев (ср. Боплан, 68).

Центральное место среди новых источников занимает „История о козаках запорожских, как оные из древних лет зачались, и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся“ князя Мышецкого. „История“ была опубликована значительно позже (М., 1847 и Одесса, 1852), однако ходила по рукам во многих списках и могла быть известна Гоголю через Погодина, Бодянского или Максимовича; мог он познакомиться с нею и по книге Шерера („Annales de la Petite-Russie, ou l’histoire des Casagues Saporogues et les Casagues de l’Ukraine, etc.“ A Paris, 1788), из первых страниц которой, как упоминалось выше, он делал в 1838–1839 гг. некоторые выписки, и которая в первой своей части является в сущности пересказом „Истории“ кн. Мышецкого (см. Соч., изд. 10, т. I, стр. 573–574). Тихонравов, впрочем, приходит к правдоподобному выводу, что с „Историей“ Гоголь мог познакомиться непосредственно. На рассказах „Истории о козаках запорожских“ основан ряд существенных вставок второй редакции повести и прежде всего – вся новая сцена избрания кошевого (69–72), пересказывающая главу „Истории“, которая носит название: „Каким образом и в какие времена у запорожских козаков бывають рады или собрание всего их козачества и для чего оные чиняются“.

Из Мышецкого Гоголь мог заимствовать и сведения о пополнении запорожского войска различными пришельцами (8–9), о „мастеровых людях, какие имеются при Запорожской Сечи“ (21–22), о непрерывном веселии и пьянстве в Сечи, „в чем и жизнь свою до конца тако провождают“ (24–25), о проступках и наказаниях казаков (25–26). Наконец, из „Истории“ же взяты Гоголем и названия куреней: у Мышецкого – Дядковской, Незамайлевской, Татаровской, Переяславской, Тymoшевской (16–17).

На ряду с „Историей“ кн. Мышецкого использовал Гоголь при переработке „Тараса Бульбы“ еще два сборника украинских песен – М. Максимовича [17] („Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем“. Часть первая, М., 1834) и П. Лукашевича („Малороссийские и червонорусские народные думы и песни“, СПб., 1836), в особенности последний, откуда, например, заимствован весь вставной эпизод с историей Мосия Шила, попавшего в турецкий плен, обусурманившегося и затем освободившего всех казаков-невольников и с ними вместе вернувшегося обратно на родину (дума про Самійла Кішку). Гоголь довольно близко следует думе и в описании самого Шила (в думе – Кішка), который

Потурчився, побусурманився

Для панства великого

Для лакомства нещасного... (15–16), и в развитии сюжета. Новым, по сравнению с думой, явилась в передаче Гоголя дальнейшая судьба Шила – по возвращении его на Сечь (в думе Кішка погибает в бою) и позднейшая его смерть в бою под дубном. Другая дума сборника Лукашевича – про Ивася Коновченка – послужила Гоголю источником нескольких деталей второй редакции повести. Повидимому, отсюда заимствован клич есаулов на рынках и площадях: „Эй, вы, пивники, броварники! полно вам пиво варить, да валяться по запечьям, да кормить своим жирным телом мух“ и т. д. (39). В думе Корсунский полковник „кликне-покликне“:

„Ви грубники, ви лазники,

Ви броварники, ви винники:

Годі вам у винницях горілок курити

По броварнях пив варити,

По лазнях лазен топити,

По грубам валятися. –

Товстим видом мух годувати,

Сажі витирати;

Ходіте за нами на долину Черкень погуляти!“ (37) [18]

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Пример более сложного использования Гоголем песенного материала дает лирическое отступление о старой матери, ищущей среди прохожих „одного, милейшего всех“ (137). В той же думе про Ивася Коновченка упоминается о матери Ивася – вдове, которая

На базар выходжала, и которая в надежде встретить сына бежит навстречу войску. Однако, эта реминисценция тесно переплетается с реминисценциями других украинских песен, точнее – отдельных стихов из них. Так, слова Гоголя: „Не по одному козаку взрыдает старая мать, ударяя себя костистыми руками в дряхлые перси; не одна останется вдова в Глухове, Немирове, Чернигове и других городах“ – сотканы, примерно, из следующих песен:

У Глухові, у городі стрільнули з гармати,
Не по однім козаченьку заплакала мати (М. Максимович,
„Украинские народные песни“ стр. 111)
Не по однім ляху зосталась вдовиця. (Там же, 96)
Отзвуки народных песен – одна из существенных особенностей второй редакции повести. По большей части реминисценции эти весьма беглые, как в последнем примере. Аналогичный случай – слова есаула Товкача Бульбе: „Пусть же, хоть и будет орел высмывать из твоего лоба очи...“ (150); ср. в народной песне:

Тогді орли налітали
З лоба очи висмикали. (Там же, 12)
В других случаях реминисценции эти используют отрывок одной песни, соответственно его видоизменяя, как например, в лирическом заключении главы VIII. Эта концовка отдельными своими выражениями восходит к думе о походе на поляков:

Самко Мушкет думає, гадає, словами промовляє:
– „А що, як наше козачество, мов у пеклі, Ляхи сплять,
Да з наших козацьких костей пир собі на похмелля зварять!..
А що як наші голови козацькі по степу-полю поляжуть, и т. д. (Там же, 28–29)
Если в источниках первой редакции Гоголь искал прежде всего деталей, которые позволили бы ему сделать изображаемую картину рельефнее, то, перерабатывая повесть, он стремится к исторической верности изображаемых событий, стараясь даже в мелочах возможно точнее восстановить эпоху.

Говоря о работе Гоголя над „Тарасом Бульбой“, необходимо иметь в виду эволюцию в процессе работы идейного содержания повести.

Подготавливая и обрабатывая вторую редакцию повести, Гоголь частично попадает под влияние славянофильских тенденций. В несомненной связи с этими новыми для него тенденциями он наново пишет вторую речь Тараса к запорожцам – о товариществе; основной мотив этой речи: особые свойства „русской души“, „русского чувства“. Этим новая редакция „Тараса Бульбы“ перекликается с высказываниями Гоголя в письмах того же времени: см. напр. письма к К. С. Аксакову (5 марта 1841 г.), Н. М. Языкову (17 сентября 1841 г.) и др. Одновременно Гоголь работал над римской редакцией „Мертвых душ“, где уже появляется известное обращение к Руси-тройке.

IV

Интерес к историческому роману из прошлого России (и Украины) наметился в русской литературе уже к концу 20-х годов и выразился не только в литературной практике, но и в некоторых теоретических заявлениях.

Еще в 1823 г. Орест Сомов („О романтической поэзии“, СПб., 1823) указывал на новые, свежие темы для романтического писателя, называя среди них „малороссиян“ „с сладостными их песнями и славными воспоминаниями“ и „отважных переселенцев Сечи Запорожской“: „все они, соединясь верою и пламенной любовью к отчизне, носят черты отличия в нравах и наружности“.

Несколько лет спустя Н. А. Полевой в обширной рецензии на „Историю Малой России“ Д. Бантыша-Каменского доказывал, что „под рукою живописца искусного Малороссия представит картину самую занимательную, самую живописную“, ибо „никакая швейцарская, никакая нидерландская революция не покажет нам явлений, столь диких, столь прекрасных!“. „Изобразите, – писал Полевой дальше, – постепенное сближение казаков с литовцами, поляками и гражданственностью, заселение их по обе стороны Днепра; новых врагов казацких, крымцев; отделение запорожцев,

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogo1nikolai.ru образование украинских казаков; их предводителей, от Дашковича до Хмельницкого; странное ученое образование киевского духовенства под владением Литвы и Польши; что-то рыцарское и ученое в малороссийской аристократии, что-то дикое, литовско-азиатское, в простом народе Малороссии; эту пеструю смесь Азии и Европы, кочевой и оседлой жизни, покорности и независимости, твердости и слабости, и наконец взаимных отношений, взаимной политики, в одно время, Польши, Литвы, Турции, Крыма. Конечно, не предмет будет виноват, если ваш рассказ не увлечет душ и умов!“ („Московский Телеграф“, 1830, т. 35, стр. 272).

В следующем 1831 г. Н. Маркевич в предисловии к „Украинским мелодиям“ (М., 1831, стр. XXVII–XXVIII) набрасывал проект большого художественно-исторического сочинения, обещая: „Если станет на то сил моих и времени, быть может, я решусь принести моим соотечественникам и земле, кормившей некогда наших праотцев, а ныне хранящей остатки их, – подробное описание красот исторических, прелестей природы, обычаев, обрядов, одежды, древнего правления малороссийского. Приятно было бы вспомнить, каков был Батулин, Чигирин или Глухов во времена предков наших, каковы были нравы, язык; приятно представить себе отечество в дни его протекшие“.

Во всех этих предложениях и обещаниях сказалось недовольство преподносившейся в художественной литературе условной историей, сказались требования большей исторической документальности и убедительности.

Те же требования начинала ставить себе и русская историческая беллетристика (в частности, и с украинской тематикой), начиная со второй половины 20-х годов XIX века, – беллетристика, имевшая своим источником романы Вальтера Скотта (см. многочисленные факты, приведенные в книге И. И. Замотина „Романтический идеализм в русском обществе и литературе 20–30-х годов XIX столетия“, СПб., 1907, стр. 323–328).

Современниками влияние Вальтера Скотта на автора „Вечеров“ и „Миргорода“ ощущалось весьма явственно (отзывы Полевого, Булгарина; замечание Пушкина, что начало „Тараса Бульбы“ „достойно Вальтера Скотта“).

Гоголя роднит с Вальтером Скоттом общая манера исторического повествования, основанная на изучении исторических и фольклорных источников и в то же время на глубоко-личном отношении к прошлому. Гоголь далек был от механического пересказа немногочисленных в то время общих исторических работ и от механического нанизывания историко-бытовых деталей, как это нередко у М. Н. Загоскина, Н. А. Полевого, особенно же – в исторических романах Ф. Булгарина, а также у многочисленных „Вальтер Скоттиков“ 20–30-х гг.

Типичность фабулы Гоголя, особенно в первой редакции, делает почти излишними поиски ее непосредственных литературных источников. Хотя исследователи (Н. П. Дашкевич, Н. И. Петров, Н. А. Котляревский) и отмечали ряд отдельных мест, эпизодов и характеристик „Тараса Бульбы“, восходящих к литературным „источникам“, к известным „прототипам“, – связь этих „предшественников“ с повестью Гоголя весьма отдаленная.

Примером может быть В. Т. Нарезный, романы которого „Запорожец“ и „Бурсак“ особенно часто ставились в связь с „Тарасом Бульбой“, хотя в изображаемой в них условно-исторической Сечи нет ни бытовых черт, ни исторических фактов, ни художественных изобразительных средств, которые отразились бы в повести Гоголя. Для Гоголя с его идеализацией Запорожья неприемлемы были тенденции Нарезного: „пройдет столетие – и может быть одним только географам будет известно место, где стояла некогда Сечь Запорожская“ (там же, стр. 216) и т. п. К непосредственным впечатлениям от чтения Нарезного („Бурсак“) могут быть возведены только воспоминания о бурсацких годах Остапа и Андрия; могли запомниться Гоголю и страницы из романа „Запорожец“ о возникновении и основных принципах устройства Сечи (ср. „Тарас Бульба“ стр. 64–67 и особенно 301–303 и „Романы и повести, сочиненные Василием Нарезным“, ч. VIII, СПб., 1836, стр. 184–185). У Нарезного Гоголь мог также обратить внимание на некоторые традиционные типы (например, тип еврея).

Столь же неопределенны черты сходства с гоголевской повестью и во многих других художественных произведениях, называвшихся среди литературных „источников“ „Тараса Бульбы“. Ни общая характеристика казачества, какую дает Разумник Гонорский („Опыты в прозе“, Харьков, 1818, стр. 110–111), ни домыслы о

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
происхождении казачества и сцена битвы между казаками и турками в романе Федора Глинки „Зинобий Богдан Хмельницкий, или освобожденная Малороссия“ („Письма к другу“, часть III, СПб., 1817, стр. 151–152, 179–182), ни сцена казни в сентиментальной повести Е. Аладьина „Кочубей“ („Невский Альманах на 1828 г.“, СПб., стр. 303–305), ни реминисценции „Истории Русов“ в поэме М. А. Максимовича „Богдан Хмельницкий“ (М., 1833), ни описания Сечи и характеристики запорожцев в романах Булгарина („Дмитрий Самозванец“ и „Мазепа“) – не дают права исследователю говорить о каком-либо значении их для работы Гоголя над „Тарасом Бульбой“. Лишь в одном случае можно говорить о возможности отражения в повести Гоголя образов и настроений оригинала; это – „Украинские мелодии“ Н. А. Маркевича (М., 1831).

„Мелодии“ Маркевича основаны на довольно тщательном изучении фольклорных и исторических источников, на непосредственном любовании красотами Украины. Это восторженное любование создало книге Маркевича некоторый успех; оно, повидимому, привлекло к себе внимание и Гоголя. Так, можно предполагать, что на гоголевском описании степи (глава II) отразились следы чтения „Украинских мелодий“, где степу уделено особенное внимание. В предисловии Маркевич замечает: „наши травы удивляют европейца; Шерер с восторгом говорит следующее: вся равнина изобилует всякого рода огородными растениями: душистые цветы, которые с величайшим тщанием обрабатывают европейцы, там растут сами по полям, и травы такой высоты, что человек на коне легко в них укрывается“ (стр. 34, т. I) (Ник. Маркевич, „Украинские мелодии“, М., 1831, стр. VII–VIII).

Среди „мелодий“ Маркевич посвящает одну специально изображению „степы“ (Маркевич особенно настаивает на таком написании этого слова), давая в ней целый комплекс поэтических образов, частично соответствующих и образам Гоголя (заметим, что до 1835 г. в степной части Украины сам Гоголь не бывал):

Степ широкий, степ обширный!

С первым голосом весны

По тебе Украины мирной

Гордо скачут табуны; и т. д.

(Маркевич, там же, стр. 46–47) в специальном комментарии к этому стихотворению Маркевич еще раз упоминает это „бесконечное пространство зелени, произведенной рукою природы украинской для украинских табунов“, „эти необозримые луга, где, кажется, никогда не оставляла следов нога человеческая“. [19]

Из других стихотворений Маркевича мог обратить на себя внимание Гоголя переложенный в стихи рассказ „Истории Русов“ о сожжении Наливайка в медном быке, с развернутой картиной пестрой толпы, смотрящей на ужасную казнь, как на интересное зрелище:

Ребячески буйно народ хохотал
И шапками каждый огонь раздувал.

. . .

Мальчишки с весельем скакали кругом,
Отцы приводили детей на потеху,
И польки младые стихию платком
Дразнили, с служанок срывая для смеху,
Кидали во пламень одежду и шелк.
(стр. 62)

Перерабатывая „Тараса Бульбу“, Гоголь довольно тщательно и последовательно уничтожал стилистические особенности ранней редакции, сближавшие ее с традицией романтической повести с ее „бешеным“ слогом: он стремился к углублению психологической мотивировки измены Андрия, к увеличению и освоению историко-бытовых деталей и к эпическому прославлению казачества. Последняя задача, при давнем и прочном интересе Гоголя к Гомеру (см. его замечания в „Авторской исповеди“, в „Переписке с друзьями“, в письмах к П. В. Анненкову от 12 августа 1847 г. и др.), сделала возможной известную стилистическую зависимость батальных сцен „Тараса Бульбы“ от Илиады. Отношения Гоголя к Гомеру (как в „Тарасе Бульбе“, так и в „Мертвых душах“) были предметом полемики в современной ему критике. Позднейшие исследователи (И. Е. Мандельштам, В. Я. Брюсов, Ф. Е. Корш) – отмечали даже конкретные параллели к „Тарасу Бульбе“ из „Илиады“. Так, В. Я. Брюсов писал, что „бой под Дубно написан не столько на основании изучения малороссийской старины, сколько под влиянием перевода Гнедича «Илиады»“ (Валерий Брюсов, „Испепеленный“, М., 1909, стр. 17).

Конечно, „гомеровские“ элементы в „Тарасе Бульбе“ являются лишь частностью стилистической системы повести (ее второй редакции) и должны быть изучены в составе этого целого.

После выхода „Сочинений Николая Гоголя“ (1842 г.) с переработанным текстом повести реакционная литературная критика воспользовалась этим для новой травли Гоголя. Так например, отзыв „Библиотеки для чтения“ сводил на-нет всю творческую работу Гоголя над переработкой повести. „Чтобы усовершенствовать эту прекрасную повесть, стоило только исправить в ней русский язык, придать несколько более логической строгости фразе, устранить грубые жарты и немножко обмыть некоторые картины. Но тщеславие никогда не знает своих настоящих выгод. Из обширной по сюжету, но хорошо сжатой повести, раскинулась целая украинская пустыня, и большая часть достоинств прежнего «Бульбы» утонула в степном ковыле“.

В издевательском тоне говорили о „Тарасе Бульбе“ Н. Полевой, по словам которого Гоголь старался „представить малороссийских козаков какими-то рыцарями, Баярдами, Польмеринами“ („Русский вестник“ 1842, 5–6, отд. III, стр. 36) и К. Масальский, сводивший счеты с неназванными по имени критиками (в первую очередь, очевидно, с Белинским) за то, что „эти критики по принадлежащей им власти произвели господина Гоголя за «Тараса Бульбу», впредь до усмотрения, в Гомеры!“ („Сын Отечества“, 1842, № 6).

Со стороны Белинского новая редакция „Тараса Бульбы“ встретила полное признание. Он отметил, что повесть в новой редакции „сделалась вдвое обширнее и бесконечно прекраснее“. „Поэт чувствовал, что в первом издании «Тараса Бульбы» на многое только намекнуто и что многие струны исторической жизни Малороссии остались в нем нетронутыми. Как великий поэт и художник, верный однажды избранной идее, певец Бульбы не прибавил к своей поэме ничего такого, что было бы чуждо ей, но только развил многие уже заключающиеся в ее основной идее подробности. Он исчерпал в ней всю жизнь исторической Малороссии. Особенно замечательны подробности битв малороссиян с поляками под городом Дубно и эпизод любви Андрия к прекрасной польке. Вся поэма приняла еще более возвышенный тон, проникнулась лиризмом“.

Библиографическая справка

1. А. М. Скабичевский. Наш исторический роман. „Сев. Вестник“, 1886, № 1–2, и Собрание сочинений. СПб., 1890. т. II.
2. Н. С. Тихонравов. „Тарас Бульба Н. В. Гоголя“. Главы неизданной редакции. „Русская Старина“, 1887, № 3 и 4 (вошло в комментарий к „Сочинениям Гоголя“, 10 изд. том I).
3. Ф. А. Витберг. Гоголь как историк. „Исторический Вестник“, 1892, № 8.
4. А. Ефименко. Малорусское казачество по Гоголю. „Журнал для всех“, 1902, № 2.
5. И. М. Каманин. Научные и литературные произведения Н. В. Гоголя по истории Малороссии. Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим Обществом Нестора Летописца, Киев, 1902 (о „Тарасе Бульбе“, стр. 123).
6. С. Родзевич. „Тарас Бульба“ як історична повість. Стаття в издании „Гоголь. Твори“, Книгоспілка, т. II, стр. XXVI–LXV.
7. Н. Пиксанов. Украинские повести Гоголя (в книге „О классиках“, М., 1933; о „Тарасе Бульбе“ стр. 102–128).

Вий

I

Источники текста

А. Печатные

Ма – „Миргород“. Повести, служащие продолжением „Вечеров на хуторе близ

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Диканьки“ Н. Гоголя. Часть вторая, СПб., 1835. Экземпляр Библиотеки Академии
Наук СССР, шифр IVб, 211.

Мб – То же издание. Экземпляры дальнейшего тиража (с купюрами и добавлениями).

П – Сочинения Николая Гоголя. Том второй: „Миргород“, СПб., 1842.

Б. Рукописные

РЛ1 – Автограф. Государственная публичная библиотека имени М. Е.
Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

В настоящем издании печатается по „Сочинениям Николая Гоголя“ изд. 1842 г. с
исправлениями по „Миргороду“ 1835 г. и по автографу.

II

Повесть „Вий“ появилась впервые в издании „Миргород“, часть вторая, СПб., 1835. Но экземпляры этого издания, как было сказано выше, неодинаковы, о чем прежние редакторы сочинений Гоголя (Н. Тихонравов, Н. Коробка) не знали. Текст „Вия“ в первых экземплярах этого издания отличается от текста той же повести в последовавших экземплярах, см., например, экземпляр Библиотеки Академии Наук с шифром IVб 211. В первых экземплярах повесть кончается смертью Хома Брута (на стр. 94), а в следующих прибавлены две страницы заключения (стр. 95 и 96); внутри текста есть тоже существенные изменения (см. в вариантах). [20] Эта разница между экземплярами одного и того же издания объясняется тем, что во время печатания было изъято, повидимому, по требованию цензуры, предисловие к „Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем“ (см. ниже комментарий к этой повести*). Две страницы, оставшиеся пустыми после снятия предисловия, были заполнены новым текстом: таково, очевидно, происхождение двух заключительных страниц „Вия“, отсутствующих в первых экземплярах. [21]

Как видно из сличения экземпляров „Миргорода“, Гоголь воспользовался создавшимся положением, чтобы кое-что изменить и внутри „Вия“, стараясь делать это так, чтобы не переверстывать всю книгу, а только заново набрать некоторые страницы. Изменениям подверглись три места, связанные между собою: Хома и ведьма после полета, размышления Хома по поводу приглашения к сотнику и мысли Хома в доме у сотника. В тексте первых экземпляров Хома, избив ведьму, не смотрит на нее, и потом, приехав к сотнику, не узнает в ее лице черт той самой ведьмы, которую он избил; читателю предоставлено самому догадаться, что дочь сотника и есть та самая ведьма. В следующих экземплярах это изменено: Хома разглядывает упавшую на землю ведьму и потом, войдя в дом сотника, узнает ее („Это та самая ведьма“ и т. д.). Внося изменения в печатный текст запрещенного экземпляра, Гоголь во избежание общей переверстки, как видно, пригонял их к прежнему набору и ради этого сокращал некоторые фразы и выбрасывал слова (они были восстановлены впоследствии в издании 1842 г.). Если сопоставить вышеуказанный экземпляр Библиотеки Академии Наук с другими известными нам экземплярами, то картина этой операции над текстом становится совершенно ясной. Перенaborу подверглись страницы: 29–30 (после строки 14 на стр. 29 до конца стр. 30), 46 (от строки 10 до строки 22) и 52–54 (от первой строки на стр. 52 до строки 23 на стр. 54). На стр. 30 второго экземпляра (строка 19) выброшено слово „разъехавшаяся“ (в первом – „Большая, разъехавшаяся хата“), мешавшее пригнать текст к прежнему набору, и сокращено описание того, как философ искал еду во всех углах.

Кроме указанных отличий, есть еще одно, вызывающее некоторое недоумение. Во втором экземпляре (Мб) после добавленных двух страниц заключения напечатано особое примечание (стр. 96): „Погрешность. В сей повести, по неосмотрительности, пропущена половина страницы, объясняющая, каким образом бурсак узнал в сотниковой дочери ведьму, приходившую к нему в виде старухи“. В первоначальном тексте (Ма) этого узнавания нет вовсе; во втором (Мб) узнавание мотивировано тем, что Хома в начале повести „взглянул“ на ведьму после того, как она упала на землю: „он видел, что в лице ее показались молодые черты, сверкнула снежная белизна и как будто она была уже вовсе не старуха: какая-то приятная и вместе неприятная мина показалась на губах ее и врезалась ему в самое сердце“. Вглядываясь потом в лицо умершей панночки, Хома видит ту же мину и узнает ведьму. Таким образом, никакой „погрешности“, указанной в примечании, в тексте Мб нет, а к тексту Ма это примечание тоже не подходит, потому что здесь Хома не узнает ведьмы. Остается предположить, что изменения были сделаны не сразу:

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
примечание было сделано тогда, когда „половина страницы“ еще не была внесена в текст, а потом забыли уничтожить это примечание.

Итак, „Миргород“ дает нам не одну, а две редакции „Вия“. В „Сочинениях“ 1842 г. (том второй) „Вий“ был напечатан в заново переработанном виде, причем кое-что из выброшенного в Мб по типографским соображениям – здесь восстановлено, а заключение, появившееся в Мб, повторено без всяких изменений. Подготавливая текст „Вия“ для этого издания, Гоголь, очевидно, имел перед собой оба экземпляра „Миргорода“. „Вий“ в этом издании (как и другие произведения) подвергся грамматической и стилистической правке Н. Я. Прокоповича. В „Сочинениях“ 1855 г. (Н. Трушковского) текст 1842 г. перепечатан без всяких изменений (поэтому в вариантах к „Вию“ это издание не указывается).

Рукописный текст повести (автограф) занимает в тетради Ленинградской гос. публичной библиотеки (РЛ) – листы 32 об. – 40. Текст автографа черновой, но очень близкий к тексту Ма.

В настоящем издании текст „Вия“ печатается по „Сочинениям“ 1842 г. но, как правило, снимаются все те поправки 1842 г., которые имеют грамматический характер и принадлежат, очевидно, Прокоповичу; в этих случаях мы возвращаемся к „Миргороду“. Так мы поступили и в отношении „украинизмов“, характерных для языка Гоголя, сохранив такие слова, как „воробьянками“ (в изд. 1842 г. – „воробышками“), „банями“ (слово „баня“ по-украински значит „купол“).

Есть случаи, где мы отступаем не только от издания 1842 г., но и от „Миргорода“ в сторону автографа, а именно:

Стр. 178, строка 23: берем „рост“ вместо „рот“, считая „рот“ ошибкой переписчика.

Стр. 179, строка 3: берем „вмешивалась риторика“, считая „вмешивались риторики“ (М) ошибкой переписчика, а „вмешивались риторы“ (П) – исправлением Прокоповича.

Стр. 182, строка 11: берем „чортового“, считая „чортова“ чужим исправлением.

Стр. 183, строка 4: берем „собаке,“ считая „собака“ (М) ошибкой.

Стр. 191, строка 22: берем „приблизилась“, считая „приблизилась“ (М) чужой поправкой.

Стр. 194 строка 24: берем „фляжки, сулеи“, считая „фляшка, сулеи“ (М) ошибкой переписчика, а „фляжка, сулеи“ (П) – исправлением Прокоповича.

Стр. 199, строка 27: берем „об угнетенном народе“, считая слово „похоронную“ цензурным искажением.

Стр. 201, строка 7: берем „свою“, считая „своего“ ошибкой переписчика.

Стр. 211, строка 6: берем „на толкавших его козаков“, считая появившееся в П „на пришедших козаков“ результатом пропуска слов „толкавших его“ в копии (переписчик, вероятно, не разобрал).

III

Сюжетная основа „Вия“ – история панночки-ведьмы и гибель Хомя Брута после трех ночей, проведенных у ее гроба – имеет фольклорный характер. Повесть, в общем выдержанная в романтической литературной манере, в развитии сюжета опирается на фольклорную, сказочную традицию. Исходя из сказочной сюжетной основы, Гоголь развивает ее, окружает новыми эпизодами, вносит бытовое и эмоциональное содержание, вводит самостоятельно разработанные характеристики. В общем, Гоголь идет по пути, уже испытанному в „Вечерах на хуторе близ Диканьки“. Фольклорно-демонологические мотивы „Вия“ ближайшим образом примыкают к подобным же мотивам „Майской ночи“ (ведьма – в обоих случаях в семье сотника, – ее превращения и борьба с ней героя), „Вечера накануне Ивана-Купала“ (ведьма, „безобразные чудища“) и „Страшной мести“ (тема грешной души и возмездия).

Сам Гоголь со всей определенностью указал на фольклорную основу „Вия“. „Вся эта повесть, – говорит Гоголь в примечании к «Вию» – есть народное предание. Я не

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru хотел ни в чем изменить его и рассказываю почти в такой же простоте, как слышал". Однако это авторское показание нуждается в проверке.

Вопросом о фольклорных источниках „Вия“ исследователи занимались не раз. Н. Ф. Сумцов в статье „Параллели к повести Гоголя «Вий»“ („Киевская Старина“, 1892, III, стр. 472) отметил „сильное влияние народных сказок о езде парубка на ведьме, смерти ведьмы и чтение парубком над ней в церкви псалтыри“ и пришел к выводу, что повесть „можно считать переделкой сказки“. Подобный взгляд высказывали также В. Милорадович и К. Невірова (В. Милорадович. „К вопросу об источниках «Вия»“, „Киевская Старина“, 1896, IX, стр. 45; К. Невірова. „Мотиви української демонології в «Вечерах» та «Миргороді» Гоголя“, „Записки українського наукового товариства в київі“, 1909, V, стр. 42). Н. Сумцов указал, что „сказка о смерти ведьмы, которая легла в основу «Вия», принадлежит к числу весьма популярных: она встречается у разных европейских народов“. И если Сумцов привел только 15 названий сборников сказок, в которых находятся сказки о ведьме, то авторы монументальных примечаний к сказкам бр. Гримм – И. Больте и Г. Поливка, упоминая о „Вии“ Гоголя в связи с сказкою бр. Гримм „Die Prinzessin im Sarge und die Schildwache“ (№ 239), – присоединяясь к мнению, что „Гоголь своего «Вия» написал на почве народных сказок“, дают длинный ряд библиографических справок о сборниках сказок немецких, норвежских, исландских, французских, итальянских, румынских, словенских, литовских, латышских, финских, мадьярских, цыганских, армянских, кафрских с аналогичным сюжетом (J. Bolte und G. Polivka, „Anmerkungen zu den Kinder und Hausmärchen der Brüder Grimm“, 1918, III, s. 531–537).

Основной ошибкой исследователей, ставивших вопрос о фольклорных источниках „Вия“, было то, что они сказки о ведьме, имеющие сюжетное сходство с „Вием“, рассматривали суммарно. Между тем в интересующих нас сказках следует различать три редакции.

К циклу сказок первой редакции должны быть отнесены сказки с такой сюжетной схемой: парень любит девушку, но затем бросает ее; девушка, ведьмина дочь, мстит бросившему ее парню; ночью она в виде кошки приходит к парню, но парень, предупрежденный матерью, раньше девушки успевает набросить на нее уздечку и вскочить ей на спину. Превратившаяся в коня ведьма носит на себе парня до тех пор, пока в полном изнеможении не падает на землю; вновь обратившись в девушку, она умирает. По требованию родителей умершей, парень, виновник смерти, должен три ночи провести около гроба, читая псалтырь. Парню приходится пережить различные ужасы, нарастающие из ночи в ночь; благодаря советам матери (деда и т. п.) ему удается избежать гибели. Так как ни умершая ведьма, ни прочие мертвецы не могут переступить черту и увидеть парня, то на третью ночь они обращаются за помощью к „старшей ведьме“, которая и указывает на парня, но в это время поют петухи. Сказка оканчивается обычно тем, что парень остается живым, а тело ведьмы вывозят за село и сжигают. Впрочем, в некоторых вариантах парень не выдерживает испытанных ужасов и умирает.

Сказки второй редакции отличаются от сказок первой редакции главным образом в своей вступительной части и в характеристике действующих лиц. Если в сказках первой редакции парень и девушка односельчане, то в сказках второй редакции герой случайно попадает в данную местность, а героиней является „царевна“, „королевна“ и т. п. Мотив „отвергнутой любви“, любовный конфликт, как исходный пункт завязки, в сказках второй редакции отсутствуют. Герой не является виновником смерти девушки; девушка определяется как „заклятая“ или „одержимая“. Сюжетная схема сказок второй редакции может быть представлена в таких чертах: случайно попавший в чужую страну (город, село) герой должен провести три ночи около гроба умершей царевны, которая растерзывает каждого остающегося в церкви на ночь. Герой пытается убежать, но „добрый советник“ (старик или старуха) останавливает его и уговаривает провести ночь у гроба. Действие разворачивается дальше, как и в сказках первой редакции: герой переживает ряд ужасов, ужасы нарастают; на третью ночь, когда мертвая царевна встает из гроба, герой ложится в гроб и не встает до тех пор, пока не начинают петть петухи. „Заклятие“ спадает с девушки, она освобождается от власти нечистой силы, и сказка заканчивается женитьбой героя на освобожденной царевне.

Сказки третьей редакции – сказки о герое, не знающем страха (О. Раздольский, № 43; Афанасьев, № 204; бр. Гримм, № 4). Эти сказки в основном представляют своеобразное видоизменение сказок второй редакции. Герой, не знающий страха и ищущий случая испытать страх, вызывается провести ночь около гроба умершей

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
ведьмы или, по другим вариантам, в заколдованном дворце. Как и сказки второй редакции, эти сказки имеют благополучную развязку: царица освобождается от заклятия и герой женится на ней.

Наиболее ранняя запись украинской сказки первой редакции относится к 40–50 гг., это – „Сказка, що парубок любив дівку і потому перестав і вона его хотіла зчарувати“ в собрании А. И. Дыминского. Парень любит девушку, но затем бросает ее. Отвергнутая девушка в виде кошки приходит к парню; парень набрасывает на нее уздечку и ездит на ней „по полях и житах“ до тех пор, пока та не умирает. Парню „присудили“ три ночи ходить в церковь и читать „книжку“. Мать, выступающая в роли „доброто советника“, советует парню не оглядываться и не отвечать. В полночь мертвая девушка встает из гроба; парень, не смотря на все упрасивания ведьмы, не оборачивается, и при пении петухов девушка вновь ложится в гроб. На вторую ночь повторяется то же. На третью ночь ведьма призывает на помощь других мертвецов, затем предлагает привести новорожденного младенца и, наконец, палочку, осмоленную с обеих сторон смолой, но поют петухи „і ото всьо зосталося на церкві“. На утро парня выпустили, а мертвую ведьму вывезли за пределы села и сожгли („Казки та оповідання з Поділля в записях 1850–60 років“, 1928, стр. 55–56, № 111).

Из русских сказок с аналогичной сюжетной схемой можно отметить сказку № 208с в собрании „Народных русских сказок“ Афанасьева.

Завязка большинства сказок первой редакции: парень накануне свадьбы бросает девушку (Б. Гринченко. „Этнографические материалы“, т. I, стр. 66), парень не желает „ночевать“ с девушкой (В. Милорадович. „Киевская Старина“, 1896, кн. IX, стр. 48). То же в приведенной сказке из собрания А. И. Дыминского и в сказке „Відьма та відьмак“ Драгоманова („Малор. народные предания“, стр. 71). У Гоголя этот сказочный мотив отвергнутой любви сохраняется только в рудиментарной форме. „...Старуха шла прямо к нему с расprostертыми объятями. «Эге, ге!» подумал философ: «только нет, голубушка, устарела!»...“ [22]

За эпизодом „отказа“ следует у Гоголя эпизод езды ведьмы на парне. „Старуха подошла к нему, вскочила с быстротою кошки к нему на спину и он, подпрыгивая, как верховой конь, понес ее на плечах своих“. Последовательность эпизодов в „Вии“ (отвергнутая Хомаю ведьма, ведьма, кошкой прыгающая на спину, езда ведьмы на Хоме) соответствует последовательности эпизодов в сказках. Многие народные рассказы, как заметил В. Милорадович, начинаются так же, например: „батько йшли на досвітки, коли біла кішка скочила їм на в'язи“. Или „відьма перевернулася кішкою і стала паробкові стрибать на плечі“. Кошкой приходит ведьмина дочь в сказке у Дыминского; кошкой прыгает она под ноги парню в сумской сказке о Пантелеймоне у Б. Гринченка: „Як вийде він з хати, то вона як насяде, то він везе аж до свого порога“; „то був такий хороший парубок, а то став такий як сухарь“. Ср. у Гоголя вставной рассказ о псаре Миките, на котором ездила панночка и который „воротился едва живой и с тех пор иссохнул весь, как щепка“.

Но если в „Майской ночи“, как отметил В. Шенрок, Гоголь сохраняет всю конкретность фольклорного мотива превращения ведьмы в кошку, то в „Вии“ он заменяет его сравнением: ведьма прыгает на спину Хоме, как кошка; Хома не превращается в коня, но, как конь, везет ведьму и т. п.

Осиновым поленом убивает ведьму, на которой он едет, солдат в сказке Афанасьева, „дубчиком“ – в сказке из Лубенского уезда у Милорадовича.

В сказках первой редакции убитая кошка-ведьма, ведьма-конь принимают вновь вид девушки. „Дивиться, коли там уже лежать дівка – він скорій до дому“. Гоголь сохраняет схему этого сказочного эпизода, но подвергает его значительной литературной обработке. Сказка изображает только действие, Гоголь привносит эмоционально-психологическое содержание (например: „Жалость и какое-то странное волнение и робость, неведомые ему самому, овладели им“...).

Панночка, умирая, называет Хому; она высказывает отцу предсмертное желание, чтобы философ читал над ней псалтырь. Требование отца панночки читать три ночи псалтырь у гроба девушки, обещание наградить, слова сотника о желании отомстить виновнику гибели дочери, – все эти мотивы и эпизоды в „Вии“ соответствуют ходу развития действия в сказках первой редакции. В указанной сказке из сборника Афанасьева отец убитой приходит звать солдата читать псалтырь, обещая ему награду; в сказке из Сумского уезда мать, желая отомстить парню, требует, чтобы

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
тот переночевал около гроба. В сказке из Лубенского уезда рассказывается: „І приснилося її батькові: Хай же той парубок, що пхнув ніж, прийде до церкви і одпішить йому половину свого богатства“.

Червонцы, которые Хома должен получить от сотника как вознаграждение; чтение псалтыря в продолжение трех ночей около гроба умершей; круг, очерчиваемый Хомой; ужасы, переживаемые им; попытки убежать; нарастание ужасов; обращение к „старшей ведьме“, – все эти черты восходят к фольклору.

Встающая из гроба панночка у Гоголя не может переступить черту, увидеть Хому Брута. Ср. в сказке из Сумского уезда: „Прилетіли відьми в хату: як кинуться до Пантелимона, добігли до круга, та й назад; кругом бігають, а за круг не перебіжать“. В сказке из Лубенского уезда: „Сів той роботник, чита, коли встає та дівка, шарила, шарила по хаті, нема його, не найде, і подалась із хати. Наскликала відьом, може, штук з двадцять. Шукають вони, шукають – не найдуть“.

Тройная градация ночей, тройное ступенчатое возрастание страхов, обращение к „старшему“, чтобы увидеть парня и переступить черту, эти эпизоды завершают повествование и в „Вии“ и в сказках. В первую ночь панночка-ведьма пытается сама увидеть, найти Хому Брута, переступить черту „таинственного круга“; во вторую приводит других; в третью они обращаются к „старшему“ (Вию) и тот указывает на Хому. То же имеем и в сказках. Три ночи прилетают мертвые ведьмы и не могут увидеть парня; на третью ночь они посылают за „старшей ведьмой“ в Киеве: „та найде“. Послали за нею, она прилетела и указала на парня. Но парень принес с собой петуха, и только ведьмы пустились к нему, он придавил петуха, тот запел, и ведьмы исчезли (Лубенский уезд, В. Милорадович). В другой сказке Лубенского уезда ведьмы ищут парня и не находят, посылают за киевскою ведьмою, киевская ведьма указывает, где сидит парень, но с пеньем петуха ведьмы разбегаются, а „мертва там і впала“ („Киевская Старина“, 1896, IX, стр. 46). В сказке из Сумского уезда на вторую ночь налетает еще большая сила ведьм, бегают вокруг черты, но не могут переступить черту; на третью ночь они обращаются к „старшей киевской ведьме“ (Б. Гринченко).

Сказки первой редакции, как выше отмечено, кончаются тем, что тело умершей ведьмы вывозится за село, парень получает обещанное вознаграждение; только в одной из сказок Сумского уезда парень гибнет, не выдержавши пережитых им ужасов („Витерпів муку Свиридон, вийшов він на світ і зараз умер“, Б. Гринченко, „Этн. мат.“, I, стр. 71). Во всяком случае, для всех сказок первой редакции характерно, в отличие от второй и третьей редакций, что девушка-ведьма остается ведьмой; мотив „освобождения“ и „женитьбы“ сказкам первой редакции не свойствен.

Итак, Гоголь не просто соединял отдельные мотивы, взятые из разных сказок о ведьмах, но имел в виду сюжетную схему сказок определенной – именно первой (по нашему обозначению) редакции.

Впрочем, одна особенность отличает повесть Гоголя: в сказках имеется „добрый советник“ (дед, мать, другая ведьма), указывающий парню, что он должен делать, чтобы избежать гибели; у Гоголя „добрый советник“ отсутствует. Это отмечают и В. Милорадович и К. Невірова. Однако утверждение В. Милорадовича, повторенное К. Невіровой, что „все сказки, параллельные «Вию», кончаются благополучно, в чем заключается другое существенное отличие их от «Вия»“ („Киевская Старина“, 1896, IX, стр. 48), что „всі вони виходять на добре“ („Записки Українського наукового товариства в Київі“, 1909, стр. 49), ошибочно, потому что В. Милорадович и К. Невірова берут все „параллельные «Вию» сказки“ суммарно, не различая в них редакций. Благополучная развязка – необходимая черта сказок второй редакции, но не сказок первой редакции. Только сказки второй редакции кончаются освобождением девушки от власти демонических сил и женитьбой героя на девушке.

Из сказок второй редакции наиболее раннюю запись дает на украинском языке А. Дыминский. У пана была дочка, которая внезапно умирает. Ее вывозят в церковь, чтобы она там пробыла целый год; каждую ночь кто-нибудь должен ходить на стражу. Каждого, остающегося в церкви на ночь, она душит. „Москаль“ в корчме, узнавши об этом, вызывается переночевать около гроба. Пан обещает ему много денег. Баба, встретившаяся на улице, дает солдату ряд советов. Солдат становится в алтаре, и панночка, вставшая из гроба, не находит его. При пении петухов она опять возвращается в гроб. То же повторяется на вторую ночь. На третью ночь, по совету бабы, солдат, когда панночка встала из гроба, ложится в гроб и не встает, пока не запели петухи и панночка не сказала: „стань, не бойся“. Он встал, и они

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru обнялись. Сказка кончается женитьбой. („Казки та оповідання з Поділля, 1850–1860 рр.“, Київ, 1928, стр. 52–53). Из русских сказок сюда относится сказка № 207 афанасьевского собрания: „Иван-купеческий сын отчитывает царевну“. Ср. в собрании И. Рудченко сказку: „Упырь и Миколай“ („Народные южно-русские сказки“, 1870, II, стр. 27–32); разница только в том, что герой на третью ночь, когда царевна выходит из гроба, ложится вместо нее в гроб; то же в сказках, собранных О. Раздольским в Галиции („Галицкие народні казки“, „Етногр. Збірник“, 1899, VII, № 30, 48, 49).

Западноевропейским образцом сказок второй редакции может служить сказка бр. Гримм: „Die Prinzessin im Sarge“.

Мы не знаем текста того „народного предания“, какое могло быть известно Гоголю. Однако, это скорее мог быть один из вариантов сказок первой редакции, чем второй. Делая героя пьяницей-бурсаком, случайно очутившимся в корчме, а героиню – панночкой, Гоголь, возможно, шел за сказками второй редакции, хотя в целом „Вий“ ближе к сказкам первой, а не второй редакции. В сказках первой редакции выступает только один герой; во второй появлении героя-избавителя предшествует гибель многих. Расчленение момента гибели многих, ранее проводивших ночь у гроба, и благополучного исхода для основного героя, включение мотива о том, что герой ложится в гроб, благополучный конец (освобождение девушки от демонической власти и женитьба героя на девушке) – всё это отличает вторую редакцию от первой, а также и от сюжетной схемы „Вия“. Следует отметить, что сказки второй редакции в отличие от крестьянской бытовой окраски сказок первой редакции имеют некоторый оттенок церковной легенды: „добрым советником“ тут является не дед или мать, но святитель Николай, апостол Петр и т. п.

В литературе о Гоголе был поставлен вопрос, не следует ли народные сказки, обнаруживающие сходство с „Вием“, считать фольклорным отзвуком гоголевского „Вия“. Подобная постановка вопроса методологически вполне оправдана. Однако, с одной стороны, международное распространение сказок второй редакции, с другой, наличие записей, хронологически предшествующих появлению „Вия“, должны убедить нас, что сказки даже и в более поздних записях, – в записи Дыминского, в публикациях Гринченко, Рудченко и др., – являются записями вариантов той самой сказки, бытовавшей в устной традиции, которой воспользовался как сюжетом для своей повести Гоголь. [23]

Из ранних публикаций фольклорных материалов нужно упомянуть стихотворную поэму, снабженную этнографическим комментарием-исследованием о ведьмах, А. Павловского „Ведьма и злодеи, или чудесное происшествие“ (1803). Сама по себе поэма Павловского не представляет интереса, но его рассуждения о ведьме весьма любопытны (в. Сиповський, „Укр. в рос. письм.“, 1928, стр. 263). По мнению А. Павловского, слово „ведьма“ появилось на Украине и оттуда перешло в Россию (стр. 1). Иронизируя, автор замечает, что „в Киеве действительно водятся ведьмы, а особенно по кладбищам и в Шелковичной улице“ (стр. 6). Ср. у Гоголя заключительную реплику Тиберия Горобца, которой заканчивается „Вий“: „Ведь у нас, в Киеве, все бабы, которые сидят на базаре, все – ведьмы“. А. Павловский, между прочим, пересказывает народное поверье, что если ведьму бить, то она оборачивается кошкой, свиньей, змеей, мухой, щукой, – „продолжая битье, можно принудить ее принять вид женщины“ (стр. 5).

Менее ясен вопрос о происхождении образа Вия. В работах о Гоголе высказывалась мысль о нефольклорном происхождении этого образа. (В. Милорадович, К. Невірова, В. Гиппиус).

До сих пор мы не имеем записей сказок с образом, который соответствовал бы гоголевскому Вию (укр. слово „вій“ – веко). Правда, сходный образ мы находим в сказке № 77 афанасьевского собрания „Иван Быкович“. Ведьма схватывает Ивана Быковича и уносит его в подземелье, где на железной кровати лежит старик, ее муж, с такими длинными бровями и ресницами, что они закрывают ему глаза. Он позвал двенадцать могучих богатырей и стал им приказывать: „Возьмите-ка вилы железные, подымите мои брови и ресницы черные: я погляжу, что он за птица, что убил моих сыновей?“ Богатыри подняли ему брови и ресницы вилами, старик взглянул. То же повторяется при второй встрече Ивана Быковича со стариком. Но сказочный старик с длинными веками не наделен чудесным и губительным взором. Сказка развязывается торжеством Ивана Быковича и гибелью старика. Сказка об Иване Быковиче у Афанасьева производит впечатление литературно обработанной, и образ старика, возможно, восходит к гоголевскому Вию. Таким образом, ссылка на

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
сказку об Иване Быковиче не только не разрешает вопроса о фольклорных источниках образа Вия, но скорее подтверждает мнение, что образ Вия создан самим Гоголем.

Гоголь назвал Вия „повелителем гномов“. „Гномов“ украинская демонология не знает. В данном случае Гоголь ввел термин, взятый из немецкой мифологии. Вводя его, Гоголь, конечно, допускал терминологическую погрешность, однако, само явление Вия в гоголевской повести не противоречит смене эпизодов сказочного сюжета. Отступление Гоголя от сказочной схемы заключалось в замене „старшей ведьмы“ фольклорной традиции нефольклорным образом Вия.

IV

Появление в повести образа Вия – „повелителя гномов“ – приводит к более общему вопросу: об отношении повести к западной (в частности, немецкой) романтической традиции. Мысль о зависимости Гоголя от немецких романтиков Тика и Гофмана впервые была высказана С. П. Шевыревым в „Московском Наблюдателе“ (1835 г., т. I, стр. 2). Против этой мысли Шевырева решительно выступил Н. Г. Чернышевский в „Очерках гоголевского периода“ (соч. Чернышевского, 1906, т. II, стр. 100).

Чернышевский ошибался, отрицая известность Тика в русской читательской среде и знакомство Гоголя с Тиком. Тик был неоднократно переводим на русский язык. Гоголь сам упоминает о Тике; в литературе о Гоголе был сделан ряд сопоставлений произведений Гоголя и Тика (Надеждин. „Телескоп“, № 5, 1831; Тихонравов, Соч. Гоголя, I, стр. 516–535; А. К. и Ю. Ф. „Русская Старина“, 1902, III, стр. 641–647; Ad. Stender-Petersen. *Gogol und die deutsche Romantik*, „Euphorion“, 1922, XXIV и др.). Но Чернышевский был прав в том, что „пересказыванье“ Гоголем фольклорного источника устранило фабульное сходство „Вия“ с отдельными произведениями западноевропейских литератур. Для „Страшной мести“ и для „Вечера накануне Ивана Купала“ могли быть приведены параллели из Тика, для „Вия“ – нет.

Близость Гоголя к немецким романтикам сказывается не в сюжете, а в общем литературном колорите „Вия“. В изображении переживаний и впечатлений Хомя Брута, когда он несет с ведьмой на плечах, Гоголь как бы намекает на „ночную сторону человеческой психики“, которую пытался изобразить в цикле своих сказок Л. Тик. Появление Вия в конце повести соответствует разворачиванию сюжета в народной сказке, но то, что в Вии и в гномах подчеркнута их близость к земле, к природе, – это сближает Гоголя с немецким романтизмом.

Одна из деталей текста „Вия“ позволяет обнаружить связь мрачного фантастического колорита повести не только с личными, но и с общественными настроениями Гоголя этой поры: с его своеобразной гражданской скорбью. Имеем в виду эпизод о впечатлении, произведенном покойницей-панночкой на Хому: „Но в них же, в тех же самых чертах, он видел что-то страшно-пронзительное. Он чувствовал, что душа его начинала как-то болезненно ныть, как будто бы вдруг среди вихря веселья и закружившейся толпы запел кто-нибудь песню об угнетенном народе“. Слова „песню об угнетенном народе“ введены в текст настоящего издания из рукописи. В подцензурном печатном тексте этот многозначительный намек был вытравлен (фраза заканчивалась словами: „запел кто-нибудь песню похоронную“).

V

В отличие от „Вечеров на хуторе“, где фантастика окружена более или менее условными (чувствительными или комическими) сельскими сценами, фантастика „Вия“ окружена сценами вполне реалистическими – изображениями бурсацкого быта и частично – быта сотниковой дворни, быта (на языке враждебной Гоголю критики) – „низкого“ и „грязного“ бытовые страницы „Вия“, осуществляя самостоятельное художественное задание, продолжая и совершенствуя начатую в „Вечерах“ линию демократизации „высокой“ литературы, – вместе с тем даны как антитеза к фантастическим элементам повести, связанным с другим социальным материалом (помесье сотника, панночка).

Как отметил И. Анненский („О формах фантастического у Гоголя“) Гоголь „Обывательской невозмутимостью“ Хомя Брута резко оттенил „демоническую фантастику“. Чем равнодушнее реальный *dominus* Хома, тем страшнее и трагичнее фантастические ночные ужасы, испытываемые Хомой Брутом, в церкви у гроба панночки.

В начальных эпизодах „Вия“ с изображением быта киевской бурсы и бурсаков нужно

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
видеть отражение как личных впечатлений Гоголя от разговоров и рассказов, слышанных на Украине, так и впечатлений литературных. Непосредственным литературным предшественником Гоголя в этом отношении был В. Т. Нарезный. О популярности на Украине „Бурсака“ Нарезного (1824 г.) на ряду с „Малороссийской деревней“ Кулжинского и „Монастыркой“ А. Погорельского упоминает Царынный (А. Я. Стороженко) в разборе „Вечеров на хуторе“ в „Сыне Отечества“ 1832 г. „Описание бурсы“ в „Вии“ охарактеризовано Белинским в его статье 1835 г. „О русской повести и повестях Гоголя“ как „немного напоминающее бурсу Нарезного“. Впоследствии Ап. Григорьев в статье: „Русская литература в 1851 г.“ мимоходом высказал мысль, что „грубые, так сказать, сырые материалы“ для бурсаков в „Вии“ можно найти в произведениях Нарезного.

Исчерпывающий анализ текстуальных совпадений „Вия“ и „Бурсака“ дал Ю. М. Соколов в статье „В. Т. Нарезный“ (сб. „Беседы“, 1915, I, стр 96-109). Ср. начало „Вия“ с такой картиной Нарезного: „но лишь только раздался звон колокола на семинарской колокольне, как в бурсе раздался басистый голос консула: «Ребята! на работу!». В „Бурсаке“ Неон Хлопотинский упоминает о „праве“ консула „пить вино, курить табак и носить усы“ (гл. II). Ср. у Гоголя о риторе Тибереи Горобце. У Нарезного: „Богословы и философы образуют сенаторов“ (гл. II). У Гоголя: „Сенат, состоящий из философов и богословов“. Общая характеристика бурсаков, как „Голодных“ и „вороватых“, всегда „стремящихся к насыщению“, подсказана Гоголю, вероятно, Нарезным. Описание пения бурсаков под окнами у богатых переяславских мещан у Нарезного непосредственно использовано Гоголем. В „Бурсаке“ Нарезного читаем: „Мы остановились под окнами одного видного дома... Вступили мы на двор и стали полукругом около стола сажени за две... Начался духовный концерт“... „Концерт кончен... Когда всё утихло, то ласковый хозяин поднес философу большую чарку водки и сунул в руку сколько-то денег; по приказанию доброй хозяйки в наш мешок высыпана мерка гороха, впущена часть свинины и оставшийся от полдника большой кус жаркой говядины“ (гл. II).

В той же второй главе „Бурсака“ следует отметить эпизод похода бурсаков на огород. „По прошествии малого времени консул громко произнес: – Не правда ли, братцы, что для перемены в пище не худо было бы на вечер сварить кашу тыквенную? Все одобрили такое предложение. Тогда он возгласил: – Неон, Памфиль, Епифан и Аверкий залезут в ближайший огород и будут рвать там тыквы и что попадетсЯ, ибо всё устроено на потребу человека, а риторы Максим и Лукьян станут у забора с мешками для принятия добычи. Когда смерклось, то будущие мои товарищи в сем ночном подвиге начали приготавливаться“. Дальше Нарезный изображает сцену набега на соседний огород. Ср. сходный эпизод у Гоголя.

Описание путешествия компании бурсаков, расходящихся на вакации, по хуторам, соответствует у Гоголя началу другого романа Нарезного, – „Два Ивана или страсть к тяжбам“.

С другой стороны, необходимо отметить у Гоголя ряд фактических деталей бурсацкого быта, которых нет у Нарезного. Так, у Нарезного бурсаков бьют по ладоням деревянными лопатками; по Гоголю риториков „по пальцам“ били „розгами“, богословов – „коротенькими кожаными канчуками“, что же касается „деревянных лопаток“, то они, как утверждает Гоголь, были предназначены специально для философов. Сюртуки, простирающиеся до пят, „по сие время“, описание приготовления уроков, роль аудиторов и цензоров, кулачные бои – всех этих деталей у Нарезного нет. Ю. Соколов, указав, что „у Гоголя встречаем также семинарские должности аудиторов и цензоров, у Нарезного же нет... ни цензоров, ни аудиторов“, замечает: „Некоторое сходство (в описании облика философа, в упоминании об аудиторах и кондициях, не отмечаемых Нарезным) с деталями «Вия» мы находим в «Федюше Мотовильском», сочинении учителя Гоголя, Кулжинского, вышедшем в 1833 г.“. Н. Белозерская („В. Т. Нарезный“, стр. 108) указывает как на общий источник в изображении бурсы и для Нарезного и для Гоголя – на описание бурсы в книге Шафонского, написанной в Чернигове в 1786 г. и хотя напечатанной только в 1851, но распространенной в списках. Впрочем, по мнению Н. Белозерской, совпадения у Шафонского и Нарезного объяснимы общим объектом описания. К мнению Н. Белозерской присоединяется и Ю. Соколов, отмечающий, что „описание бурсы Шафонского далеко не покрывает картин, данных Нарезным и Гоголем“ (стр. 108).

На желание Гоголя придать повести некоторый исторический колорит указывает характеристика отца панночки, как „именитого сотника“. Гоголь этим отмечает специфическую особенность провинциального управления на Украине, в основе которого лежало полковое устройство, обратившееся впоследствии в

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
территориальное. Хотя Гоголь называет „сотника“ „именитым“ и „одним из богатейших“, однако должность „сотника“ не принадлежала к высшим в полку. „Решительные пункты“ 1728 г. устанавливали такой порядок замещения должностей: кандидатов на сотника выбирают сотенные казаки, кандидатов на должности полковой старшины – полковая старшина совместно с сотниками, представляя кандидатов на утверждение гетмана. Хотя замещение сотничьей должности должно было принадлежать казакам данной сотни однако очень часто сотники не выбирались, а просто назначались полковниками. Позднейшая инструкция Разумовского, подтверждая порядок выбора сотников, фактически передала их выбор старшине данной сотни, а не казакам. Сотнику подчинялись атаманы, стоявшие во главе сельских „громад“ (общин); последние пользовались правами самоуправления, и атаманы были выборными. [24]

Вопрос о времени, к которому приурочено действие „Вия“, не вполне ясен. Гоголь говорит в „Вии“ о Киевской семинарии: „Как только ударял в Киеве поутру довольно звонкий семинарский колокол... висевший у ворот Братского монастыря“... „По приходе в семинарию вся толпа размещалась по классам“... „В торжественные дни и праздники семинаристы и бурсаки отправлялись по домам с вертепами“... „Самое торжественное для семинарии событие было – вакансия“. Хома Брут именуется „киевским семинаристом“. Умирая, панночка говорит отцу. „Пошли, тату сей же час в киевскую семинарию и привези бурсака Хому Брута“. Киевская семинария была открыта в 1817 году (преобразована из „преждебывшей“ Киевской академии, помещавшейся в Братском монастыре). Если считать с тем, что у Гоголя фигурирует Киевская семинария, а не академия (в „Тарасе Бульбе“ – академия), приходится отнести время действия „Вия“ к 20-м годам XIX ст., между тем как общий колорит повести позволяет предположить, что Гоголь думал время действия повести приурочить если не к XVII, то к XVIII ст., отодвинуть его в более или менее неопределенное прошлое. Весьма вероятно, что Гоголь, говоря о „бурсе“ и „семинарии“, исходил из некоторого общего недифференцированного представления о духовном учебном заведении.

Однако некоторые детали указывают именно на академию, а не на семинарию. Так, например, Гоголь называет в числе бурсаков – грамматиков, риторов, философов и богословов. Но грамматического отделения в курсе Киевской семинарии не было. В Киевской академии XVIII ст., существовавшей до основания Киевской семинарии, действительно были не только риторы, философы, богословы, но и грамматики. В Академии середины XVIII ст. были: нижний грамматический класс, средний грамматический класс, высший грамматический класс, класс поэзии, класс риторики, класс высшего красноречия, класс философский и богословский класс (В. Аскоченский. „Киев с древнейшим его училищем“, Киев, 1856, ч. II, стр. 399–401, ср. стр. 251–254).

Что касается самого слова „бурса“, то оно в украинском языке обозначает: 1) общежитие, 2) толпа, гурьба, группа. У Гоголя в первом смысле общежитие. Слушатели Киевской академии жили по квартирам, снимаемым у мещан „по приходам“ в избах, „приходских школах“ и в „сиротском доме“. Жившие по приходским школам и в сиротском доме образовывали общежития на артельных началах, т. е. „бурсы“ в собственном смысле слова. Нарезный в „Бурсаке“ так объясняет слово „бурса“: „Есть многие сельские и иногородние отцы, кои, охотно желая видеть сыновей своих учеными, по бедности не в силах содержать их в городе, где понадобилось бы платить за квартиру и пищу. Чтобы и таковым доставить посильные способы к образованию, то помощью вкладов щедрых обывателей и по распоряжению монастырей при каждой семинарии устроены просторные избы с печью или двумя, окруженные внутри широкими лавками; на счет также монастырей снабжаются они отоплением и более ничем. Сии-то избы и называются бурсами, а проживающие в них школьники – бурсаками“.

Различая „семинаристов“ и „бурсаков“, говоря о „наследственной неприязни“ между семинарией и бурсой, Гоголь либо имел в виду антагонизм между бедностью, жившей в бурсе, и более обеспеченной своекоштной частью семинаристов, либо переносил в неопределенное время действия „Вия“ современный ему антагонизм между семинаристами и учениками духовного училища – „бурсаками“.

Библиографическая справка

Специальная литература о „Вии“ незначительна. Статьи о „Вии“ посвящены или вопросу о фольклорных источниках „Вия“, или же вопросу об отношении повести Гоголя к повестям Нарезного.

1. Н. Ф. Сумцов. Параллели к повести Н. В. Гоголя „Вий“, „Киевская Старина“, 1892, кн. III, ст. 472–479.
2. В. И. Шенрок. Происхождение повести „Вий“ и отношение ее к народным малороссийским сказкам“, „Материалы для биографин Гоголя“, II, М., 1893, стр. 69–78, дополнения на стр. 381–382.
3. В. Милорадович. К вопросу об источниках „Вия“, „Киевская Старина“, 1896, кн. IX, стр. 45–48.
4. Н. Петров. Южно-русский народный элемент в ранних произведениях Н. В. Гоголя. „Чтения в О-ве Нестора летописца“, 1902, кн. XVI (упоминание о сходстве „Вия“ с легендами о Шелудивом Буняке).
5. К. Невірова. Мотиви української демонології в „Вечерах“ та „Миргороді“ Гоголя. „Записки Укр. наук. т-ва в Київі“, 1909, кн. V, стр. 42–49, 52–54.
6. Ю. М. Соколов, Нарезный и Гоголь, Беседы, „Сб. О-ва ист. лит.“, М., 1915, стр. 96–109.
7. Г. Чудаков. Отражение мотивов народной словесности в произведениях Гоголя, „Киев. Унив. Изв.“ 1906, кн. VII, стр. 29–32.

Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем

I

Источники текста

Н – „Новоселье“, Часть вторая. СПб., 1834, стр. 479–569.

М – „Миргород“. Повести, служащие продолжением „Вечеров на хуторе близ Диканьки“ Н. Гоголя. Часть вторая, СПб., 1835.

П – Сочинения Николая Гоголя. Том второй: „Миргород“. СПб., 1842.

В настоящем издании печатается по „Миргороду“ 1835 г. с исправлениями по „Новоселью“ и „Сочинениям“ 1842 г. Предисловие печатается по экземпляру „Миргорода“ 1835 г., хранящемуся в Библиотеке Академии Наук СССР (Ленинград). Шифр IVб, 211.

II

При жизни Гоголя „Повесть о том, как поссорился...“ была напечатана трижды: 1) в альманахе Смирдина „Новоселье“ (часть вторая, СПб., 1834, стр. 479–569), 2) в „Миргороде“ (СПб., 1835, стр. 95–215) и 3) в „Сочинениях Николая Гоголя“ (т. II, СПб., 1842, стр. 383–483). Рукопись повести до нас не дошла. В „Миргороде“ повесть перепечатывалась, повидимому, с текста „Новоселья“, о чем свидетельствуют отдельные опечатки, перешедшие из „Новоселья“ в „Миргород“. В основу текста настоящего издания положен текст „Миргорода“ изд. 1835 г., поскольку в „Миргороде“ повесть печаталась вторично под наблюдением Гоголя, внесшего в текст ряд изменений и поправок. Издание 1842 г., печатавшееся под наблюдением Н. Я. Прокоповича, отличается довольно многочисленными, но малосущественными разночтениями, большая часть которых, несомненно, объясняется правкой Прокоповича. Поправки, внесенные Прокоповичем, сводятся главным образом к устранению грамматических неправильностей и лишь изредка дают варианты, имеющие стилистический характер. Явные опечатки, которые имеются в тексте „Миргорода“ и возникли по недосмотру Гоголя, в настоящем издании выправлены по „Новоселью“ и „Сочинениям Н. Гоголя“ 1842 г. Поправки издания 1842 г., которые по всем данным принадлежат Прокоповичу, в текст не вводятся. В издании 1855 г. (Трушковского) листы корректуры „Повести о том, как поссорился...“ просмотрены Гоголем не были, а был перепечатан текст „Сочинений Н. Гоголя“ 1842 г., поэтому в вариантах это издание не учитывается.

Хотя в тексте „Миргорода“ по сравнению с текстом „Новоселья“ разночтений немного, тем не менее эти разночтения свидетельствуют о том, что текст „Миргорода“ был целиком просмотрен и выправлен Гоголем. В ряде случаев

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
исправлены некоторые опечатки, малоудачные выражения и обороты, допущенные при первом печатании; например: „и несмотря что Иван Никифорович был несколько похож на сливу“ исправляется на: „и несмотря, что нос Ивана Никифоровича был несколько похож на сливу“. В „Новоселье“ городничий „водное пространство“, т. е. „лужу“ „называет из амбиции озером“, в „Миргороде“ это переделывается на „называет озером“; вместо „коноплянного масла“, в „Миргороде“ оставлено просто „масло“.

Появившиеся впервые в издании 1842 г. в конце главы 1-й слова „за то... веру“ следует признать дополнением самого Гоголя. Оно выпадает из всей системы правок Прокоповича, который нигде не позволял себе дополнений, ограничиваясь лишь исправлением гоголевского языка. Очевидно, вставка эта сделана Прокоповичем по указанию Гоголя.

В экземпляре „Миргорода“ изд. 1835 г., хранящемся в Библиотеке Академии Наук СССР (шифр IVб, 211, ч. II, стр. 93) имеется предисловие к повести, отсутствующее во всех других экземплярах этой книги. Этим, вероятно, объясняется, что предисловие Гоголя к „Повести о том, как поссорился...“ оставалось до сих пор неизвестным. Предисловие было впервые опубликовано в книге: „Н. В. Гоголь. Материалы и исследования“ под ред. В. В. Гиппиуса, I, Изд-во Академии Наук СССР, М. – Л., 1936, стр. 5. В настоящем издании это предисловие вводится в текст повести впервые.

Предисловие подчеркивает сатирический замысел повести, ее обличительную направленность и социальную обобщенность. Это заставляет тщательно образом рассмотреть вопрос о причинах изъятия предисловия из уже сверстанной и, вероятно, частично отпечатанной книги.

В альманхе „Новоселье“ (ч. II, СПб., 1834, стр. 479–569), где повесть впервые напечатана, предисловия не было, имелся лишь подзаголовок „Одна из неизданных былей Пасечника рудого Панька“. Предисловие, повидимому, было написано позже окончания повести, при подготовке „Миргорода“ к печати в самом конце 1834 г. (цензурное разрешение датировано 29 декабря 1834 г.).

Прохождение повести через цензуру при напечатании ее в альманхе „Новоселье“ в 1834 г. повлекло за собой изъятие „некоторых непропущенных мест“, как об этом сообщает цензор А. В. Никитенко, и к столкновению на этой почве с ним Гоголя. Об этом недовольстве Гоголя цензурой сохранилось свидетельство самого А. В. Никитенко, который записывает в своем дневнике от 14 апреля 1834 г.: „Был у Плетнева. Видел там Гоголя: он сердит на меня за некоторые непропущенные места в его повести, печатаемой в Новоселье“ (А. В. Никитенко. „Записки и дневник“, изд. 2, ч. I, стр. 242). Нам неизвестно, что именно в повести не было пропущено цензурой, но выражение Никитенко, „некоторые непропущенные места“ заставляет предполагать, что он имел в виду представленный в цензуру текст самой повести, а не предисловие, состоящее всего из нескольких строк. Поскольку же Никитенко сделал запись в дневнике непосредственно во время прохождения повести через цензуру (цензурное разрешение „Новоселья“ датировано „апреля 18 дня 1834 года“, т. е. через 4 дня после записи в дневнике), здесь трудно допустить какую-либо ошибку.

Предисловие к повести, повидимому, было написано Гоголем в ответ на эти цензурные купюры. „Предупреждение“ о том, что „происшествие, описанное в этой повести, относится к очень давнему времени“ и является „притом“ „совершенной выдумкой“ имеет явно иронический характер. Якобы благонамеренное утверждение, что „теперь“ „все сановники: судья, подсудок и городничий люди почтенные и благонамеренные“ в соседстве с заявлением о том, что „лужа среди города давно уже высохла“ заставляют подозревать в предисловии замаскированную полемику с цензурой, намек на какие-то обвинения в „неблагонамеренности“, которыми, вероятно, мотивировано было цензурное запрещение „некоторых мест“ повести. Некоторые обстоятельства, относящиеся ко времени прохождения через цензуру и печатания „Миргорода“, отчасти проясняют историю появления этого предисловия.

Прохождение „Миргорода“ через цензуру совпало со временем отбывания цензором А. В. Никитенко заключения на гауптвахте (с 16 по 25 декабря 1834 г.) за пропуск перевода стихотворения В. Гюго в „Библиотеке для чтения“. Цензуровал „Миргород“ В. Н. Семенов; цензурное разрешение им подписано было 29 декабря 1834 г. Гоголь, вероятно, воспользовался отсутствием Никитенко и своим личным знакомством с цензором В. Н. Семеновым, которому „он читал свои произведения не только как хорошему знакомому, но и как цензору, спрашивая его о том, удобно или неудобно

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru прочитанное к печати“,[25] и предпослал „Повести о том, как поссорился...“ это предисловие. Это тем более вероятно, что Семенов мог и не знать о конфликте Гоголя с Никитенко при напечатании повести в „Новоселье“ и не обратить внимания на замаскированную иронию предисловия.

Возвращение Никитенко и привело, повидимому, к изъятию предисловия. Возможно, что, узнав о возвращении Никитенко, Гоголь и сам изъясил предисловие во избежание недоразумений. Письмо Гоголя к Никитенко от 24 января 1835 г., т. е. вскоре после освобождения Никитенко, может быть поставлено в связь с этими обстоятельствами. Гоголь в этом письме выражает сожаление о том, что не застал Никитенко лично и пишет: „мне бы нужно было о многом переговорить с Вами таким, что на бумаге как-то не может говориться“.[26]

Поскольку изъятие предисловия произошло, как с полной уверенностью можно полагать, по причинам цензурного порядка, мы вправе восстановить предисловие в основном тексте гоголевской повести. Невключение предисловия в издание 1842 г. может быть объяснено как неотпавшими цензурными соображениями, так и тем, что обстоятельства, которыми было вызвано полемическое предисловие, утратили для Гоголя значение.

Наибольшие трудности вызывает вопрос о времени написания „Повести о том, как поссорился...“. В альманахе „Новоселье“ повесть подписана псевдонимом „Рудый Панько“ и датирована 1831 г. В письме к М. А. Максимовичу от 9 ноября 1833 г. Гоголь, извиняясь в том, что не может ничего дать для его альманаха „Денница“, писал: „У меня есть сто разных начал, и ни одной повести, и ни одного даже отрывка полного, годного для альманаха. Смирдин из других уже рук достал одну мою старинную повесть, о которой я совсем было позабыл и которую я стыжусь назвать своею; впрочем, она так велика и неуклюжа, что никак не годится в ваш альманах“. На ряду с этим Пушкин в своем дневнике записывает 3 декабря 1833 г.: „Вчера Гоголь читал мне сказку как Ив<ан> Ив<анович> поссорился с Ив<аном> Тимоф<еичем> – очень оригинально и очень смешно“ („Дневник А. С. Пушкина“, ГИЗ, М., стр 38). Сопоставив историю возникновения альманаха „Новоселье“ с записью в дневнике Пушкина, Тихонравов пришел к следующему выводу: „Нельзя допустить, чтобы Гоголь решился читать Пушкину повесть, которой «сам стыдился». Полагаем, что повесть отдана была на суд Пушкина в окончательной уже редакции. Крайним пунктом, к которому может быть приурочена эта редакция, на основании письма к Максимовичу и заметки Пушкина, можно принять или начало ноября 1833 г., или начало апреля 1834 г.[27] к более ранней эпохе мог относиться лишь первоначальный набросок повести“ (Соч., 10 изд., т. I, стр. 703). Вслед за Тихонравовым относит время написания повести к концу 1833 г. и Н. Коробка, указывая, что „датирование более ранним временем – обычный прием Гоголя“ („Собр. соч. Гоголя“, изд. „Деятель“, т. II, стр. 422).

К этим соображениям необходимо добавить, что художественная манера бытового гротеска и сатиры значительно отличает „Повесть о том, как поссорился...“ от повестей „Вечеров на хуторе“ и приближает к таким вещам Гоголя, как „Ревизор“ и „Мертвые души“. Всё это делает более вероятной датировку повести 1833, а не 1831 годом.

Предельной датой окончания „Повести о том, как поссорился...“ является 9 ноября 1833 г. – дата приведенного выше письма Гоголя к Максимовичу с упоминанием об этой повести. Более точной датировке „Повесть“ не поддается. История издания альманаха „Новоселье“ дает основание предположить, что повесть могла быть передана А. Смирдину еще в течение 1832 г. или в начале 1833 г. Так, в предисловии к 1-й книге альманаха (цензурное разрешение 1 февраля 1833 г.) Смирдин сообщает „Пустой случай – перемещение книжного магазина моего на Невский проспект (19 февраля 1832 г.) доставил мне счастье видеть у себя на новоселье почти всех известных литераторов. – Гости-литераторы, из особенной благосклонности ко мне, вызвались, по предложению В. А. Жуковского, подарить меня на новоселье каждый своим произведением, и вот дары, коих часть издана нами. Присланных статей достаточно было бы для составления другой такой же книги“.

Но скорее всего „Повесть“ была передана Смирдину после 1 февраля 1833 г. В пользу более поздней даты говорит то обстоятельство, что повесть не была известна Пушкину до его отъезда из Петербурга, т. е. до 17 июля 1833 г., а прочтена ему только после возвращения Пушкина из поездки в Оренбург и Болдино (Пушкин вернулся 20 ноября).

III

„Повесть о том, как поссорился...“ при всей самостоятельности и творческой оригинальности Гоголя связана в известной мере с предшествующей литературой, в первую очередь – с романом В. Т. Нарезного „Два Ивана, или страсть к тяжбам“ (М., 1825). Вопрос о значении Нарезного для творчества Гоголя ставился неоднократно. Сопоставлением „влияния“ Нарезного на Гоголя и в частности разысканиями следов этого влияния в „Повести о том...“ занимались Н. Белозерская („В. Т. Нарезный“, 2 изд., СПб., 1896), Б. Катранов („Гоголь и его украинские повести“, „Филологические записки“, 1909, вып. VI), Н. Петров („Следы литературных влияний в произведениях Н. В. Гоголя“, „Чтения в церковно-истор. и археолог. об-ве при Киевск. духовн. академии“, 1902, вып. IV), В. Данилов („Земляк и предтеча Гоголя“, Киев, 1906 г.), А. П. Кадлубовский („Гоголь в его отношениях к старинной малорусской литературе“, Нежин, 1911 г.), Ю. Соколов („В. Т. Нарезный“, „Беседы“, I, М., 1915), не говоря уже о многочисленных упоминаниях об этом в ряде монографий о Гоголе и в общих курсах истории литературы. Однако дальше сопоставления сюжетных эпизодов и отдельных цитатных параллелей никто из исследователей этого вопроса не пошел.

В основу сюжета „Двух Иванов“ Нарезного положена бесконечная и разорительная тяжба между панами Иванами и паном Харитоном Занозой, возникшая из-за пустячной причины: „кролики из сада Ивана старшего залезли в сад пана Харитона, напроказили, были побиты или изувечены – и вот источник бесчисленных хлопот, великих издержек и наконец – разорения. Сколько мы ни увещевали своих родственников кинуть гибельные тяжбы и довольствоваться остатками имения; нет: страсть к позыванью усиливалась в них с каждой новой пакостью, от одного другому делаемую“ („Два Ивана“, М., 1825, ч. II, стр. 65–66).

Бесконечные тяжбы среди украинской шляхты были широко распространенным явлением, и вполне возможно, что замысел „Повести о том, как поссорился...“ возник у Гоголя независимо от Нарезного, под влиянием бытовых впечатлений. [28] Так, например, в письме к матери от 30 апреля 1829 г. Гоголь спрашивает о тяжбе, связанной с его семьей: „Свидетельствую мое почтение дедушке (т. е. И. М. Косяровскому). Скажите пожалуйста, что его тяжба? Имеет ли конец?“. Возможно, что в этой повести, как и в „Старосветских помещиках“, был использован материал домашних воспоминаний и впечатлений от поездки на родину в 1832 г.

Фактическое, бытовое происхождение сюжета повести подтверждается и показанием А. О. Смирновой, которая, говоря о детских воспоминаниях Гоголя, отмечает, что „ссора Ивана Ивановича с соседом тоже взята с натуры“ (А. О. Смирнова, „Автобиография“, изд. „Мир“, М., 1931, стр. 310).

При всем том значение „Двух Иванов“ Нарезного не отпадает не только потому, что Нарезный первый на аналогичном украинском бытовом материале разработал эту тему, но и потому, что целый ряд второстепенных деталей (незначительность повода к ссоре, судебные документы, поджог мельницы, соответствующий разрушению гусятника, дублирование имен – двух Иванов) свидетельствует об учете и известном использовании Гоголем романа Нарезного.

Однако уяснить отношение Гоголя к Нарезному можно лишь исходя из предпосылок не о влиянии Нарезного на Гоголя, а о борьбе Гоголя с Нарезным.

В „Двух Ивановах“ Нарезного (1825 г.) сложная интрига (с переодеваниями и прочими атрибутами авантюрного романа) и нравоучительно-сентиментальные штампы в значительной мере оттеснили тот бытовой сатирический материал, который становится основным в повести Гоголя. Нарезный являлся предшественником Гоголя в сатирическом изображении действительности. Однако именно эта „реалистическая“ направленность его романов („Российский жилбляз“, СПб., 1814; „Аристион“, СПб., 1822; „Два Ивана“, М., 1825; „Черный год“, СПб., 1829), сочетавшаяся с „грубостью“ нравоописательной сатиры, явилась причиной того, что романы Нарезного были единодушно осуждены критикой 20-х годов за недостаток „образованного вкуса“. [29]

Отрицательная оценка бытоописательных и сатирических тенденций творчества Нарезного во многом предварила те нападки на Гоголя, в частности на его „Повесть о том, как поссорился...“, которые, начиная с 1834 г., делались со стороны „Северной Пчелы“ и „Библиотеки для чтения“. Однако Гоголю, в отличие от

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Нарежного, чужда идущая от XVIII века схематическая морализация и грубоватая упрощенность нравоописания. Идеологическая позиция Гоголя и его художественные принципы в это время гораздо сложнее. Если Нарежный завершал „Двух Иванов“ счастливым концом и примирением, то пессимистический конец „Повести о том, как поссорился...“ свидетельствует, что Гоголь в этот период творчества сомневается в таком выходе из социальных противоречий и дворянского разорения, как патриархальная идиллия, проповедуемая Нарежным в „Двух Иванах“. Гоголь усиливает сатирические и бытоописательные элементы, бывшие уже у Нарежного, отбрасывая традиционно-авантюрные и нравоучительно-сентиментальные стороны его творчества. Преодоление Нарежного шло у Гоголя в „Повести о том, как поссорился...“ как в направлении сатирического заострения фабулы и темы, так и по линии упрощения сюжета, и освобождения от традиционных сюжетных ситуаций, характерных для романа XVIII века.

Вместе с тем Нарежный являлся тем звеном, которое связывало Гоголя с традициями нравоописательной литературы XVIII в. На ряду с влиянием украинской пародийной и водевильной литературы: „Энеиды“ и „Москаля-Чарівника“ И. Котляревского, комедий Гоголя-отца, имевших значение для тех „фарсовых“ и комедийных элементов гоголевской сатиры, которые частью современной критики определялись, как „грязные“, – романы Нарежного давали Гоголю не только фактический материал, но и открывали путь к „реалистическому“ бытописанию.

Этим объясняется, что в „Повести о том, как поссорился...“ имеются отдельные ситуации и детали, которые восходят непосредственно к „Двум Иванам“ Нарежного. Помимо общности темы и ряда сюжетных совпадений сюда относится и использование судебных документов. „Просьбы“, поданные Иваном Ивановичем и Иваном Никифоровичем в поветовый суд, в значительной мере сходны с решениями сотенной канцелярии в романе „Два Ивана“: они пародируют формы судебных бумаг той эпохи. Однако, при всем стилистическом сходстве с решением сотенной канцелярии у Нарежного, „просьбы“ гоголевских героев восходят не только к Нарежному, но и к фактическим документам, несомненно, известным Гоголю. Это подтверждается совпадением одного из выражений в заявлении Ивана Никифоровича с документом, переписанным Гоголем-гимназистом в тетрадь: „Книга всякой всячины, или подручная энциклопедия, составл. Н. Г. – Нежин, 1826 г.“ (см. Соч., 10 изд., т. VII, стр. 873). В одном из этих документов имеется следующее место: „Мы, уряд вышеспещификованный, выслушавши сию пред богом и пред людьми нечестную ставу, аж об полы руками есмы ударились; велели сию неверную Вацьку добре барбарами шмароваты и пану сотникови вечно в пекарню отдаты и сию справу до книг местных приточиты“ (т. VII, стр. 875). Выражение „добре барбарами шмаровать“ перешло целиком в текст прошения Ивана Никифоровича. По стилю и самому характеру языка близок к прошениям повести и первый документ, записанный Гоголем в „Книге всякой всячины“: „Тоби скурвому сыну Васылю Сологубу нехай буде видно, иж доносит нам жалобство Пан Антон Трохимович сотник Сребрянский, же ты по своей мужицкой глупости поважилесь лице наш Реиментарский указ под зарукою тысячи талерей, по жалобе ж его, пана сотника, пред сим в позовом листе до тебе выраженной, не тильки овец по договору не отдались, але и пред суд войсковый генеральный до нас в обоз не сталесь...“ (там же, стр. 874–875).

Вполне вероятно, что Гоголь использовал здесь также и распространенные тогда канцелярские формы как образец для стиля жалобы в поветовый суд. См., например, „Всеобщий стряпчий или поверенный, показующий формы и обряды, как и на какой бумаге пишутся...“ Ивана Маркова книга эта в 1821 г. вышла 6-м изданием.

При характеристике источников, которые сказались в „Повести о том, как поссорился...“, необходимо учесть сопоставления ранних повестей Гоголя („Вечеров на хуторе близ Диканьки“) с украинским вертепом, указанные В. А. Розовым.[30]

В частности, в „Повести о том, как поссорился...“ к вертепу восходит один из эпизодов повести – разговор Ивана Ивановича с нищенкой, который имеется в записях вертепного текста у Н. Маркевича в его книге „Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян“ (Киев, 1860) и в тексте „Сокиринского вертепа“, записанном в Полтавской губернии, куда он был занесен киевскими бурсаками в конце XVIII в. Текст „Сокиринского вертепа“ лишь недавно полностью опубликован в книге „Український вертеп“ (вип. I, Київ, 1929), дающей наиболее полный и точный текст его, известный ранее по записи Галагана.

Приводим здесь сцену между „запорожцем“ и „цыганкой“ по „сокиринским“ текстам вертепа, явление 15 (стр. 84–85):

Циганка:

Не жалуй батеньку копієчки

Да дай дві.

Запорожец:

Що ти Циганко кажеш?

Бо я признатся

Як хто чого просить недочуваю.

. . .

Запорожец:

На що тобі або за що?

Скажи міні, будь ласкава.

Циганка:

Я б собі, мій голубе сизий,

Рибки купила.

Запорожец:

А може б ти Циганко

И товченики їла?

Циганка:

Їла б, козаче бурлаче.

Да де то їх узяти!

Запорожец:

Оцаплена твоя голова.

Чому ти міні давно не сказала?

Я б тобі отцю повну пазушину

Наздавав – от дивись, от тобі товченики.

(Бьет Цыганку и прогоняет, а сам танцует).

Эта сценка показательна в том отношении, что дает фактическое подтверждение влияния на Гоголя украинского вертепа, который он, вероятно, неоднократно видел в детстве. Точно так же описание Гоголем вертепа в самом тексте „Повести о том, как поссорился...“ (см. стр. 229*) подчеркивает значение вертепного представления для характера всей повести. Следует учесть и упоминание о вертепных представлениях, виденных в начале 800-х годов соседкою Гоголя по имени, часто гостившей в Кибенцах, С. В. Скалон („Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 20-х годов“, т. I, М., 1931, стр. 305). От фарсовых, буффонадных сцен вертепа, от комедий Гоголя-отца („Простак“, „Собака-вівця“), от „Москаля-чарівника“ Котляревского идет целый ряд комических приемов Гоголя: Иван Никифорович, не пролезавший через дверь, бурая свинья, похищающая бумагу, и т. п. [31]

Говоря о литературном фоне „Повести о том, как поссорился...“, необходимо учесть также стилизованный характер ее заглавия и названий глав, восходящих к авантюрно-нравописательной традиции конца XVIII в. В библиотеке Д. П. Трощинского, которой Гоголь пользовался, имелся целый ряд романов и повестей с заглавиями такого типа, частью нравоописательного, частью авантюрно-сказочного характера (обычно – переводов с французского). [32] В росписи Смирдина имеется до 50 номеров аналогичных названий. Еще более подчеркнуто-литературный характер носят названия глав, восходящие к переводным романам, в первую очередь к „Жиль-Блазу“ Лесажа, пользовавшемуся в конце XVIII и начале XIX вв. особенно широкой известностью, к „Дон Кихоту“ Сервантеса, „Комическому роману“ Скарона, к романам Фильдинга, неоднократно переводившимся в то время.

Такие названия глав в „Повести о том, как поссорился...“, как „Глава IV. О том, что произошло в присутствии миргородского поветового суда“, или „Глава III. Что произошло после ссоры Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем“ – напоминают названия глав в „Жиль-Блазе“, как например: „Глава V. Что сделала Аврора Гусман, приехавши в Саламанку“, или „Глава I. Что сделали Жиль Блаз и его товарищи, расставшись с графом Поланом“, и т. п. [33]

Заголовки в роде „Глава VI, из которой читатель легко может узнать все, что в ней содержится“, или „Глава VII и последняя“ можно сопоставить с названиями глав в романе Фильдинга „Том Джонс“ („Том Ионес или найденыш“, изд. 2, М., 1787), например, „Глава III, которая еще важнее прежней“ или „Глава X, которая хотя кратка, однако может быть жалостна“ и т. п.

Во всей манере повествования, в сюжетном построении „Повести о том, как поссорился...“, в манере рисовки действующих лиц и самых методах комического сказа – отразилось и влияние известного романа Л. Стерна „Жизнь и мнения Тристрама

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru Шенди“ (вышедшего в русском переводе в начале восьмисотых годов). Комический алогизм, нагромождение деталей, авторские отступления, не имеющие прямого отношения к действию, принципы речевой характеристики персонажей – во многом перекликаются со Стерном. Эту связь Гоголя со Стерном усматривали и современники („Библиотека для чтения“, 1836, № 4; см. также „Северная Пчела“, „Журнальная всякая всячина“, 1845, № 106).

Значение „Повести о том...“ для дальнейшей литературной эволюции, для образования „натуральной школы“ засвидетельствовано как рядом произведений начала 40-х годов, восходящих к этой повести, так и теми упоминаниями о ней, которые в связи с полемикой о „натуральной школе“ неоднократно раздавались и в 40-х годах. Так например, Л. Брандт, один из второстепенных писателей 40-х годов, писал: „С того достопамятного дня когда Гоголь выдал в свет повесть свою, названную этими знаменитыми и злополучными именами (т. е. Иван Иванович и Иван Никифорович), за ним потянулась целая стая подражателей... („Воспоминания и очерки жизни“, 1839, ч. I, стр. 172).

Значение „Повести о том, как поссорился...“ для образования принципов и поэтики „натуральной школы“ не раз отмечала враждебная Гоголю реакционная критика Булгарина и Сенковского. Булгарин, ожесточенно боровшийся с писателями натуральной школы, в своем фельетоне-рецензии на „Юмористические рассказы нашего времени“ полемизируя с Белинским как идеологом „натуральной школы“, указывает как на источник „нового направления“ на „Повесть о том, как поссорился...“ („Северная Пчела“, 1846, № 11, стр. 42–43).

Влияние „Повести о том, как поссорился...“ отразилось в произведениях писателей „натуральной школы“ и вызвало ряд непосредственно к ней восходящих повестей; например, П. Мельникова „Рассказ о том, кто такой был Елпидифор Перфильевич и какие приготовления делались в Чернограде к его именинам“ („Литературная Газета“, 1840, № 52 и 80), „Похождения и странные приключения лысого и безносого жениха Фомы Фомича Завардынина“, М., 1840 и др. (см. в книге В. В. Виноградова „Этюды о стиле Гоголя“, Л., 1926).

Этим влиянием и значением повести объясняется и появление пародий на нее. См., например, в „Сыне Отечества“ за 1839 г. (т. IX, отд. „Проза“), в числе „Отрывков из повестей в новейшем, современном вкусе“, – „Отрывок из юмористически-шутливой повести“, являвшийся откровенной пародией на „Повесть о том, как поссорился...“ (В. Виноградов, назв. книга, стр. 21–30). Ср. также пародию на „Повесть“ в „Бедных людях“ Ф. М. Достоевского (в письме Макара Девушкина от 26 июня).

Иллюстрации

1. Н. В. Гоголь. Литография А. Г. Венецианова, 1834 г. Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина (Москва)
2. Титульный лист „Миргорода“ (1835)
3. „Тарас Бульба“, начало главы I. Рукопись библиотеки Украинской Академии Наук (Киев), л. 1
4. „Тарас Бульба“, начало главы V. Рукопись библиотеки Украинской Академии Наук (Киев), л. 25
5. „Тарас Бульба“, глава V. Рукопись библиотеки Украинской Академии Наук (Киев), л. 27
6. „Тарас Бульба“, глава VII (по окончательному счету). Рукопись библ. Украинской Академии Наук (Киев), л. 62
7. „Тарас Бульба“, глава VII (по окончательному счету). Рукопись библиотеки Украинской Академии Наук (Киев), л. 63 об.
8. „Тарас Бульба“, начало главы VIII (по окончательному счету). Рукопись библиотеки Украинской Академии наук (Киев), л. 66
9. „Тарас Бульба“, отрывок главы IX (по окончательному счету). Рукопись

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
библиотеки Украинской Академии Наук (Киев), л. 79

10. „Тарас Бульба“, первоначальный набросок отрывка гл. IX (по окончательному счету). Рукопись библиотеки Украинской Академии Наук (Киев), л. 113

11. „Вий“ (начало). Рукопись Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), л. 33

12. „Старосветские помещики“ (начало). Рукопись Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), л. 12

Выходные данные

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Н. Л. МЕЩЕРЯКОВ

РЕДАКЦИЯ ИЗДАНИЯ: В. В. ГИППИУС, В. А. ДЕСНИЦКИЙ, В. Я. КИРПОТИН, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВ, Н. К. ПИКСАНОВ, Б. М. ЭЙХЕНБАУМ

РЕДАКТОР II ТОМА: В. В. ГИППИУС

РЕДАКТОРЫ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВТОРОГО ТОМА:

„Старосветские помещики“ – Б. М. Эйхенбаум

„Тарас Бульба“ – И. Я. Айзеншток

„Вий“ – Б. М. Эйхенбаум (текст и текстологический комментарий) и В. П. Петров (комментарий)

„Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем“ – Н. Л. Степанов

Введение к комментариям – В. В. Гиппиус

Переплет, титул и контр-титул, графические украшения издания и силуэт Н. В. Гоголя на форзаце художника Н. В. ИЛЬИНА

Художественная редакция И. И. ЛАЗАРЕВСКОГО

Техническая редакция О. Н. ПЕРСИЯНИНОВОЙ.

Корректурa А. И. АРХАНГЕЛЬСКОГО

Сдано в набор 22/Х 1935 г. Подписано к печати 15/Х 1937 г.

Уполномоченный Главлита № Б-29196.

Тираж 15 175 экз. Объем 473/4 печ. л., 12 вклеек. В 1 печ. листе 34048 зн.

Учетно-авт. л. 42. АНИ № 898. Бумага 62×94 в 1/16 долю листа.

Заказ № 3690.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига“.

Москва, Валовая, 28

Примечания

1

Верхняя одежда у южных россиян.

2

Рыцарскую.

3

Вий – есть колоссальное создание простонародного воображения. Таким именем называется у малороссиян начальник гномов, у которого веки на глазах идут до самой земли. Вся эта повесть есть народное предание. Я не хотел ни в чем изменить его и рассказываю почти в такой же простоте, как слышал.

4

Бедная.

5

Т. е. утки.

6

Т. е. гусь самец.

7

Неоговоренный курсив – здесь и ниже – наш. Ред.

8

См. П. Н. Сакулин, „Кн. В. Ф. Одоевский“, т. I, ч. 2, стр. 338. Полный текст заметки см. в сборнике „Н. В. Гоголь. Материалы и исследования“. Издательство Акад. Наук, I, стр. 223.

9

О непосредственном впечатлении, произведенном на Гоголя статьей Белинского „О русской повести...“ передают воспоминания П. В. Анненкова. Гоголь по словам Анненкова „был доволен статьей, и более чем доволен, он был осчастливлен статьей, если вполне верно передавать воспоминания о том времени. С особенным вниманием остановился в ней Гоголь на определении качеств истинного творчества“ (П. В. Анненков, „Замечательное десятилетие“. Последнее издание: „Academia“, Л., 1928, стр. 241).

10

„Памяти Гоголя“, Сб. Об-ва Нестора-летописца, Киев, 1902. Отд. III, стр. 5–6.

11

„Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов“ т. I, Изд-во политкаторжан, М., 1931, стр. 318–319.

12

Необходимо, впрочем, иметь в виду, что в рукописях Гоголя склонение украинских слов по украинскому образцу не проводится последовательно; настоящее издание

Том 2. Миргород. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
сохраняет эту непоследовательность написания, отражающую непоследовательность
языка ГОГОЛЯ.

13

Сведения об аренде евреями церкви, почерпнутые автором „Истории Русов“ из старинных казацких летописей, являлись в свое время одним из агитационных аргументов в борьбе с Польшей. В исторических документах нет подтверждений этих сведений, и их поэтому нужно считать вымыслами.

14

Ср. также с заключительной сценой повести – расправой с пойманным Тарасом – указание „Истории Русов“ на то, что „обозные Кизим и Сучевский пробиты железными спицами насквозь и подняты живыми на сваи“ (56).

15

Например, „Украинская песня о Богдане Хмельницком“ – „Северный Архив“, 1822, № 3, стр. 274–278; „Две малороссийские песни“ – „Русский Зритель“, 1830, 6, стр. 20–22; „Народные малороссийские думы и песни“ „Московский Телеграф“, 1831, ч. 38, № 5, стр. 32–35; „Малороссийские думы“ – „Украинский Альманах“, Харьков, 1831, стр. 119–131 и др.).

16

Кроме песенного материала, Гоголь мог почерпнуть в „Запорожской Старине“ кое-какие сведения для „Тараса Бульбы“ из опубликованного Срезневским „Сказания, откуда козаки запорожане и чем славны“ (вып. 2, стр. 15–33) и из обширных примечаний издателя. Впрочем примечания Срезневского основаны, в большинстве, на источниках, знакомых Гоголю и непосредственно (Шерер, „История Русов“, Боплан).

17

Хотя этот сборник Максимовича вышел еще до появления „Миргорода“ (цензурное разрешение помечено 23 марта 1834 г.) и сообщался Гоголю еще в листах (см., например, письмо его к Максимовичу от 20 апреля 1834 г.), однако явных следов использования сборника мы в ранней редакции „Тараса Бульбы“ не найдем. Лишь впоследствии, возвратившись к сборнику Максимовича, Гоголь мог по новому оценить его, извлечь из него необходимый историко-бытовой и лирический материал.

18

Несколько дальше Ивась Коновченко говорит, что, если он не откликнется на зов есаулов, то –

Будут мені козаки прозваніє прикладати
Гречкосієм, полежаєм називати

19

Впрочем, у нас есть указание еще на один источник знакомства Гоголя со степью. В своей записной книжке П. И. Бартенев, отмечая со слов П. В. Нащокина, что Пушкин хвалил Нащокину „Ревизора“ и особенно „Тараса Бульбу“, продолжает: „О сей последней пьесе Пушкин рассказывал Нащокину, что описание степей внушил он. Пушкину какой-то знакомый человек очень живо описывал в разговоре степи. Пушкин дал случай Гоголю послушать и внушил ему вставить в Бульбу описание степи“ („Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851–1860 гг.“, М., 1925, стр. 45). Этим „знакомым человеком“ был С. Д. Шаржинский.

20

Подробности о разнице в экземплярах см. ниже.

21

Первые экземпляры „Миргорода“ обозначаем знаком Ма, следующие – знаком Мб. Знаком М обозначаем „Миргород“ в тех случаях, когда разницы между экземплярами нет.

22

Мотив: „старуха, требующая любви от молодого героя и затем обращающаяся в девушку“, был разработан М. П. Загорским. В 1825 г. в „Новостях литературы“ была напечатана его „народная русская сказка“: „Оборотень или старуха-красавица“ (вышла в том же году отдельным изданием). Герой Загорского – Ратмир, богатырь князя Владимира. См. В. Сиповський. „Україна в російському письменстві“, Київ, 1929, стр. 76–77.

23

А. Димінський. «Казки та оповідання з Поділля в записах 1850–1860 рр.» 1928, стр. 55–56, № 111, стр. 52–53, № 108; О. Роздольський. «Галицькі народні казки», «Етногр. збірн.», 1899, VII, стр. 24, 30, стр. 90–93, № 48, 49; «Етногр. збірн.» XII, стр. 767, № 170; М. Драгоманов «Малороссийские народные предания и рассказы», 1876, стр. 71. П. Чубинский. «Труды экспедиции», I, стр. 200; II, стр. 27, № 7; стр. 410, № 118; И. Рудченко. «Народные южно-русские сказки», 1870, II, стр. 27–32, № 12; И. Манжура. «Сказки, пословицы», 1890, стр. 60, 136–137; П. Иванов. Сб. Харьк. ист. – фил. о-ва, 1891, III, стр. 202–204; Летопись ист. – фил. фак. Новоросс. унив., 3, стр. 122, 184, № 5; Б. Гринченко, «Этн. материалы», II, стр. 323, № 232; I, стр. 66; Кравченко. «Этн. мат., собр. в Вол. губ.», Труды О-ва иссл. Вольни, т. V, стр. 46–49, № 60; Ястребов. «Мат. по этнографии Новороссийского края», стр. 64–66; Podbereski. «Materialy do demonologji ludu ukrajinskiego», Zbiór wiadomos'c'ej do antropologji krajowej».

24

А. Шафонский. „Черниговского наместничества топографическое описание“ и пр., Киев, 1851, стр. 65, 67.

25

„Русский Мир“, 1860, № 97, стр. 618–619.

26

„Н. В. Гоголь. Материалы и исследования“, I, стр. 49.

27

Н. Тихонравов исходил в примечаниях к „Повести о том, как поссорился...“ из неверной датировки дневниковой записи Пушкина, относя ее к 7 апреля 1834 г., и потому ошибочно переносил „крайний пункт“ „окончательной редакции“ повести к началу апреля 1834 г. („Соч. Гоголя“, 10 изд., т. I, стр. 703).

28

Осуждение помещичьих „тяжб“, сожаление о патриархальном прошлом украинского дворянства мы встречаем и в предисловии И. Кулжинского (учителя Гоголя по Нежинскому лицее) к книге „Малороссийская деревня“ (М., 1827 г.).

29

„Московский Телеграф“, 1825, 1, № 1; „Северная Пчела“, 1825, № 94. Рецензент „Литературных Листков“, говоря о нарежном, указывал, что „все его картины принадлежат к фламандской школе и дают ему право на славу русского Теньера“ („Литературные Листки“, 1824, IV, стр. 49) – сравнение, затем неоднократно применявшееся и к Гоголю.

30

В. А. Розов. „Традиционные типы малорусского театра XVII–XVIII вв. и юношеские повести Н. В. Гоголя“, Киев, 1911.

31

В дошедших до нас текстах украинского вертепа имеется „шкодливая свинья“, которая

Весь город ... порила,
Капусту і пастернак поїла,

32

„Повесть забавная о двух турках в бытность их во Франции“, пер. с франц., 2 чч., 2 изд., СПб., 1781 (библ. Тр. 3717); „Повесть о страстях или приключения г-на Шрупа“, 2 чч., пер. с франц., СПб., 1789 (библ. Тр. 3718); „Повесть о трех сыновьях паши Алия и трех дочерях правителя Александрийского Сирока“. Турецкая сказка, пер. с франц., 1781 (3719); „Повесть о трех татарских государях, сынах Аюб-Хана, или опыт полезного владения“, перев. с франц., СПб., 1784 (библ. Тр. 3720) и др.

33 „Жилблаз де Сатиллана“. Сочинение Лесажа. СПб., 1819–21, 8 частей.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gogolnikolai.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!